

6

Теодор
Фрайзер

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Теодор Драйзер

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

ТОМ
ШЕСТОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1986

Издание вышло под общей редакцией
С. И в а н ь к о

Генерал

«Юджи» Витла, обещаешь ли ты взять эту женщину себе в жены, чтобы жить с ней согласно воле божией в священном браке? Обещаешь ли ты любить ее, беречь, почитать, лежать в болезни и здоровье и, отказавшись от всех других, быть верным ей одной, пока смерть не разлучит вас?»

«Обещаю».

КНИГА ПЕРВАЯ

ЮНОСТЬ

ГЛАВА I

Действие этой повести начинается между 1884—1889 годами в городе Александрии, небольшом административном центре штата Иллинойс. Собственно городом Александрию с ее десяти тысячным населением можно было назвать лишь в той мере, в какой она перестала быть деревней. В описываемую пору в ней имелись: одна линия конки, театр, носивший название «Оперы» (неизвестно почему, так как там никогда не ставилась ни одна опера), два вокзала, по числу проходивших здесь железных дорог, и так называемый деловой центр, в сущности, четыре тротуара вокруг главной площади, на которых обычно толкался народ. В деловом центре города находился окружной суд и редакции четырех газет — двух утренних и двух вечерних. Газеты эти не без успеха старались довести до сознания своих читателей, что на свете много всяких вопросов как местного, так и общегосударственного значения и что жизнь ставит человеку немало интересных и разнообразных задач.

Несколько озер и живописная речка на окраине — пожалуй, самая приятная особенность окрестного пейзажа — сообщали Александрии характер недорогого курорта. Строения в городе были не новые, почти сплошь деревянные, как и вообще в американском захолустье того времени, но некоторые кварталы выглядели даже нарядно. Дома здесь стояли в глубине зеленых палисадников, и обрамлявшие их живые изгороди, неизбежные цветочные клумбы и вымощенные кирпичом дорожки с непреложностью свидетельствовали о достатке и комфорте, которым наслаждались их обладатели. Александрия была городом молодых американцев. Ее дух был молод. Перед каждым еще простирались неведомые дали. Здесь можно было жить и радоваться жизни.

В этом городе обитала семья, которая по своему положению и составу могла считаться типичной для Америки, в частности, для ее Среднего Запада. Семью эту нельзя было назвать бедной — во всяком случае, она себя такой не считала, — но она отнюдь не была и богатой. Отец, Томас Джеферсон Витла, агент по продаже швейных машин, был в округе главным поставщиком одной из наиболее известных и ходких марок. Продажа каждой машины стоимостью в двадцать, тридцать пять и шестьдесят долларов приносила ему тридцать пять процентов комиссионных. Машин продавалось немного, но достаточно, чтобы агент мог выручить от этих операций до двух тысяч долларов в год. На эти средства мистеру Витла удалось приобрести участок земли и дом, который он уютно обставил, и открыть на главной площади лавку, где были выставлены последние модели швейных машин. Он также принимал в обмен подержанные машины других марок, со скидкой от десяти до пятнадцати долларов с продажной цены новой машины, занимался починкой и, сверх всего прочего, с истинно американской предприимчивостью, пробовал свои силы в страховом деле. Он взялся за него в расчете, что к тому времени, как сын его, Юджин Теннисон Витла, подрастет, страховое дело достаточно разовьется, и он передаст ему эту часть своей работы. Конечно, пока еще трудно было сказать, что выйдет из его сына, но всегда хорошо иметь что-нибудь про запас.

Мистер Витла, рыжеватый блондин невысокого роста, с голубыми глазами, приветливо глядевшими из-под густых бровей, орлиным носом и вкрадчивой, подкупающей улыбкой, был человек живой и энергичный. Необходимость внушать несговорчивым матронам и их равнодушным или косным мужьям, что им не обойтись без новой швейной машины, выработала в нем осторожность и такт, а также известную изворотливость. Он умел принаравливаться к людям. Его жена считала, что даже слишком. И уж, во всяком случае, мистер Витла был честен, трудолюбив и бережлив. Ему с женой пришлось долго ждать того дня, когда можно будет сказать, что у них есть свой собственный дом и припасено кое-что про черный день. Но когда это время наступило, у супругов Витла уже не было основания жаловаться на судьбу.

Их славный домик, белый с зелеными ставнями, ютился в тени высоких густых деревьев, а перед домом раскинулась низко подстриженная лужайка с тщательно разделанными клумбами. На террасе стояли кресла-качалки, под одним деревом висели качели, под другим — гамак, а в сарае помещались шарабан и несколько фургонов, в которых Витла разъезжал со своим товаром. Он любил собак и держал двух шотландских овчарок. Миссис Витла обожала все живое: у нее была канарейка, кошка, куры, а в скворечнице, укрепленной на высоком шесте, обитало несколько дроздов. Словом, это был прелестный уголок, и супруги Витла по праву гордились им.

Мириэм Витла была своему мужу доброй женой. Дочь владельца фуражной лавки в Вустере, что в графстве Мак-Лин, небольшом городке близ Александрии, она никогда не выезжала дальше Спрингфилда и Чикаго. В Спрингфилд она попала еще в ранней юности, по случаю похорон Линкольна, а в Чикаго съездила вместе с мужем, чтобы побывать на ярмарке, которую штат ежегодно устраивал на городской набережной. Миссис Витла хорошо сохранилась, она все еще была красива; под ее внешней сдержанностью скрывалась поэтическая натура. Это она настояла на том, чтобы назвать их единственного сына Юджин Теннисон — в честь своего брата Юджина, а заодно и прославленного поэта, — такое сильное впечатление произвели на нее «Королевские идиллии».

Имя Юджин Теннисон казалось папаше Витла несколько вычурным для американского мальчика, уроженца Средне-Западных штатов, но он любил жену и обычно считался с ее желаниями. Имена Сильвия и Миртл, которые она выбрала для дочерей, ему даже нравились. Все дети были хороши собой. Черноволосая, темноглазая Сильвия, энергичная, здоровая, всегда улыбающаяся, в двадцать один год цвела, как роза. Сестра ее, более хрупкого сложения, миниатюрная, бледная, застенчивая, была необычайно мила — совсем как цветок мирта, имя которого она носит, говорила про нее мать. Прилежная, мечтательная, склонная к уединению, она любила стихи. Все юные денди из старших классов считали за честь пройти с Миртл, но в ее присутствии не могли сказать двух слов. И она не знала, о чем с ними говорить.

Юджин Витла, двумя годами моложе Миртл, был любимцем семьи. У него были гладкие черные волосы, темные миндалевидные глаза, прямой нос и красиво очерченный, но, пожалуй, безвольный подбородок. Все находили необыкновенно приятной его улыбку, обнажавшую ровные белые зубы, которыми он словно гордился. Он не отличался крепким здоровьем, был подвержен частой смене настроений и рано стал проявлять черты артистической натуры. Плохое пищеварение и некоторое малокровие делали его более хрупким на вид, чем он был на самом деле. Под броней сдержанности в нем таилась пламенная, страстная душа, кипели бурные желания. Он был застенчив, самолюбив, не в меру чувствителен и очень неуверен в себе.

Дома он слонялся без дела, зачитывался Диккенсом, Теккереем, Скоттом и По и, глотая книгу за книгой, размышлял о жизни. Его манили большие города. Он мечтал о путешествиях. В школе на переменах он читал книги Тэна и Гиббона, дивясь пышности и красоте описываемых ими королевских дворов. Уроки языка, математики, естествознания и физики казались ему скучными, интерес к ним просыпался у него лишь временами и не надолго. Иногда вдруг какие-то вещи представлялись ему занятными — что такое на самом деле облака, из чего состоит вода, какие химические элементы входят в состав земли. Но охотнее всего он лежал в гамаке и, будь то весной, летом или осенью, глядел в голубое небо, просвечивающее сквозь верхушки деревьев. Коршун, парящий в небе и как бы застывший в созерцательном полете, надолго приковывал к себе его внимание. Чудесное зрелище белоснежных облаков, которые, клубясь, несутся по ветру, словно плавучий остров, было для него подобно песне. Он не лишен был остроумия и обладал чувством юмора и чувством пафоса. Порой ему казалось, что он будет заниматься живописью, порой — что писать стихи. Он угадывал в себе склонность и к тому и к другому, но не занимался, в сущности, ни тем, ни другим. Иногда он делал какие-то наброски — ничего законченного: уголок крыши, вьющийся из трубы дымок и летящие птицы; излучина реки со склонившейся над водою ивой и тут же лодка у причала; мельничная запруда со стайкой плавающих уток и мальчик или женщина на берегу. У него не было еще в то время дара изображения, а только очень острое чувство красоты.

Очарование летящей птицы, пышно распустившейся розы, дерева, раскачивающегося на ветру, — все захватывало его. Он любил бродить вечерами по улицам родного города, любясь яркими витринами и наслаждаясь ощущением молодости и воодушевления, которое дает толпа, и ощущением ласкового уюта от освещенных окон домов, просвечивающих сквозь густые деревья.

Он восхищался девушками, они влекли его, — но только те, что были по-настоящему красивы. В школе были две-три девушки, при виде которых ему приходили на память поэтические сравнения из книг: «красота — что стрела, пущенная из лука», «золотые косы, дивный стан», «прелестный образ: поступь феи», но он терялся и робел в их присутствии. Они казались ему прекрасными, но такими далекими. Его воображение наделяло их большей красотой, чем это было на самом деле, — красота жила в его душе, но он еще не знал этого. Одна девушка, чьи густые волосы, золотистые, как спелые колосья, тугими косами лежали на затылке, долго занимала его мысли. Он обожал ее издали, а она и не подозревала, что он не сводит с нее серьезных горящих глаз, стоит лишь ей отвернуться. Вскоре она уехала, ее родители переселились в другой город, и время исцелило раны Юджина — ведь на свете много красоты. Но цвет ее волос и чудесные линии шеи запомнились ему навсегда.

Витла подумывал о том, чтобы дать детям высшее образование, но никто из них не обнаруживал влечения к наукам. Они были, пожалуй, мудрее книг, так как жили в мире воображения и чувства. Сильвия мечтала о материнстве. В двадцать один год она вышла замуж за Генри Берджеса, сына Бенджамина Берджеса, издателя газеты «Морнинг Эппил», и в первый же год у них родился ребенок. Миртл, погруженная в премудрости алгебры и тригонометрии, уже задумывалась над тем, выйти ли ей замуж или стать учительницей, так как скромные средства семьи требовали, чтобы она чем-нибудь занялась. Юджин учился, грезя наяву и не заботясь о том, чтобы приобрести полезные знания. Он немного писал, но эти попытки шестнадцатилетнего мальчика были ребячеством. Он рисовал, но не было никого, кто сказал бы ему, стоят ли чего-нибудь его рисунки. Все житейское, как правило, не имело для него значения, а в то же время его пугало, что жизнь ставит человеку

практические задачи — продавать и покупать, как его отец, вести торговые книги, управлять делом. Все это смущало его, и он очень рано стал задумываться над тем, что его ждет. Он не возражал против занятия, которое избрал для себя отец, но оно не интересовало его. Он думал, что для него это будет бессмысленной, скучной погоней за куском хлеба, да и страховое дело не лучше. Едва ли он когда-нибудь разберется в бесконечных дурацких параграфах страхового полиса. Когда по вечерам или в субботу он помогал отцу в лавке, это было для него сущим наказанием. Не лежала у него душа к этому делу.

Когда Юджину пошел тринадцатый год, мистер Витла уже стал понимать, что его сын не создан для коммерции, а когда тому минуло пятнадцать, он окончательно убедился в этом. Судя по книгам, которыми увлекался мальчик, и по его школьным отметкам, Юджина, видимо, не интересовали и школьные занятия. Миртл, которая была на два года старше брата, но в школе занималась в одной с ним классной, рассказывала, что Юджин меньше всего думает об уроках. Он глаз не отрывает от окна.

Опыт Юджина по части любовных увлечений был небогат. На его долю выпали те мимолетные переживания, которые суждены нам в ранней юности, когда мы украдкой целуем девушек или они украдкой целуют нас,— к Юджину относилось последнее. Он не увлекался какой-либо определенной девушкой. В четырнадцать лет одна юная школьница избрала его на вечеринке своим кавалером и во время игры в «почту», когда в темной комнате девичьи руки обвились вокруг его шеи и девичьи губы коснулись его губ, он испытал незабываемое ощущение; но больше им не пришлось встретиться. Вспоминая это первое переживание, Юджин мечтал о любви, но всегда робко, издали. Он боялся девушек, да и те, по правде говоря, боялись его. Они не могли его понять.

Но на семнадцатом году жизни, осенью, Юджин встретил девушку, которая произвела на него глубокое впечатление. Стелла Эплтон, его ровесница, была настоящей красавицей. Белокурая, с темно-голубыми глазами и тонкой, воздушной фигуркой, она была исполнена того веселого и простодушного очарования, которое и само не подозревает, как оно опасно для обыкновенного

беззащитного мужского сердца. Она кокетничала с мальчишками не потому, что кто-нибудь ей особенно нравился, а потому, что это забавляло ее. В этом кокетстве не было, однако, ничего мелочного и дурного, просто она находила, что мальчишки все премилые, причем те, что поскромнее, привлекали ее, в сущности, больше, чем воображающие о себе умники. Юджин понравился ей своей робостью.

Он увидел ее в первый раз, когда был уже в выпускном классе. Стелла недавно поселилась в их городе и поступила в последний класс третьей ступени. Отец ее приехал из Молина, штат Иллинойс, получив место управляющего на новой, только что открывшейся здесь фабрике приводных ремней. Девушка быстро подружилась с Миртл — по-видимому, ее привлекал в Миртл кроткий нрав, тогда как ту привлекала веселость Стеллы.

Как-то днем, когда подруги шли по Главной улице, возвращаясь домой с почты, они повстречали Юджина, который шел к товарищу. Юджин почувствовал робость; завидев их издали, он хотел было бежать, но они уже заметили его, и Стелла с интересом его разглядывала. Миртл захотелось показать брату свою хорошенькую подругу.

— Ты не из дому? — спросила она, останавливая Юджина. Это давало ей возможность познакомиться с ним Стеллу; теперь он никак не мог улизнуть. — Мисс Эплтон, это мой брат Юджин.

Стелла наградила его светлой, поощрительной улыбкой и протянула руку, которую Юджин робко пожал. Он совсем растерялся.

— У меня ужасный вид, — пробормотал он извиняющимся тоном. — Я помогал отцу чинить шарабан.

— Пустяки, — сказала Миртл. — Куда ты идешь?

— К Гарри Моррису, — ответил он.

— Зачем?

— Мы пойдем за орехами.

— Я тоже не отказалась бы от орехов, — сказала Стелла.

— Я вам принесу, — любезно вызвался он.

Она опять улыбнулась.

— Буду очень рада.

Ей хотелось предложить ему взять их с собой, но она не решилась.

Юджин сразу подпал под власть ее чар. Стелла была похожа на одно из тех недосыгаемых созданий, которые и раньше появлялись на его горизонте. Чем-то она напоминала девушку с косами цвета спелых колосьев, только в той было больше человеческого и меньше сказочного. Стелла была прелестна. Нежная и розовая, как фарфоровая статуэтка, она казалась очень хрупкой, хотя на самом деле была здоровой и сильной. У Юджина захватило дыхание, но он чувствовал какой-то страх перед нею. Ему хотелось бы знать, что она подумала о нем.

— Ну, нам пора домой,— сказала Миртл.

— Я пошел бы с вами, если бы не сговорился с Гарри.

— Ладно,— ответила Миртл,— мы не обидимся.

Он попрощался, чувствуя, что произвел невыгодное впечатление. Глаза Стеллы смотрели на него вопросительно. Когда он отошел, она поглядела ему вслед.

— Какой он милый,— сказала она Миртл.

— Да, только ужасный нелюдим.

— Отчего это?

— Он не очень крепкого здоровья.

— Мне нравится его улыбка.

— Вот как? Я ему скажу!

— Нет, пожалуйста, не надо! Ведь ты не скажешь, правда?

— Нет, нет!

— Но у него в самом деле хорошая улыбка.

— Приходи к нам как-нибудь вечером, ты его непременно застанешь.

— С удовольствием,— обрадовалась Стелла.— Вот хорошо. Мне и вправду хотелось бы.

— Приходи в субботу с ночевкой. Он будет дома.

— Обязательно приду!

— Я вижу, он тебе понравился! — засмеялась Миртл.

— Он очень славный,— просто сказала Стелла.

Их вторая встреча и в самом деле произошла в субботу вечером, после того как Юджин вернулся с работы из страховой конторы отца. Стелла пришла к ужину. Он увидел ее в открытую дверь гостиной и помчался наверх переодеваться,— в нем пылал тот огонь юности, которого не может потушить расстроенное пищеварение или слабые легкие. Трепеща от радостного волнения, Юджин особенно усердно занялся своим туалетом, тща-

тельно вывязал галстук и сделал аккуратный прямой пробор. Когда он через некоторое время спускался вниз, его мучила мысль, что ему надо сказать Стелле что-то умное, достойное его, а то она и не заметит, какой он интересный, но вместе с тем он боялся, как бы не осрамиться. Когда он вошел в гостиную, Стелла сидела с его сестрой у камина. Лампа под абажуром в красных цветах мягко освещала комнату. Это была обычная в таких домах гостиная — стол, покрытый голубой скатертью, простые фабричные стулья и полка с книгами, — но в комнате было уютно, и этот домашний уют чувствовался во всем.

Миссис Витла поминутно выходила из комнаты, занятая делами по хозяйству. Отца еще не было дома. Он поехал куда-то в другой конец округа, надеясь продать там одну из своих машин, — его ждали домой к ужину. Юджину было все равно, дома отец или нет. Мистер Витла, когда бывал в хорошем настроении, любил подтрунивать над детьми, причем всегда в одном и том же духе: он подмечал просыпающийся в них интерес к другому полу и предсказывал, что все их пылкие увлечения завершатся когда-нибудь самым прозаическим образом. Он любил говорить Миртл, что она выйдет замуж за ветеринара, а Юджину прочил в жены некую Эльзу Браун, у которой, как уверяла миссис Витла, были сальные локоны. И Миртл и Юджин принимали эти замечания добродушно, Юджин даже удостаивал их снисходительной усмешки — он любил шутку; но уже в этом возрасте он трезво судил об отце. Он видел, как жалко его занятие, и ему было смешно, что подобная профессия может предъявлять права и на него, Юджина. Он таил свои чувства, но в нем кипел протест против всего заурядного, словно раскаленная лава в кратере вулкана, который время от времени зловеще дымится. Ни отец, ни мать не понимали его. Для них он был странный мальчик, мечтательный, болезненный, еще не отдающий себе отчета в том, чего он, собственно, хочет.

— А, вот и ты! — сказала Миртл, когда он вошел. — Садись сюда.

Стелла встретила его чарующей улыбкой.

Юджин подошел к камину и стал в позу: ему хотелось произвести впечатление на девушку, но он не знал, с чего начать. Он так растерялся, что не мог сказать ни слова.

— Вот и не угадаешь, что мы делали! — зашебетала Миртл, приходя ему на помощь.

— А что? — смущенно отозвался он.

— А ты отгадай. Ну, попробуй.

— Хоть разочек, — прибавила Стелла.

— Жарили кукурузу, — осмелился предположить Юджин, невольно улыбаясь.

— То, да не то

Это говорила Миртл.

Ее подруга не сводила с Юджина широко раскрытых голубых глаз.

— Еще разок, — предложила она.

— Каштаны! — догадался он.

Она весело кивнула. «Какие волосы!» — подумал Юджин. Затем спросил:

— А где же они?

— Вот вам один, — ответила его новая знакомая и, смеясь, протянула ему на ладони каштан.

Под действием ее ласкового смеха к нему стал возвращаться дар речи.

— Жадина! — сказал он.

— Как не стыдно! — воскликнула она. — А я отдала ему свой последний каштан. Не давай ему ничего, Миртл.

— Беру свои слова обратно, — поправился он. — Я не знал.

— Ничего он не получит! — заявила Миртл. — На, Стелла, держи, а ему не давай! — И она высыпала последние каштаны Стелле на ладонь.

Юджин понял, что от него требовалось. Это был вызов — его приглашали отнять каштаны силой. Пожалуй-ста, он готов.

— Ну дай же! — Он протянул руку. — Так не честно.

Стелла покачала головой.

— Только один! — настаивал он.

Она все так же медленно и решительно покачала головой.

— Только один, — просил он, придвигаясь.

Золотистая головка не сдавалась. Но рука, державшая каштаны, была так близко к Юджину, что он мог схватить ее. Девушка хотела было убрать ее за спину и там переложить каштаны в другую руку, но он подскочил и крепко сжал ее запястье.

— Миртл! Выручай! — позвала она.

Миртл бросилась на помощь. Их было двое против одного. В самом разгаре борьбы Стелла увернулась от Юджина и встала. Ее волосы задели его по лицу. Он крепко держал ее маленькую ручку. На мгновение он заглянул ей в глаза. Что это было? Он не мог бы сказать. Но только он выпустил ее руку и подарил ей победу.

— Ну вот, — улыбнулась она. — А теперь я дам вам один каштан.

Он схватил каштан и засмеялся. Но гораздо больше ему хотелось схватить ее в объятия.

Незадолго до ужина вошел отец и подсел к ним, но немного погодя взял свежий номер чикагской газеты и ушел читать в столовую. А потом мать позвала всех ужинать, и Юджин сел рядом со Стеллой. Его занимало все, что она делала и говорила. Когда ее губы шевелились, он наблюдал за тем, как они шевелятся. Когда обнажались ее зубы, он думал о том, какие они красивые. Светлый завиток у нее на лбу манил его, словно золотой пальчик. Только сейчас он понял всю прелесть выражения «золотистые пряди волос».

После ужина он, Миртл и Стелла вернулись в гостиную. Отец продолжал читать в столовой, а мать принялась мыть посуду. Миртл вскоре ушла помогать ей, и Юджин остался со Стеллой вдвоем. Теперь, когда они были одни, Юджин не решался говорить. Что-то в ее красоте сковывало его.

— Ты любишь школу? — спросила она, помолчав. Ей казалось неудобным сидеть молча.

— Не очень, — ответил он — Там нет ничего для меня интересного. Я думаю бросить учение и начать работать.

— А что ты собираешься делать?

— Еще не знаю, — может, стану художником.

Впервые он признавался в своем честолюбивом стремлении. Зачем, он и сам не знал.

Но Стелла пропустила это признание мимо ушей.

— Я боялась, что меня не примут в выпускной класс, — сказала она, — но меня приняли. Директор школы в Молине написал здешнему директору.

— Они в таких случаях ужасно придираются, — сочувственно отозвался он.

Она встала и принялась рассматривать книги на полке. Он не спеша последовал за ней.

— Ты любишь Диккенса? — спросила она.

— Очень, — сказал он серьезно.

— А мне он не нравится. Он слишком длинно пишет. Я больше люблю Вальтера Скотта.

— И я люблю Вальтера Скотта, — сказал он.

— Сейчас я тебе назову одну книгу, которая мне очень нравится.

Она замолчала, губы ее приоткрылись. Она силилась вспомнить название книги и подняла руку, словно хотела поймать его в воздухе.

— «Русое божество»! — воскликнула она наконец.

— Да, прекрасная вещь, — одобрил он. — Помнишь, как собираются принести в жертву Авахи?

— Да, и мне это понравилось.

Она взяла с полки «Бен-Гура» и стала неторопливо перелистывать книгу.

— Это тоже замечательный роман.

— Да, чудесный!

Они умолкли. Стелла подошла к окну и остановилась под дешевыми тюлевыми занавесками. Ночь была лунная. Деревья, в два ряда окаймлявшие улицу, стояли голые; трава была бурая, мертвая. Сквозь тонкие ветви, сплетавшиеся в серебряную филигрань, они различали огни ламп в других домах, светившиеся через припущенные шторы. Человек прошел мимо, — в полумраке мелькнула его черная тень.

— Красиво, правда? — сказала она.

Юджин подошел ближе.

— Замечательно, — ответил он.

— Скорей бы настали морозы и можно было кататься на коньках. Ты любишь коньки?

Она повернулась к нему.

— Ну еще бы, — ответил он.

— Ах, как хорошо на катке в лунную ночь. В Молине я много каталась.

— Мы здесь тоже часто катаемся. Ведь у нас тут два озера.

Ему вспомнились ясные хрустальные ночи, когда лед на Зеленом озере трескался с глухим гулом. Вспомнились шумные толпы конькобежцев, далекие тени, звезды. Юджин до сих пор не встречал девушки, с которой было бы приятно кататься. Он ни с одной не чувствовал себя

легко. Однажды он упал вместе со своей спутницей, и это чуть не отбило у него охоту ходить на каток. Со Стеллой ему было бы приятно кататься. Он чувствовал, что и она, пожалуй, охотно будет кататься с ним.

— Когда подморозит, можно будет пойти всем вместе,— осмелился он сказать.— Миртл тоже катается.

— Вот и чудесно! — захлопала в ладоши Стелла.

Она долго, не отрываясь, смотрела в окно, потом вернулась к камину и, задумчиво потупившись, остановилась перед Юджином.

— Как ты думаешь, твой отец не уедет отсюда? — спросил он.

— Он говорит, что нет. Ему здесь нравится.

— А тебе?

— Да... теперь и мне нравится.

— Почему теперь?

— Потому что раньше мне здесь не нравилось.

— Почему?

— Да потому, должно быть, что я никого не знала.

А теперь мне нравится.

Она подняла глаза.

Он подошел чуть ближе.

— У нас славный городок,— сказал он.— но мне тут нечего делать. Я думаю в будущем году уехать отсюда.

— Куда же ты поедешь?

— В Чикаго. Я ни за что здесь не останусь.

Она повернулась к огню, а он подошел к ее стулу и оперся на спинку. Она чувствовала, что он стоит совсем близко, но не шевельнулась.

— Но ведь ты вернешься? — спросила она.

— Возможно. Как сложится жизнь. Вероятно, вернусь.

— Вот уж не подумала бы, что ты собираешься так скоро уехать.

— Почему?

— Да ведь ты сказал, что здесь хорошо.

Он ничего не ответил, и она взглянула на него через плечо. Он совсем близко склонился к ней.

— Так ты будешь со мной кататься зимою? — выразительно спросил он.

Она кивнула.

Вошла Миртл.

— О чем вы тут беседуете? — спросила она.

— О том, какое у нас катание на коньках,— ответил Юджин.

— Ужасно люблю кататься! — воскликнула Миртл.

— Я тоже,— сказала Стелла,— что может быть лучше!

ГЛАВА II

Некоторые эпизоды последовавшей затем поры влюбленности — несмотря на всю ее мимолетность — оставили глубокий след в душе Юджина. Вскоре выпал снег. Зеленое озеро замерзло, и они со Стеллой стали вместе ходить на каток. Стояли чудесные дни. Морозы держались так долго, что к Миллер-Пойнту, где запасались льдом, приезжали на подводах и выпиливали специальными пилами целые глыбы льда толщиной в фут. После Дня благодарения почти каждый вечер толпы школьников — мальчики и девочки — носились по льду, словно водяные жуки. Юджин не всегда бывал свободен — иногда вечерами и в субботу ему приходилось помогать отцу в магазине. Но каждый свободный вечер Миртл по его просьбе звала Стеллу, и они все вместе шли кататься. Иногда он приглашал девушку пойти вдвоем, и она нередко соглашалась.

Однажды, катаясь по озеру, они очутились у высокого берега, на склоне которого прилепилась кучка небольших домиков. Взошла луна, и ее ластивые лучи отражались в зеркальной поверхности льда. Сквозь черную гущу окаймлявших берег деревьев желтыми, приветливыми огоньками мерцали окна. Юджин и Стелла, намного опередившие остальных, решили повернуть обратно. Золотистые кудри девушки были скрыты вязаной шапочкой, из-под которой выбивалось несколько колечек; ее фигурку плотно облегал белый шерстяной свитер, доходивший до бедер, и юбка из толстого серого сукна; поверх чулок она надела белые шерстяные гомашки. В этот вечер она была особенно хороша и знала это.

Но когда молодые люди повернули назад, Стелла вскрикнула: у нее развязался конек.

— Подожди,— сказал Юджин,— я сейчас поправлю.

Она остановилась перед ним, а он, опустившись на колени, стал распутывать отстегнувшийся ремешок. Сняв конек, он взглянул вверх, и девушка, улыбаясь, то-

же посмотрела на него. Юджин выронил конек и, обхватив ее руками, прижался лицом к серому сукну.

— Нехорошо это,— сказала она.

Однако она не противилась, чувствуя себя прекрасной героиней восхитительной сказки.

Сдернув с Юджина шерстяной шлем, Стелла провела рукой по его волосам. У него чуть не брызнули слезы, так он был счастлив. Вместе с тем это движение разбудило в нем жгучую страсть. Он крепко прижал ее к себе.

— Надень же мне конек,— благоразумно сказала она.

Он поднялся и хотел обнять ее, но она не позволила.

— Нет, нет! Не смей! Не то я с тобой никогда больше не пойду.

— Стелла! — взмолился он.

— Я говорю серьезно,— настаивала она.— Не смей этого делать!

Юджин подчинился, обиженный и немного раздосадованный. Он испугался ее решительного отпора. Ему и в голову не приходило, что она такая недотрога.

Как-то в другой раз несколько школьниц устроили катание на санях, и Стелла, Юджин и Миртл получили приглашение. Ночь выдалась звездная, искрился снег, воздух был морозный, бодрящий. Огромный фургон сняли с колес и поставили на полозья, а внутри настлали соломы и накидали целый ворох шуб. За Юджином и Миртл завернули после того, как сани объехали уже с десятков таких домиков. Вскоре добрались и до дома Стеллы.

— Иди сюда! — крикнула ей Миртл, сидевшая далеко впереди брата. Это разозлило его.

— Садись со мной! — позвал он девушку, боясь, что сама она не решится.

Стелла пробралась к Миртл, но, видно, место пришлось ей не по вкусу, и она пересела в глубь саней. Юджин сделал энергичное усилие, чтобы освободить уголок возле себя, и девушка как бы случайно очутилась рядом. Он накинул на нее бизонью доху. Мысль, что Стелла с ним, наполняла его счастьем. Сани, звеня бубенцами, продолжали объезд городка, собирая остальных участников, и наконец вынеслись в поле. Мимо мелькали черные перелески, уснувшие в сугробах, и приникшие к самой земле тесовые фермерские домики, заиндевевшие окна которых изливали тусклый, романтический свет.

Ярко горели звезды. Эта картина бесконечно взволновала Юджина: он был страстно влюблен, и тут, рядом с ним, окутанная тенью, в которой слабо выделялось ее лицо, сидела любимая девушка. Он видел ее прелестный профиль, щеки, глаза, пушистые волосы.

Вокруг них болтали, пели, и под шум общего веселья Юджин незаметно обвил рукой талию Стеллы, взял ее руку в свою, заглянул в глубину ее глаз, пытаясь угадать ее мысли. Она всегда вела себя с ним сдержанно, уступая лишь до известного предела. Теперь он несколько раз украдкой поцеловал ее в щеку и раз — в губы, а потом, воспользовавшись минутой, когда было совсем темно, с силою привлек к себе и запечатлел на ее устах такой долгий, чувственный поцелуй, что она испугалась.

— Не надо, — в волнении отбивалась она, — не смей!..

Он подчинился, чувствуя, что зашел слишком далеко. Но очарование той ночи и красота девушки навсегда остались у него в памяти.

— Неплохо бы пристроить Юджина к газетной работе или к чему-нибудь в этом роде, — заметил как-то Витла-отец в разговоре с женой.

— Да, по-видимому, это — единственное, на что он годится, по крайней мере сейчас, — отозвалась миссис Витла, считавшая, что ее мальчик еще не нашел себя. — Со временем он займется чем-нибудь получше. Ведь ты знаешь, какого он слабого здоровья.

Витла подозревал в душе, что сын его просто ленив, но уверенности в этом у него не было. Он высказал предположение, что Бенджамин С. Берджес, будущий свекор Сильвии, редактор и владелец «Морнинг Эппил», мог бы дать Юджину место репортера или наборщика, чтобы постепенно познакомить его с делом. В «Морнинг Эппил» был, правда, небольшой штат, но мистер Берджес, вероятно, не откажется дать Юджину возможность начать с репортерских заметок — если у него есть к этому способности — либо с наборного дела, либо с того и другого. Однажды, встретившись с Берджесом на улице, Витла-отец вступил с ним в разговор:

— Послушайте, Берджес, не найдется ли у вас в газете местечка для моего сына, а? Он у меня все что-то пишет и воображает, будто и рисует неплохо, хотя его мазня, на мой взгляд, немногого стоит. Надо его куда-нибудь определить. В школе он бездельничает. Он мог

бы, например, изучить типографское дело. Ему будет только полезно начать с азов, если явится потом охота пойти по этой части. Сколько вы ему положите для начала, неважно.

Берджес подумал. Юджин попался ему на улице. Ничего дурного он про него не слышал, разве только, что парень витает в облаках и держится букой.

— Пришлите его как-нибудь ко мне,— ответил он уклончиво.— Возможно, я что-нибудь для него и придумаю.

— Я был бы вам очень признателен,— сказал Витла.— А то он меня беспокоит.

На этом они расстались. Дома Витла рассказал Юджину об этой встрече.

— Берджес говорит, что мог бы взять тебя наборщиком или репортером в «Морнинг Эппил». Загляни к нему на этих днях,— сказал он сыну, который сидел у лампы и читал.

— Вот как? — спокойно отозвался Юджин.— Гм! Ну, какой я репортер! Наборщиком я бы еще, пожалуй, мог быть. Это ты к нему обратился?

— Да,— сказал Витла.— А все-таки наведайся туда как-нибудь.

Юджин прикусил губу. Он понимал, что это намек на его склонность к безделью. Успехи его, и правда, были не очень-то велики. Но все же профессия наборщика — не блестящая карьера для человека с его запросами.

— Ну что ж,— решил он,— когда кончу учение.

— Лучше поговори с ним до окончания школы. А то как бы кто-нибудь другой не опередил тебя. А ведь тебе невредно было бы испытать себя на такой работе.

— Поговорю,— послушно сказал Юджин.

И вот в конце солнечного апрельского дня он вошел в контору мистера Берджеса. Она помещалась в нижнем этаже трехэтажного здания газеты на городской площади. Мистер Берджес, заметно лысеющий толстяк, испытующе посмотрел на Юджина поверх очков в стальной оправе. В его жидких волосах пробивалась седина.

— Так вы не прочь поработать в газете? — спросил он юношу.

— Да, я хотел попробовать себя в этом деле,— ответил Юджин,— посмотреть, не придется ли оно мне по душе.

— Я могу вам сказать наперед, что в нем мало интересного. Ваш отец говорил мне, что вы пишете.

— Мне бы очень хотелось писать, но едва ли я справлюсь. Я охотно изучил бы типографское дело. А со временем, быть может, начну и писать, если у меня что-нибудь получится.

— Когда же вы могли бы приступить?

— Как только кончатся занятия в школе, если вы не возражаете.

— Пожалуйста. Мне, в сущности, никто не нужен, но я подыщу вам дело. Пять долларов в неделю вас устроит?

— Вполне, сэр.

— Ну, тогда приходите, как только освободитесь. Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Движением пухлой руки он отпустил будущего наборщика и повернулся к облупленному столу темного орехового дерева, заваленному газетами и освещенному электрической лампой под зеленым абажуром. Юджин вышел, унося с собой запах свежей типографской краски и не менее вьедливый запах еще не просохших газет. «Интересно попробовать,— подумал он,— но, возможно, это будет для меня напрасной тратой времени». Юджин был не слишком высокого мнения об Александрии. Когда-нибудь он отсюда выберется.

Редакция «Морнинг Эппил» ничем не отличалась от редакции всякой другой провинциальной газеты в любой точке земного шара. В первом этаже, окнами на улицу, находилась контора, а позади нее — печатный цех, где стоял единственный большой плоский пресс и печатные машины. Во втором этаже была расположена наборная с кассами для шрифта на высоких стеллажах, так как «Морнинг Эппил», как и большинство провинциальных газет, набиралась еще вручную; там же, по фасаду, помещался обшарпанный кабинет редактора, заведующего издательством и заведующего отделом городской хроники — ибо все трое были представлены в газете одним и тем же лицом: это был некто мистер Калев Уильямс, которого Берджес откопал много лет назад неизвестно где. Уильямс был небольшого роста, тощий, жилистый человек, с острой черной бородкой и стеклянным глазом, который как-то странно смотрел на собеседника своим черным зрачком. Необыкновенно подвижный и разговорчивый, всегда в зеленом козырьке, низко на-

двинутом на лоб, с коротенькой терновой трубкой в зубах, Уильямс искусно управлялся со своими разнообразными делами и обязанностями. У него была бездна всяких познаний, накопленных за долгие годы газетной работы в столице. После бесконечных странствий по бурному житейскому морю он с женой и тремя детьми бросил, наконец, якорь в Александрии; закончив рабочий день, он бывал рад поговорить с кем угодно о жизни вообще и о своей в частности. С восьми утра до двух пополудни он занимался тем, что собирал скудные городские новости и либо сам писал заметки, либо редактировал. По округе у него был разбросан целый штат корреспондентов, которые раз в неделю присылали ему местные новости. Кое-чем снабжало его и агентство «Ассошиэйтед пресс», а к тому же выручали две страницы стандартного приложения, на которых читатель находил рассказы, хозяйственные советы, медицинские объявления и прочее. Большую часть материала Уильямс пускал в печать не редактируя.

— В Чикаго мы уделяли всему этому много внимания,— рассказывал он всякому, кто попадался под руку,— но здесь с этим возиться не приходится. Да наш читатель, в сущности, и не требует этого. Он ждет от газеты прежде всего местных новостей. А за этим я слежу очень внимательно.

Отделом объявлений ведал сам мистер Берджес. Мало того, он сам добывал объявления и следил, чтобы они были набраны сообразно с желаниями клиента и должным образом помещены,— в зависимости от того, как позволял газетный материал, и в соответствии с правами и притязаниями других клиентов. На нем держалась вся газета, он вел ее дела, и он же определял направление. Иногда он писал передовицы или же совместно с Уильямсом решал, в каком духе они должны быть написаны, принимал посетителей, приходивших в редакцию, и улаживал возникавшие трудности. Мистер Берджес предоставил себя и свою газету в полное распоряжение местных заправил республиканской партии, и это казалось вполне естественным, так как он сам был республиканцем по склонностям и темпераменту. Однажды ему даже предложили должность почтмейстера (в вознаграждение за кое-какие услуги), но он от нее отказался, потому что газета давала ему больше дохода, чем мог принести этот новый пост. К нему попадали все объяв-

ления по городу и округе, какие только могли ему доставить руководители республиканской партии, и таким образом он вполне преуспевал. Уильямс знал кое-что о сложных махинациях, в которые вовлекали Берджеса его политические связи. Но это нисколько не тревожило прилежного труженика. Он рассуждал так: «Мне надо прокормить пять ртов, и этого с меня вполне довольно. Зачем мне соваться в чужие дела?» Таким образом, в редакции царила спокойная, деловая и, можно сказать, даже приятная атмосфера. Работать здесь было одно удовольствие.

На Юджина, попавшего сюда прямо со школьной скамьи, когда ему едва минуло семнадцать лет, самое сильное впечатление произвел мистер Уильямс. Этот человек ему решительно нравился. Со временем он подружился также и с Джонасом Лайлом, работавшим за главной наборной кассой, и с неким Джоном Саммерсом, приходившим не регулярно, а лишь в тех случаях, когда поступал какой-нибудь экстренный типографский заказ. Юджин очень скоро узнал, что Джон Саммерс, седой молчаливый человек лет пятидесяти пяти, болен туберкулезом и сильно пьет. Он в самые различные часы украдкой исчезал из типографии минут на десять—пятнадцать. Все делало вид, будто ничего не замечают, потому что здесь никто никого не понукал. С работой так или иначе справлялись.

Джонас Лайл был более интересный тип. Лет на десять моложе Саммерса и гораздо здоровей его и крепче, он тоже был примечательная личность. Флегматичный по натуре, он кое-что прочитал на своем веку и любил пофилософствовать. Как вскоре узнал Юджин, Лайл успел поработать во всех концах Соединенных Штатов — в Денвере, Портленде, Сент-Поле, Сент-Луисе, где хотите, — и любил порассказать о своих бывших хозяевах. Стоило ему встретить в печати сколько-нибудь выдающееся имя, как он тотчас шел с газетой к Уильямсу, — а позднее, когда они ближе познакомились, к Юджину, — и говорил: «Я знал этого парня, когда жил там-то... Он был почтмейстером (или кем-либо еще) в N. А смотрите, как в гору пошел!» В большинстве случаев он не был лично знаком с этими знаменитостями, но слышал про них, и отголоски их славы, донесшиеся до этого глухого захолустья, действовали на его воображение. В горячие часы он помогал Уильямсу править кор-

ректур, был хорошим наборщиком и вообще честно исполнял свои обязанности. Но успеха в этом мире он не добился, так как был всего-навсего безотказным орудием в чужих руках, Юджин понял это с первого взгляда.

Вот этот-то Лайл и научил Юджина наборному делу. Он в первый же день показал ему, как устроены «гнезда», или «карманы», в кассах для шрифта, как размещены буквы — чтобы одни были ближе под рукой, чем другие, объяснил, почему некоторых букв дается больше и почему в одних газетах в определенных случаях употребляются прописные буквы, а в других — нет.

— Вот в Чикаго, когда я работал в «Трибюн», мы обычно выделяли курсивом названия церквей, пароходов, книг, гостиниц и всего прочего в этом роде, — рассказывал он. — Сколько знаю, больше ни в одной газете так не делают.

Вскоре Юджин узнал, что такое шпоны, гранки, верстатки; узнал, что пальцы постепенно приучаются определять по весу характер шрифта; что, как только приобретаешь известный навык, буквы почти механически ложатся обратно в свои гнезда и об этом даже не думаешь; все это Лайл словоохотливо сообщил своему ученику. Он требовал от него серьезного отношения к предмету, и Юджин, уважавший всякое знание, выслушивал его вдумчиво и внимательно. Юджин еще не представлял себе, чем ему хотелось бы заняться, зато он чувствовал, что хочет знать все. И хотя он и убедился вскоре, что не желает быть ни наборщиком, ни репортером, ни вообще кем-либо, причастным к провинциальной газете, все же некоторое время типография представляла для него интерес, так как он изучал здесь жизнь. И он весело работал за своим реалом, с улыбкой глядя на мир, расстилавшийся за открытым окном, читал какие-то забавные обрывки заметок, статей или местных объявлений — по мере того, как набирал их, — и думал о чудесах, которые мир держит в запасе для него, Юджина. В ту пору у него не было еще того огромного честолюбия, которое пробудилось впоследствии, но он был преисполнен надежд, хотя и не вовсе чужд меланхолии. Он видел в окно знакомых юношей и девушек, которые прохаживались без дела по улице или стояли на перекрестке; видел, как Тэд Мартинвуд разъезжает по городу в отцовском шарабане, как Джордж Андерсон слоняется по тротуару с видом человека, которому ни-

когда не придется работать (его отцу принадлежала единственная в городе гостиница). В голове Юджина часто мелькали мысли о рыбной ловле, о катании на лодке и о том, как приятно было бы посидеть где-нибудь на траве с хорошенькой девушкой, но, увы, девушки, по-видимому, не особенно влекло к нему. Он был слишком робок. Порой он задумывался о том, как хорошо, вероятно, быть богатым. И мечтал.

Юджин был в том возрасте, когда хочется выражать свои чувства в пылких фразах. Но это был также возраст, когда застенчивость принуждает к сдержанности, хотя бы вы и были влюблены и обладали страстной натурой. То, что он говорил Стелле, казалось ему скучным и пошлым, и он больше вздохами выражал свои чувства. Но девушка тяготилась вздохами и предпочитала им пошлые излияния. Она уже тогда начала подумывать, что он немного странный, какой-то «взвинченный». Тем не менее он ей нравился. В городе стали считать, что Стелла его девушка. В маленьких городах и деревнях такие парочки — обычное явление среди школьников. Их видели всюду вместе Отец подтрунивал над Юджином. Родители же Стеллы считали, что это просто детское увлечение и не столько с ее стороны (они знали, что их дочь не слишком интересуется мальчиками и не придает большого значения их чувствам), сколько со стороны Юджина. Они думали, что его сентиментальность скоро начнет тяготить Стеллу. Так оно и случилось.

Однажды на вечеринке, устроенной школьниками старших классов, затеяли игру в «деревенскую почту». Это одна из тех игр, в которых все сводится к поцелуям. Играющим задают вопросы, и с того, кто не ответил, берут фант. Тот, чей фант вынут, становится почтмейстером и вызывает кого-нибудь «за почтой». А это значит, что вы идете в темную комнату, где вас целует тот или та, кто вам нравится или кому нравитесь вы. Почтмейстеру дано право или власть — называйте как хотите — вызвать кого ему угодно.

На этот раз водить пришлось Стелле, которая попала раньше Юджина. Первая ее мысль была о нем, но оттого ли, что это делалось в открытую, или оттого, что ее втайне беспокоила порывистость Юджина, она назвала имя Харви Раттера. Харви был красивый мальчик, Стелла познакомилась с ним недавно, уже

после встречи с Юджином. Она не была им увлечена, но он ей нравился, и юная кокетка была не прочь узнать его поближе. Сейчас ей представлялся удобный случай.

Польщенный Харви побежал на ее зов, и Юджина охватила бешеная ревность. Он не мог понять, почему Стелла так обращается с ним. Когда наступил его черед, он вызвал БERTУ Шумейкер, тоже прехорошенькую девушку, которая ему нравилась, но которая, по его мнению, не могла сравниться со Стеллой. Для него было мукой целовать ее, тогда как он мечтал о другой. Когда он вышел, Стелла прочла в его глазах обиду, но притворилась, что ничего не замечает. А между тем, несмотря на деланную веселость, его вялый и понурый вид бросился всем в глаза.

Потом Стелла опять проштрафилась, и на этот раз вызвала Юджина. Он пошел, но обида еще кипела в нем. Ему захотелось наказать ее. Когда они встретились в темноте, она ожидала, что он обнимет ее, и уже вскинула руки ему на плечи, но он только сжал ее пальчики и едва коснулся губ холодным поцелуем. Если бы он сказал: «Зачем ты это сделала?»,— если бы привлек ее к себе и попросил не играть его чувствами так жестоко, их дружба была бы спасена. Но Юджин ничего этого не сделал. Тогда в девушке вспыхнула досада, и она с задорным видом вышла из комнаты. Молодые люди сторонились друг друга до конца вечеринки, но он все же пошел проводить ее домой.

— Ты сегодня, кажется, в плохом настроении,— заметила Стелла, после того как они в полном молчании прошли два квартала.

Улицы утопали во мраке, и их шаги по выложенному кирпичом тротуару гулко отдавались в ночной тишине.

— Нет, почему же. Я чувствую себя прекрасно,— угрюмо ответил он.

— У Веймеров было, по-моему, очень мило. Там всегда ужасно весело.

— Да, необычайно весело! — презрительно отозвался он.

— Не будь ты таким злюкой! — рассердилась она.— У тебя нет никаких причин дуться на меня!

— Ты думаешь?

— Да, никаких.

— Что ж, тебе видней. Но я смотрю иначе.

— Ну, знаешь, мне совершенно безразлично, как ты на это смотришь.

— Вот как?

— Да, так! — Девушка сердито вздернула головку.

— Ну, а мне тем более безразлично!

Снова наступило молчание, которое длилось почти до самого ее дома.

— Ты будешь на балу в четверг? — спросил Юджин.

Он имел в виду вечер, который устраивала методистская церковь. Само по себе это празднество ничуть его не интересовало, но оно давало ему возможность увидеться со Стеллой и проводить ее домой. Он задал ей этот вопрос, испугавшись нависшего над ними разрыва.

— Нет, — сказала она. — Едва ли.

— Почему?

— Не хочется.

— Какая ты злая! — упрекнул он ее.

— Ну и прекрасно! — ответила она. — А по-моему, ты слишком любишь командовать. И по правде сказать, ты не очень мне нравишься.

Сердце его зловеще сжалось.

— Делай как знаешь, — сказал он упрямо.

Они дошли до ее калитки. Здесь они обычно целовались в тени и Юджин крепко прижимал к себе Стеллу, невзирая на ее протесты. Он и сейчас с нетерпением ждал этой минуты, но девушка предупредила его. Едва поравнявшись с калиткой, она быстро открыла ее и юркнула в палисадник.

— Спокойной ночи! — крикнула она оттуда.

— Спокойной ночи! — сказал он и, когда она уже дошла до двери, позвал: — Стелла!

Входная дверь открылась, и девушка проскользнула в дом. Юджин растерянно стоял в темноте, огорченный, раздосадованный, подавленный. Как же теперь быть? Он медленно поплелся домой, думая о том, что лучше: не замечать ее, избегать, пока она сама не вернется к нему, или же добиваться встречи и решительного объяснения? Стелла была не права: Юджин так и уснул с этой мыслью, и она не покидала его весь следующий день.

Юджин делал довольно быстрые успехи в наборном деле. Готовясь к будущей своей профессии, он пробовал свои силы в репортерском ремесле, работая прилежно и

с интересом. Нередко он делал из окна зарисовки, хотя с тех пор, как у них вышла размолвка со Стеллой, занимался этим без обычного увлечения. Ему нравилось приходить в типографию, надевать фартук и приниматься за набор какой-нибудь заметки местного корреспондента, залежавшейся со вчерашнего дня, или телеграммы, только что наколотой на крючок возле его кассы. Уильямс пробовал давать ему репортерские поручения для отдела местной хроники, но Юджин был медлителен и не выказывал способностей по этой части.

Когда ему предлагали взять у кого-нибудь интервью, он возвращался в редакцию с материалом, который нуждался в пополнении из других источников. Сколько ни бился с ним Уильямс, Юджин, в сущности, так и не постиг тех требований, какие предъявляет газета, и большей частью работал за своей кассой. И все же кое-чему он научился.

Взять хотя бы то, что он начал разбираться в существе рекламного дела. Местные торговцы изо дня в день помещали одни и те же объявления, и текст их почти не менялся. Юджин видел, как Лайл и Саммерс брали старые рекламы, которые месяцами печатались без всяких изменений, и, выправив одно-два слова, снова сдавали в цинкографию. Юджина удивляла эта косность, и когда они наконец попадали к нему на просмотр, у него часто являлось желание переделать их,— таким суконным языком они были написаны.

— Почему бы не давать к объявлениям маленьких рисунков? — спросил он однажды Лайла.— Вы не находите, что они очень выиграли бы?

— Гм! Право, не знаю,— ответил Лайл.— По-моему, и так сойдет. Здешней публике не понравилось бы такое новшество. Читатели скажут, что это несолидно.

Юджин присматривался к журнальной рекламе и находил ее несравненно эффектнее. Почему бы не изменить и газетную?

Но никто здесь, по-видимому, не нуждался в его советах. С клиентами имел дело сам мистер Берджес. Это он решал, каким должно быть объявление. Он никогда не советовался ни с Юджином, ни с Саммерсом и редко даже с Лайлом. Лишь иногда Уильямс по его требованию давал им предварительные указания.

Юджин был еще так молод, что вначале Уильямс не обращал на него внимания, но потом, приглядевшись к юноше поближе, стал охотно объяснять ему то одно, то другое: почему некоторые заметки должны быть краткими, а некоторые — пространными; почему сообщения, касающиеся их округа, — городишек вокруг Александрии и их обитателей, — имеют для газеты с финансовой точки зрения гораздо большее значение, чем самый достоверный отчет о смерти турецкого султана. А всего важнее, говорил он, следить за тем, чтобы в имена и фамилии местных жителей не вкрались опечатки.

— Упаси вас бог неправильно набрать их, — сказал он однажды Юджину. — А особенно следите за инициалами. Люди на этот счет очень чувствительны. Если вы не будете осторожны, мы рискуем растерять всех подписчиков, а потом поди разберись, как это случилось.

Юджин старался все запомнить. Ему интересно было вникнуть в механику дела, хотя в глубине души он находил все это мелким. Да и люди казались ему мелкими, по крайней мере большинство людей.

Но кое-что в типографском деле интересовало его. Он любил смотреть, как в машину закладывают бумагу и как она потом работает, любил помогать при закладке форм и наблюдать за тем, как ложатся друг на друга газетные оттиски и отсчитываются готовые листы. Он любил прислушиваться к ходу машины и вместе с другими переносить еще влажные кипы газет в экспедицию и к сортировочному столу. «Морнинг Эппил» выходила не очень большим тиражом, но в момент выпуска типография оживала, и это нравилось Юджину. Ему нравилось, что руки и лицо у него в чернилах и краске и что это его не смущает, нравилось видеть в зеркале свою всклокоченную шевелюру. Он старался быть полезным где только мог, и работники газеты полюбили его, хотя иногда он раздражал их своей неловкостью и медлительностью. Здоровье его в то время было не из крепких, он часто страдал желудком. Иногда у него мелькала мысль, что воздух типографии вреден для его легких, но серьезного значения он этому не придавал.

Однако сколько ни радовался Юджин новым впечатлениям, этот мирок казался ему тесным. За пределами редакции был несравненно больший простор. Он это знал. И на этот простор он рассчитывал когда-нибудь выбраться. Он надеялся уехать в Чикаго.

ГЛАВА III

По мере того как Стелла проявляла все большую независимость, Юджином все сильнее овладевала хандра. Но эти его настроения только расхолаживали девушку. Немалую роль играл и успех, которым она пользовалась у других молодых людей, а то, что один из них, а именно добродушный, покладистый Харви Раттер, был и красивее Юджина и выгодно отличался от него приятным неназойливым нравом, сыграло, пожалуй, решающую роль. Юджин иногда встречал их вместе — Стелла ходила на каток с ним вдвоем или с компанией молодежи, где был и Харви. Юджин возненавидел его всей душой. Порою он ненавидел и Стеллу за то, что она не подчинилась его воле. Но ее красота по-прежнему сводила его с ума. Стелла помогла ему создать себе идеал женщины. Теперь он знал, что такое женская красота.

Настало время задуматься и над своим положением. До сих пор он всецело зависел, в отношении питания, одежды и карманных денег, от родителей, которые были не слишком щедры. Он знал мальчиков, которые могли себе позволить увеселительную поездку в Чикаго или Спрингфилд (последний был расположен ближе к Александрии) на субботу и воскресенье. Юджину эти развлечения были недоступны. Отец не разрешил бы ему, вернее, не дал бы денег. Другие мальчики благодаря щедрости родителей слыли первыми щеголями в городе. Юджин наблюдал по воскресеньям, а иногда и в будние дни, как они, готовясь куда-нибудь идти, прохаживались возле книжного магазина, где обычно гуляло местное «общество», одетые с такой изысканностью, о какой он не смел и мечтать. Тэд Мартинвуд, сын крупнейшего в городе торговца мануфактурой, сшил себе сюртук; он иногда заходил в нем к парикмахеру побриться, перед тем как идти к своей девушке. У Джорджа Андерсона имелась даже фрачная пара и лакированные туфли, в которых он щеголял на всех балах. Эд Уотербери разъезжал по городу в собственном экипаже. Правда, все эти юноши были немного старше Юджина и их интересовали взрослые девушки, но это не меняло дела. И Юджин страдал.

Для себя он не видел возможности разбогатеть. Отец его никогда не будет богат, это было всякому ясно. Сам Юджин не вынес из школы никаких практических

знаний. Он ненавидел страховое дело — всю эту писанину и погоню за клиентами, презирал торговлю швейными машинами, но и не возлагал никаких надежд на то, что со временем ему удастся стать писателем или художником. Все, что он рисовал, казалось ему просто баловством, а то, что писал, — вернее, пытался писать, — казалось лишенным всякого значения и смысла. В эту пору Юджин часто с горечью размышлял о своем будущем.

Как-то Уильямс, давно уже приглядывавшийся к юноше, остановился у его реала.

— Послушайте, Витла, почему бы вам не уехать в Чикаго? — сказал он. — Там гораздо больше возможностей для такого парня, как вы. Работая в провинциальной газете, вы никогда ничего не добьетесь.

— Я знаю, — ответил Юджин.

— На меня вы не смотрите, — продолжал Уильямс, — я достаточно покружил по свету. У меня жена и трое детей, а когда у человека семья, он не имеет права рисковать. Вы же молоды. Почему бы вам не уехать в Чикаго и не поступить в какую-нибудь газету? Вы там легко устроитесь.

— Кем, например? — спросил Юджин.

— Да хотя бы наборщиком, если вступите в союз. Не знаю, выйдет ли из вас хороший репортер, — по моему, это не ваше призвание, но вам надо учиться рисовать. Художники в газете недурно зарабатывают.

Юджин с горечью подумал о своем даровании художника. Немногого оно стоит. Немногого он достиг. Все же он стал помышлять о Чикаго. Широкий мир манил его. Только бы выбраться отсюда, только бы найти приличный заработок, а не получать какие-то семь-восемь долларов в неделю! Это постоянно занимало его мысли.

Однажды в воскресенье он вместе с Миртл и Стеллой отправился навестить Сильвию; Стелла вскоре стала собираться домой, говоря, что мать будет беспокоиться. Миртл хотела было уйти вместе с ней, но сестра упростила ее дожидаться чая.

— Пусть Юджин проводит Стеллу домой, — сказала Сильвия.

Юджин был в восторге. Неисправимый упрямец, он еще надеялся вернуть любовь Стеллы. Когда они очутились на улице, где уже пахло весной, он решил, что это

удобный случай сказать девушке что-то такое, что вернуло бы ее к нему.

Они вышли на окраину города, где жила Стелла, и девушка уже хотела свернуть в свой переулочек, но Юджин удержал ее.

— Ну, побудь со мной немного. Разве тебе так уж обязательно надо домой? — стал он упрасивать.

— Нет, я могу еще погулять, — ответила она.

Беседуя, они вышли за черту города; последний дом остался позади. Поддерживать разговор становилось все труднее. Прилагая все усилия к тому, чтобы быть занимательным, Юджин поднял с земли три прутика, намереваясь показать ей фокус, основанный на законе равновесия. Надо было два прутика сложить под прямым углом, а третьим поддерживать их в воздухе. Стелла не пожелала и пробовать. Ее это не занимало. Но Юджин настаивал, и, когда она согласилась, он взял ее за правую руку, чтобы помочь.

— Не надо, — сказала она, отдергивая руку. — Я сама!

Но она безуспешно возилась с прутиками и хотела уже бросить их, когда он взял обе ее руки в свои. Это произошло так внезапно, что Стелла не смогла высвободиться и невольно посмотрела ему в глаза.

— Оставь, Юджин. Пожалуйста, отпусти мои руки.

Он отрицательно покачал головой, глядя на нее в упор.

— Прошу тебя, отпусти, — повторила она. — Не смей этого делать. Я не хочу.

— Почему?

— Потому!

— Почему все-таки?

— Ну, просто не хочу!

— Я в самом деле больше не нравлюсь тебе? — спросил он.

— Нет, не нравишься... во всяком случае, не так...

— А раньше нравился?

— Мне казалось, что да.

— Значит, ты ко мне переменялась?

— Да, если хочешь, переменялась.

Он отпустил ее руки и впился в нее трагическим взглядом. Но это на нее не подействовало. Они медленно повернули назад, к городу. У ее калитки он сказал:

— Что ж, видно, мне не стоит больше и приходить к тебе.

— Да, не стоит, — просто сказала она.

Она вошла в дом, ни разу не оглянувшись, а Юджин, вместо того чтобы вернуться к сестре, отправился домой. Ему было очень тяжело, и, посидев немного в гостиной, он ушел в свою комнату. Стемнело, а он все сидел и смотрел из окна на деревья и горевал о своей утрате. Должно быть, он недостаточно хорош для Стеллы, раз не мог добиться ее любви. Но в чем же причина? То ли он недостаточно красив (Юджин и в самом деле не считал себя красивым), то ли недостаточно силен и смел?

Он заметил, что луна висит над деревьями, как яркий щит. Два слоя легких облаков плыли навстречу друг другу на разной высоте. Юджин оторвался от своих мыслей и стал думать о том, откуда взялись эти облака. В солнечные дни, когда тучки бесконечными флотилиями плывут по небу, они тают прямо на глазах, а потом — о чудо из чудес! — снова появляются неизвестно откуда. Когда Юджин впервые обратил на это внимание, он был немало удивлен — тогда он еще понятия не имел, что такое облака. Потом он прочел об этом в учебнике физической географии. Сегодня ему вспомнились и эти облака, и бескрайние равнины, над которыми они проносятся, и трава, и деревья — бесконечные леса, что тянутся на много миль. Как чудесен мир! Ведь именно о таких вещах писали поэты — Лонгфелло, Брайант и Теннисон. Юджину вспомнились «Танатопсис» и «Элегия» — его любимые поэмы. Что же это такое — жизнь?

С болью в сердце вернулся он к мысли о Стелле. Она окончательно ушла от него, — она, такая прекрасная! Никогда больше они не будут разговаривать. Никогда не держать ему ее рук, не целовать ее. О, этот вечер на катке, и тот, другой вечер, в санях! Как это было прекрасно! Он разделся и лег в постель. Ему хотелось быть одному, отдаться своей тоске. Юджин лежал на белой подушке и грезил о том, что могло бы быть, — о поцелуях, ласках, о тысяче радостей.

Как-то в воскресенье, валяясь в гамаке и размышляя о том, какой Александрия скучный город, Юджин развернул субботний номер чикагской газеты (это был, в сущности, воскресный номер, так как в воскресенье га-

зета не выходила) и стал от скуки ее просматривать. Газета, как всегда, была исполнена для него неотразимого интереса, чудеса большого города притягивали его, точно магнит. Вот большой отель, который кто-то собирается выстроить; вот портрет знаменитого пианиста, приезжающего в Чикаго на гастроль; дальше — рецензия на новую комедию; описание романтического уголка на Гусином острове, раскинувшемся посередине реки Чикаго, — старые баржи служили здесь жилищем, и между ними вперевалку бродили гуси. Внимание Юджина привлекла заметка о человеке, провалившемся в угольный люк на Южной Холстед-стрит. Это произошло в доме номер шесть тысяч двести с чем-то, — он и не представлял себе, что существуют такие длинные улицы. Какой это, должно быть, гигантский город. Мысль о мчавшихся по мостовым вагонам конки, о толпах народа, о поездах до боли взволновала его, как манящий призыв.

Это чудо, эта красота, вся эта жизнь неотразимо влекли его к себе.

«Уеду в Чикаго!» — мысленно решил он и поднялся.

Вот перед ним родной дом, уютный, тихий. А в нем — мать, отец, Миртл. Но он уедет. Ничто не мешает ему вернуться обратно, если он захочет.

«Конечно, я могу вернуться», — произнес он про себя.

Словно движимый какой-то неодолимой силой, Юджин вошел в дом, поднялся к себе и достал маленький саквояж. Он сложил туда вещи, которые могли понадобиться ему в первую очередь. В кармане у него было девять долларов — с некоторых пор он копил деньги. Он спустился вниз и остановился в дверях гостиной.

— Что случилось? — спросила мать, глядя на его серьезное лицо, говорившее о внутренней борьбе.

— Я еду в Чикаго, — сказал он.

— Когда? — спросила она пораженная, не зная, что и думать.

— Сегодня, — ответил он.

— Не может быть! Ты шутишь! — воскликнула мать.

Она недоверчиво улыбалась. Конечно, это только мальчишеская выходка, не больше.

— Я еду сегодня же, — сказал он. — И хочу поспеть к четырехчасовому поезду.

Теперь на лице матери появилась тревога.

— Быть не может,— повторила она.

— Ведь я в любое время могу вернуться, если захочу,— сказал Юджин.— Пора мне поискать себе другое занятие.

Вошел отец. У него была маленькая мастерская в сарае, где он иногда чистил машины и чинил фургоны. Он все утро копался там.

— Что случилось? — спросил он, увидев их взволнованные лица.

— Юджин уезжает в Чикаго.

— Это когда же? — иронически спросил отец.

— Сегодня. Он говорит, что едет сейчас.

— Ты это, надеюсь, не всерьез? — сказал пораженный Витла. Он ушам своим не верил.— Что это тебе загорелось? Такой шаг надо хорошенько обдумать! На какие же средства ты будешь там жить?

— Проживу как-нибудь,— сказал Юджин.— Я еду. Хватит с меня Александрии. Я хочу выбраться отсюда.

— Ну что ж,— сказал отец, веривший в инициативу. Оказывается, он плохо знал своего сына.— Ты уложил чемодан?

— Нет, пусть мама вышлет мне вещи.

— Не уезжай сегодня,— стала упрашивать миссис Витла.— Подожди, Юджин, пока у тебя будет хоть что-нибудь на примете. Это слишком серьезный шаг. Подожди до завтра.

— Я поеду сегодня, мама.— Он обнял ее одной рукой.— Мамочка!..

Он был уже сейчас выше ее ростом и продолжал расти.

— Хорошо, Юджин,— тихо сказала она.— Но напрасно ты уезжаешь.

Ее мальчик покидал ее — сердце матери обливалось кровью.

— Я всегда могу вернуться. Ведь это всего лишь сотня миль.

— Что ж, поезжай,— сказала она, наконец, стараясь держаться бодро.— Я уложу твой саквояж.

— Я уже все уложил.

Она пошла проверить.

— Ну что ж, скоро пора ехать,— сказал Витла, думавший, что Юджин еще колеблется.— Очень жаль. Хо-

тя это, разумеется, пойдет тебе на пользу. Во всяком случае, ты знаешь, что здесь тебе всегда будут рады.

— Знаю,— сказал Юджин.

Они отправились к поезду все вместе — Юджин, отец и Миртл. Мать не пошла с ними. Она осталась дома плакать.

По дороге на вокзал они зашли к Сильвии.

— Что ты, Юджин! — воскликнула она. — Что за странная фантазия! Не надо ехать!

— Он твердо решил,— сказал Витла.

Наконец Юджин вырвался на свободу. Любовь, семья, все близкое, родное крепко держало его в своих объятиях, и с каждым шагом он словно рвал эти узы. Они добрались до вокзала. Подошел поезд. Отец ласково и крепко пожал сыну руку.

— Будь молодцом,— сказал он и судорожно глотнул.

Миртл поцеловала брата.

— Какой ты чудила, Юджин! Пиши мне.

— Ладно.

Он поднялся в вагон. Прозвонил звонок, и поезд тронулся. Юджин смотрел на знакомые места, и боль, настоящая боль сжала его сердце... Стелла, мать, отец, Миртл, их милый домик... Все это уходило из его жизни.

— Гм-м! — чуть ли не застонал он, прочищая горло. — Черт побери!

Он откинулся на спинку скамьи и заставил себя ни о чем не думать. Он должен пробить себе дорогу. Это и есть жизнь. И это должно быть его целью. Он добьется своего.

ГЛАВА IV

Чикаго — кто его опишет! Кто опишет этот гигантский муравейник, выросший словно по мановению жезла на гнилых болотах приозерья! На целые мили протянулись мрачные домишки, на целые мили ушли вперед улицы с торцовыми мостовыми, газовыми фонарями, водопроводными магистралями и пустынными деревянными тротуарами, по которым скоро заснут толпы прохожих. Стук сотен тысяч молотков, звонкие удары зубил в руках каменщиков! Длинные, смыкающиеся вдали ряды

телеграфных мачт; тысячи и тысячи стоящих вразброс, словно часовые, домиков, заводов, устремленных ввысь фабричных труб, и среди них вдруг одинокая невзрачная церковка, смиренно приткнувшаяся на голом пустыре. Нетронутая целина прерии с выгоревшей на солнце травой. Широкие железнодорожные насыпи, по которым ползут стальные пути — десять, пятнадцать, двадцать, тридцать в ряд, — унизанные, словно бусинками, тысячами и тысячами грязных вагонов. Громыхающие паровозы, бегущие поезда, люди у переездов — пешеходы, возчики, кучера, подводы с пивом, платформы с углем, кирпичом, камнем, песком — зрелище новой, неприкрашенной, неукротимой жизни!

По мере приближения к Чикаго Юджин начинал все больше и больше понимать существо и значение огромного города. Какими невнятными казались ему теперь слабые газетные отголоски по сравнению с этой яркой, красноречивой, полнокровной жизнью! Перед ним раскрывался новый мир — мощный, влекущий, совсем особенный. Когда поезд стал подъезжать к городу, внимание юноши привлекла красивая пригородная станция — такой он еще никогда не видел. Никогда не приходилось ему видеть и такого скопления рабочих-иностранцев — целые толпы литовцев, поляков, чехов дожидались пригородного поезда. Никогда он не видел и настоящего большого завода, а здесь они вырастали перед ним один за другим — сталелитейные, фаянсовые, мыловаренные, чугунолитейные заводы, мрачные и непрístupные на фоне вечеряющего неба. Несмотря на воскресенье, что-то юное, энергичное, оживленное чувствовалось в атмосфере этих улиц. С интересом смотрел Юджин на конки, ожидавшие пассажиров. В одном месте переправа через реку производилась на канатном пароме; это была грязная, неприглядная речонка, но во всю ее ширь теснилось множество судов, а по обоим берегам тянулись огромные амбары, зерновые элеваторы, угольные склады — архитектура насыщенных нужд большого города. Воображение Юджина разыгралось. Как хорошо было бы передать эту картину в черных тонах, лишь кое-где тронув красным или зеленым огни вдоль мостов и на судах. В некоторых журналах художники делают такие вещи, но у них это получается недостаточно живописно.

Поезд, пробираясь среди длинных составов, подошел к бесконечной крытой платформе, где под гигантской вы-

пуклой крышей из стекла и стали шипело штук двадцать дуговых фонарей. Толпы людей сновали взад и вперед, пыхтели паровозы, гулко звонили колокола.

У Юджина не было в этом городе ни родных, ни знакомых — никого, к кому он мог бы обратиться, но он не испытывал одиночества. Новая, невиданная картина жизни захватила его целиком. Он вышел из вагона и неторопливым шагом направился к выходу, гадая, куда идти. На углу, в свете зажженного фонаря, ему бросилась в глаза дощечка с надписью «Мэдисон-стрит». Он взглянул вдоль улицы: по обе стороны ее, уходя вдаль, выстроились магазины, тащились конки, торопливо сновали пешеходы. «Какое зрелище!» — мелькнуло у него в голове, и он повернул на запад. Погруженный в размышления, прошел он мили три, и только когда совсем стемнело, спохватился, что не позаботился о еде и ночлеге. Добродушный толстяк, сидевший на стуле с плетеным сиденьем у ворот извозного двора, казалось, сулил все необходимые сведения.

— Вы не знаете, где здесь поблизости сдается комната? — спросил Юджин.

Человек, наслаждавшийся вечерним воздухом, внимательно оглядел его. Это был владелец двора.

— Вон там, через улицу, в доме семьсот тридцать два, живет одна пожилая женщина, — сказал он. — У нее как будто есть комната. Может, она пустит вас.

Молодой человек явно внушал ему доверие.

Юджин перешел на ту сторону и позвонил у двери первого этажа. Ему открыла высокая приветливая женщина. В ее облике было что-то материнское. Волосы ее были белы.

— Что вам угодно? — спросила она.

— Джентльмен вот там, у извозного двора, сказал мне, что у вас можно снять комнату.

Женщина ласково улыбнулась. Растерянность юноши, его сияющие от возбуждения глаза, а также одежда и манеры выдавали провинциала.

— Да, войдите, — сказала она. — У меня есть комната. Можете ее посмотреть.

Это была маленькая спальня, совершенно изолированная, окнами на улицу — опрятная, скромная, удобная.

— Она мне нравится, — сказал Юджин.

Женщина снова улыбнулась.

— Платить мне будете два доллара в неделю,— сказала она.

— Хорошо,— сказал Юджин, ставя на пол свой чемодан.— Я беру ее.

— Вы ужинали? — спросила женщина.

— Нет, но я скоро пойду прогуляться, посмотреть город и найду, где поесть.

— А то я накормлю вас,— предложила хозяйка.

Юджин поблагодарил ее, и она опять улыбнулась. Вот что Чикаго делает с провинцией — забирает у нее молодежь.

Юджин открыл ставни, стал на колени и облокотился на подоконник. Он смотрел на улицу, где все казалось ему необыкновенным. Витрины залиты огнями. Люди спешат,— как гулко раздаются их шаги! И куда ни глянешь,— на восток, на запад,— везде то же самое, повсюду большой, огромный, изумительный город. Как хорошо здесь! Теперь он это знает. Ради этого стоило приехать. Как мог он так долго сидеть в Александрии! Он здесь устроится, непременно устроится. Он был глубоко уверен. Он знал это.

Чикаго в то время действительно представлял для новичка целый мир возможностей и надежд. Тут было столько нового, еще не тронутого — все находилось в стадии созидания. Протянувшиеся длинными рядами дома и магазины были по большей части временными постройками — одноэтажными и двухэтажными бараками, но кое-где попадались уже и трехэтажные и четырехэтажные кирпичные здания, возвещавшие лучшее будущее. Торговый центр, расположенный между озером и рекой,— между Северной и Южной сторонами,— таил в себе неограниченные возможности, так как здесь были сосредоточены магазины, обслуживавшие не только Чикаго, но и весь Средний Запад. Тут были внушительные банки, конторы, огромные розничные магазины, отели, и постоянно бурлил людской поток, олицетворяющий юность, иллюзии, безыскусственные мечтания миллионов людей. Попав сюда, вы начинали чувствовать, что Чикаго — это неудержимый порыв, это людские надежды, людские желания. Это был город, вливавший жизненные силы в каждую колеблющуюся душу; новичка он заставлял грезить, пожилым внушал, что нет такого тяжелого положения, которое не могло бы измениться к лучшему.

За всем этим скрывалась, конечно, борьба. Юность, надежды и энергия вступали в бешеную гонку. Здесь надо было работать, не отставая, живей поворачиваться, не зевать. Здесь необходимо было обладать инициативой. Город требовал от человека самого лучшего, что было в нем,— иначе он просто от него отворачивался. Как юность в своих смутных исканиях, так и зрелость испытывали это на себе. Здесь не было места лежебокам.

Юджин, едва обосновавшись, понял это. На профессию наборщика он как-то махнул рукой. С этим у него было покончено. Ему хотелось быть художником или чем-то в этом роде, но он понятия не имел, как приступить к делу. Лучше всего устроиться в газету, да вряд ли там принимают начинающих. А ведь он ничего не умеет. Правда, его сестре Миртл очень нравились его наброски, но что она понимает? Если бы он мог где-нибудь подучиться, найти кого-нибудь, кто поучил бы его... А пока придется работать...

Прежде всего он, разумеется, попытал счастья в газетах, в этих великолепных учреждениях, куда тянет всякого, кто хочет проложить себе дорогу. Но Юджина испугали шумные редакции, хмурые заведующие художественными отделами и заносчивые редакторы. Один из этих власть имущих нашел небезынтересными те три-четыре наброска, которые показал ему Юджин, но он был в дурном расположении духа, и — нет, ему никто не нужен. Он так и сказал: «Нет, нам никого не надо». Юджин с горечью подумал, что, очевидно, его и на этом поприще ждет провал.

Вся беда юноши заключалась в том, что его способности еще дремали. Красота жизни, то изумительное, что есть в ней, уже держало его в своей власти, но он еще не в состоянии был передать это в линиях и красках. Он без конца бродил по шумным улицам, подолгу простаивал у витрин и часами глядел на лодки, скользящие по реке, и на сновавшие по озеру суда. Как-то днем, когда Юджин стоял на берегу озера, на горизонте показалась шхуна, плывшая под всеми парусами,— первый корабль, который он увидел в своей жизни. Чуткая душа его встрепенулась. Руки нервно сжались в кулаки, дрожь пробежала по телу. Он сел на парапет и все смотрел и смотрел, пока шхуна не скрылась из виду. Так вот они, великие озера! Каковы же должны быть великие мо-

ря — Атлантический, Тихий, Индийский океаны. О море! Когда-нибудь он, быть может, попадет в Нью-Йорк и увидит там море. Но оно и здесь перед ним — в миниатюре, и какое оно изумительное!

Однако человек не может жить праздно, проводя время в мечтаниях на берегу озера, у паромов и витрин, если у него нет средств к существованию, а у Юджина их не было. Покидая отчий дом, он твердо решил добиться самостоятельности. Он хотел иметь заработок, на который можно было бы кое-как жить. Он хотел иметь возможность написать домой, что неплохо устроился. Прибыли его вещи, от матери пришло ласковое письмо и немного денег, однако деньги он отослал обратно — всего лишь десять долларов, но он не так думал начинать новую жизнь. Он считал, что должен жить на собственные средства — во всяком случае он решил попытаться.

Прошло десять дней, капиталы Юджина сильно убавились, — у него оставался доллар семьдесят пять центов, — надо было браться за любую работу. Нечего было сейчас и думать о месте художника или даже наборщика. Наборщик должен быть членом профессионального союза, а потому приходилось брать, что подвернется, — и он стал ходить из магазина в магазин, предлагая свои услуги. Убогие мастерские, в которых он справлялся о работе, были до того неприглядны, что Юджин внутренне морщился; но он подавил свою брезгливость. Он готов был взяться за какой угодно труд, хотя бы приказчика в булочной, кондитерской или мануфактурном магазине.

Однажды он зашел наугад в большую скобяную лавку. Человек, к которому он обратился, посмотрел на него с любопытством.

— Я могу вам предложить работу по ремонту печей, — сказал он.

Юджин не понял его, но охотно согласился. Ему положили шесть долларов в неделю, — на это все же можно было существовать. Юджина проводили на чердак, находившийся в ведении двух верзил-рабочих, мастеров по сборке, окраске и починке печей. Они сердито объяснили своему новому помощнику, что он должен будет счищать ржавчину со старых печей, а также помогать собирать их, красить и переносить на склад, — в этой лавке ремонтировались для продажи старые печи, кото-

рые хозяин скупал у старьевщиков по всему городу. Юджину была отведена низкая скамья у окошка, где ему полагалось чистить ржавые печи, но он часто забывал о работе, глядя вниз, в переулок, где во дворах густо росла зеленая трава. Город был для него полон чудес, он манил его каждой мелочью. Когда мимо проходил тряпичник, выкрикивая: «Тряпки, железо покупаю!» — или торговец овощами зазывал: «Вот помидоры, картошка, молодая кукуруза, зеленый горошек!» — Юджин поднимал голову и прислушивался: эта своеобразная музыка находила в нем живой отклик. В Александрии ничего похожего не услышишь. Все это было так непривычно. И Юджин представлял себе, как он стал бы делать наброски, и мысленно зарисовывал белье, развешанное во дворе на веревках, девушек с корзинками и тому подобное.

Однажды, когда ему казалось, что он усердно трудится (он работал в лавке уже две недели), один из мастеров крикнул ему:

— Эй ты, там, пошевеливайся! Не за то тебе платят, чтобы ты в окно глазел.

Юджин застыл на месте. Он и не заметил, что бездельничает.

— А вам что за дело? — сказал он обиженно и вызывающе. До сих пор он считал, что работает с этими людьми, как равный, и вовсе не подчинен им.

— Я тебе покажу, дерзкий мальчишка! — отозвался мастер постарше, грубый малый, вылитый Билл Сайкс из «Оливера Твиста». — Ты у меня узнаешь, кто твой начальник. Живей, говорю, и не нахальничать!

Эта неожиданная вспышка звериной грубости поразила Юджина. Зверь, за которым он наблюдал на расстоянии, как мог бы наблюдать художник, и который интересовал его как явление, теперь показал себя.

— Убирайтесь вы к дьяволу! — крикнул Юджин, лишь наполовину сознавая, какой опасности он себя подвергает.

— Что такое? — заорал мастер и кинулся на него.

Он оттолкнул Юджина к стене и хотел было пнуть носком своего тяжелого, подбитого гвоздями башмака. Юджин схватил с пола железную ножку от печки. Он был бледен как полотно.

— Лучше не пробуйте! — угрожающе сказал он, крепко зажав в руке железную ножку.

— Брось, Джим,— сказал другой мастер, понимавший всю неуместность такой вспышки.— Не тронь его. Гони его лучше вон, если он тебе не нравится.

— В таком случае проваливай ко всем чертям! — сказал великодушный начальник Юджина.

Все еще держа в руке печную ножку, Юджин подошел к гвоздю, на котором висели его пиджак и шляпа. Боясь, что нападение может повториться, он осторожно прошел мимо противника. Тот склонен был снова дать ему тумака в наказание за упрямство, но воздержался.

— Много понимаешь о себе, щенок. Проснись, сонная харя! — сказал он, когда Юджин направился к выходу.

Юноша тихонько проскользнул за дверь, чувствуя себя униженным и опозоренным. Какая сцена! Его, Юджина Витла, чуть не пнули ногой, чуть не вытолкали пинками вон,— и это на работе, за которую платят шесть долларов в неделю. На секунду острая спазма сдавила ему горло, но постепенно отлегло. Ему хотелось плакать, но он не мог. Он спустился вниз и подошел к конторке — лицо и руки у него были измазаны краской.

— Я ухожу,— сказал он нанявшему его человеку.

— Ладно. А что случилось?

— Эта скотина мастер хотел ударить меня ногой,— объяснил Юджин.

— Да, они довольно наглые ребята,— согласился хозяин.— Я так и думал, что вы с ними не поладите. Тут нужен человек покрепче вашего. Получите.

Он выложил на стол три с половиной доллара. Юджин с удивлением выслушал этот странный ответ. Он должен был поладить с этими людьми! А они не обязаны ладить с ним? Так вот какую жестокость таит в себе большой город!

Юджин вернулся домой, умылся и снова вышел на улицу, так как теперь не время было сидеть без работы. Неделю спустя он нашел место агента в конторе по продаже недвижимого имущества; он должен был узнавать и сообщать номера пустующих домов и наклеивать на окна ярлычок с надписью: «Сдается». Это приносило восемь долларов в неделю и открывало кой-какие перспективы. Юджина это место вполне устраивало, но не прошло и трех месяцев, как контора обанкротилась. Бли-

зилась осень, и надо было думать о зимнем костюме и теплом пальто, но Юджин не писал родным о своих злоключениях. Что бы ни было на самом деле, ему хотелось, чтобы они думали, будто он преуспевает.

Остроту и некоторую горечь его впечатлениям придавало зрелище роскоши, подступавшей к нему с разных концов. Его восхищали такие улицы, как Мичиган, Прери и Эшленд-авеню, а также бульвар Вашингтона, — районы, застроенные прекрасными домами, каких Юджин до сих пор никогда не видел. Он был поражен их великолепием, красотой окружающих газонов, зеркальными окнами, блеском выездов и слуг. Впервые в жизни увидел он швейцаров в богатой ливрее, стоящих у дверей. Он видел издали молодых девушек и женщин, казавшихся ему чудом красоты и таких изысканных в своих нарядах, видел молодых людей с горделивой осанкой. Должно быть, это и были представители «общества», о которых постоянно писали в газетах. Юджин еще не умел разбираться в этом. Красивая одежда и изысканная роскошь были для него свидетельством высокого общественного положения. Впервые у него открылись глаза, и он увидел бездонную пропасть между тем, что ждет новичка из провинции, и теми благами, которыми располагает мир, — вернее, теми, что щедро сыплются на немногих, стоящих на самом вершине. Все это несколько отрезвило, но и огорчило его. Жизнь была полна несправедливости.

В эти осенние дни, когда листва на деревьях стала бурой и пронизывающий ветер гнал перед собой клубы дыма и тучи пыли, он убедился, что город умеет быть жестоким. Навстречу попадались люди в потрепанной одежде, угрюмые и изможденные, с запавшими глазами, из которых глядело глубокое отчаяние. Очевидно, их довела до этого тяжелая жизнь. Если они просили милостыню, — правда, к Юджину обращались редко, так как вид его отнюдь не говорил о довольстве, — то обычно жаловались на жизненные неудачи. Ведь так легко потерпеть крушение. Можно попросту умереть с голоду, если не глядеть в оба, — город быстро научил этому Юджина.

В эти дни его грызла тоска. Юджин был не очень общителен и к тому же склонен к самоанализу. Он не имел возможности обзавестись друзьями: по крайней мере так он думал, и потому либо одиноко бродил вече-

рами по улицам, наблюдая жизнь большого города, либо сидел дома в своей комнатухе. Миссис Вудраф, его квартирная хозяйка, была добра и достаточно заботлива, но уже не молода, — не о таком обществе мечтал Юджин. Он думал о девушках и о том, как грустно, что нет ни одной, с кем можно было бы перемолвиться словом. Стеллы нет — с этой мечтой покончено. Когда-то он встретит другую, похожую на нее?

В конце месяца, в течение которого он вынужден был истратить часть денег, присланных матерью для покупки в рассрочку костюма, Юджин, наконец, устроился возчиком в прачечную, и эта работа, за которую платили десять долларов в неделю, представлялась ему очень хорошей. Время от времени, когда он чувствовал себя не слишком усталым, он брался за карандаш и делал наброски, но все они казались ему бездарными. А потому он продолжал работать в прачечной и развозить белье, тогда как ему следовало бы искать места в какой-нибудь редакции или учиться живописи.

В ту зиму Миртл написала ему, что Стелла Эплтон уехала в Канзас, куда перебрался ее отец, что мать хворает и просит Юджина хоть на неделю приехать домой. Незадолго перед этим Юджин познакомился с одной девушкой-шотландкой, по имени Маргарет Дафф, работавшей в той же прачечной; он быстро сошелся с ней, и эта связь положила начало его отношениям с женщинами. До этого он не знал женщин и с тем большей горячностью отдался теперь переживаниям, которые пробудили в его характере новую черту, если не порочную, то во всяком случае разрушительную и дезорганизирующую. Он любил женщин, любил красивые линии их тела, их внешнее очарование, а впоследствии должен был полюбить и душевную красоту (он и сейчас ее любил, только смутно, бессознательно), но его идеал женщины еще не был ему ясен. Маргарет Дафф была непосредственна, добра и обладала некоторой грацией и миловидностью. Вот, пожалуй, и все. Но, найдя для себя благоприятную почву, чувственность Юджина стала быстро расти и за несколько недель почти целиком завладела им. Он дня не мог прожить без этой девушки, а она охотно шла ему навстречу, лишь бы их связь не слишком бросалась в глаза. Маргарет слегка побаивалась родителей, но они, люди рабочие, рано ложились и спали крепко. Они, по-

видимому, ничего не имели против ее встреч с молодыми людьми. Юджин был у нее не первый.

В продолжение трех месяцев страсть их была безудержна. Юджин проявлял жадность, ненасытность, а девушка, хоть и более холодная, рада была угодить возлюбленному. Ей льстил его пыл, жаркое пламя, которое она в нем загля; вскоре, однако, она почувствовала утомление. Затем стала сказываться разница натур, противоположность вкусов, взглядов, стремлений. Юджину в сущности не о чем было говорить с Маргарет, он не мог найти в ней отклика на свои более тонкие переживания. Она же не встречала в нем интереса к тем пустякам, которые ее занимали,— к остромам, услышанным с эстрады, к забавным замечаниям знакомых молодых людей и девушек. Маргарет умела одеться, но во всем, что касалось искусства, литературы, социальных проблем, была совершеннейшей невеждой, тогда как Юджин, при всей своей молодости, горячо отзывался на все, что происходило в мире. Ему были близки имена великих людей — Карлейля, Эмерсона, Торо, Уитмена,— дороги отзвуки их великой славы. Он читал о гениальных философах, художниках, композиторах, которые метеорами пронеслись по небу западного мира, и размышлял. Его волновало смутное предчувствие, что и он призван совершить нечто великое, и в своем юношеском энтузиазме он уже наполовину верил, что это будет очень скоро. Он знал, что девушка, с которой он сошелся, не удержит его надолго. Она увлекла его, но, увлеченный, он оставался господином, критиком и судьей. У него не раз мелькала мысль, что она ему не нужна, что он может найти кого-нибудь получше.

Естественно, что такие мысли неизбежно должны были убить страсть, как пресыщение неизбежно должно было породить такие мысли. Маргарет постепенно охладела к Юджину. Ее злило его высокомерие, его порой надменный тон. Они ссорились из-за пустяков. Как-то вечером он с обычной заносчивостью заметил, что ей следовало бы сделать то-то и то-то.

— Брось, пожалуйста, командовать,— сказала она.— Ты всегда со мной разговариваешь, будто я твоя собственность!

— Так оно и есть,— сказал он шутя.

— Ты так думаешь! — вспыхнула она.— Найдутся и другие.

— Ну и отправляйся к ним, когда тебе будет угодно. Я не возражаю.

Его тон задел ее за живое, хотя Юджин сказал это больше в шутку, чем всерьез, и в действительности ничего такого обидного не имел в виду.

— Мне сейчас угодно! Незачем ходить ко мне, раз ты этого не хочешь. Обойдусь и без тебя.

Она вызывающе вскинула голову.

— Не дури, Маргарет,— сказал он, поняв, какое вызвал озлобление.— Ты вовсе этого не думаешь.

— Не думаю? А вот посмотрим!

Она отошла в противоположный угол. Он последовал за нею, но ее гнев снова пробудил в нем раздражение.

— Впрочем, как хочешь,— сказал он, постояв в нерешительности.— Я пойду, пожалуй.

Она ничего не ответила, ни о чем не просила, ничего не предлагала. Юджин пошел за шляпой и пальто.

— Хочешь поцеловать меня на прощание? — спросил он, вернувшись.

— Нет,— холодно ответила она.

— Покойной ночи,— сказал он.

— Покойной ночи,— равнодушно отозвалась она.

Они так и не помирились окончательно, хотя отношения их и продолжались еще некоторое время.

ГЛАВА V

Связь с этой девушкой возбудила в Юджине почти неудержимый интерес к женщинам. Большинство мужчин втайне гордятся своими любовными успехами, и всякое доказательство умения покорить женщину, увлечь и удержать ее рождает в них уверенность и смелость, которой порой не хватает тем, кто не избалован подобными победами.

Для Юджина это была первая победа такого рода, и она доставила ему огромное удовлетворение. Он чувствовал больше уверенности в себе и совсем не испытывал стыда. Что знали, размышлял он, глупые мальчишки в Александрии о той жизни, какую он ведет здесь? Он, Юджин, живет в Чикаго. Это совершенно иной мир. Он стал мужчиной, человеком независимым, с установившейся индивидуальностью, представляющей интерес

для других. Маргарет Дафф говорила ему много лестного о его особе. Она восхищалась его внешностью, манерами, его вкусом. Он испытал, что значит обладать женщиной. Все это вскружило голову Юджину, и даже то, что ему так бесцеремонно была дана отставка, не произвело на него никакого впечатления,— ведь он был готов ее принять. Теперь он стал тяготиться своей работой, так как десять долларов в неделю не могли удовлетворить уважающего себя молодого человека, особенно если он задался целью при первой же возможности вступить в новую связь, вроде только что оборвавшейся. Юджин решил искать место получше.

И вот однажды женщина, которой он доставлял бельё на Уоррен-авеню, остановила его вопросом:

— Сколько вы, возчики, получаете в неделю?

— Я получаю десять долларов,— сказал Юджин.— Но некоторые, возможно, зарабатывают больше.

— Из вас вышел бы хороший инкассатор,— продолжала она. Это была рослая женщина, с виду простая, но пронизательная и прямая.— Хотели бы вы перейти на такую работу?

Юджину давно опротивело развозить бельё. Рабочий день был убийственно длинный. В субботу, например, он кончал в час ночи.

— Еще бы не хотеть! — воскликнул он.— Я не знаю, что это за должность, но в моей теперешней веселого мало.

— Мой муж служит управляющим в компании «Дешевая мебель»,— продолжала женщина.— Там нужны хорошие инкассаторы. Сейчас у них, кажется, есть вакантное место. Хотите, я поговорю с ним?

Юджин обрадовался и поблагодарил ее. Вот уж действительно как с неба свалилось! Ему очень хотелось узнать, сколько получает такой инкассатор, но он решил, что спрашивать неудобно. Однако женщина, по-видимому, угадала его мысли.

— Если он вас возьмет, вы будете, вероятно, получать для начала долларов четырнадцать,— сказала она.

Юджин был в восторге. Вот это действительно шаг вперед! На четыре доллара больше! При таком жалованье он мог бы одеться и иметь свободные деньги. Он мог бы учиться живописи. Его мечты росли и множились. Да, можно пробить себе дорогу, стоит только за-

хотеть. Добросовестность, с какую он обслуживал клиентов прачечной, получила должную награду. А дальнейшие труды на новом поприще принесут ему, возможно, и больший успех. Ведь он еще так молод.

К тому времени он уже проработал в прачечной полгода. И вот полтора месяца спустя на его имя пришло письмо от мистера Генри Митчли, управляющего компанией «Дешевая мебель», с просьбой зайти к нему на дом в любой вечер после восьми. «Мне порекомендовала вас моя жена», — сообщал он в заключение.

Юджин отправился по адресу в тот же день, и там его встретил и внимательно оглядел худощавый, подвижной, обходительный до слащавости человек лет сорока, который задал ему множество вопросов относительно его родителей, работы, получаемого жалованья и так далее. Наконец он сказал:

— Мне нужен дельный молодой человек. Для солидного, честного и трудолюбивого работника у нас очень хорошее место. Моя жена хвалит вас, и я готов вас испробовать. Я могу предложить вам должность на четырнадцать долларов. Зайдите ко мне в следующий понедельник.

Юджин поблагодарил его. По совету мистера Митчли, он решил за неделю предупредить управляющего прачечной о своем уходе. Он рассказал Маргарет о своих планах, и она, по-видимому, была рада за него. Управляющий расстался с ним не без сожаления, так как Юджин работал добросовестно. За неделю он помог ввести в дело нового человека, взятого на его место, и в понедельник явился к мистеру Митчли.

Последний радушно встретил Юджина, так как угадывал в нем энергичного и способного работника. Он объяснил ему несложные обязанности инкассатора, которые заключались в том, чтобы взysкивать с клиентов текущие взносы за проданные им в рассрочку товары — часы, серебро, ковры и прочее, что составляло в среднем от семидесяти пяти до ста двадцати пяти долларов в день.

— В таком деле, как наше, у служащих обычно берут залог, — пояснил мистер Митчли, — но мы обходимся без этих новшеств. Мне кажется, я всегда отличу честного человека. К тому же у нас существует контроль. И если у человека дурные наклонности, с нами он не больно разживется.

Юджин никогда особенно не задумывался над тем, что значит быть честным. Дома ему не отказывали в небольших карманных деньгах, а служа в газете, он достаточно зарабатывал на свои нужды. С другой стороны, в его кругу быть честным считалось чем-то обязательным, само собой разумеющимся. Кто не был честен, попадал в тюрьму. Он отлично помнил один прискорбный случай в Александрии, когда его знакомого арестовали за то, что он забрался ночью в какой-то магазин. На Юджина это происшествие произвело огромное впечатление. Впоследствии он немало думал об этих вопросах, но так ни до чего и не додумался. Он знал, что от него могут в любую минуту потребовать отчета в сумме, предоставленной в его распоряжение, и был готов к этому. Его заработка, считал он, должно хватать на жизнь, тем более что ему не нужно никого содержать. Он в сущности легко скользил по поверхности жизни, и честность его оставалась неиспытанной.

Юджин взял приготовленные для него счета и стал добросовестно обходить дом за домом. Одни клиенты платили с готовностью, и он выдавал им расписки, другие просили об отсрочке или совсем отказывались платить, ссылаясь на какие-то недоразумения с компанией. Нередко выяснялось, что люди, которых он разыскивал, съехали, не оставив адреса и захватив с собой неоплаченные вещи. В таких случаях он был обязан, как объяснил ему мистер Митчли, расспросить о них соседей.

Юджин сразу понял, что эта служба по нем. Пребывание на свежем воздухе, всегда в движении, сравнительная простота обязанностей — все нравилось ему. Эти обязанности заводили его в незнакомые части города и сталкивали с незнакомыми дотоле типами и характерами. Если работа возчика — необходимость ездить от дома к дому — действовала на него освежающе, то и новая его служба была в таком же роде. Он наблюдал сценки, которые могли в будущем послужить ему прекрасным материалом для картин. Темные массивы фабрик, высящиеся в светлом небе; широкое железнодорожное полотно, скрещивающиеся, переплетающиеся пути под дождем, под снегом, на ярком солнце; гигантские черные трубы, устремленные навстречу утренним или вечерним облакам. Особенно нравились ему эти трубы под вечер, когда они рельефно выделялись на фоне крас-

ного или тускло-фиолетового заката. «Изумительно!» — восклицал он про себя и думал о том, как будет поклоняться мир ему, Юджину, если он когда-нибудь создаст такие же великие произведения, как Гюстав Доре. Он восхищался грандиозным воображением этого мастера. Юджин никогда не представлял себя пишущим маслом, акварелью или мелом, — только тушью, и притом большими, грубыми пятнами черного и белого. Вот как нужно писать. Вот чем достигается сила впечатления.

Но он еще не мог создавать образы. Он мог только мыслить ими.

Больше всего восхищала его река Чикаго, ее черная, невероятно грязная вода, которую тяжело вспенивали пыхтящие буксиры, ее берега, где выстроились огромные красные элеваторы, черные желоба для погрузки угля и отливающие яркой желтизной склады лесных материалов. Вот где были настоящие краски, настоящая жизнь — вот что следовало писать. И другой пейзаж: приземистые, исхлестанные дождем сиротливые коттеджи, их серые унылые ряды на фоне голой прерии и одинокое корявое деревце где-нибудь сбоку. Он брал первый попавшийся конверт и силился запечатлеть главное, — передать ощущение, как он выражался, — но у него ничего не выходило. Все, что он рисовал, казалось ему жалким и шаблонным, — одни ничего не говорящие линии и безжизненные, тяжеловесные массы. Как достигали великие художники естественности и простоты рисунка? — спрашивал себя Юджин.

ГЛАВА VI

Юджин добросовестно работал — собирал взносы по счетам, сдавал собранные деньги — и уже успел кое-что скопить для себя. Маргарет была для него теперь далеким прошлым. Квартирная хозяйка Юджина, миссис Вудраф, уехала к дочери в Сидейлию, штат Миссури, и он перебрался в другой дом, попримичнее, на Двадцать первой улице, в восточной части города. Перед домом на лужайке в пятьдесят квадратных футов росло дерево, это-то и привлекло Юджина. Его новая комната, как и первая, стоила недорого, и он жил в семье. Он договорился платить двадцать центов за каждый завтрак, обед или ужин, который будет получать от хо-

зьев, и, таким образом, расходовал на питание всего пять долларов в неделю. Из остальных девяти он тратил какие-то суммы на одежду, проезд и развлечения — на последние почти ничего. Как только у него появились кое-какие сбережения, он стал подумывать о том, чтобы наведаться в Институт искусств, который представлялся ему дорогой к успеху, и узнать условия поступления на вечерние курсы по рисунку. Юджин слышал, что плата там умеренная, всего пятнадцать долларов в семестр, и решил туда зачислиться, если к поступающим не предъявляют слишком строгих требований. Он постепенно приходил к убеждению, что рожден быть художником и рано или поздно им будет.

Старое здание Института искусств на углу Мичиган-авеню и Монро-стрит, еще до переезда Института в нынешнее внушительное помещение, являло образец изящества, которого так не хватает большинству общественных зданий того времени. Большое, шестиэтажное, из бурого песчаника, оно, помимо залов для выставок и классов, вмещало ряд рабочих студий отдельных художников, скульпторов и преподавателей музыки. Курсы были утренние и вечерние, и они уже в то время привлекали немало учащихся. Красота, таящаяся в искусстве, до некоторой степени расшевелила западного американца. Так мало красоты было в жизни этого народа, а между тем какой славы достигли те, кто сумел проявить себя на этом поприще и жил в этой изысканной атмосфере. Уехать в Париж! Поучиться там в какой-нибудь прославленной мастерской! Или в Мюнхен, Рим! Познакомиться с художественными сокровищами Европы, с жизнью артистических кварталов,— одно это чего стоило! В груди многих неискушенных юношей и девушек горело поистине непреодолимое желание вырваться из болота будничной жизни, воспринять вкусы и нравы, присущие — как тогда считали — служителям искусства, усвоить их отчасти изысканные, отчасти небрежные манеры; поселиться в студии, пользоваться известной свободой, недоступной для простых смертных,— вот что надо делать, к чему стремиться. Разумеется, некоторая роль во всем этом отводилась и самому искусству. Предполагалось, что когда-нибудь вы обогатите мир замечательными полотнами и великолепными статуями, а пока вам можно и должно жить жизнью художника. Какая прекрасная, привольная жизнь!

Юджину давно уже грезилось нечто подобное. Он знал, что в Чикаго немало известных мастерских, что есть художники, создающие, судя по отзывам газет, превосходные произведения. В печати то тут, то там попадались сообщения о выставках, по большей части бесплатных, ибо публику и так было довольно трудно туда залучить. Однажды Юджин прочел о выставке картин Верещагина, прославленного русского баталиста, какими-то судьбами оказавшегося в западном полушарии. В одно из воскресений Юджин отправился посмотреть его картины и был потрясен великолепной передачей деталей боя, изумительными красками, правдивостью образов, ощущением трагизма, мощи, опасности, ужаса и страданий, которое исходило от этих полотен. Они свидетельствовали о зрелости и глубине таланта русского художника, об исключительном богатстве его воображения и темперамента. Юджин смотрел и думал о том, как достигнуть такого совершенства. И в течение всей дальнейшей жизни имя Верещагина было для него величайшим стимулом. Если быть художником, то только таким.

В другой раз Юджин увидел картину, которая затронула в нем иные струны, хотя природа впечатления и на этот раз была художественной. Это была картина французского художника Бугро — крупное, теплое по колориту нагое женское тело. Совсем недавно этот художник произвел сенсацию своими смелыми изображениями обнаженной натуры. Излюбленными образами Бугро были не жеманные, миниатюрные, хрупкие существа, лишенные силы и страсти, а прекрасные, полнокровные женщины, со сладострастными линиями шеи, рук, груди, бедер и ног, женщины, созданные для того, чтобы зажечь лихорадочный огонь в крови молодого мужчины. Художник, несомненно, понимал и знал страсть, любил форму, чувственность, красоту. За его прекрасными образами угадывалось брачное ложе, материнство и пухлые, цветущие младенцы, радостно прижимаемые к груди. Его женщины вставали во всей своей красе и притягательной силе: с полуоткрытыми сочными губами, с румянцем страсти на щеках, с манящим желанием в глазах. Нечего и говорить, что консерваторы и пуритане, люди религиозного и строгого воспитания, предавали такие картины анафеме. Уже одного того, что это полотно было привезено в Чикаго для

продажи, оказалось достаточно, чтобы вызвать бурю возмущения. Нельзя рисовать такие вещи, кричали газеты, во всяком случае, незачем показывать их публике. Многие хотели видеть в Бугро одного из тех, кто сеет соблазн и пытается своим талантом внести разложение в общественные нравы. Поднялся вопль, что картину надо убрать, и, как всегда бывает при взрывах общественного протеста, она вызвала в публике огромный интерес.

Юджин тоже заинтересовался дискуссией. Он не только не видел раньше полотен Бугро, он вообще никогда не видел ни одной настоящей картины, изображающей обнаженное тело. Освобождаясь обычно в три часа, он успевал посещать выставки, тем более что его теперешняя работа позволяла ему всегда носить хороший костюм. Юджин выглядел серьезным, солидным молодым человеком, и его просьба показать что-либо в художественном салоне не должна была вызвать недоумения. По внешнему виду он вполне мог принадлежать к интеллигенции или к племени художников.

Не будучи уверен в том, какой прием будет оказан столь молодому человеку (ему еще не исполнилось и двадцати лет), Юджин тем не менее рискнул зайти в магазин, где был выставлен Бугро, и попросил показать ему картину. Служитель с любопытством оглядел его, но все же проводил в глубь магазина, в комнату с темно-красными портьерами, включил электрическую люстру в нише, затянутой красным бархатом, и отдернул занавес, скрывавший картину. Юджин никогда не видел такого тела, такого лица. Это была красота, которая является только в мечтах,— его идеал, воплощенный в жизнь. Он смотрел, не отрываясь, на это лицо и шею, на пышный узел чувственных каштановых волос, на губы, раскрытые, словно лепестки, на нежные щеки. С изумлением разглядывал он мягко намеченные груди и живот — это обещание материнства, которое так воспламеняет мужчин. Он мог бы часами стоять, созерцая и наслаждаясь, но служитель, оставивший его одного на несколько минут, вернулся.

— Сколько она стоит? — спросил Юджин.

— Десять тысяч долларов,— последовал ответ.

Юджин понимающе усмехнулся.

— Да, вещь замечательная,— сказал он и направился к выходу. Служитель выключил свет.

Эта картина, как и полотна Верещагина, оставила глубокий след в душе Юджина. Но, как ни странно, у него не было желания создать что-либо в этом роде. Он лишь испытывал радостное волнение, разглядывая ее. Эта картина воплотила его идеал женщины — идеал красоты, и он всем существом жаждал найти подобное создание, которое отнеслось бы к нему благоклонно.

Были и другие выставки (на одной он, между прочим, увидел подлинного Рембрандта), которые произвели на него немалое впечатление, но ни один художник не взволновал его так глубоко, как Верещагин и Бугро. Юджина все неужеримее влекло к искусству; ему хотелось побольше узнать и самому испытать свои силы. Однажды, набравшись смелости, он зашел в Институт искусств и навел справки у секретарши. Это была женщина с весьма практическим складом ума. Она сообщила ему, что занятия продолжаются с октября по май, что он может записаться в класс живой природы, или гипсов, или в тот и другой — хотя гипсы для начала целесообразнее, — или в класс иллюстрации, где натурщиков и натурщиц пишут в костюмах различных эпох, а также сказала, сколько ему придется платить за это. Он узнал, что в каждом классе свой преподаватель (человек с именем и весом) — но Юджину пока нет необходимости обращаться к кому-либо из них, — а также свой староста. От учащегося требуется добросовестная работа — ради его же собственного блага. Юджин не видел самые классы, но вынес впечатление, что здесь каждый уголок насыщен искусством; даже коридоры и служебные комнаты были изящно отделаны, и всюду висели гипсовые слепки — руки, ноги, торсы, бедра и головы.

Юджину казалось, что он постоял у открытой двери и заглянул в новый мир. Он с радостью узнал, что ему предоставляется возможность учиться рисовать пером или кистью в классе иллюстрации, а также, если он пожелает, заниматься вечерами по классу живой природы и посещать, без особой доплаты, от пяти до шести класс эскиза. Он несколько удивился, узнав из врученного ему печатного проспекта, что в классе живой природы пишут с обнаженных моделей — мужчин и женщин. Он и впрямь был на пути в новый мир. Этот мир казался ему естественным и необходимым, но вместе с тем

от него веяло чем-то неприступным, наводившим на мысль о священном храме, куда доступ открыт лишь избранным и одаренным. Одарен ли он? Погодите! Он еще покажет себя, хоть он и неотесанный провинциал!

Юджин решил записаться, во-первых, в класс живой природы, где занятия происходили по понедельникам, средам и пятницам от семи до десяти, и, во-вторых, в класс эскиза, который работал ежедневно с пяти до шести. Он понимал, что знает очень мало — вернее ничего не знает — о строении и анатомии человеческого тела и что ему лучше всего поработать над этим. Костюм и иллюстрация подождут, а что касается пейзажей, тех самых видов города, которые его особенно увлекали, то с этим надо повременить, пока он не достигнет основного.

До сих пор Юджин никогда не пытался рисовать лицо или человеческую фигуру — разве только очень мелким планом, как деталь более крупной композиции. Теперь ему предстояло делать углем наброски головы или тела с живой природы, и это его пугало. Он знал, что придется работать в одном классе с пятнадцатью — двадцатью другими студентами, которые увидят его работы и будут критиковать их. Дважды в неделю их будет просматривать преподаватель. Как он узнал из проспекта, тот, кто в течение месяца обнаружил наибольшие успехи, получает право выбирать себе лучшее место всякий раз, когда группа приступает к новой работе. Преподаватели представлялись Юджину людьми хорошо известными среди американских художников — все это были «Н. А.», «национальные академики». Он и не подозревал, с каким презрением относились к этому званию в некоторых кругах.

Однажды вечером, в один из октябрьских понедельников, запасшись несколькими листками бумаги, которую он приобрел, следуя указаниям все того же всеведущего проспекта, Юджин приступил к занятиям. Он слегка нервничал, оглядывая ярко освещенные коридоры и классы, и вид проходивших мимо молодых людей и девушек отнюдь не способствовал его успокоению. Ему сразу бросились в глаза их веселость и непринужденные манеры. Студенты производили впечатление интересных, мужественных и в большинстве красивых мужчин, а студентки — изящных, бойких и уверенных

в себе молодых особ. Одна или две из них, как мысленно отметил Юджин, выделялись какой-то своеобразной, непонятной ему красотой. О, это был прекрасный мир.

Классные комнаты поразили его не меньше. Они так давно служили своему назначению, что все стены их были измазаны краской, соскобленной с палитр. Не было даже мольбертов, одни только стулья и маленькие скамеечки; стульями, как узнал Юджин, студенты пользовались вместо мольбертов, перевернув их ножками кверху, скамеечки заменяли им стулья. Посередине класса были устроены подмости высотой с обыкновенный стол, где позировали натурщицы или натурщики, а в одном углу комнаты стояла ширма, за которой они одевались. Ни картин, ни статуй — голые стены, и у одной из них почему-то рояль. В коридорах и в общем зале висели изображения нагого тела или его частей во всевозможных положениях, и для Юджина, при его непосредственности и молодости, это служило немалым соблазном. Он посматривал на них с тайным удовольствием, но понимал, что никому не должен признаваться в таких мыслях. Люди искусства, говорил он себе, должны казаться равнодушными к подобным искушениям, они должны быть выше таких чувств. Ведь они приходят сюда работать, а не мечтать о женщинах.

Когда настал час, назначенный для занятий, студенты засуетились и забегали, некоторые стали совещаться между собой, и вскоре мужчины заняли один ряд комнат, а женщины — другой. В своем классе Юджин увидел молоденькую девушку, которая сидела у самой ширмы и со скучающим видом смотрела по сторонам. Черноволосая и черноглазая, она была хороша собой; ее лицо выдавало ирландское происхождение. На ней была шапочка, напоминавшая национальный головной убор польских женщин, и красный плащ. Юджин подумал, что это натурщица, и втайне спрашивал себя, неужели он и в самом деле увидит ее нагой. Спустя несколько минут, когда все расселись, по рядам прошло легкое движение, и в класс неторопливо вошел высокий мужчина лет тридцати шести, весьма живописной внешности. Он гуляющей походкой прошел через всю комнату и потребовал внимания. На нем был поношенный серый шерстяной костюм и небрежно сдвинутая набекрень ко-

ричневая шляпа с небольшими полями, которую он не нашел нужным снять. Под пиджаком виднелась голубая в полоску рубашка с отложным воротником и без галстука — все вместе придавало ему чрезвычайно самодовольный вид. Это был высокий, стройный мужчина, с длинным, узким лицом, твердо очерченной линией большого рта, крупными руками и ногами; ходил он вперевалку, как моряк. Юджин догадался, что это и есть «м-р Темпл Бойл, Н. А.», их преподаватель, и ожидал, что сейчас будет произнесено нечто вроде вступительной речи. Но тот лишь заявил, что старшим по классу назначен мистер Уильям Рэй, и выразил надежду, что не услышит жалоб на беспорядок и напрасную трату времени. По средам и пятницам он будет регулярно просматривать работы и надеется, что все студенты постараются заниматься успешно. Затем он предложил классу приступить к делу и так же неторопливо удалился.

Юджин узнал от одного из студентов, что это действительно был мистер Бойл. Молодая ирландка прошла за ширму, и Юджин со своего места увидел, что она раздевается. Это смутило его, но он взял себя в руки, чтобы не опозориться в присутствии стольких студентов. Он перевернул стул ножками кверху, как это сделали другие, и сел на скамеечку. Уголь в маленькой коробочке лежал рядом. Он разгладил бумагу, натянутую на доску, и нетерпеливо ждал, сохраняя внешнее спокойствие. Некоторые студенты переговаривались между собой. Наконец натурщица сбросила с себя тонкую, прозрачную сорочку, и в следующее мгновение оказалась из-за ширмы нагая и совершенно спокойная. Поднявшись на помост, она стала в позу лицом к студентам, опустив руки вдоль бедер и запрокинув голову. У Юджина зазвенело в ушах, краска залила лицо, сначала он даже боялся посмотреть на девушку. Потом, взяв уголь, он начал наносить на бумагу какие-то робкие штрихи, пытаясь хотя бы отчасти передать ее позу и черты лица. Все происходившее казалось ему необыкновенным — и то, что он в этой комнате, и то, что перед ним натурщица, — словом, что он учится живописи. Так вот каков этот мир, столь не похожий на тот, который он знал до сих пор. И он вступил в него, так как нашел свое призвание.

Только окончательно решив поступить в Институт искусств, Юджин впервые навестил свою семью. Несмотря на то, что его родной дом находился в каких-нибудь ста милях от Чикаго, у него никогда не возникло желания поехать туда, даже на рождественские праздники. Но теперь у него есть что сказать родным— он будет художником. А что до его службы, тут все обстояло как нельзя лучше. Мистер Митчли был им, по-видимому, доволен. Юджин ежедневно сдавал ему деньги и неоплаченные счета. Тот проверял наличность, а на неоплаченных счетах делал пометку «Ко взысканию». Случались у Юджина и просчеты: денег оказывалось то слишком много, то слишком мало. Но так как излишками покрывались недостающие суммы, то в конечном итоге счет выравнивался. В денежных вопросах Юджин не был способен к обману. Ему многое хотелось бы приобрести, но он готов был терпеливо ждать, пока это достанется ему честным путем. Именно эта черта в его характере и нравилась мистеру Митчли. Он стал подумывать, что из Юджина, пожалуй, выйдет толк.

Юджин выехал из Чикаго в пятницу вечером, перед Днем труда — праздником, который, как известно, приходится на первый понедельник сентября и который неукоснительно отмечался в городе всеми. Он сообщил мистеру Митчли о своем желании выехать в субботу после рабочего дня, чтобы провести дома воскресенье и понедельник, но тот предложил ему сделать за четверг и пятницу все, что у него намечено на субботу, и выехать в пятницу вечером.

— Тем более что в субботу мы работаем только полдня,— добавил он.— Таким образом, вы и с делами справитесь и дома пробудете не два, а три дня.

Юджин поблагодарил мистера Митчли и последовал его совету. Он уложил в чемодан все лучшее, что у него было из одежды, и сел в поезд, думая о том, что его ждет дома. Многое изменилось за это время! Стелла уехала. Его юношеская наивность и неопытность отошли в прошлое. Теперь он едет домой как человек бывалый, с кое-какими перспективами на будущее. Он и не догадывался, каким мальчиком он еще выглядел, как мало еще знал жизнь и как далеко было ему

до того трезвого благоразумия, которое так высоко ценит мир.

На вокзале в Александрии Юджина встретили отец, Миртл и Сильвия со своим двухлетним сынишкой. Они приехали в семейной коляске, в которой было место и для него. Юджин ласково поздоровался со всеми и с подобающей скромностью принял их восторженные похвалы своей внешности.

— Здорово ты вырос! — воскликнул отец. — Оказывается, Юджин, ты будешь высоким мужчиной. Я уже боялся, что ты перестал расти.

— А мне и не заметно, что я сколько-нибудь вырос, — сказал Юджин.

— Нет, правда, — вставила Миртл. — Ты стал гораздо выше, Джин. И потому кажешься похудевшим. Ну как ты, поздоровел, окреп?

— Еще бы мне не окрепнуть, — смеясь, ответил Юджин, — когда я за день делаю миль пятнадцать — двадцать и все время на свежем воздухе!

Сильвия справилась насчет его желудка. В общем, все то же самое, ответил Юджин. То как будто лучше, то опять хуже. Один врач посоветовал ему выпивать утром стакан горячей воды, но он никак себя не заставит. Противно глотать эту гадость.

Так, за разговорами и расспросами, они и не заметили, как доехали до дому, где миссис Витла ждала их на крыльце. Завидев ее в поздних сумерках, Юджин соскочил на ходу и бросился к ней.

— Мамочка! — воскликнул он. — Не ждала меня так скоро, правда?

— Скоро, говоришь?.. — только и вымолвила она и припала к его груди. Несколько секунд она не выпускала его из объятий, а потом сказала: — Ты стал совсем взрослым, Юджин!

Юджин прошел в гостиную и огляделся. Все здесь было по-прежнему. Те же книги, тот же стол и стулья, та же лампа, спускающаяся на блоке с потолка. Ничего нового не прибавилось ни в другой, парадной, гостиной, ни в спальнях, ни в кухне. Мать немного постарела, отец — нисколько. Сильвия заметно изменилась. Ее круглое личико слегка осунулось и заострилось. «Печать материнства», — подумал Юджин. Лицо Миртл светилось спокойствием и счастьем. У нее был

теперь жених, некий Фрэнк Бэнгс, управляющий местной мебельной фабрикой. Он был совсем еще молод и недурен собой. В семье считали, что со временем он будет состоятельным человеком. Старый Билл — одна из двух рабочих лошадей — был продан. Не было в живых Бродяги — одной из овчарок, и кот Джек погиб где-то во время ночных прогулок.

Юджин стоял в кухне и наблюдал за матерью, которая жарила для него увесистый бифштекс и готовила в честь его приезда бисквит со сладкой подливкой, и у него было такое ощущение, словно этот мир стал ему чужим. Он был еще теснее и меньше, чем ему представлялось. Да и самый город, когда он проезжал по улицам, показался ему меньше, меньше стали и дома. Конечно, здесь было хорошо. Но эти уютные, тихие дворики чересчур уж напоминали деревню. А отец, со своей торговлей швейными машинами, — до чего же он ограничен. Типичный провинциал. Как это дико, вдруг подумал Юджин, что у них в доме никогда не было рояля. А ведь Мирта любит музыку. И сам он тоже обнаружил в себе страстную любовь к музыке. В Центральном музыкальном зале в Чикаго по вторникам и пятницам давались органые концерты, и он иногда успевал попасть на них после работы. Кроме того, выступления некоторых видных проповедников, — людей, известных своими либеральными взглядами, как, например, профессор Суинг, преподобный Г. У. Томас, преподобный Гансолус, профессор Солтас, — всегда сопровождалась прекрасной музыкой. Все это Юджин открыл для себя в своем стремлении узнать жизнь и бежать от одиночества. И теперь он понимал, что старый мир, в котором он жил когда-то, был просто глухим, захолустным городишкой. Никогда он не вернется к такой жизни.

На другой день, отлично выспавшись в своей прежней спальне, Юджин пошел в «Морнинг Эппил» повидаться с мистером Калемом Уильямсом и мистером Берджесом, с Джонасом Лайлом и Джоном Саммерсом. На площади возле суда он повстречал Эда Митчела и Джорджа Тэпса, а потом Билла Грониджера и еще четырех или пятерых товарищей по школе. От них он узнал все новости. Джордж Андерсон женился на здешней девушке и теперь живет в Чикаго — работает там на бойнях. Эд Уотерberi уехал в Сан-Франциско.

Хорошенькая дочка мистера Сэмпсона, Бесси Сэмпсон, когда-то так дружившая с Тэдом Мартинвудом, сбежала с приезжим из Андерсона, что в штате Индиана. Об этом в свое время было много разговоров.

Юджин слушал. Но каким все это казалось ему ничтожным по сравнению с той новой средой, в которую он попал. Ни один из этих молодых людей и не догадывался, какие виды на будущее рисовались ему, Юджину. В Париж! Ни в коем случае не меньше! И в Нью-Йорк! Хотя он не мог бы сказать, какой дальней дорогой туда доберется. А Билл Грониджер устроился на службу в багажное отделение одного из местных вокзалов и рад. Бог ты мой!

В редакции «Морнинг Эппил» все было по-старому. Юджин после двух лет думал найти здесь большие перемены, а между тем изменился он сам. Это он попал в круговорот всяких ломок и превращений. Он чистил ржавые печи, он был помощником агента по продаже недвижимого имущества, возчиком, инкассатором. Он узнал Маргарет Дафф, и мистера Редвуда, заведующего прачечной, и мистера Митчли. Большой город озарил его своим светом — Верещагин, Бугро, Институт искусств. Он шел вперед семимильными шагами, а этот городок тоже двигался, но так же, как раньше, понемножку, не торопясь.

Калев Уильямс, как и встарь, носился по комнате веселый, разговорчивый, исполненный участия.

— Рад тебя видеть, Юджин, — заявил он, уставившись на него своим единственным, слезящимся глазом. — Рад, что ты делаешь успехи. Это хорошо. Со временем будешь художником, а? Что ж, я лично считаю, что ты для того и создан. Я не всякому молодому человеку посоветовал бы ехать в Чикаго, но ты будешь там как раз на месте. Если б у меня не было жены и троих детей, ни за что бы оттуда не уехал. Но когда у человека семья... — Он сделал выразительную паузу и покачал головой. — О-хо-хо! По одежке протягивай ножки.

И ушел искать запропастившуюся куда-то заметку.

Джонас Лайл был все так же осанист, флегматичен и философски настроен. Он приветствовал Юджина серьезным, испытующим взглядом.

— Ну-с, как дела?

Юджин улыбнулся.

— Неплохо.

— Наборщиком, значит, не собираетесь быть?

— Как будто нет.

— Что ж, это, пожалуй, к лучшему. Их и без того слишком много.

Пока они разговаривали, подошел бочком Джон Саммерс.

— Как поживаете, мистер Витла? — спросил он.

Юджин посмотрел на него. Джон был уже отмечен печатью смерти. Он еще больше исхудал, лицо приняло мертвенный оттенок, плечи ссутулились.

— Очень хорошо, мистер Саммерс, — сказал Юджин.

— А я не могу похвастаться, — сказал старый печатник. Он многозначительно постучал себя по груди. — Эта штука скоро меня доконает.

— Не верьте ему, — вмешался Лайл. — Джон вечно ноет. Он здоров, как никогда. Я ему говорю, что он еще лет двадцать проскрипит.

— Нет, нет, — сказал Саммерс, качая головой. — Я-то знаю.

И он тут же куда-то исчез, пояснив предварительно: «Это здесь рядом, через дорогу», как всегда говорил, когда шел выпить.

— Он и года не протянет, — сказал Лайл, едва за ним закрылась дверь. — Берджес только потому его терпит, что стыдно выгонять больного на улицу. Но его пенска спета.

— Это сразу видно, — сказал Юджин. — Выглядит он ужасно.

И они продолжали беседовать в том же духе.

В двенадцать часов Юджин вернулся домой. Миртл заявила, что вечером он непременно должен пойти с ней и с мистером Бэнгсом в гости. Там будут игры, угощение. Ему никогда раньше не случалось задумываться над тем, что молодежь в городе не танцевала и почти не занималась музыкой. Редко у кого в доме был рояль.

После ужина пришел мистер Бэнгс, и все трое отправились на типичную для провинциального городка вечеринку. Она немногим отличалась от тех, на которых Юджин бывал когда-то со Стеллой, — разве только участники ее почти все были постарше. Два года играют огромную роль в жизни молодых людей. Человек двадцать юношей и девушек с трудом помещались в трех

просторных комнатах и на веранде; окна и двери на веранду были раскрыты. За окнами была пожелтевшая трава и редкие осенние цветы. Трещали кузнечики, за поздалье светлячки носились в воздухе. Был тихий, теплый вечер.

Первые попытки создать непринужденное настроение были не очень успешны. Кого-то с кем-то знакомили, местные денди перебрасывались остротами и шутками. Было довольно много новых лиц, преимущественно среди девушек; одни перебрались сюда из других мест, другие за время отсутствия Юджина успели расцвести и созреть.

— Выходите за меня замуж, Мэдж, я куплю вам котиковые сережки! — услышал он слова одного из юнцов.

Юджин улыбнулся, а девушка посмотрела на него и рассмеялась.

— Он воображает, что это остроумно.

Юджину всегда стоило больших усилий преодолеть сковывавшую его в таких случаях застенчивость. Он боялся уронить себя во мнении окружающих — в этом проявлялось его тщеславие, его повышенное самолюбие. И сейчас он нерешительно прислушивался к разговорам, пытаясь с помощью двух-трех остроумных замечаний присоединиться к общей беседе, и уже начал было оживляться, когда в комнату вошла незнакомая ему девушка в сопровождении жениха Миртл — Бэнгса. Она весело смеялась чему-то, и этот веселый, мелодичный смех сразу привлек к себе внимание Юджина. На ней было белое платье, отделанное золотисто-коричневой лентой, пропущенной на подоле по краю оборки. Длинные толстые косы оттенка матового золота обвивали ее голову. У нее был прямой нос, тонкие и румяные губы и чуть выдающиеся скулы. Что-то было в ней, выделявшее ее среди окружающих, — едва уловимое обаяние незаурядности. Юджина безотчетно потянуло к этой девушке.

Подвел ее к Юджину Бэнгс. Это был подтянутый, всегда улыбающийся молодой человек, крепкий, как молодой дубок, простой и честный.

— Позвольте вас представить, Юджин, это — мисс Блю. Она из Висконсина и часто бывает в Чикаго. Я говорю ей, что вы непременно должны познакомиться. Вы можете как-нибудь встретиться там.

— Как это удачно! — обрадовался Юджин. — Я чрезвычайно рад познакомиться с вами. Где вы живете в Висконсине?

— В Блэквуде, — смеясь, ответила она, и в ее зелено-вато-голубых глазах заплясали огоньки.

— Волосы у нее желтые, глаза голубые, а сама из Блэквуда¹, — сказал Бэнгс. — Каково?

Он широко улыбался, поблескивая ровными белыми зубами.

— Вы упустили синее имя и белое платье. Мисс Блю² должна всегда носить белое.

— Да, этот цвет подходит к моей фамилии, верно? — воскликнула она. — Дома я и хожу обычно в белом. Ведь я всего только скромная провинциалка и почти всегда сама шью себе платья.

— Вы и это сами шили? — спросил Юджин.

— Конечно, сама.

Бэнгс отступил на шаг, чтобы получше рассмотреть платье.

— Гм, оно и вправду красиво! — объявил он.

— Мистер Бэнгс ужасный льстец, — с улыбкой сказала девушка, обращаясь к Юджину. — Он все время говорит мне комплименты.

— Он прав, — сказал Юджин. — Я согласен с ним насчет платья и считаю, что оно очень идет к вашим волосам.

— Вот видите, он тоже пал жертвой, — рассмеялся Бэнгс. — Это общая участь. Ну, а теперь я вас покину. Мне пора, а то я оставил вашу сестру, Юджин, на попечение своего соперника.

Юджин повернулся к девушке и улыбнулся ей своей сдержанной улыбкой.

— Я сейчас как раз думал о том, что с собой делать. Я здесь не был два года и как-то совсем разошелся с людьми.

— Мое положение еще хуже. Я всего две недели в Александрии и почти никого не знаю. Миссис Кинг вывозит меня в свет и знакомит со здешним обществом, но все это так для меня ново, что я никак не могу освоиться. Я нахожу, что Александрия славный город.

¹ Б л э к в у д (англ.) — черный лес.

² Б л ю (англ.) — синий, голубой.

— Хороший городок. Вы, вероятно, уже видели озера?

— Да, конечно. Мы ловили рыбу, катались на лодке, спали в палатках. Я чудесно провела время, но завтра мне уже надо уезжать.

— Неужели? — сказал Юджин. — Да ведь и я завтра еду. Поездом в четыре пятнадцать.

— И я еду тем же поездом! — сказала она, смеясь. — Быть может, поедем вместе?

— Непременно. Вот удачно. А я думал, что придется ехать одному. Я вырвался сюда всего на несколько дней. Я работаю в Чикаго.

Они принялись рассказывать друг другу о себе. Она была родом из Блэквуда — городка в восьмидесяти пяти милях от Чикаго — и там провела всю свою жизнь. У нее несколько братьев и сестер. Ее отец, местный фермер, по-видимому, увлекался политикой, но был не чужд и других интересов. Из беглых замечаний своей новой знакомой Юджин понял, что ее семья, хоть они и небогаты, пользуется всеобщим уважением. Один ее зять работает в банке, другой — владеец элеватора. Сама она школьная учительница и уже несколько лет преподает в Блэквуде.

Она была на целых пять лет старше Юджина, — он тогда не знал этого, и обладала тактом и теми огромными преимуществами, какие дает такая разница в возрасте. Ей надоело быть учительницей, надоело нянчиться с детьми замужних сестер, надоела необходимость работать и жить дома, между тем как проходили ее лучшие годы. Ее влекло к способным людям, глупые деревенские юнцы не интересовали ее. Вот и сейчас один такой блэквудский житель просил ее руки, но это был бесцветный человек, право же, недостойный ее и неспособный создать ей обеспеченную, благоустроенную жизнь. С грустью, с отчаянием, со смутной надеждой и затаенной страстью ждала она чего-то лучшего и не находила. Встреча с Юджином не сулила ей желанного выхода. Да и не так уж безоглядно гналась она за счастьем, чтобы на каждое знакомство смотреть под определенным углом. Но этот молодой человек привлекал ее больше всех, с кем ей случалось знакомиться в последнее время. По-видимому, у них было что-то общее в характере. Ей нравились его большие ясные глаза,

темные волосы, его эффектная бледность. Он казался лучше всех, кого она знала, и она надеялась сойтись с ним поближе.

ГЛАВА VIII

Остаток вечера Юджин провел если не исключительно в обществе мисс Анджелы Блю (он узнал, что ее зовут Анджелой), то во всяком случае вблизи нее. Она привлекала его не только своей внешностью — хотя была прелестна, — но и какой-то особенностью своего темперамента, которую он все время ощущал, как иногда долго ощущаешь на языке приятный вкус. Он решил, что она очень молода, и был очарован ее — как ему казалось — невинностью и наивностью. На деле же Анджела была не столь уж молода и наивна, — скорее она бессознательно разыгрывала простодушие. Это была хорошая в общепринятом смысле слова девушка, преданная, честная, порядочная до мелочности, с твердыми нравственными правилами. Брак и материнство она считала долгом и уделом всякой женщины, но, вдоволь намучившись с чужими детьми, не испытывала особенного желания обзаводиться собственными, а тем более иметь много детей. Она, конечно, не надеялась избежать этой общей, столь превозносимой многими, участи, — и полагала, что и ей, по примеру сестер, предстоит выйти замуж за преуспевающего дельца или человека солидной профессии, что у нее будет трое, четверо или пятеро здоровых ребят, что она станет хозяйкой образцового дома среднего достатка и будет преданной служанкой своего мужа. В ней таилась глубокая страстность, которая — как она постепенно начала сознавать — никогда не найдет полного удовлетворения. Ни один мужчина не способен ее понять, ни один из тех, во всяком случае, кто может оказаться на ее пути, а между тем она знала, что любовь — это ее призвание. Если бы ей встретился человек, который сумел бы зажечь в ней чувство и был бы этого достоин, каким вихрем страсти она ответила бы ему! Как бы она любила, как жертвовала бы собой! Но, по-видимому, ее мечтам не суждено было сбыться: столько времени прошло, и ни разу еще не появился на ее горизонте «настоящий» мужчина. И вот теперь, в двадцать пять лет, когда она так грезила о счастье

и тянулась к нему, перед нею неожиданно предстал предмет ее мечтаний, а она даже не сразу поняла это.

Взаимное влечение мужчины и женщины сказывается очень скоро. Юджин был во многом зрелее Анджелы. Он был осведомленнее ее в некоторых вопросах и обладал более широким кругозором, к тому же в нем были заложены силы, недоступные ее пониманию. Но вместе с тем он был беспомощной игрушкой своих чувств и желаний. Чувства Анджелы,— хотя, возможно, и более сильные,— питались другим. Звезды, ночь, красивый пейзаж, все то чарующее, что есть в природе, волновало Юджина до грусти. Что касается Анджелы, то природа, в ее наиболее ярких проявлениях, оставалась ей, в сущности, чуждой. Горячий отклик, как и в Юджине, находила в ней музыка. В литературе он ценил реалистическое направление, ей же нравились чувствительно-возвышенные истории, имеющие порой отдаленное отношение к реальности. Искусство в своих чисто эстетических формах ничего не говорило ее душе, для Юджина же оно было источником утонченных наслаждений. История, философия, логика, психология оставались для нее закрытой книгой, тогда как для Юджина это уже были распахнутые двери, вернее, поросшие цветами тропы, по которым он радостно бродил. И, несмотря на все это, их влекло друг к другу.

Были между ними и другие различия. Для Юджина условности ничего не значили, и его представления о добре и зле показались бы непонятными рядовому человеку. Он склонен был симпатизировать всякому человеческому существу, независимо от его характера и положения,— высоко развитому и невежественному, опрятному и нечистоплотному, веселому и грустному, с белой, желтой или черной кожей. Анджела, наоборот, отдавала явное предпочтение людям, которые вели себя соответственно с правилами добропорядочности. Ей с детства внушали уважение к тем, кто особенно усердно работает, по возможности во всем себе отказывает и сообразует свои действия с общепринятыми понятиями о том, что хорошо и что дурно. Ей и в голову не приходило критиковать установившиеся взгляды. То, что записано на скрижалях общественного и морального кодекса, не подлежало для нее изменению. Возможно, что существуют милейшие люди и за пределами ее круга, но с ними немислимо общаться и им нельзя сочувствовать. Для

Юджина же всякий человек был прежде всего человеком. Находясь среди отверженных и неудачников, он мог весело смеяться с ними и над ними. Все на свете восхитительно, прекрасно, занятно. Даже суровый трагизм жизни, и тот был для него как-то оправдан, хотя Юджин не оставался к нему равнодушен. Почему он все-таки почувствовал такое влечение к Анджеле, остается загадкой. Возможно, что они в то время как-то дополняли друг друга, подобно тому, как спутник дополняет более крупное светило, так как эгоизм Юджина требовал похвалы, сочувствия, женской ласки. Анджеле же воспламенила горячая страстность его природы.

На другой день, в поезде, они провели почти три часа в упоительной беседе. Чуть ли не с первых слов он рассказал ей, как два года назад ехал по той же дороге, тем же поездом и в те же часы. Рассказал, как бродил по улицам большого города в поисках ночлега, как получил работу и не возвращался домой в Александрию, пока не убедился, что обрел свое призвание. Теперь он будет учиться живописи, а затем поедет в Нью-Йорк или Париж, будет работать в журналах, а возможно, и писать картины. Он любил порисоваться перед теми, кто восхищался им, а здесь он был уверен в восхищении. Его спутница смотрела на него глазами, которые ничего, кроме него, не видели. Этот человек действительно не был похож на тех, кого она когда-либо знала,— он был молод, талантлив, честолюбив, обладал богатым воображением. Он хотел пробить себе дорогу в мир, куда стремилась и она,— без малейшей, впрочем, надежды его увидеть,— в мир искусства. И вот будущий художник рассказывает ей о своих планах, говорит о Париже. Как это прекрасно!

Когда они стали подъезжать к Чикаго, Анджела сказала, что ей придется немедленно пересестя в поезд, следующий из Чикаго в Сент-Пол и останавливающийся в Блэквуде. По правде сказать, у нее было немного тоскливо на душе и сердце чуть щемило, так как летние каникулы подошли к концу и ей предстояло снова вернуться к занятиям в школе. Две недели, которые она провела в гостях у миссис Кинг, своей бывшей школьной подруги, уроженки Блэквуда, промелькнули как чудесный сон. Подруга приложила все старания, чтобы Анджеле было весело. И вот все миновало. Да и знакомство с Юджином скоро оборвется, он еще ни словом

не обмолвился о том, чтобы снова встретиться с нею. Но она только подумала, что хорошо было бы поближе узнать тот мир, который он обрисовал ей в таких ярких красках, как Юджин сказал:

— Мистер Бэнгс говорил мне, что вы время от времени наведываетесь в Чикаго?

— Да, правда,— ответила она.— Я иногда приезжаю, чтобы побывать в театре и кое-что купить.

Анджела не рассказала ему, что эти поездки вызываются соображениями практического свойства, так как она славилась в семье умением покупать, и для больших закупок родные часто посылали ее в Чикаго. Практичностью и хозяйственностью она превосходила их всех, а кроме того, сестры и друзья чрезвычайно ценили ее за то, что она охотно брала на себя всякие хлопоты. При ее любви к труду ей грозила опасность превратиться в рабочую лошадь для всей семьи. За что бы она ни бралась, она все делала добросовестно, но занималась почти исключительно хозяйственными мелочами.

— А скоро вы рассчитываете снова побывать в Чикаго? — спросил он.

— Трудно сказать. Обычно я приезжаю зимой, когда открывается опера. Но в этом году, возможно, попаду в Чикаго ко Дню благодарения.

— Не раньше?

— Едва ли,— ответила она лукаво.

— Как жаль! А я надеялся, что увижу вас еще этой осенью. Во всяком случае, когда приедете, дайте мне знать. Я с удовольствием сводил бы вас в театр.

Юджин очень мало тратился на развлечения, но тут он решился на некоторый риск. Ведь она не часто будет приезжать. Кстати, он надеялся получить в ближайшие дни прибавку, а это существенно меняло дело. К тому времени, когда девушка соберется приехать, он уже будет учиться в Институте и для него откроется новое поприще. Будущее рисовалось ему в самых радужных красках.

— Это очень мило с вашей стороны,— ответила Анджела.— Я вас извещу, когда приеду. Ведь я такая провинциалка,— добавила она, потрянув головкой,— в кои-то веки мне удастся попасть в большой город.

Юджину нравилось в ней то, что он принимал за бесхитростное простодушие,— откровенность, с какою она признавалась в своей бедности и неискушенности. Обыч-

но девушки так не держатся. В ее устах бедность и неискушенность казались чуть ли не добродетелями; как признание, во всяком случае, это звучало очаровательно.

— Смотрите же, без обмана,— сказал он.

— Зачем же. Я с удовольствием вас извещу.

Поезд подходил к вокзалу. Юджин забыл в эту минуту, что эта девушка не так красива и недосыгаема, как Стелла, и что по темпераменту ей, вероятно, далеко до Маргарет. Он смотрел на ее прекрасные матовые волосы, тонкие губы и совсем особенные голубые глаза, восхищаясь ее прямою и безыскусственностью. Как только приехали, он взял ее чемодан и помог ей разыскать поезд, а потом горячо пожал руку на прощание; ведь она была так мила и с таким сочувствием и интересом слушала его.

— Помните же! — весело повторял он, усаживая ее в вагон местного поезда.

— Я не забуду.

— И не сердитесь, если я вам напишу.

— Напротив. Буду очень рада.

— Хорошо, тогда я буду вам писать,— сказал он, выходя из вагона.

Юджин стоял на перроне и смотрел на нее, пока поезд не отошел. Его радовало это знакомство. Вот славная девушка — чистая, прямая, бесхитростная. Такою и должна быть хорошая женщина — порядочной и чистой; это не разнузданная девчонка, как Маргарет; и не равнодушная, бесстрастная красавица, как Стелла, хотелось ему прибавить, но у него не хватило духу. Какой-то голос нашептывал ему, что с эстетической точки зрения Стелла была совершенством, ему и сейчас было больно вспоминать о ней. Но Стелла навсегда ушла из его жизни — в этом не было никакого сомнения.

В последующие дни Юджин часто думал об Анджеле, мысленно гадая о том, что представляет собою Блэквуд, какая обстановка и какие люди ее окружают. Наверно, они так же милы и простодушны, как и его родные в Александрии. Жители большого города, которых он встречал на своем пути,— в особенности девушки, а также люди, избалованные богатством,— не представляли в то время интереса для Юджина. Они были слишком далеки, слишком чужды всему, к чему он мог стремиться, тогда как такая девушка, какой была, очевидно,

мисс Блю,— сокровище для кого угодно. Он не переставал твердить себе, что напишет ей. У него в то время не было никакой другой знакомой девушки, и перед поступлением в Институт он набросал коротенькое письмо, в котором с благодарностью вспоминал их совместную поездку и спрашивал, скоро ли она собирается приехать. В ответном письме, пришедшем через неделю, Анджела сообщала, что предполагает быть в Чикаго в середине или в конце октября и будет рада, если он навестит ее. Она сообщала ему адрес своей тетки, жившей на Северной стороне, на Огайо-стрит, и писала, что о дне своего приезда известит особо. Сейчас она так занята в школе, что ей даже некогда вспомнить, как чудесно она провела лето.

«Бедная девочка, она заслуживает лучшей участи,— подумал Юджин.— Когда она придет, я непременно увидаю ее»,— решил он, а к этой мысли примешивались и многие другие: «Какие у нее волосы!»

ГЛАВА IX

С поступлением в Институт для Юджина началась новая жизнь. Теперь он понимал,— или так ему по крайней мере казалось,— в чем разница между служителями искусства и рядовыми людьми. После дневных скитаний по бедным кварталам Чикаго он внезапно переносился в другой мир, и ему с трудом верилось, что для него, Юджина Витла, нашлось здесь место. Студенты казались ему существами иной породы,— во всяком случае, некоторые из них. Даже те, кто не был прирожденным художником, все имели богатое воображение — душу артиста. Эти молодые люди собрались сюда, как постепенно узнавал Юджин, со всех концов страны, с запада и юга — из Чикаго и Сент-Луиса, из Канзаса, Небраски и Айовы, из Техаса, Калифорнии и Миннесоты. Один юноша был из Саскачеваны — на северо-западе Канады, другой — из Новой Мексики, которая в то время еще именовалась «территорией». Этого последнего звали Джил, и товарищи прозвали его «гиламонстр»¹,— им казалось, что звучит достаточно похоже.

¹ Г и л а - м о н с т р — безобразная ядовитая ящерица, встречающаяся в пустынных местах штата Аризона.

Юноша из Миннесоты был сыном фермера и собирался на следующую весну и лето поехать домой — пахать, сеять и жать. А тот, что из Канзас-Сити, был сыном миллионера.

Юджин вначале особенно увлекся рисунком. Уже в первый вечер он убедился в неправильности своего представления о светотени. При изображении человеческого тела ему никак не удавалось передать ощущение плотности и объема.

— Самая густая тень лежит всего ближе к яркому свету,— лаконично заметил ему преподаватель в одну из сред, заглядывая через его плечо,— а у вас все одинаково тускло и монотонно.

Так вот в чем дело!

— Вы рисуете эту фигуру так же, как стал бы строить дом каменщик, который не разбирается в архитектурном деле. Вы кладете кирпичи без всякого плана. Где ваш план?

Голос принадлежал мистеру Бойлу, незаметно подошедшему сзади.

Юджин поднял глаза. Он только что начал вырисовывать голову.

— План! Где план? — повторил мистер Бойл, широким движением руки намечая очертания рисунка.— Прежде всего набросайте главные линии. Детальями займетесь потом.

И Юджину сразу стало ясно.

В другой раз преподаватель наблюдал за ним, когда он рисовал женскую грудь. Все у него получалось какое-то деревянное, и красота линий не давалась.

— Они бывают только круглые! Только круглые, уверяю вас! — разразился, наконец, долго молчавший мистер Бойл.— Если вы когда-нибудь увидите четырехугольные, сообщите мне, пожалуйста!

Юджин расхохотался, но вместе с тем и сильно покраснел, понимая, сколько ему еще надо учиться.

Самое жестокое, что он услышал однажды из уст этого человека, были слова, обращенные к одному юноше, неумелому и тупому, но очень старательному.

— Ни черта у вас не выйдет,— грубо сказал он.— Послушайтесь моего совета и поезжайте домой. Вы больше денег заработаете, нанявшись ломовым извозчиком.

Весь класс вздрогнул, но таков был этот человек, — он не выносил бездарности. Мысль о том, что кто-то попусту отнимает у него время, была ему нестерпима. Он смотрел на искусство по-деловому и отказывался нянчиться с неудачниками, дураками и тупицами. Ему хотелось внушить классу, что искусство требует больших усилий.

Однако если откинуть эти суровые и настойчивые напоминания о трудностях, которые должен преодолеть художник, жизнь в Институте имела немало приятных и, по-своему, даже заманчивых сторон. Между получасовыми сеансами, в течение которых позировала натурщица, за вечер бывало несколько четырех- или пятиминутных перерывов, когда студенты разговаривали, зажигали потухшие трубки и каждый делал, что хотел. Иногда в комнату заглядывали слушатели из других классов.

Юджина удивляла вольность, с какою натурщица обращалась со студентами, а те с нею. Постепенно освоившись, он стал замечать, что некоторые студенты, учившиеся уже не первый год, поднимались на подмости, где сидела девушка, и вступали с нею в разговор. Прозрачный розовый шарф, которым она закрывала плечи и грудь, не только не скрадывал, а скорее подчеркивал соблазнительность ее наготы.

— Что вы скажете? — обратился однажды к Юджину сидевший рядом с ним юноша. — Признаюсь, меня от такого зрелища даже пот прошибает.

— Да, — рассмеялся Юджин. — Картина весьма пикантная.

Студенты часто шутили и смеялись с девушкой, и она тоже смеялась и кокетничала с ними. Юджин видел, как она расхаживала по классу, заглядывая в их альбомы, или же останавливалась поговорить с кем-нибудь, спокойно глядя ему в глаза. Он испытывал в таких случаях сильное волнение, но подавлял и скрывал его, как нечто такое, чего надо стыдиться и чего не следует показывать. Однажды, когда он рассматривал снимки, принесенные кем-то из студентов, девушка, этот цветок улицы, подошла и стала смотреть через его плечо. На ней был легкий шарф; губы и щеки ее были накрашены. Она стояла совсем близко, прижимаясь мягкой грудью к его плечу и руке. Юджину показалось, будто по всему

его телу прошел ток, но он сделал вид, что нисколько не смущен.

В классе был рояль, и студенты нередко пели и играли во время перерывов. Иногда и натурщица присаживалась к инструменту, под ее аккомпанемент кто-нибудь запевал песню, а двое-трое подтягивали. Юджина почему-то особенно волновало такое пение, ему чудилось в нем что-то вакхическое. Он едва владел собой и чувствовал, как у него начинают стучать зубы. Когда же девушка снова становилась в позу, волна страсти спадала, и верх брало холодное, эстетическое восприятие ее красоты. Только такие случайные эпизоды и выводили его из равновесия.

Юджин мало-помалу делал успехи в рисунке и развивался как художник. Он любил рисовать человеческое тело. Это давалось ему не так легко, как разнообразные очертания ландшафтов и зданий, но он умел передавать красивыми, чувственными линиями изгибы тела,— в особенности женского,—линиями, которые начинали производить впечатление. Он давно уже миновал ту стадию, когда Бойл вынужден был говорить ему: «Они бывают только круглые». Его контуры приобрели изящество, которое не замедлило привлечь к себе внимание преподавателя.

— Вот теперь вы улавливаете не только частности, а и все в целом,— негромко сказал он ему однажды.

Юджин вспыхнул от удовольствия. В другой раз Бойл заметил:

— Спокойнее, мой мальчик, спокойнее. Слишком много чувственности. В фигуре этого нет. Из вас вышел бы со временем неплохой мастер фрески, если вы имеете к этому склонность,— продолжал Бойл.— У вас есть чувство красоты.

Трепет прошел по телу Юджина. Итак, он начинает овладевать искусством. Этот человек заметил его способности. Значит, у него действительно есть талант.

Как-то вечером на доске, где вывешивались всякие объявления, он увидел следующий красноречивый плакат:

ХУДОЖНИКИ! ВНИМАНИЕ!
МЫ УЖИНАЕМ! МЫ УЖИНАЕМ!
16 НОЯБРЯ У СОФРОНИ.

Все желающие участвовать сообщите свои имена
классным старостам.

Юджин, ничего не слышавший об этом раньше, подумал, что затея эта, по всей вероятности, исходит не от его класса. Он все же справился у старосты и узнал, что должен внести всего семьдесят пять центов. Желающие могут привести с собой девушек. Большинство так и сделает. Юджин решил принять участие в ужине. Но где взять даму?

«Софрони» был итальянский рестораник в нижней части Кларк-стрит — квартале, заселенном преимущественно рабочими-итальянцами. Дом, где находился ресторан, был не много лучше других. Во дворе стояли простые деревянные столы, и летом там ставили скамейки. Для защиты от дождя над столами был натянут тент. Впоследствии тент уступил место стеклянной крыше, благодаря чему помещением стали пользоваться и зимой. В ресторане было чисто, да и кормили неплохо. Какой-то начинающий журналист или художник случайно набрел на это заведение, и мало-помалу синьор Софрони стал замечать, что клиентура его улучшается. Он начал здороваться с новыми посетителями, отвел для них особый уголок, а однажды накормил небольшую компанию почти что бесплатным обедом. Слава ресторана росла — один студент приводил другого, и теперь синьор Софрони мог и зимою устраивать банкеты на сто человек, беря по семьдесят центов с персоны за ужин с довольно разнообразным ассортиментом вин и крепких напитков. Все это немало способствовало его популярности.

Ужин, назначенный на шестнадцатое ноября, был завершением ряда пирушек, которые до того устраивались в самом классе. Существовала традиция — при появлении нового студента или вообще постороннего человека приветствовать его криками: «Угощение! Угощение!» Новичок должен был внести в пивной фонд свою лепту — два доллара, в противном случае его могли выкинуть вон или же сыграть с ним какую-нибудь злую шутку. Как только появлялись деньги, занятия на этот вечер прекращались. Студенты устраивали складчину и посылали за бочонком пива и бутербродами с сыром, а затем начиналось веселье — выпивка, пение, игра на рояле и всякие дурачества. Однажды, к великому изумлению Юджина, студент из штата Омаха, рослый, благодушный кутила, поднял голую натурщицу, посадил ее к себе на шею и, приплясывая, понес вокруг комна-

ты,— девушка изо всех сил дергала его за волосы, а следом с воплями скакали остальные. Студентки из соседнего вечернего класса живой натуры бросили работу и прильнули к отверстиям в перегородке, специально просверленным для таких okazji. Представшее перед ними зрелище так их поразило, что весть об этом мгновенно разнеслась по всему зданию. Узнало об этой выходке и начальство, и провинившийся студент был на другой день исключен. Но вакхический танец все же состоялся, и память о нем надолго сохранилась в стенах Института.

Во время таких пирушек Юджина тоже заставляли пить, и он пил, хоть и весьма умеренно. Он не находил вкуса в пиве. Пробовал он и курить, но и это ему не понравилось. Порою, при одном виде такого разнузданного веселья, он испытывал нечто вроде нервного опьянения и тогда обычная скованность исчезала, и он смеялся и шутил направо и налево. Во время одной вечеринки какая-то натурщица даже сказала ему:

— Однако вы лучше, чем кажется. Я вас считала ужасным букой.

— Да что вы! — воскликнул он. — Это на меня временами находит. На самом деле я совсем не такой. Вы меня еще не знаете.

И он обнял ее за талию, но она оттолкнула его. Как он жалел тогда, что не танцует. Привлечь бы ее к себе и закружить по комнате. Он решил непременно научиться танцевать.

Вопрос о том, где найти девушку, которую можно было бы пригласить на ужин, не выходил у Юджина из головы. Он никого не знал, кроме Маргарет, но считал маловероятным, чтобы она танцевала. Оставалась мисс Блю из Блэквуда, с которой он виделся, когда она приезжала в Чикаго, но мысль о ней в связи с чем-либо подобным казалась ему просто нелепой. Интересно, подумал он, что бы она сказала, если бы увидела то, что видел он.

Однажды, заглянув в канцелярию, Юджин застал там мисс Кенни, натурщицу, позировавшую у них в тот вечер, когда он впервые присутствовал на уроке. Юджин не забыл свою первую модель, к тому же девушка была прехорошенькая. Это она однажды подошла к нему во время перерыва и стала так близко. С тех пор он не встречал ее. Юджин нравился девушке, но казался не-

людимым и бесцветным. Однако с недавних пор он стал носить свободно повязанный галстук и круглую мягкую шляпу, которая была ему очень к лицу. Волосы он теперь зачесывал назад и старался подражать свободной, размашистой походке мистера Бойла. Этот человек представлялся ему своего рода божеством — могущественным и беспечным. Как ему хотелось походить на него!

Девушка заметила в Юджине эту перемену. Какой он стал интересный, подумала она, какая у него белая кожа и ясные глаза. В нем чувствуется сила.

Она притворилась, будто рассматривает какой-то эскиз.

— Здравствуйте,— сказал Юджин улыбаясь. Он отважился заговорить с ней, так как чувствовал себя одиноким и, кроме нее, никого не знал.

Она повернула голову и ответила на его приветствие ласковой улыбкой.

— Я давно вас не видел,— сказал он.— Опять у нас работаете?

— Только эту неделю,— ответила она.— Я позирую в частных студиях. Когда есть возможность, я предпочитаю работать там.

— А мне казалось, что вам у нас нравится! — удивился он, вспомнив, какая она всегда бывала веселая.

— Я не сказала бы, что не нравится, но в частных студиях условия лучше.

— Мы постоянно вспоминаем вас. Другие натурщицы не сравнятся с вами.

— Однако вы льстец! — рассмеялась она, лукаво поглядывая на него своими черными глазами.

— Нет, правда,— ответил он, а затем спросил с тайной надеждой: — Вы будете на нашем ужине шестнадцатого?

— Возможно,— сказала она.— Я еще не решила. Все зависит...

— От чего?

— От того, какое у меня будет настроение и кто меня пригласит.

— В приглашениях, я полагаю, недостатка не будет,— заметил Юджин.— Я тоже пошел бы, да не с кем,— продолжал он, делая отчаянное усилие приблизиться к цели.

Мисс Кенни угадала его намерение.

— Как прикажете это понимать? — смеясь, сказала она.

— А вы пошли бы со мной? — осмелился он спросить, воспользовавшись столь открыто предложенной помощью.

— Разумеется! — ответила она. Он все больше нравился ей.

— Вот чудесно! Где вы живете? Мне понадобится ваш адрес.

Он полез в карман за карандашом. Она назвала ему номер дома на западном конце Пятьдесят седьмой улицы.

Благодаря своей работе инкассатора Юджин хорошо знал этот район. Улица эта — на южной окраине города — состояла сплошь из жалких деревянных домишек. Ему вспомнились тесные ряды лавчонок, немощные тротуары и сырые, незастроенные пустыри. Его несколько не удивляло, что эта девушка — цветок, выросший среди мусора и угольной пыли, — стала натурщицей.

— Я непременно зайду за вами, — продолжал он весело. — Вы не забудете, не правда ли, мисс...

— Просто Руби, — прервала она его. — Руби Кенни.

— У вас красивое имя, — сказал он. — Очень благозвучное. Не разрешите ли заехать к вам как-нибудь в воскресенье, чтобы посмотреть, где это?

— Пожалуйста, — ответила она, польщенная тем, что ему нравится ее имя. — В воскресенье я большей частью дома. Приезжайте в это воскресенье днем, если хотите.

— Непременно приеду, — сказал Юджин.

Он вышел вместе с ней на улицу в чрезвычайно приподнятом настроении.

ГЛАВА X

Руби Кенни была приемной дочерью старого рабочего-ирландца и его жены. Они взяли ее, сжалившись над четырехлетней малюткой, совсем заброшенной своими вечно ссорившимися родителями. Это была неглупая добрая девушка, которая, однако, плохо разбиралась в том, какие силы правят миром, — простодушное создание, жаждавшее интересных приключений, но не уме-

шее предвидеть заранее, куда они ее заведут. Начав трудовую жизнь кассиршей в универсальном магазине, она уже в пятнадцать лет лишилась невинности. К счастью для себя, она обладала тем типом красоты, который привлекает мужчин со вкусом, благоразумных и осмотрительных, и, к счастью для них, и сама была довольно разборчивой, идя навстречу, только если чувствовала серьезное расположение, а в двух-трех случаях и настоящую любовь, да и тогда после долгого ухаживания, так что ее симпатии и пристрастия значили не меньше, чем желания ее любовников.

Приемные родители Руби не могли сколько-нибудь разумно руководить ее воспитанием. Они любили ее, и так как она по своему развитию была выше их, подчинялись ей во всем, принимая как должное ее взгляды, суждения и доводы. Она только смеялась в ответ на их робкие замечания, повторяя, что ей дела нет, что подумают соседи.

Посещения Юджином дома Руби и завязавшаяся между ними связь ничем существенно не отличались от других его знакомств подобного рода. Он прежде всего искал в женщине красоту, хотя ни разу не случилось, чтобы наряду с этим он не обнаружил в ней и тех качеств ума и сердца, которые особенно привлекали его. Кроме красоты, он искал в женщине отзывчивости и сочувствия. Избегая неприязненной критики и холодности, он никогда не выбрал бы себе подруги, которая превосходила бы его в тонкости ощущений, быстроте восприятия или возвышенности мыслей.

В ту пору ему нравились простые вещи, простые жилища, простая, невзыскательная среда, будничная атмосфера простой жизни, тогда как более изысканная и утонченная среда пугала его. Пышные особняки, мимо которых ему случалось проходить, великолепные магазины, люди, занимающие высокое общественное положение, представлялись ему чопорными, холодными. Он предпочитал людей скромных, ничем не прославившихся, но добрых и ласковых. Если ему удавалось найти женскую красоту в таком кругу, он был счастлив и ничего лучшего не желал. Поэтому его и потянуло к Руби.

В воскресенье шел дождь, и та часть города, где жила Руби, навевала уныние. На пустырях между домами на побуревшей, мертвой траве блестели огромные

лужи. Пробираясь по бесконечному лабиринту усыпанных черным шлаком железнодорожных путей, на которых стояло бесчисленное множество паровозов и вагонов, Юджин думал о том, какой благодарный материал для художника эти гигантские черные паровозы, выбрасывающие клубы дыма и пара в серый, насыщенный влагой воздух, это скопление двухцветных вагонов, мокрых от дождя и потому особенно красивых. В темноте на скрещениях путей вспыхивали, подобно ярким цветам, огни стрелок. Юджину нравились эти желтые, красные, зеленые и синие пятна, горевшие словно живые глаза. К такому материалу Юджин был особенно чувствителен, и он испытывал смутную радость оттого, что эта простая девушка-цветок живет где-то близко.

Он подошел к двери, позвонил, и ему открыл старый, весь трясущийся ирландец, по-видимому, человек мало развитый, — Юджин подумал, что ему подошло бы служить сторожем у шлагбаума. На старике была грубая, но не лишенная живописности одежда; от долгой носки она приняла естественные очертания человеческого тела. В руке у него дымилась коротенькая трубка.

— Мисс Кенни дома? — спросил его Юджин.

— Угу! — ответил он. — Заходите. Я позову ее.

Он указал на дверь в глубине прихожей, где, очевидно, была гостиная. Кто-то позаботился о том, чтобы все здесь было выдержано в красных тонах — большая лампа под шелковым абажуром, семейный альбом, коврик на полу и цветастые обои.

В ожидании Руби Юджин открыл альбом и стал просматривать фотографии — по-видимому, ее родственников. Все это был мелкий люд — приказчики, лавочники, коммивояжеры. Вскоре вошла Руби, и глаза Юджина заблестели: в этой девушке (ей едва исполнилось девятнадцать лет) чувствовалось очарование юности, которое всегда приводило его в восторг. На ней было черное кашемировое платье, отделанное красным бархатом у шеи и на рукавах, с красным галстучком, завязанным небрежным узлом, как у мальчика. Она вошла нарядная и оживленная и весело протянула ему руку.

— Ну как, трудно было нас найти? — спросила она.

Он покачал головой.

— Я довольно хорошо знаком с этими местами. Мне приходится собирать здесь взносы — я, видите ли, служу в компании «Дешевая мебель».

— Значит, я напрасно беспокоилась,— сказала она, радуясь его откровенности.— Я боялась, что вы совсем измучаетесь, пока разыщете нас. Ужасная погода, не правда ли?

Юджин согласился с нею, а потом рассказал о тех миссиях, которые навел ему окрестный пейзаж.

— Если бы я был художником, я рисовал бы именно такие вещи. Это так величественно, так чудесно.

Он подошел к окну и стал смотреть на открывавшийся оттуда вид

Руби с интересом наблюдала за ним. Каждое его движение доставляло ей удовольствие. Она чувствовала себя с этим юношей необычайно просто, словно заранее уверенная, что полюбит его. Так легко было с ним разговаривать. Институт, ее работа натурщицы, его надежды, местность, где она живет,— все это были темы, сближавшие их.

— А много здесь художественных мастерских, пользующихся известностью? — спросил он, когда они заговорили о ее работе. Ему хотелось знать, что представляет собой художественный мир Чикаго.

— Не так уж много. Во всяком случае, хороших мало. Ведь много художников только воображают, будто умеют писать картины.

— А кто из них считается крупным мастером? — спросил он.

— Видите ли, я ведь знаю только то, что слышу от других. Мистер Роуз, говорят, очень талантлив, Байэм Джонс недурен в жанровых картинах, Уолтер Лоу хороший портретист и Менсон Стил тоже. Да, постойте, есть еще Артур Бигс, он пишет только пейзажи. В его мастерской я никогда не была. Затем Финли Вуд — тоже портретист, и Уилсон Брукс,— тот пишет многофигурные композиции. Но всех не запомнишь, их немало.

Юджин слушал, как зачарованный. Этот неприятельный разговор о вещах, касающихся искусства, давал ему большее представление о здешних художниках, чем все слышанное до сих пор. Очевидно, эта девушка много знала. Она была в этом мире своим человеком. Любопытно, думал Юджин, какие у нее отношения со всеми этими людьми.

Через некоторое время они снова стали смотреть в окно.

— Не очень-то здесь красиво, — сказала она, — но отцу и матери нравится. Отцу близко ходить на работу.

— Это ваш отец открыл мне дверь?

— Он мне не родной отец, — объяснила она. — Я приемная дочь. Но они относятся ко мне, как к родной. Я им очень многим обязана.

— Вы, верно, недавно начали позировать? — спросил Юджин, подумав о том, как она еще молода.

— Да, примерно с год.

Она рассказала ему, что раньше служила кассиршей в «Базаре», и вот ей и одной ее подруге пришла мысль пойти в натурщицы. В воскресном номере «Трибюн» они увидели снимок девушки, позирующей перед студентами. Это показалось им заманчивым. Они стали советоваться, не попробовать ли им тоже? И с тех пор работают натурщицами. Ее подруга тоже будет на ужине.

Юджин слушал ее с наслаждением. Слова Руби напомнили ему, как в свое время его увлекали снимки в газетах: виды Гусиного острова на реке Чикаго, утлые рыбацьи домишки, перевернутые вверх дном лодки, служившие людям пристанищем. Он рассказал ей об этом, а также про свой приезд в Чикаго, и она слушала с большим интересом. Она подумала, что он славный малый, хотя, пожалуй, и чересчур сентиментален. И какой высокий, — она рядом с ним совсем маленькая.

— Вы, кажется, играете? — спросил он.

— Чуть-чуть. У нас нет рояля. Я немного научилась в студиях, где позировала.

— И танцуете?

— Конечно.

— Мне тоже хотелось бы научиться танцевать, — сказал он огорченно.

— Так за чем же дело стало? Это легче легкого. Я за один урок научу вас.

— Пожалуйста, — попросил он.

— Это совсем не трудно, — повторила Руби, отходя от него на шаг. — Я покажу вам все па. Обычно начинают с вальса.

Приподняв платье, она приоткрыла свои маленькие ножки и показала ему первые па. Он попробовал повторить, но у него ничего не вышло. Тогда она

обвила его рукой свою талию, а другую сжала в своей руке.

— Я поведу вас,— сказала она.

Какое это было наслаждение чувствовать ее в своих объятиях! И, по-видимому, она нисколько не спешила кончать урок,— терпеливо возилась с ним, объясняя различные движения, и то и дело останавливалась, чтобы поправить его и посмеяться над его и своими промахами.

— Понемножку получается,— сказала она после того, как они сделали несколько туров.

Взгляды их не раз встречались, и когда он улыбался, она отвечала ему радостной улыбкой. Он вспомнил вечер в студии, как она стояла возле него и смотрела через его плечо. Конечно, будь он посмелее, он мог бы сразу перешагнуть через все условности. Он слегка прижал ее к себе, а когда они остановились, не отпустил.

— Как вы добры,— сказал он, сделав над собой усилие.

— Все нет, просто у меня хороший характер,— засмеялась она, не торопясь высвободиться из его объятий.

Как всегда в таких случаях, его охватило волнение.

Ее же влекло к нему то, что она принимала за властную уверенность. Он был не такой, как другие мужчины, которых она знала.

— Я вам нравлюсь? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

Руби внимательно оглядела его волосы, лицо, глаза.

— Не знаю,— спокойно ответила она.

— Может быть, не нравлюсь?

Снова наступила пауза, во время которой девушка задорно глядела на него, а потом, опасливо покосившись на дверь, ведущую в коридор, сказала:

— Мне кажется, что нравитесь.

Он схватил ее за руки.

— Вы прелесть! — воскликнул он и понес ее на красный диванчик. Остаток дождливого дня она провела, нежась в его объятиях и упиваясь его поцелуями. Таких, как он, она еще не встречала.

ГЛАВА XI

Незадолго до этого Анджела Блю, вняв горячим просьбам Юджина, впервые за ту осень приехала в Чикаго. Ей стоило большого труда вырваться из дому, но она преодолела все препятствия, увлеченная страстью, какую Юджин умел окрашивать каждую свою фразу, особенно когда дело касалось какого-нибудь его желания. Он владел не только кистью, но и пером. Правда, у него еще не было ни законченного стиля, ни умения логически излагать свои мысли, но зато чрезвычайно развит был дар описания. Он с не меньшим умением, чем кистью, живописал пером людей, дома, лошадей, собак, пейзажи, сообщая своим описаниям проникновенную нежность. Он в самых заманчивых красках описывал Анджеле город и весь окружающий его мир. У него был на счету каждый час, но он не жалел времени, чтобы рассказать Анджеле о своей жизни. Он увлекал ее своеобразием того мира, в котором вращался, и обаянием своей незаурядной личности (о последнем Юджин не говорил открыто, но не скупился на намеки). По контрасту собственный мирок стал казаться Анджеле страшно жалким.

Она приехала вскоре после начала занятий в Институте, и, получив ее приглашение, Юджин поспешил на Северную сторону в тихий переулок, где в хорошеньком кирпичном домике жила тетка Анджелы. Все здесь дышало мещанским уютом и покоем. Юджин с первого взгляда пленился этой, полной тихой прелести, как ему казалось, атмосферой старосветского быта. Это был вполне подходящий дом для столь изящной и утонченной девушки, как Анджела.

Юджин пришел в субботу, рано утром, так как оказался в этой части города по делам службы. Анджела играла ему на рояле, — лучшей игры он никогда не слышал. Это еще больше подняло ее в глазах Юджина. Она любила чувствительную музыку, романсы и мелодии, полные ласковой нежности. За те полчаса, что он пробыл у нее, она сыграла ему несколько пьес; Юджин с восхищением смотрел на ее миниатюрную, словно точечную, фигурку в простом облегающем платье и на пышные волосы, заплетенные в толстые косы, свисающие ниже талии. В этом костюме и прическе она немножко напоминала Маргариту из «Фауста».

Вечером Юджин примчался опять, в своем лучшем костюме, сияющий и воодушевленный. Он был весь во власти открывшихся ему надежд стать художником и радовался свиданию с этой девушкой, в которой уже заранее видел предмет своей страсти. В ней чувствовалось что-то сильное, доброжелательное, и это влекло его к ней. А ей хотелось обласкать талантливого юношу, хотелось нравиться ему, и это благоприятствовало их сближению.

В тот же вечер они отправились в оперу, где давали какую-то феерию. Прекрасная постановка этой музыкальной фантазии, навевающая безмятежное, радостное настроение, роскошные костюмы, прелестные хористки и чарующие мелодии заворожили Юджина и Анджелу. Оба они давно не были в театре, обоим было как нельзя более по душе такое фантастически условное изображение жизни. Эти впечатления придали какую-то особую праздничность их встрече после короткого знакомства в Александрии.

По выходе из театра Юджин, через толпу, проводил Анджелу к трамваю, связывавшему центр с Северной стороной (за время его пребывания в Чикаго городские дороги были электрифицированы); молодые люди с увлечением обсуждали красоты и удачи спектакля. Он попросил разрешения снова навестить ее и на другой день, зайдя после обеда, предложил послушать знаменитого проповедника, выступавшего по вечерам в Центральном музыкальном зале.

Анджела была в восторге от находчивости Юджина; ей хотелось побыть с ним вместе, а тут представлялся такой благовидный предлог. Они отправились заблаговременно и слушали проповедь с большим увлечением. Для Юджина искусство проповедника было свидетельством того, сколько свежести, красоты и власти над людьми таится в человеческом слове. Ему захотелось быть таким же оратором, и он высказал эту мысль вслух, а потом доверил своей спутнице и другие сокровенные свои мысли. На нее произвела сильное впечатление разносторонность его интересов и тонкий вкус. Она была уверена, что ему суждено стать выдающимся человеком.

Были у них и другие встречи. Анджела снова приезжала — один раз в начале ноября, затем перед рождеством, и Юджин все больше запутывался в сетях ее

прекрасных волос. Несмотря на то, что в ноябре он познакомился с Руби и между ними началось сближение на менее идеальных, как Юджин выразился бы в то время, началах, он хранил в душе дружбу с Анджелой, как нечто более возвышенное и драгоценное. Анджела восхищала его своей чистотой. В мыслях, которыми она делилась с ним, в музыкальности ее игры чувствовалась натура более глубокая, чем у Руби. Кроме того, она олицетворяла собой далекую провинцию, тихий дом, вроде его собственного, милый, простой городок, милых людей. Зачем ему расставаться с нею, зачем приоткрывать перед ней тот, другой мир, с которым он соприкасался? Он считал, что не должен этого делать. Его пугала возможность потерять ее, так как он был убежден, что она может составить счастье любого мужчины, который на ней женится. Когда она приехала в декабре, он чуть было не сделал ей предложения. Он чувствовал, что не должен позволять себе с нею никаких вольностей, не должен слишком торопливо искать сближения. Она сумела внушить ему сознание святости любви и брака. И в январе он действительно сделал предложение.

Артистическая натура — это смесь утонченных чувств и желаний, не поддающихся определению. Ни одна женщина не могла бы в тот период полностью удовлетворить Юджина. Красота играла для него главную роль. Всякая девушка, в которой молодость, свежесть чувств и душевная отзывчивость соединялись с внешним очарованием, могла привлечь его и на время удержать. Ему нужна была красота, а не жизнь по чьей-то указке. Он мечтал о карьере художника, а вовсе не о том, чтобы обзаводиться семьей. Девичья красота, обаяние молодости волновали его как художника, и он страстно тянулся к ним.

В противоположность Юджину Анджела была уставившейся натурой с твердыми взглядами и ровными чувствами. Она с детства привыкла видеть в браке нечто нерушимое. Она верила, что человеку дана одна жизнь и одна любовь, и когда вы нашли такую любовь, все другое теряет значение. Есть дети — хорошо; нет детей — неважно: брак от этого не перестает быть браком. И если он даже не дал вам счастья, все равно — нужно страдать и терпеть во имя того хорошего, что жизнь еще приберегла для вас. Такой союз может принести вам жестокие разочарования, но порвать его —

значит, навлечь на себя бесчестье. Если нет больше сил страдать — значит, жизнь потерпела полный крах.

Юджин, разумеется, и не догадывался, какую он затеял опасную игру. Он и понятия не имел о характере тех отношений, навстречу которым шел, и не переставал безотчетно мечтать об Анджеле как о своем идеале, предвкушая возможный брак с нею. Когда это осуществится, трудно было сказать, так как, несмотря на прибавку к жалованью, полученную на рождество, ему платили всего восемнадцать долларов в неделю. Но он успокаивал себя тем, что это время наступит и что оно не за горами.

Между тем его свидания с Руби привели к неизбежному результату. Все, казалось, способствовало этому. Девушка была молода, она жаждала романтических приключений, ее восхищали в мужчинах молодость и сила. Бледное лицо Юджина, овеянное меланхолией, притягательная сила его темперамента, его любовь к красоте волновали ее воображение. Сначала, возможно, в ней преобладала необузданная страсть, но очень скоро к страсти примешалось настоящее чувство, так как эта девушка умела любить. Она была очень миловидна, простодушна и совершенно несведуща во многих жизненных вопросах. Юджин представлялся ей воплощением всех совершенств, какие только она могла вообразить. Она рассказала ему о своих приемных родителях, об их простодушии и о том, как она может делать все, что хочет. Они и не подозревают, что она позирует обнаженной. Она также призналась ему в своих более чем дружеских отношениях с некоторыми художниками, утверждая, впрочем, что сейчас у нее ни с кем ничего нет. «Все это дело прошлое», — говорила она, но Юджин ей не верил. Он подозревал, что она принимает домогательства других с такою же готовностью, как и его ухаживания. Это возбуждало в нем ревность и настойчивое желание, чтобы она немедленно бросила работу натурщицы. Он так и сказал ей, но она расхохоталась. Она знала, что он этого захочет, и это служило ей доказательством его настоящего интереса к ней.

Для Юджина начались чудесные дни и вечера в обществе Руби. Однажды, незадолго до ужина у Софрони, она пригласила его позавтракать с нею в ближайшее воскресенье. Ее приемные родители уезжали куда-то, и дом оставался на весь день в полном ее распоря-

женин. Ей хотелось угостить Юджина завтраком главным образом, чтобы показать ему, как хорошо она готовит, и еще потому, что в этом было что-то новое. Она не приступала к приготовлениям до его прихода, а в девять часов, когда он явился, Руби, в хорошеньком, ловко сидевшем на ней домашнем платьице светло-сиреневого цвета и в белом переднике с оборками, принялась за работу: накрыла на стол, приготовила рагу из почек в крепком вине, горячие бисквиты и кофе.

Юджин был в восторге. Он ходил за нею по пятам и то и дело обнимал и осыпал поцелуями, мешая ей работать. Она выпачкала нос в муке, и он стер муку поцелуем.

В это утро Руби показала ему забавный танец, который она исполняла в особых башмаках на толстой подошве, притопывая и отбивая ритм каблучками. Подобрала юбки чуть повыше щиколоток, Руби с невероятной ловкостью и проворством выделявала сложнейшие па, ножки ее так и мелькали в вихре танца. Юджин был вне себя от восторга; он решил, что никогда еще не встречал такой девушки — прекрасно позирует, играет на рояле, танцует и так молода. Жизнь с этим созданием казалась ему раем, и он жалел, что у него нет для этого средств. В эту минуту восторга, да случилось и потом, он был почти готов на ней жениться.

В день ужина он заехал за ней и был поражен, увидев ее в красном платье с большими черными кожаными пуговицами, посаженными по диагонали во всю его длину, в красных чулках, такого же цвета туфлях и с красной гвоздикой в волосах. Платье было низко вырезано на груди и спине, с короткими рукавами. Она показала Юджину ослепительной, и он сказал ей это. Руби рассмеялась. Они отправились в кэб: Руби заранее предупредила его, что придется нанять экипаж. Это обошлось ему по два доллара в каждый конец — непозволительное мотовство! — но Юджин говорил себе, что оно вызвано исключительными обстоятельствами. Однако подобные мелочи вынуждали его серьезно задумываться над тем, как бы лучше устроить свою жизнь.

В ужине принимали участие студенты всех курсов, как утренних, так и вечерних. Собралось больше двухсот человек, сплошь молодежь. Тут были студентки, натурщицы и просто приглашенные девушки самого разно-

го общественного положения и умственного развития. В огромном зале стоял невероятный шум от звона посуды, нестройного пения, шуточных выкриков и приветствий. У Юджина и кроме однокурсников было здесь достаточно знакомых, чтобы не скучать и не оставаться в стороне от общего веселья.

С первой же минуты выяснилось, что все знают Руби и что она пользуется общим расположением. Она резко выделялась благодаря своему смелому туалету. Со всех концов несло: «Здорово, Руби!»

Это удивило и неприятно поразило Юджина. К его спутнице подходили молодые люди, которых он никогда в глаза не видел, и заговаривали с ней о вещах, о которых он не имел ни малейшего понятия. В течение каких-нибудь десяти минут она раз десять убегала от него, отзываясь на чей-либо оклик, и он то и дело замечал ее в противоположном конце комнаты: окруженная гурьбой студентов, она весело смеялась и оживленно болтала.

По мере того как проходили часы, настроение молодежи делалось все развязнее и легкомысленнее. По окончании ужина в одном конце зала освободили место и угол затянули куском зеленой материи вместо ширмы. Это была артистическая для выступающих. Какой-то студент, встреченный громкими аплодисментами, на глазах у всех нацепил зеленые бакенбарды и прочел монолог, подражая акценту ирландца. Другой вышел на эстраду, держа в руках большущий, туго свернутый бумажный свиток, исписанный стихами. Можно было подумать, что это целая поэма, которую он будет читать весь вечер. Все ахнули. Студент актерским жестом поднял руку, требуя тишины, и, дав свитку развернуться, приступил к декламации. Стихи оказались неплохими, но самое забавное было то, что поэма заключала в себе не более двадцати строк. Все остальное были попросту каракули, чтобы ввести публику в заблуждение. И этот номер заслужил аплодисменты. Кто-то из второкурсников спел романс «В долине Лигай», кто-то изобразил, как Темпл Бойл и другие преподаватели просматривают работы студентов и сами показывают свое мастерство на удивление всему классу. Это доставило зрителям большое удовольствие. Потом после долгих криков «Десмонд! Десмонд!» одна из натурщиц прошла за зеленую ширму и через несколько минут показалась в коротень-

кой юбочке испанской танцовщицы, усыпанной черными и серебряными блестками, с кастаньетами в руках. У кого-то из студентов нашлась мандолина, и под ее аккомпанемент натурщица протанцевала «Ла Палому».

Все это время Юджин почти не видел Руби. Она пользовалась слишком большим успехом. Не успела первая натурщица закончить свой танец, как чей-то голос крикнул: «Эй, Руби! А ты почему не покажешь свое искусство?» «А ну-ка, Руби!» — поддержал его другой поклонник ее таланта. Скоро весь зал подхватил этот крик, и студенты, окружив девушку, стали подталкивать ее к площадке, очищенной для танцев. Кто-то подхватил ее на руки, а затем Руби в шутку стали перебрасывать от одной группы к другой. Раздались аплодисменты. Юджина, для которого она была близким существом, эта фамильярность выводила из себя. Казалось, она принадлежала не только ему, а была достоянием всех и каждого. А Руби беспечно хохотала.

Лишь только девушку опустили на пол, она подобрала подола платья — как делала это, танцуя для него, — и с увлечением пустилась в пляс. Студенты обступили ее стеной. Юджину пришлось протиснуться поближе, чтобы ее увидеть. А она, словно забыв о его существовании, заодно плясала, постукивая каблучками. Когда Руби кончила, трое или четверо особенно напористых юнцов стали упрашивать ее станцевать еще, бесцеремонно дотрагиваясь до ее рук и плеч. Кто-то очистил стол, чьи-то руки подхватили девушку и поставили на эту импровизированную эстраду. Руби танцевала еще и еще. Кто-то крикнул: «Эй, Кенни, а ведь без красного-то платья, пожалуй, удобнее?»

Так вот что представляла собой его временная подруга!

Когда около четырех часов утра Руби решила наконец ехать домой, — вернее, когда студенты согласились ее отпустить, — она едва помнила, что приехала сюда с Юджином, и заметила, что он дожидается ее, лишь в ту минуту, как двое студентов вызвались ее проводить.

— Нет, у меня есть провожатый! — воскликнула она, увидев его. — Мне пора ехать. До свидания! — И она направилась к Юджину.

У него было холодно на душе, он чувствовал себя здесь совсем чужим.

— Поедем? — спросила она.

Он кивнул угрюмо и укоризненно.

ГЛАВА XII

От рисования обнаженной натуры, в чем он достиг за зиму большого успеха, Юджин перешел к занятиям по классу иллюстрации, где позировали модели в костюмах. Здесь он впервые испробовал свои силы в акварели, которой в то время особенно интересовались журналы, и вскоре его работы стали хвалить. Хвалили, впрочем, не всегда, так как преподаватели, убежденные в том, что суровая критика является лучшим стимулом роста, высмеивали иной раз его удачнейшие вещи. Но Юджин верил в свое призвание и после минутных взрывов отчаяния еще сильнее утверждался в своей вере.

Служба в мебельной компании становилась ему уже в тягость, когда в одну из сред преподаватель класса иллюстрации Винсент Бирс, взглянув на его набросок, сказал:

— А знаете, Витла, вы скоро сможете кое-что зарабатывать своими рисунками.

— Вы думаете? — спросил Юджин.

— Конечно. Для такого человека, как вы, должно найтись место в какой-нибудь газете, — хотя бы в вечерней. Вы никогда не обращались в газету?

— Обращался, как только приехал в Чикаго. Но нигде не нашлось вакантного места. Теперь я рад, что никому не понадобился. Я думаю, что долго бы меня держать не стали.

— Вам удаются наброски тушью, не правда ли?

— Сначала это было мне больше всего по вкусу.

— Вот видите. Вы можете быть очень полезны в газете. Но я бы на вашем месте долго не засиживался в Чикаго. Вам надо ехать в Нью-Йорк и стараться попасть в журнал. А сейчас было бы невредно поработать в газете.

Юджин решил обратиться в дневные газеты, — такая работа не помешала бы ему продолжать занятия в Институте. Вечера он может отдавать работе по классу иллюстрации и урывать часок-другой для живой нату-

ры. Ничего лучшего нельзя было и желать. В течение нескольких дней он один час после работы посвящал поискам места в газете, причем брал с собой образцы своих набросков тушью. Кое-где его рисунки понравились, но свободного места нигде не оказалось. Нашлась, впрочем, одна газета, — из самых захудалых, — где Юджину кое-что обещали. Главный редактор сказал ему, что им в скором времени понадобится художник. Пусть Юджин наведается недели через три-четыре, тогда это выяснится. Начинаящим они платят не много — двадцать пять долларов в неделю.

Юджину эти условия показались весьма заманчивыми, и, когда, явившись через три недели, он окончательно договорился, его радости не было границ. Теперь он вполне уверовал, что находится на пути к успеху. Ему отвели стол в маленькой комнатке на четвертом этаже, по счастливой случайности выходявшей окнами на северо-запад, во двор. В отделе, где он работал, было, кроме него, еще два человека, постарше, и один из них разыгрывал из себя «шефа».

По условиям работы здесь приходилось не только рисовать тушью, но и гравировать по цинку, то есть наносить рисунок иглой на цинковую пластинку, покрытую слоем мела, что давало возможность легко воспроизводить клише. Юджин не был знаком с этой техникой, и «шефу» пришлось показать ему, но он быстро научился. Вскоре он обнаружил, что эта работа вредна для легких, так как, царапая острием по меловой поверхности пластинки, надо все время сдувать мел и белая пыль набивается в рот и в нос. Он надеялся, что с такой гравировкой придется иметь дело не часто, но как раз вначале ее оказалось очень много, главным образом потому, что оба его товарища сваливали все на него, пользуясь тем, что он новичок. Скоро Юджин стал догадываться об этом, но к тому времени он уже успел подружиться со своими сослуживцами, и все более или менее утряслось.

Эти новые знакомые не играли в жизни Юджина большой роли, однако они ввели его в чикагский газетный мир, что расширило его кругозор и принесло ему практическую пользу. Один из них — «шеф» — был фатоват и любил пофрантить. Звали его Хорейс Хау. Второй, Джеремайя Мэтьюз, или попросту Джерри, был маленького роста, полный, с круглой, веселой, вечно

улыбающейся физиономией и копною жестких черных волос. Он жевал табак и был не санишком опрятен в одежде, зато трудолюбив, отзывчив и добр. Юджин обнаружил, что за ним водятся три страстишки: он любил хорошо поесть, увлекался археологией и экзотическими безделушками. Кроме того, он живо интересовался всем, что происходит на свете, и был совершенно чужд всяких предрассудков, как социальных, так и нравственных и религиозных. Дело свое он любил и, работая, насвистывал или болтал. Юджин с самого начала почувствовал к нему симпатию.

Работая в газете, Юджин впервые открыл у себя литературные способности. Произошло это совершенно случайно, так как он давно отказался от мысли чего-либо достичь в журналистике, хотя когда-то серьезно об этом подумывал. Газета нуждалась для воскресных приложений в маленьких фельетонах на темы местного характера. Читая некоторые такие фельетоны, которые ему поручали иллюстрировать, Юджин приходил к убеждению, что мог бы написать несравненно лучше.

— Скажите, кто у нас пишет эти статьи? — спросил он однажды Мэтьюза, просматривая воскресный номер.

— Да все кому не лень, обычно штатные репортеры. Кое-что заказывают, кажется, на сторону. Платят всего четыре доллара за столбец.

Интересно, будут ли ему платить, подумал Юджин. Но так или иначе ему хотелось этим заняться. Возможно, ему даже позволят поставить под фельетоном свое имя, — он видел, что некоторые были подписаны. Юджин заметил вслух, что с удовольствием написал бы что-нибудь в этом роде, но Хау, который не только рисовал, но и пописывал статейки, лишь неодобрительно фыркнул в ответ. Такое пренебрежение уязвило Юджина, и он решил испытать свои силы, как только представится случай. Ему хотелось написать что-нибудь о реке Чикаго, — он мог бы, как ему казалось, богато иллюстрировать такой фельетон. Он описал бы Гусиный остров, — вспомнив, кстати, то, что ему пришлось прочитать о нем несколько лет назад, — а также незатейливые красоты городских парков, в которых он любил гулять по воскресеньям, наблюдая влюбленных. Были у него и другие темы, но именно к этим напрашивались очаровательные, проникнутые настроением рисунки, и Юджину хотелось попробовать. В разговоре с редактором воск-

ресного номера Митчелом Голдфарбом, с которым у него установились приятельские отношения, Юджин как-то намекнул, что река Чикаго чрезвычайно благодарный материал для иллюстрирования.

— Что ж, действуйте, — сказал этот достойный муж, здоровый, сильный, молодой американец лет тридцати, который смеялся взахлеб, словно ему плеснули за ворот ледяной воды. — Нам такие вещи нужны. А вы вообще-то умеете писать?

— Я думаю, у меня получится, если я постараюсь.

— Так за чем же дело стало! — продолжал тот, предвкушая возможность получить бесплатный материал. — Дерзайте. Может, состряпаете что-нибудь подходящее. Если вы пишете не хуже, чем рисуете, тогда все в порядке. Гонорара мы штатным сотрудникам не платим, но будет ваша подпись.

Юджину этого было достаточно. Он немедленно взялся за дело. Как художник, он уже начинал обращать на себя внимание сослуживцев. В его рисунках была грубоватая сочность, смелость, острота и какая-то задумчивость. Хау втайне ему завидовал. Мэтьюз был преисполнен восхищения. После разговора с Голдфарбом Юджин в следующее же воскресенье объехал рукава реки Чикаго, отмечая все ее красивые места и достопримечательности, и заготовил рисунки. Затем он отправился в публичную библиотеку, ознакомился там с историей реки, причем случайно натолкнулся на докладные записки правительственных инженеров о ее возможностях как средства сообщения. То, что он написал, было не столько статьей, сколько маленьким панегириком. Умиляясь крохотными размерами реки, он восхищался ее красотами, которые находил там, где никому не пришло бы в голову их искать. Голдфарб с удивлением прочитал его статью. Он и не предполагал, что у Юджина такие литературные способности.

Сильная сторона писательских опытов Юджина заключалась в том, что, наряду с поэтичностью и чувством колорита, он обладал логическим умом и тяготел к фактам, а это придавало написанному существенный интерес. Он любил покопаться в истории занимавшего его предмета и умел связать свою тему с современностью. Он написал ряд очерков о парках, о Гусином острове, о Брайдуэлской тюрьме, обо всем, что привлекало его.

Однако главной его страстью оставался по-прежнему рисунок. Он был для него более естественным, более органичным средством выражения. Его радовало, что он может описать что-то словами, а затем и нарисовать. Это казалось Юджину прекрасным даром, его увлекала возможность придавать самым простым вещам характер чего-то захватывающе интересного. Он во всем умел найти интерес — и в повозке, проезжавшей по улице, и в высоком здании, и в уличном фонаре — словом, в каждой вещи.

Своих занятий в Институте он тоже не запуская и, по-видимому, двигался вперед.

— Я не пойму, Витла, что мне так нравится в ваших рисунках, — заметил ему однажды Мэтьюз, — но что-то такое в них есть. Вот скажите, например, зачем вы поместили над трубой летящих птиц?

— Сам не знаю, — ответил Юджин. — Просто я так чувствую. Должно быть, я когда-то видел это.

— А ведь как это важно, — продолжал Мэтьюз — Да вы и в композиции сильны. Я никого не знаю у нас, кто бы рисовал так, как вы.

«У нас» означало в Америке, так как и он и Хау, эти труженики на поприще изобразительного искусства, считали себя знатоками по части рисования тушью и вообще всякой графики. Они выписывали «Югенд», «Симплициссимус», «Пик-Ми-Ап» и европейские художественные журналы радикального направления. Им были известны и Стейнлен, и Шере, и Муша, и вся молодая школа французских мастеров художественного плаката. Юджин с удивлением узнавал об этих людях и об этих журналах. Он все больше проникался верою в себя и начинал думать о себе как о человеке недюжинном.

Как раз в эту пору, когда он набирался знаний и усиленно знакомился с современным искусством и различными художественными школами, его роман с Анджелой Блю пришел к своему логическому завершению: он стал женихом. Несмотря на свою связь с Руби Кенни, продолжавшуюся и после студенческого вечера, Юджин считал, что не может жить без Анджелы. Отчасти это объяснялось тем, что после Стеллы ни одна девушка не сопротивлялась ему так упорно; отчасти тем, что Анджела казалась ему такой невинной,

непосредственной и доброй. К тому же она была само очарование. Ее прелестной фигурки не мог скрыть даже неуклюжий, провинциальный покрой ее платьев. Нельзя было не обратить внимания на ее роскошные волосы и большие, манящие, светло-голубые глаза. У нее были румяные губы и щеки и природное изящество походки; она танцевала, играла на рояле. Юджин все больше приходил к убеждению, что она не уступает по красоте ни одной из знакомых ему девушек, зато значительно превосходит их душою. Всякий раз, как он пытался взять ее за руку, обнять или поцеловать, она ускользала от него, действуя обдуманно, оставаясь все время настороже и вместе с тем наполовину уступая. Она ждала от него официального предложения не потому, что стремилась завлечь его в свои сети, а потому, что, воспитанная в духе преклонения перед условностями, считала такие вольности недопустимыми, пока они не помолвлены. Она в сущности была уже влюблена в него, но хотела сначала стать его невестой. Когда он делался настойчивее, Анджелу тянуло броситься в его объятия, но она сдерживала себя, терпеливо выжидая.

Наконец однажды вечером, когда она сидела за роялем, он внезапно обнял ее и, порывисто прижав к себе, поцеловал.

Анджела вскочила и вырвалась из его объятий.

— Не смейте этого делать! — воскликнула она. — Это нехорошо. Я запрещаю вам.

— Но я люблю вас, Анджела! — воскликнул он, следуя за ней. — Я хочу, чтобы вы были моей женой. Вы согласны выйти за меня замуж, Анджела? Хотите быть моею?

Девушка не сводила с него нетерпеливых глаз. Она понимала, что заставила этого непосредственного, не знающего жизни юношу с темпераментом художника поступить так, как она хотела. Она рада была бы дать согласие сейчас же, не задумываясь, но что-то нашептывало ей, что нужно подождать.

— Я не дам вам сейчас ответа, — сказала она, — я должна посоветоваться с родителями. Ведь они ничего еще не знают. Мне важно услышать их мнение, а когда я снова приеду сюда, я вам отвечу.

— О Анджела! — взмолился он.

— Нет, мистер Витла, прошу вас, подождите. — Она

еще ни разу не назвала его по имени.— Я вернусь недели через две-три. Дайте мне хорошенько подумать. Так будет лучше.

Юджин сдержал свой порыв и решил ждать, но это лишь укрепило в нем уверенность, что лучшей жены, чем Анджела, ему не найти. Она, как ни одна другая женщина, заставляла его умерять свою страсть и делать вид, будто его чувства носят возвышенный платонический характер. Он даже себе пытался внушить, что речь идет только о духовной близости, но в действительности его пожирал огонь, зажженный ее красотой, прелестью ее тела, ее темпераментом. Чувства Анджелы еще дремали, скованные условностями и религиозными традициями. Если бы разбудить ее!

Он закрывал глаза и грезил.

ГЛАВА XIII

Через две недели Анджела вернулась, готовая связать себя с Юджином обетом верности. Юджин нетерпеливо ждал, горя желанием услышать из ее уст этот ответ. Он хотел встретить ее под дымным навесом вокзала, пообедать вместе у Кингсли, преподнести ей цветы и надеть заранее приготовленное кольцо (оно стоило семьдесят пять долларов и поглотило почти все его сбережения). Но она слишком хорошо понимала всю серьезность момента и хотела встретиться с ним только в гостиной тетки, где она будет ждать его во всеоружии своей красоты. Она написала ему, что приезжает рано утром, и когда он в субботу в восемь часов вечера явился к ней, Анджела вышла к нему в платье, которое считала наиболее «романтичным»,— том самом, что было на ней при их первой встрече в Александрии. Она не украсила свой корсаж цветами, так как ждала их от него, и когда он поднес ей красные розы, приколола их к поясу. Анджела была воплощением изящества и сияющей молодости, она и впрямь походила на ту, чьим именем он прозвал ее,— на прекрасную Илэйн, одну из придворных дам короля Артура. Ее золотистые волосы были собраны на затылке в тяжелый узел, лицо раздумянилось от волнения, губы были влажны, глаза горели. Всем своим сияющим видом она показывала Юджину, что рада ему.

Юджин сам себя не помнил от восторга. Всякая романтическая ситуация приводила его в экстаз. Красота любви, неопишная прелесть юности песней отдавались в его душе, зажигая в крови лихорадку волнения.

— Наконец-то вы здесь, Андже! — сказал он, пытаясь удерживать обе ее руки в своих. — Ну что?

— Не торопите меня, — ответила она. — Я хочу сперва поговорить с вами. Я вам что-нибудь сыграю.

— Нет, я хочу знать сейчас, — сказал он, следуя за ней к роялю. — Я должен знать. Я не в силах больше ждать.

— Я еще не решила, — уклончиво отвечала она. — Дайте мне подумать. Лучше я вам сыграю.

— Нет, нет! — настаивал он.

— Пожалуйста, дайте мне поиграть.

Невзирая на его просьбы, она отдалась звукам, все время ощущая его присутствие, словно какую-то нависшую над нею силу. Когда она кончила играть и под действием музыки все ее ощущения еще более обострились, он обнял ее за плечи, как уже было однажды, но она снова вырвалась и отбежала в угол, точно загнанный зверек. Он с восторгом смотрел на ее раздумывавшееся лицо, растрепавшиеся волосы, на розы, повисшие у пояса.

— Ну, — проговорил он, останавливаясь перед нею, — согласны вы быть моей женой?

Девушка низко опустила голову, как бы борясь с сомнениями и страшая его настойчивости. Он стал на колени, чтобы заглянуть ей в глаза, и обвил руками ее талию.

— Да, Андже?

Она смотрела на его мягкие волосы, темные и густые, на его чистый, белый лоб, черные глаза и красиво очерченный подбородок. Ей хотелось сказать «да» как можно театральнее, и она сочла момент подходящим. Она обхватила руками его голову и посмотрела ему в глаза.

— Ты будешь любить меня? — спросила она, не сводя с него взгляда.

— Да, да! — воскликнул он. — Ты сама это знаешь, Андже. Ведь я без ума от тебя.

Она закинула его голову назад и коснулась губами его губ. В этом поцелуе была мучительная страсть. Она

долго не отпускала его, но, наконец, он поднялся и стал осыпать поцелуями ее лицо, рот, глаза, шею.

— Мой бог! — вырвалось у него. — Как ты прекрасна!

Его голос испугал ее.

— Так нельзя.

— Но я не в силах бороться с собой. Как ты хороша!

Она охотно простила ему все за этот комплимент.

Последовали жгучие минуты, когда они сидели рядом, крепко обнявшись, и он, прижав ее к себе, шептал ей о своих планах на будущее. Он достал кольцо, которое купил для нее, и надел ей на палец. Он будет великим художником, она — женою художника. Он будет рисовать ее прелестное лицо, волосы, ее тело. Когда ему захочется написать любовную сцену, он запечатлеет на полотне ту, которую они только что пережили. Они проговорили до часу ночи, и она стала просить его уйти домой, но он не уходил. Он протиснулся только в два часа, но лишь с тем, чтобы снова вернуться рано утром и пойти с нею в церковь.

Для Юджина наступила чудесная пора — пора бурного расцвета всех его душевных и творческих сил, когда его способность воспринимать явления литературы и искусства стала глубже и изощреннее, а любовь к Анджеле рождала в нем тысячи новых непривычных мыслей. Чрезвычайно обострившаяся восприимчивость помогала ему понимать многое, над чем он раньше не задумывался: несообразность требований, предъявляемых человеку религиозными догмами; безнадежность той путаницы, которая царит в вопросах нравственности; то обстоятельство, что внутри нашего общественного организма существует рядом множество различных миров и что в сущности не выработано никаких определенных, твердых взглядов, обязательных для всех и каждого. Мэтьюз говорил ему о различных течениях в философии — о Канте, Гегеле, Шопенгауэре, — и благодаря ему Юджин отчасти познакомился с их мыслями и теориями. От Хорейса Хау он слышал о таких популярных в то время писателях, глашатаях новых исканий, как Пьер Лоти, Томас Гарди, Метерлинк, Толстой. Юджин был не из тех, кто зачитывается книгами — слишком сильна была в нем жажда жизни, — но он многому научился в спорах, которым отдавался

с увлечением. Ему уже начинало казаться, что он может справиться с любым делом, со всем, за что бы он ни взялся,— может сочинять стихи, пьесы, повести, рисовать, писать, иллюстрировать и так далее. Он воображал себя то полководцем, то оратором или политическим деятелем и мечтал о том, каких высот он мог бы достигнуть, если бы твердо остановился на чем-нибудь одном. Иногда он вслух произносил отрывки зажигательных речей, которые сочинял, бродя по улицам. Но все эти юношеские мечтания искупались искренней любовью к труду. Он ни от чего не уклонялся и охотно брал на себя любые обязанности.

После вечерних занятий в Институте Юджин иногда ехал к Руби и добирался до ее дома часов в одиннадцать. Они заранее договаривались, и наружная дверь оставалась открытой, что позволяло ему входить, никого не беспокоя. Не раз случалось, что он находил ее спящей в ее маленькой комнатке рядом с гостиной; она лежала как темнокудрый ребенок, свернувшись клубочком в своем красном шелковом халатике. Руби знала, что Юджину нравится ее тяготение к красивому и изысканному, и старалась одеваться и делать все по-особенному. Она ставила на столик возле кровати свечу под красным колпачком и оставляла на одеяле небрежно брошенную книгу, чтобы он, войдя, подумал, будто она читала. Он входил беззвучно, брал ее сонную на руки, будил поцелуем в губы и, прижав к груди, уносил в гостиную, а там, лаская, нашептывал ей на ухо страстные признания. Он не переставал любить Руби даже тогда, когда объяснялся в любви Анджеле, искренне считая, что эти чувства не мешают одно другому. Он говорил себе, что любит Анджелу, но и Руби ему нравилась, и он находил ее прелестной. Временами ему становилось жаль ее: она была таким слабым, легкомысленным созданием. Кто на ней женится? Что станет с нею в будущем?

В ответ на такое отношение своего возлюбленного девушка страстно привязалась к нему и вскоре готова была ради него на любые жертвы. Как было бы хорошо, мечтала она, жить с Юджином вдвоем в маленькой квартирке вдали от людей. Она отказалась бы от своего ремесла натурщицы и вела бы хозяйство. Он и сам заводил об этом разговор, мысленно играя такой возможностью и вполне отдавая себе отчет в том, что

этому, вероятно, никогда не бывать. Жениться он хотел на Анджеле, но, будь у него деньги, рассуждал Юджин, он мог бы устроить Руби где-нибудь отдельно. Что сказала бы на это Анджела, нисколько его не тревожило, важно было лишь, чтобы она ничего не знала. Он ни одной из них ни словом не обмолвился о другой, но нередко спрашивал себя, какого мнения они были бы друг о друге, если бы знали правду. Деньги, деньги — вот главное препятствие! Не имея денег, он ни на ком не мог сейчас жениться — ни на Анджеле, ни на Руби. Для того чтобы серьезно думать о женитьбе, надо сперва добиться обеспеченного положения. Он знал, что Анджела ждет этого от него. И этого же он должен достигнуть, если хочет сохранить Руби.

Юджина все больше тяготило его стесненное положение. Он начинал понимать все убожество и скудость своего существования. Мэтьюз и Хау, получавшие больше, чем он, имели возможность жить лучше. Они посещали ночные рестораны, театры и всякие увеселительные места тех кварталов Чикаго, которые для представителей богемы приобретают особую прелесть с наступлением темноты: Мол, так называлась известная часть набережной реки Чикаго, Гемблерс-Роу, в южной части Кларк-стрит, а также клуб «Уайтчепел», где собирались газетчики, и многие другие места, излюбленные литературной братией и более видными журналистами. Будучи натурой созерцательной, склонной к самоанализу, Юджин не принимал участия в этих развлечениях; свойственная этим местам крикливая безвкусица оскорбляла его эстетическое чувство, а кроме того, у него не хватало на это средств. На занятиях в Институте студенты рассказывали ему о своих вчерашних похождениях, не жалея красок, чтобы придать им большую соблазнительность. Правда, Юджин не выносил грубых, вульгарных женщин и разнузданных кутежей, но это не мешало ему сознавать, что даже при желании он не мог бы позволить себе таких развлечений. Для того чтобы кутить, требовались деньги, а у него их не было.

Оттого, возможно, что он был молод и явно неопытен и непрактичен, его хозяева и не думали прибавлять ему жалованье. Они, по-видимому, считали, что он удовлетворится и небольшим заработком и не станет спорить из-за денег. Целых полгода работал он в ре-

дакции без малейшего намека на прибавку, хотя заслуживал ее больше, чем кто-либо другой. Юджин не принадлежал к разряду людей, умеющих отстаивать свои интересы, однако это в конце концов стало волновать его. Раздражение его все возрастало, а вместе с тем и желание уйти из газеты, хотя работал он, как всегда, добросовестно.

Это равнодушие со стороны хозяев и побудило Юджина уехать из Чикаго, хотя, конечно, главными причинами были Анджела, его карьера, беспокойный от природы характер и крепнущая вера в свои силы. В Анджеле воплотилась его мечта о будущем. Если бы он мог жениться на ней и где-нибудь твердо обосноваться, он был бы счастлив. Что же касается Руби, то он уже пресытился ею и, в сущности, готов был с ней расстаться. Едва ли она примет разлуку близко к сердцу. Для этого ее чувства недостаточно глубоки. Но вместе с тем он прекрасно понимал, что несправедлив к Руби, и когда он стал реже навещать ее и не так интересовался ее жизнью в среде художников, ему нередко становилось стыдно за свою жестокость. Если Юджин долго не показывался, все поведение Руби говорило о том, что она страдает и догадывается о его растущем равнодушии.

— Ты придешь в воскресенье вечером? — спросила она его однажды.

— Нет, никак не могу, — начал он оправдываться, — у меня работа.

— Знаю я, какая у тебя работа. Но делай, как хочешь. Мне все равно.

— Руби, зачем ты так говоришь! Не могу же я вечно сидеть с тобой.

— Я прекрасно знаю, в чем дело, Юджин. Ты меня больше не любишь. Впрочем, это совершенно неважно.

— Руби, милая, полно, не надо, — говорил он.

А когда он уходил, она подолгу стояла у окна, глядя на унылую улицу, и грустно вздыхала. Этот человек значил для нее больше, чем все, кого она встречала до сих пор. Но Руби была не из тех, кто плачет.

«Он меня скоро бросит, — была ее постоянная мысль. — Он меня скоро бросит».

Голдфарб уже давно присматривался к Юджину. Он интересовался его работой, понимал, как тот талантлив. Сам он собирался в скором времени перейти в другую, более крупную газету на должность редактора воскрес-

ного номера и находил, что Юджин попусту теряет время и что необходимо указать ему на это.

— Я думаю, что вам следовало бы перебраться в одну из здешних влиятельных газет,— сказал он ему однажды в субботу, незадолго до окончания занятий.— В нашей вы ничего не достигнете. Слишком она мелка. Поищите себе что-нибудь посolidнее. Почему бы вам не толкнуться в «Трибюн»? А не то поезжайте в Нью-Йорк. Мне кажется, вам следовало бы работать в журнале.

Юджин упивался каждым его словом.

— Я уже подумывал об этом,— сказал он.— По всей вероятности, я поеду в Нью-Йорк. Там я лучше устроюсь.

— Я на вашем месте предпринял бы что-нибудь. Когда засидишься в такой газете, как эта, ничего, кроме вреда, не получается.

Юджин вернулся к своему столу. Из головы его не выходила мысль о предстоящей перемене. Надо уезжать. Он начнет откладывать деньги, пока не соберет полтора-два доллара, и тогда попытает счастья на Востоке. Он расстанется с Анджелой и Руби — с первой только на время, а с последней, вероятно, навсегда, хотя он лишь робко признавался себе в этом. Он зарабатывает много денег, вернется обратно и женится на своей блэквудской мечте. Его воображение, забегая вперед, рисовало ему романтическое венчание в деревенской церковке и стоящую рядом Анджелу в белом платье. И он увезет ее в Нью-Йорк — он, Юджин Витла, к тому времени уже прославившийся в Восточных штатах художник. Он не переставал думать об огромном городе на Востоке, с его дворцами, богатством, славой. Это был тот замечательный город, про который он столько слышал, город, достойный сравнения с Парижем и Лондоном. Он поедет туда, не откладывая, в самом скором времени. Чего он там добьется? Удастся ли ему прославиться? И скоро ли это будет?

Так он мечтал.

ГЛАВА XIV

Задумав поехать в Нью-Йорк, Юджин без большого труда привел эту мысль в исполнение. Он успел положить на книжку шестьдесят долларов уже после того, как потратился на кольцо для Анджелы, и теперь

решил возможно скорее утроить эту сумму и отправиться в путь. Важно было кое-как протянуть первое время, пока не удастся устроиться. Если его рисунки не придут в журналах, он поищет работу в газете. Да и вообще он был уверен, что как-нибудь проживет. Он сообщил Хорейсу Хау и Мэтьюзу о своем намерении в самом скором времени перебраться на Восток, и каждый из них откликнулся на эту новость по-своему. Хау, давно уже завидовавший Юджину, был рад от него избавиться, но вместе с тем его грызла мысль о той блестящей карьере, какую, казалось, сулила этому щенку его решимость. «Пожалуй, он и в самом деле добьется исключительного успеха,— думал Хау,— он так эксцентричен, так своенравен». Мэтьюз радовался за Юджина, хотя и не без чувства горечи. Эх, будь у него смелость Юджина, его огонь, его талант!..

— Вы там добьетесь успеха,— сказал он как-то, когда Хорейса не было в комнате; он понимал, что тот завидует Юджину.— У вас для этого все данные. Кое-что из ваших здешних работ послужит вам недурной рекомендацией. Как бы и мне хотелось поехать!

— Почему же вы не едете? — спросил Юджин.

— Кто? Я? Куда мне! Мне еще рано. Я еще не дорос. Может, когда-нибудь и рискну.

— Мне очень нравятся ваши работы,— великодушно соврал Юджин. На самом деле он не считал работы Мэтьюза настоящим искусством, хотя, как газетные наброски, они были недурны.

— Вы этого не думаете, Витла,— отозвался Мэтьюз.— Я прекрасно знаю свои способности.

Юджин промолчал.

— Пишите нам по крайней мере из Нью-Йорка, хоть изредка,— продолжал Мэтьюз.— Я буду рад услышать, как пойдет у вас дело.

— Непременно напишу,— ответил Юджин, польщенный тем интересом, который вызвало его решение.— Обязательно.

Но он ни разу не написал.

В лице Руби и Анджелы перед Юджином вставали две трудные проблемы, которые ему необходимо было так или иначе разрешить. Он думал о Руби с грустью, с раскаянием, с сожалением, скорбя о ее беспомощности, о ее загубленной жизни. Она была по-своему прелестна и мила, но ни умом, ни сердцем ему не пара.

Разве мог бы он довольствоваться ею, если бы даже и захотел! Разве могла она заменить ему такую девушку, как Анджела? А теперь он далеко завлек и Анджелу, ибо с тех пор как она стала его невестой, он узнал ее с новой стороны. Эта девушка, с виду такая скромная и невинная, минутами загоралась, точно охваченное огнем сено. Когда Юджин распускал ее роскошные волосы и перебирал их густые пряди, глаза ее вспыхивали огнем. «Дева Рейна! — говорил он. — Моя крошка Лорелей! Ты, как русалка, завлекаешь юного возлюбленного в сети своих волос. Ты — Маргарита, а я Фауст. Ты прелестная Гретхен. Как я люблю эти дивные волосы, когда они заплетены в косы. О моя радость, мой идеал! Когда-нибудь я увековечу твой образ на полотне. Я прославлю тебя!»

Анджела вся трепетала от этих слов. Она сгорала на жарком костре, который он разжигал. Она прижималась губами к его губам в долгом, горячем поцелуе, садилась к нему на колени, обвиняла волосами его шею и ласкала ими его лицо, словно омывая его в этих шелковых прядях. В такие минуты он терял власть над собою, осыпал ее безумными поцелуями и не ограничился бы этим, если б не девушка, которая при первом проявлении смелости со стороны Юджина вырывалась из его объятий, ища спасения не столько от него, сколько от самой себя. Она укоряла его, говоря, что была лучшего мнения о его любви, и Юджин, дорожа ее доверием, старался взять себя в руки. Это удавалось ему, так как он прекрасно знал, что не добьется того, чего хочет. Излишняя горячность только отпугнула бы ее. И любовной борьбе их не предвиделось конца.

Осенью, спустя несколько месяцев после помолвки с Анджелой, Юджин покинул Чикаго. Лето он прожил кое-как, поглощенный беспокойными мыслями о будущем. Он все больше и больше избегал Руби и наконец уехал, даже не повидавшись с нею, хотя до последней минуты убеждал себя, что должен проститься.

С Анджелой Юджин расставался в подавленном, угнетенном состоянии духа. Теперь ему казалось, что он едет в Нью-Йорк не по собственному желанию, а по горькой необходимости. Здесь, на Западе, у него нет возможности заработать достаточно на жизнь. Они не могли бы существовать на его доходы. А потому он должен ехать и, уезжая, рискует потерять Анджелу.

Положение рисовалось ему в самых трагических красках.

В доме ее тетки, куда Андже́ла приехала перед его отъездом, вырвавшись на субботу и воскресенье, он угрюмо расхаживал по комнате, считая немногие оставшиеся им часы и рисуя в воображении день, когда он вернется за нею. Андже́лу томил смутный страх перед событиями, которые могли этому помешать. Ей приходилось читать повести о поэтах и художниках, которые, уехав в большой город, уже не возвращались. Ведь и Юджин был выдающейся личностью, — а вдруг ей не удастся удержать его? Но он дал ей обещание, он от нее без ума, в этом не могло быть сомнения. Этот упорный, страстный, полный душевной муки взгляд — что другое мог он выражать, как не вечную любовь? Жизнь подарила ей бесценное сокровище — большую любовь и дала ей художника в возлюбленные.

— Поезжай, Юджин, и не тревожься! — трагически воскликнула она наконец, обхватив его голову обеими руками. — Я буду ждать тебя. Когда бы ты ни вернулся, ты найдешь меня здесь. Только приезжай скорее, ведь ты скоро приедешь, правда?

— И ты спрашиваешь! — отозвался он, целуя ее. — Ты спрашиваешь! Посмотри мне в глаза. Разве ты не чувствуешь?

— Да, да, да! Конечно, чувствую! — воскликнула Андже́ла, бросаясь к нему в объятия.

Затем они расстались. Он ушел, подавленный сложностью и трагизмом жизни. Глядя на звезды, ярко сверкавшие в октябрьском небе, он погрузился в мрачные размышления. Мир прекрасен, но жить в нем порою тяжело. Все, однако, можно претерпеть, и, вероятно, в будущем его ждут счастье и покой. И то и другое он найдет в союзе с Андже́лой, наслаждаясь ее поцелуями, упиваясь ее любовью. Так должно быть. Весь мир этому верит, и даже сам он — после Стеллы, и Маргарет, и Руби. Даже он.

В поезде, уносившемся из Чикаго, сидел молодой человек, погруженный в глубокое раздумье. Пока поезд, пробираясь по бесчисленным подъездным путям, проезжал мимо жалких дворов и домишек, мимо уличных перекрестков, мимо гигантских фабрик и элеваторов, Юд-

жин вспоминал о другой своей поездке, когда он впервые рискнул отправиться в большой город. Как все переменялось! Какой он был неотесанный, наивный. С тех пор он успел стать художником-иллюстратором, он недурно пишет, он пользуется успехом у женщин и имеет некоторое представление о том, что такое жизнь. Правда, он не скопил денег, зато учился в Институте искусств, подарил Анджеле кольцо с бриллиантом и сейчас у него с собою двести долларов, при помощи которых он намерен произвести разведку в величайшем городе Америки. Поезд пересекал Пятьдесят седьмую улицу. Юджин узнал места, где он нередко бывал, навещая Руби. Он так и не простился с нею. Вон там, вдали, виднеются ряды двухквартирных деревянных домиков, в одном из них живут ее приемные родители. Бедная маленькая Руби! Ведь она любит его. Он поступил позорно, но что делать! Он разлюбил ее. Правда, мысли о ней доставляли ему искреннее огорчение, но тем скорее он постарался от них избавиться. Этим, столь обычным в мире, трагедиям не можешь сочувственными размышлениями.

Поезд мчался теперь по отлогим полям северной части Индианы, и, когда мимо замелькали провинциальные городки, Юджин вспомнил Александрию. Что-то подельывает Джонас Лайл и Джон Саммерс? Миртл писала, что ее свадьба состоится весной: она считает, что с этим успеется и ей незачем торопиться. Юджину порой приходило в голову, что Миртл похожа на него,— у нее тоже быстро меняются настроения. Он твердо знал, что никогда не захочет вернуться в Александрию, иначе как ненадолго, в гости, но ему приятно было вспомнить об отце и матери, о старом доме, где он родился. Отец,— как мало он знает настоящий мир!

Когда поезд миновал Питсбург, Юджин впервые увидел высокие горы, торжественно и величаво поднимавшие свои вершины к небу, и гигантские ряды коксильных печей, из труб которых вырывались огненные языки.

Он видел людей за работой, видел спящие, быстро сменявшиеся города. Какая обширная страна Америка! Как хорошо быть художником в этой стране! Ведь здесь миллионы людей, а между тем до сих пор еще нет ни одного гениального творения, которое отобразило бы все это — хотя бы такие вот исполненные пафоса

обычные вещи, как коксовые печи ночью. Если бы ему это удалось! Если бы у него достало сил всколыхнуть всю страну, чтобы его имя зазвучало здесь подобно имени Доре во Франции или Верещагина в России! Если бы ему удалось вдохнуть огонь в свои произведения, тот огонь, который он ощущал в себе!

Поздно вечером Юджин забрался на свою полку и долго лежал, устремив мечтательный взгляд в окно, где темнела ночь и сверкали звезды, а потом задремал. Когда он проснулся, было уже утро. Поезд миновал Филадельфию и теперь летел по широким лугам, приближаясь к Трентону. Юджин встал и оделся, не переставая разглядывать мелькавшие мимо, как бы выстроившиеся в боевом порядке, города — Трентон, Нью-Брансвик, Метучен, Элизабет. Эта местность чем-то напоминала ему штат Иллинойс — она была такая же ровная. За Нью-Арком поезд вырвался на широкий степной простор, и Юджин ощутил близость моря; оно должно было находиться за этой степью. Тут протекали питаемые приливом реки Пассаик и Хакенсак — у причалов стояли маленькие суденышки и баржи, груженные кирпичом и углем. Трепет охватил его, когда проводник стал объявлять по вагонам: «Джерси-сити», а когда он вышел на гигантский перрон, сердце его сжалось. Он будет один, совершенно один в Нью-Йорке, этом богатом, холодном, враждебном городе. Каким образом добьется он здесь успеха?

Юджин вышел за ворота вокзала, туда, где за низкими сводами виднелись паромы, и в следующее мгновение его взору открылись силуэт города, и залив, и Гудзон, и статуя Свободы, и паромы, и пароходики, и океанские суда, — все окутанное серой пеленою ливня, сквозь шум которого прорывались унылые голоса сирен. Перед его глазами была картина, которую бессилён представить себе тот, кто ее никогда не видел, а шум настоящей соленой воды, набегавшей на берег высокими валами, настраивал его на торжественный лад, как музыка. Какое оно изумительное, это море, чье лоно бороздят суда и мощные киты, чьи глубины полны неизъяснимых тайн! Какое изумительное место Нью-Йорк, этот город, стоящий на берегу океана и омываемый его волнами, — сердце обширной страны! Вот оно море, а там — гигантские доки, откуда суда отправляются во все порты мира. Взорам Юджина предстали их внуши-

тельные корпуса, выкрашенные в серый и черный цвет, — они стояли пришвартованные к длинным молам, выступающим далеко в море. Он прислушивался к сиренам, к шуму прибора, наблюдал за кружившими над головой чайками и думал о том, какие сонмы людей населяют этот город. Здесь живут Джей Гулд и Рассел Сейдж, Вандербильды и Морганы — настоящие, живые, — и все здесь. Уолл-стрит, Пятая авеню, Мэдисонсквер, Бродвей — сколько он слышал про эти улицы! Как-то сложится теперь его жизнь? Чего он здесь добьется? Окажет ли ему когда-нибудь Нью-Йорк тот триумфальный прием, какой выпадает на долю избранных? Юджин смотрел, широко раскрыв глаза, всем сердцем устремляясь навстречу городу и бесконечно восторгаясь им. Ну что ж, он дерзнет, он приложит все усилия, а там кто знает... быть может... Но на душе у него была тоска. Как ему хотелось быть сейчас с Анджелой, обрести надежный приют в ее объятиях. Как ему хотелось ощущать на своем лице прикосновение ее рук, ее волос. Ему не пришлось бы тогда бороться одному. Но он был один, а вокруг него бушевал город, шумный, как океан. Он должен пойти туда и начать борьбу.

ГЛАВА XV

Не зная, куда направиться в совершенно незнакомом ему городе, Юджин сел на паром у пристани Дебросс-стрит и, очутившись на Вест-стрит, долго бродил по этой оживленной улице, разглядывая подъездные пути к докам. С этой стороны Манхэттен показался ему совсем неприглядным. Но, говорил он себе, пусть этот город не блещет красотой, зато в других отношениях в нем должно быть много замечательного. Когда же он увидел массивы прижатых друг к другу домов, нескончаемый людской поток, потрясающую картину уличного движения, он понял, что огромное скопище людей уже само по себе создает впечатление величественности и что в этом-то и заключается основная особенность Манхэттена. Но были и другие особенности: преобладание низких строений в старом городе, целые кварталы тесных улочек, неприглядные потемневшие кирпичные и каменные дома, добрую сотню лет терпящие непого-

ду,— все это вызывало в Юджине порою любопытство, а порою и гнетущую тоску. Он легко поддавался внешним впечатлениям.

Во время своих блужданий Юджин не переставал высматривать себе место для жилья — небольшой дом с садиком или хотя бы деревцом перед окнами. Наконец в нижнем конце Седьмой авеню внимание его привлек ряд домов с железными балкончиками. Он стал спрашивать, и в одном из них оказалась комната за четыре доллара в неделю. Пока что, подумал он, можно будет остановиться на этом. В гостинице стоило бы дороже. Хозяйка, неимоверно унылая особа в черном затрепанном платье, показалась ему каким-то безликим существом, вид которого вызывал одну мысль: какое, должно быть, печальное занятие — держать постояльцев! Да и комната была такая же уныло-заурядная, но Юджин стоял у преддверия нового мира, и все его интересы и мысли были там. Ему не терпелось увидеть город. Он оставил в комнате чемодан, послал за сундуком и вышел на улицу — ведь он приехал сюда для того, чтобы учиться и познавать.

В этот начальный период знакомства с Нью-Йорком Юджин всецело отдался своим впечатлениям. Он не пробовал думать о том, что делать дальше, а выходил на улицу и попросту брел куда глаза глядят. Так, в первый же день он прошел вниз по Бродвею до здания муниципалитета, а вечером — вверх от Четырнадцатой улицы до Сорок второй. Вскоре он был уже знаком с Третьей авеню, с Бауэри, с роскошью Пятой авеню и Риверсайд-Драйв, с красотами Ист-ривер, Баттери, Сентрал-парка и нижней частью Ист-Сайда. В самое короткое время он успел повидать все чудеса столичной жизни — толпы народа на улицах в обеденный час и перед открытием театров на Бродвее, ужасающую толчею утром и днем в торговых кварталах, бесконечные вереницы экипажей на Пятой авеню и в Сентрал-парке. В свое время его поражали богатство и роскошь Чикаго, но от того, что он увидел сейчас, захватывало дыхание. Здесь все было так обнажено, так наглядно, так понятно. Во всем чувствовалась та пропасть, которая отделяет простого смертного от представителей богатых классов. От этого сознания у Юджина кровь застывала в жилах; какое-то отупение охватывало его при мысли о том, как низко он стоит на общественной ле-

стнице. До приезда в этот город он был довольно высокого мнения о себе, теперь же, чем больше он смотрел вокруг, тем делался меньше в собственных глазах. Что такое он сам? Что такое искусство? Какое дело до всего этого городу? Город больше интересовался другим — нарядами, едой, визитами, путешествиями. Нижнюю часть острова заполнило холодное торгашество, наводившее на Юджина ужас; в верхней же части, где тон задавали женщины и показная роскошь, царило сладострастное сибаритство, вызывавшее в нем зависть. У него было всего двести долларов; с этими деньгами он должен был пробить себе дорогу, — и вот каков был тот мир, который ему предстояло покорить.

Люди с темпераментом Юджина легко поддаются чувству подавленности. Он чересчур жадно упивался зрелищем открывшейся перед ним жизни и теперь страдал от «умственного несварения». Он слишком много увидел за слишком короткий срок. Неделями бродил он по городу, изучая витрины, библиотеки, музеи, широкие проспекты, и с каждым днем отчаяние все глубже проникало в его душу. Ночью он возвращался в свою убогую комнату и садился писать пространные послания Анджеле, рисуя ей все, что он видел, и уверяя в вечной любви; эти письма были для него единственной возможностью дать выход своей бьющей через край энергии и своим настроениям. Это были вдохновенные письма, полные ярких красок и сильных переживаний, но Анджела толковала их по-своему. Для нее они были свидетельством нежных чувств и искренней тоски, поскольку она считала, что их диктует разлука с нею. Так оно и было отчасти, но в гораздо большей степени эти письма вызывались одиночеством и желанием выразить те ощущения, которые пробудила в Юджине грандиозная панорама развернувшейся перед ним жизни. Он посылал ей также зарисовки сценок, которые ему случалось наблюдать: толпа в глубоких сумерках на Тридцать четвертой улице; суденышко на Ист-ривер, неподалеку от Восемьдесят шестой улицы, в проливной дождь; баржа на буксире, груженная вагонами. Юджин и сам не знал, что он будет делать с этими эскизами, но ему хотелось испробовать свои силы в журнальной графике. Эти великолепные издания немного пугали его; теперь, когда он мог зайти в редакцию и предложить свои услуги, он гораздо меньше верил в себя.

В одну из первых недель пребывания в Нью-Йорке Юджин получил письмо от Руби. Прощальное письмо, которое он отправил ей по прибытии в Нью-Йорк, принадлежало к тем вымученным посланиям, которые диктуются угасшей страстью. Он очень сожалеет, писал Юджин, что вынужден был уехать, не простившись с нею. Он уже совсем собрался зайти, но из-за спешки, вызванной неотложными приготовлениями... и так далее и тому подобное. Он надеется на днях побывать в Чикаго и тогда непременно навестит ее. Он по-прежнему ее любит, но ему необходимо было уехать туда, где для него таятся величайшие возможности.

«Я помню, как ты была очаровательна, когда мы впервые встретились,— писал он в заключение,— и я никогда не забуду моего первого впечатления, Руби!»

Говорить об этом сейчас было величайшей бестактностью, но Юджин не мог побороть в себе художника. Эти слова острой болью отозвались в сердце Руби: она поняла, что Юджин любит только красоту и что теперь ее красота потеряла для него свою прелесть.

Она ответила ему через некоторое время, ей хотелось взять вызывающий, безразличный тон, но это ей никак не удавалось. Она хотела придумать что-нибудь резкое, но кончила тем, что написала так, как чувствовала.

«Дорогой Юджин,— писала она,— уже несколько недель, как я получила твое письмо, но до сих пор не могла заставить себя ответить. Я знаю, что между нами все кончено, да иначе и не могло быть. Мне кажется, ты неспособен долго любить одну женщину. Ты прав, конечно, что тебе необходимо было поехать в Нью-Йорк, там тебя ждет более широкое поле деятельности. Все это так, но мне очень больно, что ты не пришел проститься. Все же мог бы зайти. Однако я ни в чем тебя не упрекаю, Юджин. В сущности, конец немногим отличается от того, что было между нами все последнее время. Я тебя любила, но я знаю, что так или иначе перенесу это и никогда не буду упрекать тебя. Пожалуйста, верни мне мои письма и фотографии. Теперь они тебе больше не нужны.

Руби».

А в самом конце была приписка:

«Ночью я стояла у окна и смотрела на улицу. Луна сияла, ветер раскачивал голые деревья. Вдали, среди лугов, блестел пруд, и в нем отражалась луна. Он казался серебряным. О Юджин, лучше бы мне умереть!»

Юджин вскочил, прочитав эти слова, и скомкал письмо. Оно до глубины души тронуло его. Он невольно проникся уважением к Руби и даже подумал, не совершил ли ошибку, покинув эту девушку. В конце концов он и в самом деле любил ее. В ней столько очарования. Будь Руби в Нью-Йорке, они могли бы жить вместе. Она могла бы устроиться здесь натурщицей. Он совсем уже готов был написать ей это, но как раз пришло одно из тех пространных посланий, которые почти ежедневно отправляла ему Анджела, и его настроение изменилось. Разве мыслимо продолжать связь с Руби перед лицом такого большого и чистого чувства, как любовь Анджелы? Очевидно, его бывшая привязанность к Руби угасает. Стоит ли пытаться воскресить ее?

Это столкновение противоречивых чувств было очень характерно для Юджина. и будь в нем развита способность к трезвому самоанализу, он пришел бы к выводу, что по натуре он мечтатель, влюбленный в красоту, влюбленный в любовь, и что ему несвойственно хранить верность какой-либо одной женщине — кроме единственной, несуществующей.

Так или иначе, он написал Руби письмо, которое дышало сожалением и раскаянием, но не заключало в себе приглашения приехать. Он не мог бы долго содержать ее, если бы она приехала, говорил он себе. Кроме того, он хотел добиться Анджелы. И прерванный роман так и не возобновился.

Между тем Юджин начал наведываться в редакции журналов. Уезжая из Чикаго, он уложил на дно сундука целую пачку рисунков, которые в свое время сделал для газеты «Глоб». Тут были этюды реки Чикаго, Блю-Айленд авеню, которую он однажды зарисовал в перспективе, Гусиного острова и набережной озера Мичиган, а также кое-какие уличные сценки. Все они производили сильное впечатление благодаря особой, свойственной Юджину манере создавать мозаику из черных пятен, среди которых неожиданно мелькало несколько

белых бликов и линий. В этих рисунках сквозило чувство, ощущалась жизнь. Их должны были бы оценить с первого взгляда. Но достаточно было даже намека на радикальное новаторство, чтобы работы его многим показались примитивными, даже грубыми. Пальто он рисовал одним штрихом, одним пятном изображал лицо. Даже вглядываясь в его работы, трудно было уловить отдельные детали, а зачастую они и вовсе отсутствовали. Под действием похвал, которые он слышал в институте, а также от Мэтьюза и Голдфарба, Юджин постепенно приходил к убеждению, что у него сложилась собственная манера письма и, дорожа своей самостоятельностью, он склонен был этой манеры придерживаться. Теперь он производил впечатление весьма самоуверенного молодого человека, и это отталкивало от него людей. Когда он показывал свои рисунки в редакции журнала «Сенчури», а также у Харпера и Скрибнера, их разглядывали с видом усталой учтивости. На стенах редакций, где он бывал, красовались десятки великолепных рисунков, подписанных (как уже знал к этому времени Юджин) лучшими художниками-иллюстраторами страны. И он возвращался к себе домой, убежденный, что его работы не произвели впечатления. Очевидно, в редакциях привыкли иметь дело с художниками в тысячу раз лучше его.

На самом же деле то, что так смущало Юджина, было лишь видимостью. Рисунки, которые висели на стенах редакционных кабинетов, были во многих случаях нисколько не лучше его собственных, а возможно, и хуже. Их преимущество заключалось в массивных деревянных рамах и во всеобщем признании. Юджин не был еще мэтром, признанным в журналах, но в его ранних работах было не меньше огня, чем в картинах позднейшего периода. Последние отличались большей зрелостью письма, в них не замечалось уже такой нетерпимости к деталям, но экспрессии в них было не больше, если не меньше. Дело, однако, заключалось в том, что руководителям художественных отделов до смерти надоели молодые художники, приносившие им свои рисунки. Пусть немного помучаются, это пойдет им впрок. И Юджин повсюду натывался на отказ, сопровождаемый скупой похвалой, которая была для него хуже уничтожающей критики. В результате он совсем пал духом.

Оставались, однако, газеты и журналы помельче, и Юджин неутомимо рыскал по городу, стараясь найти себе какую-нибудь работу. В двух-трех журнальчиках ему удалось получить заказ — несколько рисунков, в общей сложности на тридцать пять долларов. Нужно было еще платить натурщице. Теперь понадобилась и комната, которая заменяла бы мастерскую и куда можно было бы приглашать натурщицу. После долгих поисков он нашел в западной части Четырнадцатой улицы подходящее помещение — в конце коридора, окнами во двор, откуда можно было попадать прямо к нему по запасной лестнице. Комната стоила двадцать пять долларов в месяц, но он решил, что должен рискнуть этой суммой. Только бы получить несколько заказов, тогда можно будет прожить.

ГЛАВА XVI

Художественный мир Нью-Йорка весьма своеобразен. В период, о котором идет речь, да и долгое время спустя он состоял из разрозненных групп, почти не входивших между собой в соприкосновение. Особое место в нем занимали, например, скульпторы, человек тридцать—сорок, едва знакомых между собой; они злобно критиковали друг друга и предпочитали жить, замкнувшись каждый в тесном кругу близких и друзей. Свой, отдельный, мирок составляли и живописцы; они держались особняком от графиков и насчитывали в своей среде до тысячи, если не больше, человек, именовавших себя художниками. В большинстве своем это были мужчины и женщины, обладавшие достаточным дарованием для того, чтобы разок-другой добиться чести выставить свои работы в залах Национальной академии и от поры до времени продать картину или получить случайный заказ на декоративную работу или портрет. В городе было немало домов, где квартиры сдавались под студии: на Вашингтон-сквере, на Девятой и Десятой улицах, а также кое-где на Макдугал-эли или в кварталах между Вашингтон-сквером и Пятьдесят девятой улицей. Дома эти были населены живописцами, графиками, скульпторами, а также представителями различных видов прикладных искусств. Художники были больше связаны между собой, чем скульпторы, которые, впрочем,

отчасти примыкали к ним. У художников было несколько клубов — «Салмагунди», «Кит-Кэт», «Лотос»; нередко устраивались выставки — тушь, акварель, масло, — сопровождавшиеся дружескими встречами, на которых можно было обменяться взаимными одобрениями и советами. В студиях на Десятой улице, в общепитии ХАМЛ¹ на Двадцать третьей улице, в студиях имени Ван-Дейка и в ряде других мест художники часто селились вместе. В то время нетрудно было встретить такую небольшую группу лиц, вступивших во временное содружество, и даже присоединиться к ней, — если вы, как принято было говорить, оказались *своим*. Вне этого жизнь художника в Нью-Йорке протекала скучно, и он с большим трудом находил подходящую для себя среду.

Живописцам противостояли графики. В большинстве своем это была зеленая молодежь, к которой примыкали те, кто сумел снискать себе прочное расположение господ редакторов. Формально они не принадлежали к миру живописцев и скульпторов, но по духу были родственны им. У них тоже были свои клубы, а их мастерские всегда оказывались по соседству с мастерскими художников и скульпторов; поскольку графики пробаивались больше надеждами на будущее, то они обыкновенно селились по трое-четверо в одной студии — отчасти из соображений экономии, но также из чувства товарищества, чтобы поддерживать и вдохновлять друг друга в работе. В Нью-Йорке в ту пору существовало много таких групп, но Юджин, конечно, не знал о них.

Новичку требуется немало времени, чтобы обратить на себя внимание. Все мы должны пройти через годы учения, на какое бы поприще мы ни вступили. Юджин был одарен и преисполнен решимости, но у него не было ни жизненного опыта, ни близких друзей или знакомых. Этот город был такой чужой и холодный, и если бы Юджин с первых же минут не воспыла к нему безграничной любовью, он чувствовал бы себя в нем одиноким и несчастным. А сейчас он был весь во власти очарования, которым были исполнены для него прекрасные зеленые скверы — Вашингтон, Юнион и Мэдисон, изумительные улицы вроде Бродвея, Пятой авеню, Шестой авеню, и такие необычайные панорамы,

¹ «Христианская ассоциация молодых людей» — одна из широко распространенных американских реакционных организаций.

как Бауэри при ночном освещении, Ист-ривер, набережные и Баттери.

Юджин подпал под гипноз таившегося в этом городе чуда, имя которому красота. Какие бурлящие толпы людей! Какой водоворот жизни! Гигантские отели, опера, театры, рестораны — все, все восхищало его своей красотой. Прелестные женщины в великолепных нарядах, вереницы желтоглазых экипажей, напоминавших чудовищных насекомых, приливы и отливы людских масс утром и вечером — вот что заставляло его забывать о своем одиночестве. У него не было ни лишних денег, ни надежд быстро добиться успеха, а потому он мог сколько угодно бродить по этим улицам, смотреть на окна домов, любоваться прекрасными женщинами и с жадностью читать в газетах о триумфах, ежечасно выпадающих на долю счастливых, преуспевших в той или иной области. Газеты то и дело сообщали об авторе шумевшей книги, об ученом, сделавшем новое открытие, о философе, выступившем с новой теорией, или о финансисте, основавшем крупное предприятие. Писали о готовящихся театральных постановках, о предстоящих гастролях приезжих знаменитостей, об успехах молодых девушек, впервые выезжающих в свет, и о шумных общественных кампаниях. Одно было ясно: слово принадлежит молодости и честолюбию. Если у человека выдающиеся способности — это лишь вопрос времени, когда о нем услышит мир. Юджин мечтал, что придет час и его торжества, но боялся, что очень и очень не скоро, и это часто повергало его в уныние. Перед ним лежал еще долгий путь.

Одним из его любимых занятий в те дни и вечера было бродить по улицам — и в дождь, и в туман, и в снег. Нью-Йорк притягивал его к себе и под косыми струями ливня и запорошенный снегом. Особенно любил Юджин площади. Однажды он увидел Пятую авеню в сильную метель, при свете шипящих дуговых фонарей, и на следующее утро поспешил к мольберту, чтобы воссоздать эту картину в черно-белой гамме. Ничего у него не вышло, — так по крайней мере ему казалось, — и, провозившись около часу, он с отвращением бросил кисть. Но такие зрелища привлекали его. Ему хотелось запечатлеть их на бумаге, хотелось увидеть изображенными в красках. Возможный успех в будущем служил ему единственным утешением в ту пору, когда

на обед он решался потратить не более пятнадцати центов и когда во всем городе не было ни одной живой души, к кому он мог бы пойти перекинуться словом.

Характерной чертой Юджина было стремление к полной материальной независимости. Еще в Чикаго он имел возможность в тяжелые минуты написать домой и попросить помощи; он мог бы и сейчас занять у отца немного денег, но предпочитал заработать сам: пусть думают, что ему живется лучше, чем в действительности. Если бы кто-нибудь спросил Юджина, как его дела, он ответил бы, что не может пожаловаться. В таком духе Юджин и писал Анджеле, а то обстоятельство, что он все еще медлит со свадьбой, объяснял желанием добиться больших средств. Он изо всех сил старался подольше растянуть свои двести долларов и кое-что подработать мелкими заказами, как бы мизерно они ни оплачивались. Свои расходы он строго ограничил десятью долларами в неделю, и ему удавалось не выходить за пределы этой суммы.

Дом, где Юджин обосновался, не был, в сущности, предназначен для студий. Это было старое здание, занятое дешевым пансионом и меблированными комнатами, а также торговыми конторами. В верхнем этаже находились три полноценных комнаты и две темных каморки, и в каждой из них обитал какой-нибудь одинокий служитель муз. Соседом Юджина оказался мелкий работяга-иллюстратор, получивший образование в Бостоне и теперь утвердивший свой мольберт в Нью-Йорке, в надежде как-нибудь прокормиться. Вначале соседи мало общались между собой, хотя уже на второй день после переезда Юджин понял, что рядом с ним живет художник, так как в открытую дверь виден был мольберт.

Поскольку ни одна натурщица не являлась к нему с предложением своих услуг, Юджин решил обратиться в Лигу молодых художников. Он зашел к секретарю и получил у него адреса четырех натурщиц, которые не преминули откликнуться на его приглашение. Он выбрал одну из них — молодую американку шведского происхождения, отдаленно напоминавшую ему героиню повести, которую он предполагал иллюстрировать. Она была очень изящно одета, миловидная, с темными волосами, прямым носиком и чуть заостренным подбородком и с первого же взгляда понравилась Юджину. Но

он стыдился своей неприглядной обстановки и потому вел себя робко. Натурщица тоже держалась скромно, и он постарался закончить эскизы возможно скорее, без лишних затрат.

Юджин не принадлежал к людям, умеющим заводить случайные знакомства, хотя довольно быстро сходился с теми, кто был равен ему по развитию. В чикагском Институте искусств он был дружен с несколькими молодыми художниками, но здесь никого не знал, так как приехал без всяких рекомендаций. Все же он познакомился со своим соседом, Филиппом Шотмейером. Юджину хотелось расспросить его о том, что представляет собой художественный мир Нью-Йорка. Однако Шотмейер оказался человеком не блестящего ума и не мог ничего толком рассказать ему. Правда, Юджин узнал от него кое-что о крупнейших мастерских, о выдающихся деятелях искусства и о том, что начинающие художники работают группами. Шотмейер и сам еще год назад состоял в такой группе, но почему он теперь работает один — этого он Юджину не сообщил. Его иллюстрации появлялись в нескольких журналах — правда, мелких, однако более солидных, чем те, куда был вхож Юджин. Но одну важную услугу он оказал Юджину: он не скрывал своего восхищения его работами. Как и многие другие до него, Шотмейер разглядел в эскизах соседа что-то, выделявшее его из общей массы художников, — а он не пропускал ни одной выставки, — и однажды подсказал ему шаг, положивший начало блестящей карьере Юджина в области журнальной графики. Юджин работал в то время над одной из своих уличных сценок — дело, за которое он брался всякий раз, когда был свободен. Шотмейер как-то зашел к нему в комнату и стал следить за тем, как под его кистью оживает на полотне сценка из жизни Ист-Сайда: толпы работников, наводняющих улицы в шесть часов вечера, по окончании работы; тесные стены зданий, один или два мигающих фонаря, несколько витрин, залитых желтым светом, и множество утопающих в тени, едва различимых лиц. Это были лишь скупые намеки, но они передавали ощущение живой толпы и пульсирующей жизни.

— А знаете, — сказал Шотмейер, — эта вещичка вам здорово удалась. По-моему, очень похоже.

— Правда? — обрадовался Юджин.

— Я уверен, что какой-нибудь журнал обязательно

возьмет у вас рисунок для вкладки. Почему бы вам не отнести его в редакцию «Труф»?

«Труф» был еженедельник, которым Юджин восхищался, еще живя на Западе, так как в каждом его номере печаталась какая-нибудь цветная репродукция вразворот, и зачастую именно такие сценки, какие пытался рисовать он. Как-то всегда получалось, что когда Юджин слишком долго безвольно плыл по течению, он нуждался в побудительном толчке, который заставил бы его действовать. Под влиянием слов Шотмейера он особенно усердно поработал над этюдом и, закончив, решил отнести его в редакцию «Труф». Заведующему художественным отделом рисунок понравился с первого же взгляда, но он ничего не сказал, а пошел показать его главному редактору.

— Вот, по-моему, настоящая находка! — И он с гордостью положил этюд на стол редактора.

— Гм,— произнес тот, оторвавшись от рукописи, которой был занят,— действительно замечательная вещь, а? Кто это принес?

— Какой-то парень по имени Витла. Я его вижу у нас впервые. Настоящий художник, верно?

— Как выразительны эти намеки на лица в глубине,— восхищался редактор.— Что вы скажете? Немного напоминает массовые сцены Доре Хорошо сделано, а?

— Прекрасно,— вторил ему заведующий художественным отделом.— Я думаю, это будущий мастер, если только с ним ничего не случится. Надо взять у него несколько рисунков для вкладок.

— Сколько он хочет за это?

— Да он и сам, видно, не знает. Сколько дадут, столько и возьмет. Я предложу ему семьдесят пять долларов.

— Идет,— сказал редактор, отодвигая от себя лист с рисунком.— Здесь чувствуется какая-то свежая струя. С этим художником надо поддерживать знакомство.

— Я так и сделаю,— ответил тот.— Но он еще молод. Не следует слишком баловать его.

Выйдя из кабинета, он придал своему лицу выражение суровости.

— Этюд мне нравится,— сказал он.— Мы, пожалуй, возьмем его для журнала. Оставьте ваш адрес, я вам в скором времени вышлю чек.

Юджин назвал свой адрес. Сердце его радостно колотилось. Он не думал о том, сколько получит, сейчас эта мысль меньше всего занимала его, он уже видел в воображении свой этюд воспроизведенным в журнале на развернутом листе. Итак, ему действительно удалось поместить свою работу, да еще в таком журнале, как «Труф»! Теперь он может со спокойной совестью сказать, что кое-чего достиг. Он сейчас же напишет Анджеле и поделится с ней новостью. А когда выйдет журнал, пошлет ей несколько экземпляров. В дальнейшем у него будет возможность сослаться на эту работу. А самое главное — теперь он знает, что такие сценки ему удаются.

Он шел по улице, ступая по серому булыжнику, как по воздуху. Откинув голову назад, он дышал всей грудью. Воображению его уже рисовались другие сценки, которые он изобразит. Его мечты начинают сбываться, он, Юджин Витла, автор цветного разворота в журнале «Труф»! В голове у него уже готова была серия таких рисунков,— все, о чем он когда-то мечтал. Ему захотелось поскорее бежать к Шотмейеру, рассказать ему о своих успехах и угостить хорошим ужином. Он даже почувствовал нежность к этому бедному ремесленнику от искусства за то, что тот подал ему такой удачный совет.

— Послушайте, Шотмейер,— сказал он, просовывая голову в его дверь,— сегодня мы идем с вами ужинать! «Труф» взял мой рисунок.

— Вот это замечательно! — воскликнул сосед без малейшего признака зависти.— Очень рад за вас. Так я и думал.

Юджин чуть не прослезился. Бедняга Шотмейер! Не бог весть какой художник, но сердце у него золотое. Никогда он не забудет его доброты.

ГЛАВА XVII

Крупная удача с продажей рисунка, сопутствовавший ей чек на семьдесят пять долларов и спустя некоторое время появление репродукции в журнале окрылили Юджина: наконец-то он на твердом пути! Он уже стал подумывать, не поехать ли ему в Блэквуд наве-

стить Анджелу. Но нет, раньше он как следует поработает.

Юджин приготовил еще несколько уличных сценок, зарисовал Грили-сквер в морозящий дождь и поезд воздушной железной дороги над Бауэри, мчащийся по высокой кружевной эстакаде. Он умел улавливать контрасты, резко выделяя свет и тень, и писал эффектными, расплывчатыми пятнами, которые неуловимостью красок и скрытой в них многозначительностью напоминали игру драгоценных камней. Спустя месяц после первого посещения редакции «Труф» Юджин снова отправился туда, и опять заведующий художественным отделом не устоял перед ним. Он старался казаться равнодушным, но ему это плохо удавалось. В этом молодом человеке было именно то, что ему требовалось.

— Приносите мне все, что у вас будет в таком роде,— сказал он.— И если рисунки будут не хуже этих, мы всегда найдем для них место.

Юджин вышел из редакции с высоко поднятой головой. Он начинал проникаться верой в свои способности.

Не мало требуется рисунков по семьдесят пять и сто пятьдесят долларов, чтобы обеспечить себе приличный доход! Не говоря уже о том, что художников в Нью-Йорке хоть отбавляй и не так-то легко выдвинуться. Прошло много месяцев, прежде чем первые работы Юджина увидели свет. Он избегал мелких журналов в надежде, что ему удастся вскоре утвердиться в более крупных, но последние не так уж стремились залучить к себе молодые дарования. Шотмейер познакомил Юджина с двумя живописцами, сообща занимавшими студию на Уеверли-плейс. Оба чрезвычайно понравились Юджину. Мак-Хью, родом из штата Вайоминг, мастерски рассказывал о жизни на рудниках и горных фермах. Смайт был сыном канадского рыбака из Нова-Скотии. Мак-Хью, высокий и худой, при первом знакомстве казался типичным деревенским увальнем, но это впечатление очень скоро сглаживалось — столько ума и живого юмора было в его взгляде. Юджина сразу потянуло к этому приятному, располагавшему к себе человеку. От Джозефа Смайта исходило дыхание моря. Невысокого роста, коренастый и крепкий, он напоминал кузнеца. У него были большие руки и ноги, большой рот, глубокие, резко очерченные глазные впадины и жесткие

каштановые волосы. Говорил он медленно, с расстановкой, зато, когда улыбался или смеялся, лицо его преображалось. В минуту волнения или радости все тело его приходило в движение, физиономия покрывалась забавной сеткой добродушных морщин, косноязычия как не бывало, он начинал говорить легко и быстро. Он любил пересыпать свою речь забористыми словечками, так как, работая среди моряков, накопил обширный запас весьма живописных выражений. Впрочем, в этом не чувствовалось злости. Смайт был само доброжелательство и благодушие. Юджину хотелось подружиться с этой парой, и он старался поддерживать с ними знакомство. Дружья, как он замечал, бывали ему рады, и они часами рассказывали друг другу забавные эпизоды и обменивались мнениями о людях. Он все чаще и чаще стал заходить к ним, а через некоторое время и они начали к нему заглядывать. Но лишь спустя много месяцев Юджин почувствовал, что по-настоящему сошелся с ними.

В течение этого года он приобрел знакомства среди натурщиц, стал посещать выставки и благодаря заведующему художественным отделом журнала «Труф», Хадсону Дьюла, несколько раз получал приглашения на интимные обеды художников и их подруг. Он не встретил никого, кто особенно понравился бы ему, если не считать Ричарда Уилера, редактора довольно жалкого журнальчика под названием «Крэфт». Это был белокурый молодой человек с поэтическим темпераментом. Он сразу угадал в Юджине неудержимое влечение к красоте и постарался сдружиться с ним. Юджин охотно шел ему навстречу, и Уилер стал бывать у него в мастерской. Юджин еще не зарабатывал в те дни достаточно, чтобы обзавестись лучшим жилищем, но он постарался приобрести для своей студии несколько гипсовых слепков и красивых бронзовых вещиц. На стенах были развешаны его собственные рисунки, преимущественно виды Нью-Йорка. Выражение, с каким их разглядывали знатоки, постепенно убеждало Юджина, что он призван сказать свое слово в искусстве.

Весною, на второй год пребывания в Нью-Йорке, когда Юджин уже свыкся с новой атмосферой, он решил съездить на Запад навестить Анджелу, а заодно побывать в Александрии у родителей. Шестнадцать месяцев прошло со дня его отъезда из Чикаго, и за это

время он не встретил ни одной женщины, которая увлекла бы его или встала между ним и Анджелой. В марте он написал ей, что, возможно, приедет в мае или в июне, но вырваться ему удалось только в июле, когда Нью-Йорк изнывал от невыносимой жары. Он не особенно много сделал за это время, всего лишь иллюстрации к десятку рассказов и четыре рисунка в развернутый лист для журнала «Труф», из которых один был уже напечатан,— но все же он продвигался. Как раз в этот день, когда он собрался ехать в Чикаго и Блэквуд, в киосках появился второй номер журнала с его рисунком, и Юджин, сияя от гордости, купил один экземпляр, чтобы захватить с собою в вагон. Рисунок изображал поезд воздушной железной дороги над ночным Бауэри. Репродукция очень удалась; Юджин испытывал необычайную гордость и знал, что Анджела будет радоваться вместе с ним. Она с таким восторгом писала ему о его зарисовке Ист-Сайда, которую он назвал «Шесть часов».

Сидя в поезде, Юджин мечтал.

Наконец, пробежав огромное расстояние между Нью-Йорком и Чикаго, поезд прибыл в Город Озер, и Юджин, даже не посетив тех мест, где он делал свои первые шаги на пути к самостоятельности, отправился пятичасовым в Блэквуд. Было душно, и пока он ехал, в небе скопились густые грозовые тучи, вскоре разразившиеся летним ливнем. Деревья и трава напились влагою, на дорогах улеглась пыль. Освежающий холодок ласкал усталое от жары тело. Мимо проносились, быстро скрываясь из глаз, маленькие городки, утопавшие в густой зелени, и наконец показался Блэквуд. Он был меньше Александрии, но в общем мало отличался от нее. Как и в Александрии, здесь прежде всего бросались в глаза церковный шпиль, лесопильный завод, красивая торговая улица с кирпичными домами и множеством вековых развесистых деревьев. Город с первого взгляда понравился Юджину. Именно в таком месте должна была жить Анджела.

Было уже семь часов, надвигались сумерки. Юджин не сообщил Анджеле точный час своего приезда и решил заночевать в маленькой гостинице, вернее, харчевне, которую заметил неподалеку от станции. У него был с собою только большой чемодан и саквояж. Он справился у содержателя гостиницы, как проехать на

ферму Блю и далеко ли до нее, и узнал, что утром его в любое время довезут туда за доллар. Поужинав бифштексом с жареным картофелем и запив его скверным кофе, он сел в качалку на террасе, выходящей на улицу, чтобы в тишине поглядеть, как живет этот городишко, и насладиться вечерней прохладой. Он мысленно представлял себе очаровательное гнездышко, в котором, вероятно, обитает Анджела. Какой маленький городок, как тут тихо! До одиннадцати поездов из Чикаго уже не будет.

Немного погодя Юджин вышел пройтись и подышать вечерним воздухом. Вернувшись в гостиницу, он широко распахнул окно душного номера и стал смотреть на улицу. Летняя ночь, сохранявшая свежесть пролившегося дождя, непросохшие деревья, аромат сочной, влажной растительности — все это оставляло свой след в его душе, как рельефный узор на глине. Он чувствовал нежность к маленьким домикам с лучистыми окнами и к случайным прохожим, которые обменивались простыми дружескими приветствиями. Его глубоко трогало и трещание кузнечиков, и кваканье лягушек, и мерцание далеких звезд — солнц и планет, словно повисших над верхушками деревьев. Ночь дышала плодородием, вокруг кипела невидимая мельчайшая работа, очень мало или совершенно не зависящая от человека, хотя человек и является участником этого таинства. Наконец веки его начали слипаться, он лег в постель и уснул крепким, безмятежным сном.

На другое утро Юджин проснулся рано и едва дождался часа, когда можно будет тронуться в путь. Он считал неудобным выехать раньше девяти и, чтобы скоротать время, разгуливал по городу, привлекая общее внимание, так как его высокая, худощавая, изящная фигура и резкий профиль бросались здесь в глаза. В девять часов ему подали какой-то шарабан прадедовских времен, и он покатиł по глинистой, размытой вчерашним дождем дороге, местами затемненной густыми деревьями. Столько прелестных полевых цветов росло вдоль дороги, так пышно разросся цветущий кустарник за решеткою оград — желтый и красный шиповник, жимолость и прочее, — что сердце Юджина замирало от восторга. Музыкой звучала в его душе эта чудесная природа — желтеющая пшеница, молодая, чуть ли не в человеческий рост кукуруза, луга и клеверные поля,

разделенные небольшими рощами, ласточки, стремительно пронсящие в воздухе в погоне за насекомыми, и парящий высоко в небе коршун, еще в детстве представлявший Юджину воплощением красоты.

Юджин вспомнил, как мальчуганом он радовался порханию бабочек и птиц и воркованию горлицы (вот оно как раз прорезало тишину вдаль) и восхищался мужественной силою сельских жителей. Сидя в своем шарабане, он думал о том, что хорошо было бы написать серию деревенских этюдов, таких же безыскусственных, как дворики, мимо которых он проезжал, как этот пересекающий дорогу ручей, образовавший невдалеке заводь, где поили скот, как этот остов заброшенного дома — без дверей и окон, с провалившейся крышей, до самых стропил заросший жимолостью и повиликой «Мы, жители городов, не знаем всего этого», — подумал он со вздохом, совершенно позабыв, что, как и все юноши и девушки, уезжающие в столицу, он унес с собой глубоко врезавшиеся в душу впечатления детства, проведенного на лоне природы.

Ферма семейства Блю была расположена посреди довольно широкой долины, между отлогими склонами лесистых холмов. В одном ее конце, неподалеку от дома, в густо заросших ивняком и орешником берегах, журча по камешкам, бежал ручеек, не дальше как в миле оттуда разливаясь небольшим озерком. Прямо перед усадьбой на десять акров раскинулось поле, засеянное пшеницей, справа от него — выгон, а слева — клеверное поле. За домом, к которому вела длинная лужайка с тенистой аллеей из высоких старых вязов, виднелись сарай, колодец, свинарник, амбар для кукурузы и несколько сарайчиков поменьше. Прилегавший к дому палисадник был отделен от лужайки низеньким забором, вдоль которого росла сирень, а в самом палисаднике были разбиты незатейливые клумбы с розами и золотистыми ноготками. Галерея, соединявшая черный ход с летней кухней, была вся увита плющом, а торчащий неподалеку пень был сплошь увит цветущей жимолостью. Газон во дворе содержался аккуратно, а большая лужайка перед домом, на которую падала тень развесистых деревьев, казалась бархатной. Дом был длинный, одноэтажный, по его фасаду тянулись в ряд шесть

комнат. Две из них, расположенные посредине, представляли собою, вероятно, его старую часть, построенную лет семьдесят назад. Остальные четыре появились позднее, а кроме них, была еще пристройка, где помещались зимняя кухня и столовая. К западу от галереи, ведущей в летнюю кухню, стояла некрашенная, сколоченная из досок кладовая. Весь дом был стар и запущен, но по-своему живописен.

Юджин не ожидал, что попадет в такое чудесное место. Ему понравился и самый дом — длинный и низкий, с дверями, открывавшимися прямо в сад, и окнами, обрамленными диким виноградом, — и кусты сирени, зеленой стеной отделявшие дом от лужайки, и тенистые вязы, напоминавшие часовых. Когда шарабан въезжал в ворота, он сказал себе:

«Вот место, созданное для любви! И подумать только, что Анджела живет здесь!»

Шарабан прогремел по усыпанной крупной галькой дороге, слева от лужайки, и остановился у садовой калитки. Из дома вышла Мариетта. Ей было двадцать два года, и насколько старшая сестра была рассудительна и сумрачна, настолько эта была жизнерадостна и весела. Беспечная, как котенок, склонная видеть во всем светлую сторону, она повсюду приобретала друзей. По ней вздыхал целый рой поклонников, писавших ей пылкие письма, но она всех отвергала с подкупающим добродушием. Казалось бы, что здесь, в деревне, не было таких возможностей, как в городе, в смысле светских развлечений, однако кавалеры под тем или иным предлогом проникали и сюда. Мариетта притягивала их, точно магнит, и Анджела принимала участие в веселье, которое умела создавать ее младшая сестра.

Анджела была в столовой, и позвать ее не составляло большого труда. Но Мариетте хотелось сперва собственными глазами увидеть, что представляет собою возлюбленный ее сестры, которого та завлекла в свои сети. Она была поражена его ростом, его живописной наружностью и пронизательным взглядом. Она не ожидала, что у Анджелы такой завидный жених. Она с ласковой улыбкой протянула ему руку.

— Вы мистер Витла, не правда ли? — спросила она.

— Он самый, — ответил Юджин несколько торжественно. — Какая чудесная дорога к вам!

— Да, когда хорошая погода, — смеясь, сказала де-

вушка.— Зимой она вам не так понравилась бы. Заходите, пожалуйста, и поставьте чемодан вот сюда. Дэвид отнесет его в вашу комнату.

Юджин повиновался, не переставая, однако, думать об Анджеле, о том, когда она, наконец, покажется и какой предстанет перед ним. Он вошел в просторную, низкую, прохладную гостиную и немало обрадовался, увидев там рояль и ноты, сложенные на этажерке. За открытым окном виднелись гамаки, висевшие среди деревьев на лужайке. «Какой чудесный уголок,— подумал он,— сама поэзия». И тут появилась Анджела. Она была в простом белом полотняном платье. Толстые косы обвивали ее голову,— это так всегда нравилось Юджину. Она успела сорвать и приколоть к корсажу большую красную розу. Завидев Анджелу, Юджин протянул ей обе руки, и она бросилась ему на шею. Он крепко поцеловал ее, так как Мариетта тактично оставила их одних.

— Наконец-то я с тобой! — шептал он между поцелуями.

— Да, да,— вздохнула она.— Тебя так долго не было.

— О, я страдал еще больше, чем ты,— утешал он ее.— Я так мучился и все ждал, ждал, ждал.

— Забудем,— сказала Анджела.— Мы снова вместе. Ты здесь.

— Да, я здесь! — расхохотался он.— Во всеоружии ума и таланта и в единственном своем коричневом костюме! Но как у вас красиво — эти изумительные деревья, эта чудесная лужайка!

Он на минуту оторвался от нее, чтобы посмотреть в окно.

— Я рада, что тебе у нас нравится,— отозвалась Анджела, и глаза ее радостно заблестели.— Мы любим наш дом, хотя он очень старый.

— Потому-то он мне и нравится! — воскликнул Юджин.— Какая прелесть эти кусты, эти розы! Если б ты знала, дорогая, как у вас хорошо! И ты — ты такая чудная!

Он отодвинул ее от себя, разглядывая, а она залилась румянцем и еще больше похорошела. Его порывистость и смелость приводили Анджелу в смятение, и сердце ее учащенно билось.

Немного погодя они вышли во дворик, и тогда сно-

ва появилась Мариетта, а вместе с нею и миссис Блю, добродушная, полная женщина лет шестидесяти. Она сердечно поздоровалась с Юджином. Он сразу почувствовал, что она во всех отношениях похожа на его мать — на всякую хорошую мать: она так же любила порядок и покой, так же пеклась о благополучии своих детей, так же дорожила общественным мнением и правилами чести и морали. Все эти черты Юджин искренне уважал в других. Его радовало, когда он обнаруживал их в окружающих, он считал, что они имеют большое значение для общества, но не был уверен, что они обязательны и для него. В душе он всегда считал, что жизнь богаче, сложнее и загадочнее, чем любая шаблонная теория или отстоявшийся жизненный уклад. Разумеется, похвально, когда мужчина или женщина следуют законам чести и морали в соответствии со своим положением и с характером самого общества, но если смотреть в глубь вещей, это не играет никакой роли. Всякий уклад, всякий строй, рассчитывающий на долгое существование, должен иметь в своем составе таких миссис Блю, согласующих свое поведение с высшими принципами и установлениями данного общества. При встрече с такими людьми можно конечно, умиляться, но что они значат перед изменчивыми, неисповедимыми силами природы. Они — проявления случайной гармонии, необходимые для данного строя, но не имеющие никакой ценности для вселенной в целом. Таковы были взгляды Юджина в двадцать два года, и он спрашивал себя, удастся ли ему когда-нибудь высказать их и что подумали бы люди, если бы могли прочитать его мысли; он спрашивал себя, существует ли что-нибудь — что бы то ни было — действительно устойчивое, как неизблемая скала, на которой можно утвердиться, или же все в мире лишь зыбкие тени и призраки.

Миссис Блю ласковым взглядом окинула жениха своей дочери. Она много наслышалась о нем. Воспитав своих детей в правилах долга, чести и морали, она верила, что они будут общаться с людьми таких же правил. Она заранее решила, что и Юджин принадлежит к таким людям, а его открытое, без малейшего лукавства лицо, смеющиеся глаза и приятная улыбка убедили ее в том, что он и по натуре порядочный человек. И, наконец, достаточно было его замечательных рисунков, оттиски которых он время от времени посылал

Анджеле,— а в особенности рисунка, изображавшего толпу на Ист-Сайде,— чтобы заранее расположить ее в его пользу. Ни одна из ее дочерей — а три из них уже были замужем — не могла похвалиться супругом, который выдерживал бы сравнение с этим молодым человеком. Она смотрела на Юджина как на будущего зятя, рассчитывая, что он с радостью и как нечто должное возьмет на себя все общепринятые в этих случаях обязательства.

— Спасибо вам, миссис Блю, за ваше любезное приглашение,— почтительно сказал Юджин.— Мне давно хотелось побывать у вас. Я столько слышал от Анджели о вашей семье.

— У нас самый обыкновенный деревенский дом; ничего он собой не представляет, но мы его любим,— отвечала миссис Блю.

Она ласково улыбнулась Юджину, спросила, как у него подвигается работа в Нью-Йорке, предложила отдохнуть в гамаке и опять пошла на кухню, где у нее уже готовился обед для гостя.

Молодые люди направились вдвоем к лужайке и там уселись под деревьями. Юджин испытывал какое-то восторженное чувство. Он был еще так молод, а между тем жизнь осыпала его своими лучшими дарами; он любил и был любим; недавние успехи в Нью-Йорке сулили ему исполнение самых честолюбивых надежд. А теперь он вкушал душевный мир, радуясь заслуженному отдыху и наслаждаясь любовью, красотой, поклонением и лучезарным летом.

Погруженный в эти мысли, Юджин раскачивался в гамаке и любовался чудесной лужайкой; наконец взгляд его остановился на Анджеле, и он подумал:

«В мире не может быть ничего прекраснее!»

ГЛАВА XVIII

Около полудня вернулся домой старый Джотем Блю, пропалывавший в поле кукурузу. Несмотря на свои шестьдесят пять лет и белоснежные волосы и бороду, он производил впечатление крепкого человека, который может прожить до девяноста, а то и до ста лет. У него были голубые глаза и пронизательный взгляд, на лице играл румянец. Широкие, могучие плечи и тонкая

талия показывали, что в молодости это был стройный мужчина.

— Здравствуйте, мистер Витла,— сказал он необычайно просто и сердечно, подходя к Юджину. Он был в сапогах, на которых засохла принесенная с поля желтая грязь. Достав из кармана большой складной нож, старик принялся строгать тоненький сучок, подобранный с земли.— Очень рад вас видеть. Анджела мне кое-что рассказывала о вас.

Он, улыбаясь, посмотрел на Юджина. Анджела, сидевшая рядом с гостем, встала и медленно пошла к дому.

— И я рад вас видеть,— сказал Юджин.— Мне очень у вас нравится. Благодатный край.

— Край благодатный, что и говорить,— сказал старый Джотем и, придвинув к себе стул, стоявший под деревом, сел. Юджин снова занял свое место в гамаке.

— У нас здесь почва богата известью, углеродом и калием — самая пища для растений. Искусственного удобрения требуется очень мало. Главное — тщательно возделывать землю и бороться с сорняками и вредителями.

Он задумчиво строгал свой сучок. Юджина удивило обнаруженное им знакомство с физикой и химией в применении к земледелию. Приятно было видеть человека, у которого искусство земледельца сочеталось с незаурядными познаниями.

— По дороге к вам я видел прекрасные пшеничные поля,— заметил он.

— Да, пшеница у нас тут хорошо родится, когда погода более или менее благоприятная,— словоохотливо отозвался старик Блю,— да и кукуруза тоже. Яблони дают богатейшие урожаи, и виноград часто вызревает. Я всегда был того мнения, что штат Висконсин имеет некоторые преимущества перед другими штатами в бассейне Миссисипи; природа благословила нас умеренным климатом, обилием проточной воды и прекрасным, разнообразным рельефом. На севере богатейшие рудники, и лесу сколько угодно. У нас, в Висконсине, привольное житье. Этому штату предстоит большое будущее.

Пока он говорил, Юджин успел заметить, как широко расставлены у него глаза. Ему понравилось, что старик так заинтересован судьбами своего штата и своей

родины. Это был не жалкий раб земли, а земледелец в истинном смысле слова, фермер, знающий свое дело, американец, любящий свой штат и родину.

— Мне долина Миссисипи всегда представлялась краем великих возможностей,— сказал Юджин.— История знает такие густо заселенные места — долина Нила, например, или долина Евфрата, но наша несравненно больше. Я верю, что в будущем сюда устремятся толпы поселенцев.

— Наш штат — новый земной рай,— сказал Джотем Блю; он перестал на минуту строгать и поднял правую руку, чтобы придать больше силы своим словам — Мы еще не знаем полностью всех его богатств. Здесь можно вырастить достаточно плодов, кукурузы, пшеницы, чтобы прокормить весь мир. Меня иногда поражает плодородие нашей почвы. Она так щедра. Это великая мать. Она просит только, чтобы с ней хорошо обращались, и тогда она дает все, что у нее есть.

Юджин улыбнулся. Широкий кругозор его будущего тестя удивлял его. Он чувствовал, что готов полюбить этого человека.

Они поговорили о характере местного населения, о росте Чикаго, об угрожавшей еще недавно войне с Венесуэлой, о новом лидере демократической партии, которым Джотем Блю восхищался. Он стал рассказывать о нем во всех подробностях,— выяснилось, что тот недавно посетил их в Блэкуде,— но тут на пороге дома появилась миссис Блю.

— Джотем! — позвала она.

— Жене, вероятно, нужно ведро воды,— сказал он, вставая, и неторопливо направился к дому.

Юджин улыбнулся. Как все это трогательно! Вот именно такой должна быть жизнь — воплощением здоровья, силы, добродушия, полной взаимного понимания и простоты отношений. Он был бы рад стать человеком, подобным Джотему Блю, таким же здоровым, сердечным, чистым и сильным. Подумать только — ведь этот фермер вырастил восемь человек детей! Неудивительно, что у него такая очаровательная дочь, как Анджела! И все другие дети, наверно, такие же.

Юджин качался в гамаке, когда вернулась Мариетта; она улыбнулась, ветер растрепал ее белокурые волосы.

У нее были голубые глаза, как у отца, и его живая, подвижная натура, исполненная сердечности и теплоты. Юджина потянуло к ней. Она немного напоминала ему Руби и немного Маргарет. Она цвела юностью и здоровьем.

— Вы, должно быть, сильнее Анджелы,— сказал он, глядя на девушку.

— Еще бы! — воскликнула она. — Нашему Ангелочку ни за что за мной не угнаться. И когда мы деремся, я всегда побеждаю. Иногда я даже чувствую себя старше — ведь это я всегда все затеваю.

Юджин оценил прозвище «Ангелочек», решив, что оно подходит Анджеле. Она и действительно напоминала ангелов, как их изображают в старых фолиантах или на церковных витражах. У него мелькнула смутная мысль, что у Мариетты, пожалуй, более приятный характер и что в ней больше душевной теплоты и женского обаяния. Но он заставил себя выкинуть эту мысль из головы. Он чувствовал, что здесь он должен быть верен Анджеле.

Во время их беседы подошел Дэвид, самый младший, и уселся на траву. Это был мальчик невысокого роста, довольно плотный для своих шестнадцати лет, с умным лицом и живыми глазами. Юджин почувствовал в нем уравновешенность и спокойную силу. Он приходил к заключению, что молодежь унаследовала от родителей и крепкое здоровье и характер. Это был дом, где росли удачные дети. Немного спустя к ним подошел Бенджамен — высокий, даже слишком высокий для своего возраста юноша, производивший впечатление пуританина — его западноамериканской разновидности, — а затем и самый старший из сыновей, Сэмюэл, наиболее интересный из всех. Это был крупный мужчина с невозмутимо спокойным, как у старого Джотема, выражением лица, сильно загорелый и крепкий, словно молодой дуб. Из разговора выяснилось, что он работает на железной дороге в Сент-Поле и домой приехал ненадолго — провести отпуск после трехлетнего отсутствия. Его дорога называлась «Великая Северная», он занимал уже должность второго помощника начальника станции, и в семье считали, что он далеко пойдет. Юджину было ясно, что все эти юноши и девушки, так же как и Анджела, отличаются непреклонно честным и правдивым характером. Все они были воспитаны в христиан-

ских понятиях о добродетели — это были не церковные догмы, а именно христианские понятия, окрашенные терпимостью и доброжелательством. Они по мере сил соблюдали десять заповедей, и жизнь их не выходила за рамки того, что именуется нравственностью и приличием. Это заставило Юджина задуматься. Его собственная беспринципность в вопросах морали была загадкой для него самого. Может быть, они действительно правы, а он глубоко заблуждается? Но для кого же тогда весь этот сложный механизм мироздания со всеми его тайнами? Юджин чувствовал, что в пределах сложившегося общественного уклада он явно не на месте, но что касается жизни в более широком понимании — тут трудно что-либо сказать.

В половине первого в дверях показалась миссис Блю и объявила, что обед на столе. Все тотчас же встали. Это была простая домашняя трапеза, обычная в культурных фермерских семьях. Были поданы в изобилии свежие овощи — зеленый горошек, молодая фасоль в стручках и молодой картофель. Мясо для жаркого было куплено у мясника, развезжавшего в своей тележке по всей округе. Кроме того, миссис Блю приготовила горячие воздушные бисквиты. Юджин признался, что он большой любитель пахтанья, и ему принесли полный кувшин, заметив, что обычно его примешивают в корм свиньям, так как никто из детей его не любит. За столом шла оживленная беседа, раздавались шутки, и до слуха Юджина доносились обрывки новостей, касавшихся окрестных жителей. У такого-то фермера пала лошадь, такой-то собирается снимать пшеницу. То и дело упоминались три старшие сестры, жившие в других городах того же штата. У них, по-видимому, было много детей, доставлявших им изрядные хлопоты. Они часто приезжали навестить своих родных, с которыми были связаны крепкими узами.

— Чем ближе вы познакомитесь с семейством Блю, — заметил Сэмюэл Юджину, когда тот удивился такой общности интересов, — тем яснее вам станет, что это не столько семья, сколько клан. Все ее члены крепко спаяны между собой.

— Это, по-моему, очень хорошая черта, — смеясь, ответил Юджин, отнюдь не питавший такого интереса к своим родным.

— А я вам скажу, — вставил живший по соседству

фермер, по имени Джейк Долл,— что если вы хотите узнать, как все Блю держатся друг за друга, попробуйте обидеть кого-нибудь из них.

— А ведь это верно, согласна, сестричка? — заметил Сэмюэл Анджеле, рядом с которой сидел, и ласково прикоснулся к ее руке.

Это движение не укрылось от Юджина. Девушка так же ласково кивнула головой.

— Да, все Блю крепко держатся друг за друга.

Юджин готов был приревновать Анджелу к ее брату. Он невольно задумался над тем, можно ли такую девушку вырвать из родной атмосферы, полностью от нее изолировать и перенести в совершенно иной мир? Сможет ли она понять его, Юджина, сможет ли он навсегда остаться с нею? Он с улыбкой смотрел на ее отца и мать, говоря себе, что должен навсегда сохранить ей верность. Но все же в жизни много странного, трудно сказать, как она сложится.

За этот день Юджин вынес еще много приятных впечатлений. Вечером они с Анджелой целых два часа сидели вдвоем в прохладной гостиной, и Юджин снова и снова говорил ей о том, как она прекрасна, как он очарован этим старым домом, какие милые люди ее отец и мать, какие у нее интересные братья. Он сделал карандашный набросок с Джотема, возвращающегося с поля. Рисунок очень понравился Анджеле, и она оставила его у себя, чтобы показать отцу. Юджин попросил ее позировать ему у окна и зарисовал ее головку в ореоле пушистых волос. Вспомнив про иллюстрацию, изображающую Бауэри ночью, он пошел разыскать ее и тут впервые увидел отведенную ему в самом конце дома уютную прохладную комнату. Окно выходило на запад — из него видны были кусты жимолости,— а дверь открывалась на тенистую, прохладную лужайку. Ему казалось, что он купается в красоте и видит вокруг себя одно лишь счастье. Больно было думать, что жизнь не может всегда быть такой радостной,— как будто красота не вечна и не вездесуща.

Увидев рисунок Юджина в журнале, Анджела была вне себя от гордости и счастья. Это служило неоспоримым доказательством одаренности ее возлюбленного. В своих письмах он почти ежедневно описывал ей худо-

жественный мир Нью-Йорка, так что у нее было некоторое представление о нем,— правда, сильно приукрашенное. Зато такие вот репродукции были чем-то конкретным, осязаемым. Весь мир увидит их. Она воображала, что Юджин уже знаменит.

В этот вечер, и на другой день, и в последующие дни, когда они сидели одни в гостиной, между Юджином и Анджелой стало все больше устанавливаться то взаимное понимание, которое рано или поздно наступает между любящими мужчиной и женщиной. Юджин неспособен был ограничиться целомудренными поцелуями и невинными ласками, если его постоянно не держали в узде. Ему казалось, что любовь должна идти своим естественным путем. Юджин не был женат, он не знал, какую ответственность налагает брак, и никогда не задавался мыслью о том, каких трудов стоило его родителям вырастить и воспитать его. У него отсутствовал тот инстинкт, который все это подсказал бы ему. Он не питал ни малейшей склонности к отцовству и не ведал того естественного стремления, которое заставляет человека мечтать о домашнем очаге и условиях, необходимых для создания семьи. Все мысли Юджина сосредоточивались на любовном периоде — на сопровождающих его поцелуях, ласках и объятиях. И чем больше Анджела противилась, упорно борясь сама с собой, тем острее предвкушал он всю полноту предстоящего им счастья. Порой, заглядывая в ее глаза, он замечал заволакивавшую их дымку, сулившую неудержимый порыв. Он сидел рядом с нею, гладил ее руки, прикасался к ее лицу, ласкал ее волосы, крепко прижимал ее к себе. Ей было трудно устоять перед этим недвусмысленным нажимом и держать его на безопасном расстоянии, так как она и сама жаждала восторгов любви.

В третий вечер своего пребывания в доме Блю Юджин, несмотря на все возраставшее уважение к каждому члену этого семейства, довел Анджелу до грани и, возможно, переступил бы вместе с нею заповедную черту, если бы, к счастью, в нем не взяли верх чувства совершенно иного порядка, чувства, вызванные бурным отчаянием Анджелы.

В этот день они купались в маленьком озере Оукуни, расположенном неподалеку от дома.

После купания Юджин с Анджелой, Дэвидом и Ма-

риеттой поехали прокатиться. Стоял один из тех очаровательных вечеров, которые выдаются иногда летом и красноречиво говорят о красоте и любви. Погода была такая чудесная, такая теплая, в тени деревьев было так хорошо, что у Юджина защемило сердце. Сейчас он молод, жизнь прекрасна, но какой-то она будет в старости? Душу его словно терзало болезненное предчувствие надвигающейся катастрофы.

Солнце уже село, когда они подъезжали к дому. Жужжали насекомые, то и дело позвякивали колокольчики коров, свежий ветерок, предтеча близкого вечера, овеивал их лица, когда они проезжали лошину. Приближаясь к дому, они завидели синий дымок, курившийся над кухней и возвещавший близость ужина. Юджин в экстазе сжимал руку Анджелы.

Ему хотелось грезить, сидя с нею в гамаке, когда надвинутся глубокие сумерки, и смотреть на окружающий мир. Повсюду жизнь была ключом. Старый Джотем и Бенджамен вернулись с поля, и вскоре из кухни, где они умывались, послышались их голоса и плеск воды. В конюшне нетерпеливо фыркали лошади в предвкушении корма, где-то вдали мычала корова, хрюкали голодные свиньи. Юджин вскинул голову, как будто стряхивал с себя какие-то чары,— кругом царил такая идиллия, такая гармония.

За ужином он едва прикоснулся к еде,— все его внимание захватило зрелище, которое представляла собою группа за столом. А после вечерней трапезы он вместе со всей семьей сидел на лужайке, вдыхая аромат цветов, глядя на звезды, мерцавшие сквозь деревья, и прислушиваясь к тому, что говорили Джотем и миссис Блю, Сэмюэл, Бенджамен, Дэвид, Мариетта и изредка Анджела. Чувствуя его настроение, его грусть, порожденную всем этим очарованием, она тоже притихла и только прислушивалась к словам Юджина и отца. Но когда она что-нибудь провозносила, голос ее звучал мелодично.

Вскоре Джотем Блю встал и отправился спать, а за ним последовали один за другим и остальные. Дэвид и Мариетта ушли в гостиную, потом встали Сэмюэл с Бенджаменом. Каждый объяснял свой уход тем, что завтра предстоит тяжелый день. Сэмюэл собирался потряхнуть стариной и помочь отцу в молотье. Юджин взял Анджелу за руку и вместе с нею направился

к палисаднику, где в полном цвету стояли гортензии — белые, как снег, днем и бледно-серебристые в темноте. Взяв ее лицо в ладони, Юджин вновь стал шептать ей о своей любви.

— Сегодня у меня был необыкновенный день,— сказал он.— Жизнь здесь так прекрасна. Какое чудесное, тихое место! А ты... ты...— Остальное досказали его поцелуи.

Они долго стояли обнявшись, а затем вернулись в гостиную, и Анджела зажгла лампу. Комната озарилась мягким желтым светом — достаточно ярким, чтобы придать ей теплоту, подумал Юджин. Сперва они уселись рядом в двух качалках, а потом пересели на диванчик, и Юджин обнял девушку. Перед ужином Анджела переделалась в свободное кремовое домашнее платье. Юджин уговорил ее вынуть шпильки из волос, чтобы он мог любоваться ее косами.

Истинная страсть молчалива. Юджин сидел, словно зачарованный, и смотрел на девушку. Она прислонилась головой к его плечу и гладила его волосы, а потом и совсем замерла, изнемогая от наплыва чувств. Он казался ей юным богом, могучим, мужественным, прекрасным. Его ждет блестящее будущее. Все эти годы она надеялась, что появится человек, который полюбит ее по-настоящему, и вот у ее ног этот талантливый юноша. Он гладил ее руки, шею, лицо, а потом, медленно обвив руками, прижался головой к ее груди.

Анджела была воспитана в строгих правилах добродетели, внушенных ей родителями, и во всем считалась с мнением своих родных. Но сейчас ей трудно было бороться. Сперва она позволила ему обнять себя, а потом покорилась и более интимным ласкам. Сопротивление казалось совершенно невозможным, так как он крепко прижимал ее к себе; она была вся во власти исходившей от него магнетической силы. Когда же, наконец, она почувствовала его руки на своем трепетном теле, она откинулась назад в порыве муки и наслаждения.

— Нет, нет, Юджин, не надо,— бормотала она.— Спаси меня от меня самой! Спаси меня, Юджин!

Он посмотрел на нее. Ее побледневшее лицо было искажено страданием и болезненной бледностью. Все ее тело безжизненно замерло в его объятиях. И только горячие, влажные губы выдавали ее душевное смяте-

ние. Юджин не мог сразу совладать с собой. Прежде чем отпустить ее, он нервными пальцами художника провел по ее шее и груди.

Тогда Андже́ла, напрягая последние силы, высвободилась из его объятий и опустилась на колени; платье ее расстегнулось у выреза.

— Не надо, Юджин,— взмолилась она.— Не надо! Подумай об отце, о матери! Я всегда гордилась своей чистотой. Они верят мне. Умоляю тебя, Юджин!

Он гладил ее волосы и лицо и смотрел ей в глаза так, как, должно быть, смотрел Абе́ляр на Элоизу.

— О, я знаю, знаю! — вдруг воскликнула Андже́ла прерывающимся голосом.— Я несколько не лучше всякой другой. Я так долго, так долго ждала! Но я не должна этого делать, Юджин. Не должна! Помогите мне, Юджин!

Юджин стал смутно догадываться: у этой девушки никогда не было возлюбленного. Чем это объяснить? — подумал он. Ведь она так хороша. Он встал, готовый уже схватить ее на руки и унести к себе в комнату, но остановился в раздумье. Как она трогательно-беспомощна! Что ж, разве он так уж жесток? Неужели он не в состоянии проявить благородство? Ее отец и мать приняли его как родного... Перед глазами встали Джотем и миссис Блю, братья и сестры Андже́лы, с обожанием смотревшие на сестру. Он не сводил с девушки глаз,— слишком заманчива была добыча,— чувствуя, что теряет власть над собой. Все же он взял себя в руки.

— Встань, Андже́ла,— сказал он наконец с усилием, в упор глядя на девушку.— А теперь уходи,— продолжал он, когда она встала.— Уходи сейчас же, а то я не отвечаю за себя. Ты видишь, я стараюсь совладать с собой. Пожалуйста, уходи.

Она медлила и смотрела на него со страхом и сожалением.

— О, прости меня, Юджин!

— Ты меня прости,— сказал он.— Это я виноват. А теперь уходи, родная. Ты не знаешь, как это трудно, ты иди, чтоб мне не было так тяжело.

Она направилась к двери, а он тоскующим, горячим взглядом проводил ее до порога. Когда она тихо за-

творила за собою дверь, он прошел к себе в комнату и сел. Все его тело, казалось, было налито свинцом, он чувствовал себя совершенно разбитым. Ошеломленный, он стал перебирать в памяти все случившееся в последние минуты. Потом вышел и постоял немного под открытым небом прислушиваясь. Квакали лягушки, в траве что-то шуршало, словно там копошились жуки. Чуть слышно крякнула утка, где-то совсем неподалеку звенела колокольчиком пасшаяся у ручья корова. Он увидел над головой Большую Медведицу, ярко горел Сириус, в беспредельной вышине раскинулся Млечный Путь.

«Что такое жизнь? — спрашивал себя Юджин.— Что такое человеческое тело? Откуда эти пароксизмы страсти? Мы томимся лихорадкой желаний, а потом сгораем, и жизнь кончена».

В голове его рождались обрывки стихов и вставали видения, которые так и просились на бумагу. И все время перед его мысленным взором, как на экране кинематографа, проносился образ Анджелы, какой он видел ее недавно, когда прижимал к себе и когда она стояла перед ним на коленях. Сегодня он заглянул ей в душу. Он держал ее в своих объятиях. Он по доброй воле отказался от наслаждения, которое она могла ему дать. Что бы там ни было, он не совершил зла. Он и впредь не совершит его.

ГЛАВА XIX

Трудно сказать, в какую сторону изменилось отношение Юджина к Анджеле под влиянием этой памятной ночи, если оно вообще сколько-нибудь изменилось. Он, пожалуй, проникся к ней еще более глубокой симпатией, обнаружив в ней то, что было для него естественным человеческим чувством. Его умиляло и ее откровенное признание в своей слабости, в своей неспособности защитить себя, и то, что он нашел в себе силу поступить великодушно. Он знал теперь, что может обладать ею, когда захочет, но, успокоившись, принял решение оставаться великодушным до конца и не настаивать. Он может подождать.

Что же касается Анджелы, то когда она пришла в себя и добралась до своей комнаты в противоположном

конце дома, которую делила с Мариеттой, ее душевное состояние заслуживало сожаления. Она так привыкла думать о себе как о достойной, целомудренной девушке. В характере Анджелы была некоторая доля пуританского ханжества; это могло привести ее к невеселому существованию старой девы, если бы на ее пути не появился Юджин, не признававший никаких условностей и старозаветных взглядов, или не понимавший их, или относившийся к ним с полным безразличием,— Юджин, чуждый соображений материального благополучия, не задумывавшийся над разницей в возрасте. Этот человек овладел всеми ее помыслами, он отдал ей свою любовь. Он явился для нее глашатаем взглядов, чуждых ее миру, и сам стал для нее непререкаемым законом. Он не был похож на других мужчин, это ей было ясно. Он стоял выше. Возможно, что он, как художник, и неспособен будет много зарабатывать, зато он может дать ей нечто более заманчивое. Слава, прекрасные картины, интересные знакомства — разве все это не важнее, чем деньги? Анджела не была избалована большими достатками, и сколько бы Юджин ни зарабатывал, ей бы хватило. По его мнению, брак требовал много денег, она же ради Юджина готова была на любые трудности.

Сцена в гостиной, развенчавшая Анджелу в собственных глазах, не только поставила под сомнение ее несокрушимую добродетель, но и заставила ее трепетать за любовь Юджина. Будет ли он так же предан ей теперь, после того, как она разрешила ему ласки, позвоительные лишь на брачном ложе? Не сочтет ли он ее легкомысленным, порочным созданием, ожидающимся лишь удобного случая, чтобы уступить? Она сознавала, что утратила в ту минуту всякое представление о том, что хорошо и что дурно. Она позабыла и отца, с его строгими принципами, и мать, с ее понятиями о порядочности и добродетели, и своих братьев и сестер, чистых душою и не тревоживших себя сложными вопросами. Теперь она запятнана; хотя ничего непоправимого не произошло, она все же чувствовала себя опозоренной. Воспитанная в полном подчинении условностям, она терзалась угрызениями совести, и сердце ее разрывалось от горя.

Анджела вышла за дверь, опустилась на влажную от предрассветной росы траву и задумалась. Было про-

хладно, всюду царил покой, но только не в ее душе. Стиснув лицо руками и чувствуя, как горят щеки, она спрашивала себя, что думает о ней Юджин? Что сказали бы отец и мать? При одной мысли об этом она в отчаянии заломила руки. Наконец она вернулась в дом, в надежде уснуть. Нельзя сказать, чтобы Анджела не ощущала радости и красоты пережитого ею эпизода. Но мысль о том, что, по ее убеждению, ей надлежало чувствовать, и о том, как все это отразится на ее будущем, не давала ей покоя. Удержать Юджина после того, что случилось, казалось ей очень сложным делом. Сможет ли она смотреть на него по-прежнему с гордо поднятой головой? Сможет ли и дальше сдерживать его порывы? Под влиянием этих мыслей Анджела провела почти бессонную ночь. А наутро она встала расстроенная и бледная, но более влюбленная, чем когда-либо. Этот чудесный юноша открыл ей совершенно новый мир, исполненный яркого драматизма.

Перед завтраком они встретились на лужайке. На Анджеле было белое полотняное платье, она выглядела прозрачно-бледной и хрупкой, и глаза ее, обведенные темными кругами, показывали, какие тяжелые мысли тревожат ее. Юджин ласково взял ее за руку.

— Полно себя мучить,— сказал он.— Я все знаю. Тебе не из-за чего терзаться.

И он нежно улыбнулся ей.

— Ах, Юджин, я перестаю себя понимать,— скорбным голосом сказала она.— Я думала, что я выше этого.

— Никто из нас не выше этого,— просто ответил он.— Мы иногда только воображаем себя выше. Для меня ты все такая же. Напрасно ты себя упрекаешь.

— Правда? — обрадованно спросила она.

— Разумеется,— ответил он.— В любви нет ничего постыдного. Наоборот, в ней все прекрасно. Почему я должен думать о тебе хуже, чем раньше?

— Потому что порядочные девушки так не поступают. При моем воспитании я должна была бы понимать, что хорошо, а что дурно, и так и вести себя.

— Все это предрассудки, которые внушены тебе воспитанием. Ты думаешь, что это нехорошо. Но почему? Только потому, что так сказали тебе отец и мать. Разве не правда?

— Нет, не только потому. Все считают, что это не хорошо. Библия учит нас этому. Всякий отвернется от меня, как только узнает, какая я.

— Пстой, пстой,— сказал Юджин. Вступая с нею в спор, он, в сущности, пытался разрешить то, что было загадкой и для него самого.— Оставим в покое Библию, так как я в Библию не верю,— во всяком случае не считаю ее законом для человеческого поведения. Но ведь если даже все считают что-либо дурным, это еще не значит, что оно действительно дурно. Не правда ли?

Он отказывался признать понятие «все» верным отражением управляющих миром принципов.

— Конечно,— протянула Анджела с сомнением в голосе.

— Послушай,— продолжал Юджин,— в Турции Магомета считают святым пророком. Но разве отсюда следует, что это действительно так?

— Нет.

— Вот видишь! Точно так же нет ничего дурного в том, что было вчера вечером, хотя бы все здесь в доме и считали это дурным. Не правда ли?

— Да, пожалуй,— растерянно ответила Анджела.

Она говорила наугад. Ей трудно было с ним спорить. Его доводы были слишком тонки и казались неопровержимыми, а между тем внутренний голос подсказывал ей совсем другое.

— Ведь ты, собственно говоря, думаешь о том, как отнесутся к тебе люди. Ты говоришь, что они отвернутся от тебя. Но это уже вопрос практический. Твой отец, возможно, выгнал бы тебя из дому...

— Я думаю, что он именно так и поступил бы,— ответила Анджела, не понимавшая, какое у ее отца большое сердце.

— А я думаю, что нет,— сказал Юджин.— Впрочем, это никакого отношения к делу не имеет. Ни один мужчина, возможно, не захочет на тебе жениться, но это опять-таки вопрос чисто практический. И ты едва ли станешь утверждать, что это может служить мерилom того, что хорошо и что дурно, не так ли?

Рассуждения Юджина ни к чему не вели. Он и сам не больше кого-либо другого знал, что здесь хорошо, а что дурно. Он говорил скорее для того, чтобы убедить самого себя, но вместе с тем достаточно логично, чтобы посеять смятение в душе Анджелы.

— Я, право, не знаю,— неуверенно сказала она.

— По мнению людей, хорошо то,— продолжал он наставительно,— что согласуется с истиной. Но кто же знает, что такое истина? Никто тебе этого не скажет. Ты можешь действовать разумно или неразумно лишь с точки зрения твоего личного благополучия. Если именно это тебя мучает,— а я знаю, что это так,— могу тебя заверить, что ничего дурного с тобой не случилось и ничто не угрожает твоему благополучию. Я бы сказал даже, что наоборот, так как теперь я еще больше люблю тебя.

Анджела дивилась тонкости его рассуждений. Она далеко не была уверена в том, что он не прав. Значит, ее страхи были неосновательны? Ведь она и так впустую растратила свои лучшие годы.

— Как ты можешь так говорить? — возразила она в ответ на его уверения, что теперь он любит ее еще больше.

— Очень просто,— ответил он.— Я ближе узнал тебя. Меня восхищает твоя прямота. Ты прелесть, никто с тобой не сравнится. Ты прекрасна вся.

И он пустился в подробности.

— Перестань, Юджин,— взмолилась она, прикладывая палец к губам. Кровь снова отхлынула от ее лица.— Пожалуйста, не надо.

— Хорошо, не буду,— сказал он.— Но, право же, ты прелесть. Хочешь, посидим в гамаке.

— Нет, я пойду приготовлю завтрак. Тебе пора что-нибудь поесть.

Он сполна наслаждался своими привилегиями гостя, так как в доме почти никого не было — Джотем, Сэмюэл, Бенджамен и Дэвид ушли в поле. Миссис Блю была занята шитьем, а Мариетта отправилась куда-то по соседству проведать подругу. Анджела — как в свое время Руби — стала хлопотать, готовя завтрак для Юджина. Она замесила тесто для бисквитов, поджарила свиной грудинки и наредила целую корзинку свежесобранной ежевики.

— Мне нравится твой молодой человек,— сказала ей мать, входя в кухню.— Он выглядит добрым малым. Но смотри, не испорти его. Если начнешь слишком баловать, потом пожалеешь.

— А ты разве не баловала папу? — спросила Анд-

жела, подумав о том внимании, каким был окружен в семье ее отец.

— Твой отец человек долга,— ответила миссис Блю.— Его не грех и побаловать. Этим его не испортишь.

— Может быть, и Юджин такой же,— сказала дочь, переворачивая на сковородке ломтики грудинки.

Мать улыбнулась. Все ее дочери были счастливы в браке. Возможно, что брак Анджелы окажется даже самым удачным. Ее жених, вне всякого сомнения, головой выше всех остальных ее зятьев. Все же она нашла нужным заметить, что осторожность не мешает.

Анджела задумалась. Если бы только мать знала! Или отец! Бог ты мой! Но Юджин такой милый. Ей хотелось прислуживать ему, баловать его. Если бы она могла быть с ним вечно и никогда больше не разлучаться.

«Только бы он женился на мне!» — вздохнула она. Это было самое высшее счастье, какого она могла ждать в жизни.

Юджин, кажется, век не расстался бы с этим гостеприимным домом. Он видел, что старый Джотем охотно беседует с ним. Старик живо интересовался вопросами внутренней и внешней политики, знал понаслышке о многих выдающихся, интересных людях и, по-видимому, был в курсе мировых событий. У Юджина создалось впечатление, что и сам он человек исключительный, но старый Джотем с добродушной усмешкой отмахнулся от подобного мнения.

— Я простой фермер,— сказал он.— Самым большим делом своей жизни я считаю то, что я воспитал хороших детей. Из мальчиков, я знаю, выйдут дельные люди.

Юджину впервые стало понятно, что значит быть отцом и продолжать жить в своих детях, но он не стал задумываться над этим. Он был слишком молод, слишком жизнерадостен, слишком жадно стремился к разнообразию в жизни, а потому истинный смысл этого чувства еще ускользал от него.

Но вот наступило воскресенье, и нужно было уезжать. Юджин пробыл на ферме девять дней — на два дня больше, чем предполагал. А теперь ему предстояло проститься с Анджелой, которая стала ему так близка

и слушалась его, как ребенок. Прощай, идиллическая жизнь на лоне природы! Когда-то еще увидит он такого почтенного патриарха, как Джотем Блю, чистого душою, доброго, умного — этого землепашца, стоящего во весь рост на своем кукурузном поле, гордого тем, что он хороший отец, не стыдящегося бедности, не боящегося ни старости, ни смерти? Юджин чувствовал, как обогатилась его душа. Словно он посидел у ног мудрого пророка. Прощайте, великолепные поля, голубые холмы, тенистая аллея густых вязов и белые, красные и синие цветы вокруг дома. Как сладко спалось ему в его опрятной комнатке! С какой радостью прислушивался он к голосам птиц — лесной горлинки и сладкогласного дрозда! Он слышал неумолчное журчанье ручья, бежавшего по своему каменистому ложу. Свиньи, коровы, лошади — как все это было ему по душе! Ему вспоминалась «Элегия» Грея, «Покинутое селение» и «Путник» Гольдсмита. Как напоминал этот уголок места, воспетые поэтами.

Когда наступило время отъезда и Юджин шел с Анджелой через лужайку, он, не переставая, твердил ей, как ему больно покидать ее. Дэвид запряг гнедую кобылку и дожидался их в конце аллеи.

— Радость моя, — со вздохом сказал Юджин, — я до тех пор не узнаю счастья, пока ты не станешь моей.

— Я буду ждать, — вздохнула Анджела, хотя в действительности ей хотелось крикнуть: «О, возьми, возьми меня с собой!»

Когда он уехал, она машинально вернулась к своим обязанностям, чувствуя, что все утратило для нее свою радость, свой блеск. Без яркого воображения Юджина, обладавшего способностью озарять все вокруг, жизнь стала казаться ей тусклой.

А Юджин ехал по дороге и мысленно прощался с каждой пядью этой прекрасной земли — с пшеничным полем и живописным ручейком, с озером Оукуни и с идиллическим домиком семейства Блю.

Он говорил себе: «Никогда в жизни я не узнаю ничего более прекрасного. Анджела в моих объятиях в этой маленькой простенькой гостиной! Боже мой! Ведь человек живет всего каких-нибудь семьдесят лет и из них не более десяти или пятнадцати бывает по-настоящему молод».

Юджин увез в душе не только значительно окрепшее чувство к Анджеле, что объяснялось их несколько изменившимися отношениями, но и растущее чувство уважения к ее семье. Какая внушительная фигура старый Джотем, как добра и прямодушна его жена! Юджин думал об их безукоризненном отношении к детям и друг к другу, о почетном положении, которое по праву принадлежит им в обществе. Другого наблюдателя могла бы оттолкнуть ограниченность и мизерность их существования. Но Юджин и сам был слишком мало знаком с роскошью, чтобы относиться с презрением к невзыскательной простоте такой жизни. Он нашел здесь прелесть самобытности, поэзию юности, ее честолюбивых устремлений и счастливых надежд. Сыновья Блю, стойкие и независимые, несомненно займут в жизни то место, какое они себе наметили. Мариетта, эта очаровательная девушка, удачно выйдет замуж. Сэмюэл уже и теперь быстро продвигается по службе в железнодорожной компании. Бенджамен готовится стать юристом, а Дэвида собираются послать в Вест-Пойнт¹. Эти люди нравились ему своим естественным благородством. И все они обращались с ним, как с человеком, который со временем станет мужем Анджелы. К концу пребывания в их доме он так сроднился с семьей, словно знал ее всю жизнь.

Прежде чем вернуться в Нью-Йорк, Юджин побывал в Чикаго, где повидался с Хау и Мэтьюзом, продолжавшими корпеть на старой службе, и заехал на несколько дней в Александрию. Отец его был все так же погружен в свои дела. Он по-прежнему сам доставлял клиентам швейные машины, и его тележка бодро колесила по бесконечным проселкам, как и в ранние дни его карьеры. На этот раз Юджин не без сожаления подумал о том, как бесплодно отец прожил свою жизнь, но он не мог не восхищаться его терпением и трудолюбием. А на юркого агента по продаже швейных машин немалое впечатление произвели успехи сына, и он добросовестно старался проявить интерес к искусству. Как-то вечером, когда они вместе возвращались домой с почты, мистер Витла обратил внимание сына на какую-то улич-

¹ Военная академия.

ную сценку и посоветовал зарисовать ее. Юджин подумал, что эта новоявленная любовь отца к живописи всецело вызвана его успехами. Отец, конечно, и раньше все это наблюдал, но считал пустяками, не заслуживающими внимания, пока не увидел рисунков сына, напечатанных в столичных журналах.

— Если тебя интересуют деревенские виды, ты мог бы нарисовать мельницу Кука, ту, что около водопада. Это одно из самых красивых мест, какие мне встречались,— сказал он как-то вечером сыну, стараясь показать, какое внимание он проявляет к его работе.

Юджин знал этот уголок. Он действительно был красив: живописная речка, катившая свои прозрачные воды у подножия отвесной сорокафутовой скалы из красного песчаника, падала здесь с высоты пятнадцати футов на серые мшистые камни. Место это находилось у самой дороги, на которой царило большое оживление, и было со всех сторон защищено густыми деревьями. Юджин еще в детстве восхищался этим чудесным тихим уголком.

— Да, там очень живописно,— ответил он.— Надо будет как-нибудь заглянуть туда.

Витла-старший почувствовал прилив гордости. Его сын оказывал ему честь, прислушиваясь к его советам.

На миссис Витла, как и на ее мужа, начинал уже сказываться налет времени. Морщинки в уголках ее глаз стали глубже, резче обозначились складки на лбу. В первый вечер, увидев Юджина, она затрепетала: перед нею был возмужавший, вполне независимый человек. Жизненный опыт закалил ее сына, придал ему спокойствие и выдержку, говорившие о зрелости. Не стало мальчика, который еще недавно нуждался в ее внимании и уходе. Перед нею был мужчина, который сам мог бы ею руководить и который даже слегка подшучивал над нею, как взрослый над ребенком.

— Ты так вырос, что я просто не узнаю тебя,— сказала она, когда он ее обнял.

— Нет, мамочка, это ты становишься маленькой. Мне казалось раньше, что я никогда не вырасту настолько, чтобы ты не могла взять меня за плечи и потрясти. Но теперь это время ушло, правда?

— Да тебя и наказывать-то было не за что,— нежно сказала мать.

Мирта год тому назад вышла замуж за Фрэнка Бэнгса и уехала с мужем в городок Оттамву, в штате Айова, где Бэнгс получил место управляющего заводом, так что Юджину не удалось ее повидать. Зато он познакомился с Сильвией, теперь матерью двух детей. Ее муж был все тем же старательным, консервативным чиновником, каким Юджин помнил его. Вновь посетив редакцию «Морнинг Эппил», Юджин узнал, что Джон Саммерс недавно умер. В остальном там ничего не изменилось. Всеми делами по-прежнему ведали Джонас Лайл и Калев Уильямс. Юджин был рад, когда настало время уезжать, и с чувством большого облегчения сел в поезд, увозивший его в Чикаго.

И опять, как по приезде из Нью-Йорка и по возвращении из Блэквуда, в нем болезненно заговорили воспоминания о Руби. Он был многим ей обязан. Его первые впечатления в области искусства были в какой-то мере связаны с нею. Все же у него не было желания навестить ее. Впрочем, может быть, и было? Он задавал себе этот вопрос с грустью, так как продолжал любить ее, как любят героиню пьесы или романа. Что-то трагическое было в судьбе этой девушки. Ее жизнь, ее среда, ее преданная любовь — все это составляло как бы законченную новеллу. Когда-нибудь, думал Юджин, он напишет о ней стихи. Ему случалось писать неплохие стихи, хоть он никому их не показывал. Он писал очень просто, но с чувством и получалось у него очень наглядно. Недостаток его стихов заключался в том, что в них не было еще того благородства, какое придают поэзии отстоявшиеся и отточенные мысли.

Юджин не пошел навестить свою бывшую подругу. Он уверял себя в свое оправдание, что это было бы бестактно. Она, конечно, и не захотела бы сейчас его видеть. Возможно, она старается забыть его. К тому же у него есть обязанности перед Анджелой, это было бы нечестно по отношению к ней. Тем не менее, когда поезд, выйдя из пределов Чикаго, устремился на восток, он долго смотрел в ту сторону, где жила Руби, думая о том, как хорошо было бы снова пережить те памятные мгновения.

В Нью-Йорке жизнь, казалось, сулила Юджину повторение прошлого года, лишь с незначительными изменениями. Осенью он поселился вместе с Мак-Хью и Смайтом. Их студия состояла из большой мастерской и

трех спален. Они решили, что хорошо уживутся вместе, и, как нечто временное, такое сожительство пошло им на пользу. Критика, которой они подвергали друг друга, содействовала их развитию, а кроме того, им было приятно вместе обедать, вместе гулять, вместе посещать выставки. Они много и плодотворно спорили, так как у каждого была на все своя точка зрения. Это напоминало Юджину его совместную работу с Мэтьюзом и Хау.

Зимою рисунки Юджина впервые появились в «Харперс мэгэзин» — одном из самых крупных периодических изданий того времени. Юджин отнес в этот журнал несколько своих старых рисунков; они понравились, и ему обещали работу, как только подвернется подходящий рассказ. И действительно, в скором времени Юджин получил приглашение зайти в редакцию, где ему было поручено сделать три рисунка за сто двадцать пять долларов. Он писал с натурщиц, прекрасно справился с работой, и в журнале она понравилась. Товарищи поздравляли его — они искренне восхищались его талантом. Он принял твердое решение «покорить», как тогда выражались, журналы «Скрибнерс» и «Сенчури», и по прошествии некоторого времени ему удалось получить у них заказы, хотя и мелкие. В одном случае ему поручили проиллюстрировать стихотворение, в другом — небольшой рассказ, несколько не подходивший к его манере. Эта работа не принесла Юджину удовлетворения, он чувствовал, что ни то, ни другое нельзя назвать удачей. Ему хотелось либо получить для иллюстрирования подходящий материал, либо поместить в этих журналах одну из своих уличных сценок.

Не легко было создать себе прочную репутацию и обеспечить постоянный заработок. Правда, о Юджине уже заговорили художники, но все же он не мог считать себя сколько-нибудь значительной величиной в глазах публики или заведующих художественными редакциями. Он по-прежнему оставался подающим надежды начинающим художником. Он рос, но до признания было еще очень далеко.

Только один издатель склонен был оценить его по заслугам, но он располагал очень небольшими средствами. Это был Ричард Уилер, редактор «Крэфт», журнала совершенно безнадежного с коммерческой точки зрения, но горячо откликавшегося на все вопросы искуст-

ва. Уилер был еще молодой человек, энтузиаст, и, так как он восторгался работами Юджина, они быстро сдружились.

Этой зимой Уилер познакомил Юджина с Мириэм Финч и Кристиной Чэннинг — двумя женщинами, совершенно различными как по темпераменту, так и по призванию, и каждая из них открыла перед ним совершенно особый мир.

Мириэм Финч была скульптором по профессии, а по темпераменту принадлежала к тем натурам, у которых рассудок перевешивает чувство. Сама неспособная к сильным переживаниям, она тем более ценила их у других. Весь облик ее говорил о том, как много в женщине иной раз таится жизненных сил. Она не знала настоящей молодости, у нее не было ни одного настоящего романа, но она не переставала предаваться романтическим грезам, с почти безнадежной страстностью веря в их осуществление. Как-то вечером Уилер предложил Юджину отправиться к ней в студию; ему хотелось знать, какое впечатление она произведет на его юного друга. Мириэм, которой к моменту этого знакомства минуло уже тридцать два года, была миниатюрная женщина с гибким, как у кошки, телом и выразительными карими глазами. Ее изысканная речь и манеры сразу обличали в ней артистическую натуру. В эту пору в ней не оставалось уже и тени той нежной, расцветающей красоты, которая составляет очарование восемнадцати лет, но она была по-своему интересна и обаятельна. Волосы пушистым облачком обрамляли ее лицо, в быстром взгляде карих глаз сквозили живой ум, отзывчивость и доброта. Ее губы имели очертания лука Купидона, и улыбка их была пленительна. Желтоватый цвет ее лица гармонировал с каштановыми волосами и платьем из светло-коричневого бархата. Мириэм одевалась с благородной простотой, выделявшей ее среди других. Она мало считалась с модой, но все ее туалеты были ей удивительно к лицу; можно сказать, что, заказывая платья, она видела в себе как бы некое художественное целое, гармонически сочетающее индивидуальные запросы с требованиями, которые предъявляет окружающий мир.

Для такой природы, как Юджин, всякое человеческое существо, наделенное умом и тонким вкусом, тактом и душевным равновесием, обладало неизъяснимым оча-

рованием. Он тянулся к одаренным людям, как цветок тянется к свету. Он находил радость в созерцании законченности и совершенства такого существа. Независимость взглядов и убеждений покоряла его. Умение точно формулировать свои мысли и приходиться к определенным убедительным выводам было в его глазах великим и завидным преимуществом. От таких людей он с радостью брал все, что мог, пока не насыщался, а затем отворачивался от них. И только когда у него снова просыпалась потребность в том, что они могли дать ему, он снова готов был вернуться к ним,— но не раньше.

До сих пор все его знакомые подобного рода были мужчинами,— он не знал ни одной сколько-нибудь выдающейся женщины. Начиная с Темпла Бойла и Винсента Бирса, преподавателей класса живой природы и класса иллюстрации в Чикагском институте искусств, он встретил на своем жизненном пути Джери Мэтьюза, Митчела Голдфарба, Питера Мак-Хью, Дэвида Смайта и Джотема Блю — и все эти люди с яркой индивидуальностью и ясными взглядами произвели на него сильное впечатление. Теперь ему впервые предстояло встретиться с сильными, незаурядными женщинами. Стелла Эплтон, Маргарет Дафф, Руби Кенни и Анджела Блю были по-своему прелестны, но они не умели мыслить самостоятельно. Ни одна из них не была устоявшейся личностью, способной к самовоспитанию и самоконтролю, как Мириэм Финч. Последняя, не задумываясь, признала бы себя стоящей выше любой из них или всех их вместе взятых — с точки зрения ума, вкуса и таланта, хотя оценила бы по достоинству их красоту и признала бы за ними их законное и необходимое место в обществе. Она изучала жизнь и любила критически анализировать человеческие чувства, но в то же время страстно тосковала именно по тому, чем обладали и Стелла, и Маргарет, и Руби, и даже Анджела, завидя их молодости, красоте, привлекательности, магнетическому очарованию их лица и фигуры, способному вызывать в возлюбленном пылкую страсть. Ей хотелось быть любимой горячо и красиво, но она была лишена этого счастья.

Мисс Финч жила в одной квартире со своими родными, на восточном конце Двадцать шестой улицы; ее студия была расположена на третьем этаже и выходила

окнами на север. Однако жизнь в лоне семьи не препятствовала развитию ее утонченной индивидуальности, открывшей Юджину как бы новый мир. В ее комнате, отделанной в серебристых, коричневых и серых тонах, в одном углу стоял огромный канделябр, вышиною не менее пяти футов, а в другом — великолепный резной ларь старинной фламандской работы. На письменном столе с книжными полками темного орехового дерева теснились прелюбопытные издания — «Марий эпикуреец» Пейтера, «Жены художников» Доде, «История моего сердца» Ричарда Джеффриса, «Aes Triplex»¹ Стивенсона, «Касида» Ричарда Бертона, «Дом жизни» Россетти, «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше. Достаточно было Юджину окинуть взглядом комнату и ее хозяйку, как ему стало ясно, что самое присутствие здесь этих книг должно говорить за себя. Он с большим интересом вертел их в руках, прочитывая наугад отдельные абзацы, рассматривал картины на стенках, заглянул во все уголки мастерской, запечатлевая в памяти ее достопримечательности. Он понимал, что это чрезвычайно важное для него знакомство, и, чтобы закрепить его, старался произвести на хозяйку этой чудесной студии как можно лучшее впечатление.

Мириэм Финч с первого же взгляда заинтересовалась Юджином. В нем угадывалось столько силы, любознательности и умения понимать и ценить, что она не могла остаться к нему равнодушной. Что-то заставило ее мысленно сравнивать его с зажженной лампой, отбрасывающей ровный ласковый свет. Не успев познакомиться с хозяйкой студии, Юджин стал бродить по комнате, рассматривая картины, бронзовые и терракотовые фигурки, расспрашивая, чье это, кто рисовал, кто сделал.

— Ни об одной из этих книг я даже не слышал, — откровенно признался он, просмотрев ее небольшую, тщательно подобранную библиотечку.

— Тут есть замечательные вещи, — сказала она, подходя к нему.

Ей нравилось его простодушное признание, — словно потянуло свежим ветерком. Ричард Уилер, приведший Юджина, нимало не обижался на то, что о нем забыли.

¹ «Крепкая защита» (лат.).

Он хотел, чтобы Мириэм Финч полностью насладилась его «находкой».

— Знаете,— сказал Юджин, отрываясь от «Касиды» Бертон и глядя в карие глаза Мириэм,— у меня от Нью-Йорка голова идет кругом. Это такой замечательный город.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

— А то, что в нем столько всевозможных чудес. Я на днях видел лавку, где полным-полно всяких старинных украшений, драгоценностей, невиданных камней и одеяний. И, бог ты мой, чего там только нет! Такого количества вещей я не видел за всю свою жизнь. Да взять хотя бы этот непритязательный с виду дом в тихом переулке — и вдруг такая комната! снаружи как будто ничего особенного, а внутри — прямо дух захватывает, столько роскоши, такие произведения искусства!

— Вы говорите об этой комнате? — спросила она.

— Ну, конечно,— ответил он.

— Прошу вас заметить, мистер Уилер,— сказала Мириэм, обращаясь к своему молодому другу-редактору,— в первый раз в жизни меня обвиняют в том, что я купаюсь в роскоши. Поэтому, когда будете писать обо мне, не забудьте упомянуть об окружающей меня роскоши. Мне это нравится!

— Непременно, я так и сделаю.

— Обязательно. И о произведениях искусства тоже.

— Разумеется, и о произведениях искусства тоже,— сказал Уилер.

Юджин улыбнулся. Ему нравилась живость Мириэм.

— Я знаю, что вы хотите сказать,— заметила она.— Я испытывала то же в Париже. Заходишь в маленький домишко, самый обыкновенный с виду, и наталкиваешься на изумительные вещи — груды прелестных нарядов, всякая старина, драгоценности. Где это я читала такую статью?

— Надеюсь, не в «Крэфт»? — сказал Уилер.

— Нет, не думаю. Кажется, в «Харперс базар».

— Какая гадость! — воскликнул Уилер.— «Харперс базар», — нашли что читать!

— Но ведь это как раз ваша тема. Почему бы вам не написать об этом в своем журнале?

— Обязательно напишу,— пообещал он.

Юджин подошел к роялю, стал перебирать кипу нот. И опять наткнулся на незнакомые ему и, очевидно, выдающиеся вещи — «Арабский танец» Грига, «Es war ein Traum»¹ Лассена, «Элегия» Массне, «Нимфы и пастушки» Перселля, — вещи, самые названия которых говорили о чем-то ярком и красивом. Глюк, Сгамбатти, Россини, Чайковский, итальянец Скарлатти... Юджину стало ясно, как мало он знает музыку.

— Сыграйте что-нибудь, — попросил он, и Мириэм с улыбкой подошла к роялю.

— Вы знаете романс «Es war ein Traum»? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

— Очаровательная вещь, — сказал Уилер. — Спойте!

Юджин и раньше предполагал, что Мириэм поет, но это богатство красок в ее голосе было для него неожиданностью. Голос был не сильный, но приятный и теплый, и его вполне хватило для тех вещей, которые она бралась петь. Она подбирала для себя музыку так же, как туалеты, — сообразуясь со своей индивидуальностью. Лирические, исполненные поэзии интонации спетого ею романса произвели на Юджина огромное впечатление. Он был в восторге.

— Вы прекрасно поете! — воскликнул он, придвигая свой стул к самому роялю и глядя ей в глаза.

Она поблагодарила его быстрой улыбкой.

— Если вы будете и дальше говорить мне комплименты, я готова петь для вас, сколько хотите.

— Я ужасно люблю музыку, — сказал он. — Ничего в ней не понимаю, но вот такие вещи мне особенно нравятся.

— Вам нравится то, что действительно хорошо. Мне это понятно. Я и сама все это люблю.

Он был польщен и благодарен ей. Она спела «Соловья», «Элегию», «Последнюю весну» — все незнакомые Юджину вещи, но он понимал, что это музыка, которая свидетельствует об изощренном понимании, изысканном вкусе и подлинно артистическом темпераменте. И Руби играла на рояле, и Анджела — последняя даже очень недурно, но он был убежден, что ни та,

¹ «То был сон» (нем.).

ни другая понятия не имели об этих вещах. Руби наигрывала популярные песенки, Анджела же предпочитала избитые мелодии, красивые, но слишком уж приевшиеся. А этой женщине не было дела до вкусов широкой публики — она далеко опередила их. Юджину захотелось доставить удовольствие своей новой знакомой, обворожить ее. Он придвинулся поближе и, улыбаясь, смотрел на нее, а она отвечала на его улыбку. Как и многим другим, ей нравились его лицо, рот, глаза, волосы.

«Какой он милый», — подумала она, проводив Юджина. А он ушел от нее с ощущением, что это выдающаяся, исключительная женщина.

ГЛАВА XXI

Хотя Мириэм, по-видимому, нисколько не считалась со своей семьей, последняя оказала на ее жизнь немалое влияние. Родители ее были типичными представителями Среднего Запада, у которых права и требования такой изысканной натуры, как их дочь, не находили ни сочувствия, ни понимания. С тех пор как Мириэм еще шестнадцатилетней девочкой обнаружила склонность к искусству, родители стали ревниво оберегать ее от тлетворного, как они считали, влияния артистической среды. Когда из Огайо она переехала в Нью-Йорк, мать последовала за нею и, пока девушка училась в художественной школе, была при ней неотлучно и повсюду сопровождала ее. Затем, решив, что для Мириэм полезно побывать за границей, она отправилась туда вместе с нею. Вся жизнь молодой художницы протекала под самым пристальным наблюдением. Мать была с нею, когда она жила в Париже в Латинском квартале, мать не отходила от нее, когда она осматривала художественные галереи и дворцы Рима. И на развалинах Помпеи и Геркуланума, и в Лондоне, и в Берлине — повсюду ее сопровождала мать, маленькая сорокапятилетняя женщина с железной волей. Она была убеждена, будто знает точно, что именно необходимо для ее дочери, и ей до некоторой степени удавалось внушить это и Мириэм, пока у той постепенно не появились собственные взгляды и вкусы. И тогда между матерью и дочерью начались трения.

В душе девушки родилась смутная догадка, сменившаяся затем ясным сознанием, что ее жизнь зажата в тиски. Ее постоянно предостерегали от общения с тем или иным человеком, ей рисовали опасности, какие сулит молодому, неопытному существу жизнь беспечной богемы. О браке с каким-либо заурядным художником ей нельзя было даже и думать. Лепка с натуры, особенно с обнаженных натурщиков, первое время приводила ее мать в ужас. Она настояла на том, чтобы присутствовать на этих сеансах, и дочь считала, что иначе и быть не может. Но, наконец, вечный контроль матери, ее взгляды, ее интеллектуальное давление стали раздражать дочь, и тогда между ними произошел открытый разрыв. Это была одна из тех размолвок между отцами и детьми, которые могут стать настоящей трагедией для консервативных родителей. И сердце миссис Финч было разбито.

К сожалению, для самой Мириэм разрыв произошел с большим опозданием; лучшая пора ее жизни уже миновала. Из-за неусыпного надзора матери она упустила свою молодость, как раз то время, когда ей следовало бы пользоваться полной свободой. Она утратила любовь нескольких почитателей, которые добивались ее руки, когда ей было восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет, но не выдержали критики ее взыскательной мамы. А в двадцать восемь лет, когда произошел разрыв, самый восхитительный период для любви миновал, и Мириэм стала ощущать неудовлетворенность и тоскливое разочарование.

Тогда-то она и настояла на полной и коренной перестройке своей личной жизни. Через посредство комиссионеров ей удалось получить заказы на копии с некоторых наиболее удачных ее работ. Публике нравилась ее статуэтка «Танцовщица», изображавшая Карменситу, прославленную балерину того времени, в одном из ее наиболее эффектных танцев, и комиссионер продал восемнадцать статуэток по сто семьдесят пять долларов. На долю Мириэм пришлось по сто долларов с каждой. Другая статуэтка — бронзовая, вышиной не более шести дюймов, под названием «Сон» — была распродана в количестве двадцати экземпляров по сто пятьдесят долларов каждый, и на нее находились все новые покупатели. Был спрос и на статуэтку «Ветер», изображавшую

фигуру съжившегося от холода человека. Все это давало Мириэм надежду зарабатывать от трех до четырех тысяч в год.

Тогда Мириэм потребовала от матери, чтобы ей было предоставлено право иметь свою студию, уходить и приходить, когда вздумается, принимать у себя своих знакомых, и женщин и мужчин, и занимать их так, как ей нравится. Она воспротивилась контролю в какой бы то ни было форме, заранее отвергла чье бы то ни было право обсуждать ее действия и категорически заявила, что будет жить по-своему, не отдавая никому отчета. Осуществляя все это, завоеывая себе свободу, она с горечью думала о том, что ее лучшая пора ушла безвозвратно, что у нее не хватило ни ума, ни силы воли отстоять себя тогда, когда это было ей всего нужнее. А теперь ей уже и поздно и трудно меняться. Но ничего не поделаешь!

Кое-что из всего этого Юджин угадал уже при первом знакомстве с Мириэм. Ему открылось все своеобразие ее темперамента и взглядов и то, что можно было бы назвать ее обманутыми надеждами в области чувства. Она жадно тянулась к жизни; Юджин находил это странным,— так щедро, казалось, она была взыскана судьбой; потом, когда они стали большими друзьями, он заставил ее разговориться, и многое стало ему ясно.

Прошло три месяца,— это было еще до его знакомства с Кристиной Чэннинг,— и между Юджином и мисс Финч установились самые чистые, самые здоровые отношения, какие только могли у него быть с женщиной. У Юджина вошло в привычку раз, а то и два в неделю заходить к Мириэм. Он начал понимать ее жизненные устремления, которые носили отвлеченно-эстетический характер и были, в сущности, далеки от всякой чувственности. Ее идеал возлюбленного отчасти определился под влиянием греческой поэзии и скульптуры — Адонис, Персей — и тех юношей средневековья, которых изображали на своих полотнах Милле, Берн-Джонс, Данте Габриель Россетти и Форд Мэдокс Браун. Она мечтала о юноше прекрасно сложенном, с классическими чертами лица; он должен быть умным, мужественным и утонченным. Это был трудно достижимый идеал, в особенности для женщины, перешагнувшей за тридцать лет, но почему не помечтать?

Несмотря на то, что Мириэм по возможности окружала себя талантливой молодежью — молодыми людьми и девушками, — она еще не встретила предмета своих мечтаний. Не раз ей казалось, что она нашла его, но вскоре приходилось сознаваться, что надежды ее снова потерпели крушение. Все молодые люди, которых она знала, склонны были влюбляться в женщин моложе себя, часто в тех интересных девушек, с которыми она сама их знакомила. Не легко видеть, как твой идеал отворачивается от тебя, своего духовного двойника, увлеченный плотским очарованием, которое столь быстро течет. Но именно так складывалась ее судьба, и порой Мириэм была готова поддаться отчаянию. К тому времени, как она встретила с Юджином, она уже почти убедила себя, что ей не суждено узнать любовь, и теперь не обольщалась надеждой, что он влюбится в нее. И все же он завладел ее воображением, и она порой мечтательно любовалась его интересным лицом и фигурой. Она говорила себе, что если этот человек кого-либо полюбит, то любовь его будет яркой и прекрасной.

Чем ближе они узнавали друг друга, тем больше старалась Мириэм выказывать молодому художнику свое расположение. Двери ее студии всегда были открыты для него. Мириэм была хорошо осведомлена по части выставок, знаменитостей, всяких движений в религии, искусстве, науке, политике и литературе. Она проявляла интерес к социализму и верила в необходимость восстановления справедливости на земле. Юджину казалось, что он разделяет ее взгляды, но жизнь интересовала его больше как зрелище, и он сознавал, что уделяет мало внимания этим вопросам. Она посещала с ним выставки, знакомила его с разными людьми, гордясь тем, что находится в обществе такого одаренного юноши. Ей доставляло удовольствие видеть, как его всюду охотно принимают. Юджин на всех производил самое выгодное впечатление, а в особенности на начинающих писателей, поэтов и музыкантов. Он был весел и остроумен, быстро осваивался в любом обществе и чувствовал себя со всеми легко и непринужденно. Он старался быть объективным и справедливым в своих суждениях, но по молодости о многом судил пристрастно. Он ценил дружбу Мириэм, но не стремился придать их отношениям более интимный характер. Юджин знал,

что добиться ее любви можно только честным предложением руки и сердца, а для этого он недостаточно любил ее. К тому же он чувствовал себя связанным с Анджелой, да и возраст Мириэм, как ни странно, казался ему препятствием к браку. Юджин бесконечно восхищался Мириэм, дружба с нею помогла ему создать себе идеал женщины, но он был не настолько увлечен, чтобы домогаться ее любви.

Зато в Кристине Чэннинг, с которой он вскоре познакомился, он нашел не только женщину с более пылким темпераментом и словно созданную для любви, но и не менее яркую артистическую натуру. Кристина Чэннинг была певицей. Она жила в Нью-Йорке с матерью, но последняя не подавляла самостоятельности своей дочери, как миссис Финч, хотя Кристина еще не вышла из того возраста, когда мать может и должна оказывать на дочь известное влияние. Кристине было двадцать семь лет, она не достигла еще славы, которая впоследствии выпала на ее долю, но была полна той веры в свои силы, которая рано или поздно ведет к успеху. Пока что она усердно училась то у одного, то у другого преподавателя и уже имела на своем счету несколько романсов. Правда, ни один из них не был достаточно серьезным, чтобы отвлечь ее от избранной карьеры, но она накопила изрядный жизненный опыт, не избежав обычной участи всех неискушенных дебютанток, постепенно узнающих, как устроен мир и что нужно делать для достижения успеха.

Артистическое дарование мисс Чэннинг не нашло своего выражения в создании такой утонченной атмосферы, какую окружила себя мисс Финч, но оно немало способствовало росту ее личного обаяния. В ее голосе, богатом и сочном контральто, была выразительность и глубина, сообщавшие задушевность даже самым задорным песенкам ее репертуара. Она была недурной музыкантшей и аккомпанировала себе с большим чувством и огнем. Будучи солисткой Нью-йоркского симфонического оркестра, она, однако, пользовалась правом получать ангажементы на стороне. Она готовилась ближайшей осенью гастролировать по Германии, надеясь заключить контракт с какой-нибудь придворной оперой и тем самым проложить себе путь к успеху в Нью-Йорке. Кристину уже хорошо знали в музыкальных кругах и признавали, что она достойна петь на оперной сцене,

так что ее будущий успех был скорее делом удачи, а не ее заслуг.

Несмотря на то, что Юджин был очарован обеими женщинами, на его любви к Анджеле это нисколько не отражалось. Он сознавал, что в отношении одаренности и интеллектуального развития она уступает им, зато сердцем она богаче. Ее письма были проникнуты пылкой нежностью, а в ее присутствии он незаметно поддадал под действие ее взволнованных чувств и сам испытывал невольное волнение. Что-то похожее на боль сопровождало каждое воспоминание о ней и вызывало в его представлении образы Сафо и Маргариты Готье. Порою у Юджина мелькала мысль, что, если он покинет Анджелу, это может оказаться для нее роковым. Он, правда, был далек от вероломства, но иногда задумывался над тем, какая пропасть отделяет ее от такой интеллектуалки, как Мириэм Финч. Среди его знакомых были теперь и женщины из общества — женщины, которых он до сих пор знал лишь по газетам да еще по модным журналам типа «Таун топикс» или «Вог», — и все они были по-своему совершенны. Но это были женщины совсем иного — так сказать, третьего типа. Он смутно понимал теперь, что мир необъятен и сложен и что ему предстоит еще узнать о женщинах много такого, о чем он раньше и не догадывался.

В чем Кристина Чэннинг могла соперничать с Анджелой — это во внешности. Она была высокого роста и прекрасно сложена; здоровый румянец, сочные губы и густая копна иссиня-черных волос оттеняли ее смуглое лицо. У нее были выразительные, лучистые карие глаза.

Юджин познакомился с нею через Шотмейера, которого один из его бостонских друзей снабдил рекомендательным письмом к Кристине. Тот, в свою очередь, рассказал ей о своем друге, выдающемся молодом художнике, и попросил разрешения как-нибудь привести его с собой. Мисс Чэннинг дала согласие, так как она видела несколько этюдов Юджина и уловила в них какую-то близкую ей поэтическую нотку. Шотмейер, гордившийся своими выдающимися знакомыми, — которые, в сущности, только терпели его занимательную болтовню, — расхвалил Юджину голос мисс Чэннинг и спросил его, не хочет ли он как-нибудь вечером заглянуть к ней. «С большим удовольствием», — сказал Юджин.

Был назначен день, и они отправились вместе. Мисс Чэннинг занимала несколько комнат в одном из лучших пансионов на Девятнадцатой улице. Она приняла их, одетая в гладкое черное бархатное платье, отделанное красным. Это напомнило Юджину платье, в котором он впервые увидел Руби. Красота молодой певицы поразила его. Что же касается Кристины, то она, как не раз потом слышал от нее Юджин, почувствовала какое-то странное, неизъяснимое волнение.

— Когда я в тот вечер причесывалась, я хотела повязать темно-синюю ленту, которую как раз купила, — рассказывала она. — И вдруг подумала: «Нет, я ему больше понравлюсь в красной». Не правда ли, странно? Просто у меня было предчувствие, что ты меня полюбишь и что мы должны будем ближе узнать друг друга. Этот молодой человек — как его? забыла — описал мне тебя очень точно».

Это признание она сделала много месяцев спустя после их знакомства.

Юджин предстал перед ней с тем независимым и горделивым видом, какой он приобрел с тех пор, как его жизнь в Нью-Йорке стала входить в более широкое русло. К знакомству с талантливыми людьми, особенно женщинами, он относился серьезно. Он держался очень прямо, ходил размашистой походкой и испытующе смотрел на собеседника, как бы заглядывая ему в душу. Он быстро составлял себе мнение о людях и умел угадывать в них талант. Взглянув на мисс Чэннинг, Юджин почувствовал, как по всему его телу прошел трепет.

Здороваясь, она протянула ему белую, гибкую руку. Они поговорили о своем заочном знакомстве. Юджин выразил свое восхищение той областью искусства, которой она себя посвятила. «Музыка стоит гораздо выше», — сказал он, когда она заговорила о его собственном призвании.

Темно-карие глаза Кристины оглядывали его с ног до головы. «Он чем-то напоминает свои этюды, — подумала она, — на него так же приятно смотреть».

Она представила его матери. Они сели, и сразу завязался разговор, потом мисс Чэннинг спела «*Che fargo senza Euridica*»¹. У Юджина было ощущение, что она

¹ «Потерял я Эвридику» — ария Орфея из одноименной оперы Глюка (1714—1787)

поет для него. Щеки у нее разрумянились, губы стали еще ярче.

— Ты сегодня удивительно в голосе, Кристина,— заметила ее мать, когда она кончила.

— Я прекрасно себя чувствую,— ответила та.

— Изумительный голос! — воскликнул Юджин.— Он словно огромный красный мак или большая желтая орхидея.

Кристина оценила это сравнение. Оно показалось ей очень верным. Нечто подобное ощущала и она, когда пела.

— Пожалуйста, спойте «Кто Сильвия?»,— попросил он немного погодя. И она очень охотно исполнила его просьбу.

— Это написано для вас,— тихо сказал он, приблизившись к самому роялю, когда она кончила петь.— Для меня вы — Сильвия.

Горячий румянец разлился по ее лицу.

— Спасибо,— сказала она, кивнув головой, но глаза ее говорили красноречивее слов. Она приветствовала его смелость и давала ему почувствовать это.

ГЛАВА XXII

Главным источником огорчений для Юджина, в особенности с тех пор как в его жизнь вошли эти две женщины, был слишком маленький заработок. И эти огорчения все росли. В первый год ему удалось заработать около тысячи двухсот долларов, во второй — около двух тысяч, а в этом, третьем, году его заработок был, пожалуй, даже еще больше. Но по сравнению с тем, что он видел вокруг себя, по сравнению с той жизнью, с которой он начал знакомиться, это было ничто. Нью-Йорк являл собой зрелище такого материального преуспевания, о каком он и не подозревал. Богатые выезды на Пятой авеню, обеды в дорогих ресторанах, светские балы, о которых ежедневно писали газеты,— все это кружило ему голову. Его тянуло на улицы наблюдать за нарядной толпой, а замечая господствующую повсюду роскошь и изысканность, он все больше приходил к заключению, что сам не живет, а прозябает. Давно ли искусство казалось ему дорогой не только к славе, но и к богатству? Теперь, по мере того как он изучал окру-

жающий мир, выходило, что это совсем не так. Художники никогда не бывают особенно богаты. Он вспомнил, что читал в повести Бальзака «Кузина Бетта» про выдающегося художника, до которого снизошла богатая семья парижан, выдав за него дочь, и все считали, что девушка сделала плохую партию. Еще недавно он не поверил бы этому, такими недосыгаемыми существами представлялись ему служители искусства. Но теперь он все больше убеждался в том, что французский писатель очень верно изобразил отношение к художникам со стороны так называемого света. В Америке были художники, которые пользовались большой популярностью, некоторые из них — по мнению Юджина, совершенно незаслуженно — зарабатывали от десяти до пятнадцати тысяч долларов в год. На какую же ступень социальной лестницы, спрашивал себя Юджин, это ставило их в том мире подлинной роскоши, где заправляли пресловутые «четыреста семейств» — эти обладатели высокого положения и несметных богатств? Он читал в газетах, что на одни только туалеты для молодой особы, начинающей выезжать в свет, требуется от пятнадцати до двадцати пяти тысяч долларов в год. Он знал, что есть люди, которым ничего не стоит заплатить пятнадцать — двадцать долларов за обед в ресторане. По сравнению с теми деньгами, которые выбрасывались на портных и модисток, по сравнению с драгоценностями и нарядами, какие можно было видеть в театрах, жалкий доход художника казался совершенной безделицей. Мисс Финч постоянно рассказывала ему о той выставке роскоши и богатства, какую она наблюдала в домах своих друзей, — благодаря свойственному ей такту она приобрела много знакомых в высшем обществе. Мисс Чэннинг, когда они ближе сошлись с Юджином, то и дело упоминала о прославленных певцах или музыкантах, получавших тысячу долларов за выступление, об огромном жаловании, которое выплачивалось оперным знаменитостям. И, вспоминая свой собственный ничтожный доход, Юджин снова чувствовал себя жалким нищим, совсем как в первые дни своего пребывания в Чикаго. Оказывается, что искусство, если не считать славы, ничего не дает. Оно не обеспечивает настоящей жизни. Оно ведет лишь к своего рода духовному расцвету, который все готовы признать, что не мешает, однако, даже гению оставаться бедным, больным, голодным и жал-

ким. Разве не таким был Верлен, недавно умерший в Париже?

Умозаключения Юджина отчасти объяснялись тем, что все это происходило в начале «золотого века» роскоши, который переживал Нью-Йорк, и он везде и всюду сталкивался с нею. За предшествующие пятьдесят лет многие люди накопили огромные состояния, и теперь в Нью-Йорке были тысячи жителей, «стоивших» от миллиона до пятидесяти, а то и до сотен миллионов долларов. Город — главным образом на острове Манхэттен, за Пятьдесят девятой улицей — зарастал домами, словно сорной травой. В разных частях так называемого «района белых огней»¹ воздвигались огромные отели. То было время первой организованной попытки капитала удовлетворить вновь возникшую потребность — появились современные роскошные восьми-, десяти- и двенадцатипэтажные жилые дома, предназначенные для огромного числа новоявленных капиталистов, представителей недавно разбогатевшей средней буржуазии, которые со всех концов страны устремлялись в Нью-Йорк. На Западе, на Юге и Севере люди наживали огромные состояния. И едва у них появлялось достаточно средств, чтобы прожить остаток дней в довольстве и роскоши, как они переезжали на Восток, занимали дорогие квартиры, наводняли гигантские отели и роскошные рестораны, сообщая городу атмосферу расточительства. Все отрасли, служившие нуждам богатства и роскоши, достигли необычайного расцвета — антикварные лавки, магазины, где вы могли приобрести ковры, портьеры, мебель и безделушки, картины, драгоценности, фарфор и хрусталь — все, все, что только способствовало комфорту и блеску.

Бродя по городу, Юджин все это видел; он ощущал происходившие вокруг него перемены, улавливал эту неуклонную тенденцию к росту населения, к росту роскоши, к росту красоты. Все его помыслы были заняты лишь одним: жить нужно теперь, пока он молод и полон энергии, пока все его увлекает. Скоро это утратит для него всякий смысл — ведь только семь десятков лет отпущено человеку, и из них у него ушло уже двадцать пять. Что, если ему так и не суждено узнать роскошь,

¹ Часть Бродвея и Седьмой авеню, где расположены театры, опера и кинотеатры.

что, если высшее общество окажется для него недоступным, если он никогда не получит возможности жить так, как живут богачи? Эта мысль причиняла ему боль. Он испытывал бешеное желание вырвать у мира деньги и славу. Жизнь должна отдать ему его долю, в противном случае он будет проклинать ее до конца своих дней. Таковы были ощущения Юджина на двадцать шестом году жизни.

И все это особенно обострилось под влиянием дружбы с Кристиной Чэннинг. Она была немногим старше его, обладала таким же, как у него, темпераментом, лелеяла те же надежды и стремления и не хуже разбиралась в ходе вещей. Нью-Йорку предстояло увидеть золотой век роскоши. Он уже вступал в него. И те, кто достиг вершин на каком-либо поприще, — особенно в музыке или сценическом искусстве, — могли, по-видимому, рассчитывать на участие в одном из наиболее ярких зрелищ богатства, какие только известны человечеству. Кристина Чэннинг разделяла эти надежды. Она была уверена, что получит свою долю, а после нескольких бесед с Юджином склонна была верить, что и он может рассчитывать на это. Он был такой блестящий и умный.

— Вы какой-то особенный, — сказала она ему, когда он во второй раз пришел к ней. — В вас столько силы. Мне кажется, вы можете добиться всего, чего захотите.

— Ну нет, — возразил он. — Вовсе я не такой ужасный. Поверьте, мне с таким же трудом, как и всем, дается то, чего я хочу.

— Но вы все-таки добиваетесь своего. У вас есть цель.

Понадобилось немного времени, чтобы эти двое пришли к полному взаимопониманию. Они рассказывали друг другу о себе — вначале, конечно, с известной сдержанностью. Кристина посвятила Юджина в историю своей музыкальной карьеры, начавшейся в Хагерстауне в штате Мэриленд, а он вспоминал дни своей ранней юности в Александрии. Они говорили о своих родителях и о том весьма различном влиянии, которое те оказали на них. Он узнал, что отец ее — владелец устричных промыслов, и, со своей стороны, признался, что его отец — агент по продаже швейных машин. Они беседовали о влиянии маленького городка на развитие лично-

сти, о своих ранних иллюзиях и начинаниях. Кристина пела в методистской церкви родного городка, собиралась одно время стать модисткой, потом попала к учителю музыки, который чуть не уговорил ее выйти за него замуж. Но тут что-то случилось — не то она уехала на лето, не то что-то другое,— и она передумала.

Один раз Юджин возил ее в оперу, еще как-то ужинал с нею в ресторане, потом опять нанес ей визит и в это третье посещение, проведя в ее обществе тихий вечер, осмелился наконец взять ее за руку. Кристина стояла у рояля, и он смотрел на ее лицо, на большие глаза, в которых дрожал вопрос, на нежную, красиво округленную шею и подбородок.

— Я вам нравлюсь,— сказал он вдруг, безотносительно к чему-либо, если не считать сильного взаимного влечения, которое оба испытывали друг к другу.

Она, ни минуты не колеблясь, утвердительно кивнула, хотя яркая волна краски залила ее лицо и шею.

— Вы мне кажетесь такой прекрасной, что словами этого не выразишь,— продолжал он.— Я могу только написать ваш портрет, или же вы — передать это в пении,— слова тут бессильны. Я не раз бывал влюблен, но в таких, как вы,— никогда.

— Разве вы влюблены в меня? — простодушно спросила она.

— А разве нет? — сказал Юджин, обнимая ее и привлекая к себе. Она отвернула голову, и ее порозовевшая щека оказалась у его губ. Он поцеловал сперва ее щеку, потом губы, шею. Приподняв ее подбородок, он заглянул ей в глаза.

— Осторожнее,— сказала она,— мама может войти.

— Да провались она,— рассмеялся он.

— Как бы вам самому не провалиться, если она сейчас зайдет. Она ведь и не подозревает, что я способна на такие вещи.

— Это доказывает только, как мало мама знает свою Кристину,— сказал он.

— Достаточно знает,— рассмеялась та.— Ах, если бы сейчас быть в горах!

— В каких горах? — полюбопытствовал он.

— В Голубых. У нас там дача в Флоризеле. Вы должны приехать летом, когда мы там будем.

- И мама тоже там будет? — спросил он.
- Да, и папа,— смеясь, ответила Кристина.
- И, надо полагать, кухня Энн?
- Нет, но братец Джордж будет.
- В таком случае бог с ней, с дачей,— сказал Юджин.

— Но я прекрасно знаю окрестности. Там чудесные дороги и тропинки для прогулок.

Она произнесла это с наивным намеком, и ее выразительное, умное лицо засветилось.

— Тогда дело другое,— с улыбкой сказал он.— Но пока что...

— А пока что вам придется подождать. Вы видите, каково положение,— и она кивком указала на соседнюю комнату, где лежала с легкой головной болью миссис Чэннинг,— мама не слишком часто оставляет меня одну.

Юджин не мог понять Кристину. Он еще не встречал такой девушки. Ее прямота наряду с несомненной одаренностью поражала его. Он не ожидал этого, не думал, что она признается ему в любви, не знал, как понимать ее слова насчет Флоризеля. Он чувствовал себя польщенным, он вырос в собственных глазах. Если такая красивая, талантливая женщина, как Кристина, могла признаться ему в любви, значит, он человек незаурядный. Она мечтает о более удобной обстановке... для чего?

Юджин не хотел слишком ускорять события, да и Кристина не стремилась к этому — она предпочитала оставаться для него загадкой. Но в ее взгляде он читал любовь и восхищение и был счастлив и горд этим, не желая пока ничего другого.

Кристина была права — для поцелуев пока было мало возможностей. Мать не спускала с нее глаз. Кристина пригласила Юджина послушать ее концерты в Филармонии. И вот сначала в огромном концертном зале отеля «Уолдорф-Астория», затем в великолепной аудитории Карнеги-холл и в третий раз в прекрасном помещении общества «Арион» он с восторгом видел, как она — такая прекрасная — быстрой походкой приближалась к рампе и останавливалась перед ожидающим ее оркестром и публикой, держась уверенно и даже несколько надменно. Когда огромный зал рукоплескал, Юджин наслаждался воспоминаниями:

«Вчера вечером она обвила мою шею руками. Сегодня, когда я приду к ней и мы останемся одни, она меня поцелует. Эта прелестная и необыкновенная девушка, которая раскланивается и улыбается там, на эстраде, любит меня и никого другого. Если бы я предложил ей, она вышла бы за меня замуж,— если бы я мог это сделать, если бы у меня были средства».

«Если бы я мог...» Эта мысль, как ножом, резнула Юджина, так как он знал, что не может. Он не мог предложить ей стать его женой. Да и не захочет она его, если он скажет ей, как мало зарабатывает. А впрочем, как знать?

ГЛАВА XXIII

По мере того как весна близилась к концу, в Юджине все больше крепла мысль не ехать снова к Андже, а отправиться в горы, куда-нибудь неподалеку от дачи Кристины. Под действием напряженной, волнующей жизни Нью-Йорка образ Анджели несколько потускнел в его душе. Воспоминания о ней оставались все такими же восхитительными,— они по-прежнему были исполнены красоты,— но понемногу Юджином начали овладевать сомнения. Блестящее нью-йоркское общество состоит из людей иного типа; Андже прелестна и мила, но будет ли она здесь на своем месте?

Тем временем Мириэм Финч — этот утонченный электик — продолжала воспитывать Юджина. Она вполне могла бы заменить ему школу. Он сидел у нее и слушал ее рассказы о той или иной пьесе, ее суждения о той или иной книге, ее мнение по тому или иному модному философскому вопросу и чувствовал, что растет не по дням, а по часам. Она знала множество людей и всегда могла сказать, куда следует пойти, чтобы увидеть то, что его интересовало. Не было ни одной выдающейся личности — оратора, которого стоило бы послушать, или нового актера, — о которой у нее не было бы самых исчерпывающих сведений.

— А знаете, Юджин,— восклицала она, увидев его,— вам непременно нужно пойти посмотреть Хейдена Бойда в пьесе «Клеймо»!

Или:

— Вам следует посмотреть Эльмину Деминг в ее новых танцах.

Или:

— Не забудьте взглянуть на картины Уинслоу Хомера — они выставлены у Нэдлера.

И мисс Финч самым подробным образом объясняла ему, почему она хочет, чтобы он видел то или иное, и что, по ее мнению, это может ему дать. Она не скрывала, что считает его гением, и всегда требовала, чтобы он рассказывал ей, над чем работает. Когда в печати появлялась какая-нибудь удачная его работа, она спешила высказать ему свою похвалу. У Юджина нередко бывало такое чувство, словно он владеет и ее комнатой и ею самой, словно ему принадлежит все, что у нее есть, — ее мысли, ее друзья, ее переживания. Все это было полностью к его услугам, сидел ли он у ее ног или шел куда-нибудь вместе с нею. С наступлением весны она с удовольствием стала совершать с ним прогулки, прислушиваясь к тому, что он говорил о природе и жизни.

— Замечательно! — восклицала она. — Почему бы вам не написать это?

Или:

— Почему бы вам не зарисовать это?

Он показал ей некоторые свои стихи, и она тотчас переписала их и вклеила в альбом, который называла своим собранием шедевров. Так она не переставала баловать его.

С другой стороны, и Кристина доставляла ему не меньше радости. Она не уставала говорить Юджину, какого она высокого мнения о нем, каким интересным его считает.

— Вы такой большой, такой умный, — говорила она ему как-то, крепко сжав его руки и ласково заглядывая в глаза. — И мне нравится, как вы причесываетесь. Вы во всех отношениях такой, каким должен быть художник.

— Вы изобрели легкий способ испортить меня, — отвечал он. — Позвольте лучше сказать вам, как вы прелестны. Хотите, скажу?

— М-м-м, — с улыбкой протянула она, отрицательно качая головой.

— Подождите, пока мы очутимся в горах. Там я вам скажу, — и он запечатлел на ее губах такой долгий поцелуй, что девушка чуть не задохнулась.

— Боже, какой вы сильный! — воскликнула она. — Вы точно из стали...

— А вы как большая алая роза. Поцелуйте меня.

Кристина научила его разбираться в музыке и познакомила с именами крупнейших исполнителей. Он приобрел кое-какое понятие о разных ее жанрах — оперном, симфоническом, камерном. Он познакомился с различными формами музыкального творчества, с терминологией, с тайной голосовых связок, с методами вокального обучения. Он узнал, каких интриг полна эта среда, какого мнения крупнейшие музыкальные авторитеты о том или ином композиторе или певце. Он понял, как трудно пробить себе дорогу в оперном мире, какая жестокая идет там борьба, как быстро публика готова отвернуться от заходящей звезды. Кристина ко всему относилась с такой беспечностью, что Юджин готов был полюбить ее за одну эту отвагу. Она была так умна, так добродушна.

— Если хочешь быть хорошей певицей, приходится от многого отказываться, — сказала она однажды Юджину. — Нельзя жить обычной жизнью и оставаться верной искусству.

— Я не совсем понимаю вас, Крисси, — сказал он, нежно глядя ее руку, так как они были одни.

— Очень просто. Нельзя выходить замуж и иметь детей, нельзя играть заметную роль в обществе. Я знаю, что некоторые певицы выходят замуж, но мне кажется, что это ошибка. Большинство артисток, связанных семьей, не слишком преуспевает, насколько мне известно.

— И вы что же, не собираетесь выходить замуж? — полюбопытствовал Юджин.

— Не знаю, — ответила она, догадываясь, к чему он клонит, — во всяком случае, я бы очень и очень подумала. Да и вообще положение артистки дьявольски трудное. Ей над многим приходится задумываться.

— Например?

— Ну, скажем, над тем, что скажут о ней люди и семья, и еще над многим. Для нас, служителей сцены, следовало бы изобрести третий пол, вроде как у пчел.

Юджин улыбнулся. Он тоже догадывался, к чему она клонит. Но он не мог знать, что Кристина не впервые пытается разрешить конфликт между добродетельной жизнью и стремлением к успеху в искусстве. Она

не хотела усложнять браком свою карьеру артистки. Она знала почти наверняка, что успех на оперной сцене — а тем более шансы на блестящий успех за границей — для начинающей певицы в сильной степени зависят от какой-нибудь связи. Некоторым удавалось избежать этого, но лишь немногим. Она не переставала спрашивать себя, должна ли она в угоду господствующей морали оставаться девственницей. По общепринятому мнению, девушки должны блюсти себя для того, чтобы потом выйти замуж, но применимо ли это к ней, к артистическому темпераменту? Ее беспокоила мысль о матери и родных. Она оставалась добродетельной, но молодость и страстная натура были для нее источником многих горьких минут. А тут еще появился Юджин.

— Да, это трудный вопрос, — подтвердил он, думая о том, как же она в конце концов поступит.

Он чувствовал, что ее взгляды на брак самым непосредственным образом касаются его. Неужели она готова пожертвовать любовью во имя искусства?

— Не вопрос, а целая проблема, — сказала она и направилась к роялю, чтобы что-нибудь ему спеть.

Под влиянием этого разговора у Юджина создалось впечатление, что Кристина замышляет какой-то очень серьезный шаг. Какой именно — он не решался и подумать, но его крайне интересовало, как она разрешит эту проблему. Ее пренебрежение к условностям поражало Юджина, оно даже его заставило смотреть на вещи шире. Любопытно, думал он, какого мнения была бы его сестра Миртл о девушке, которая подобным образом рассуждает о браке, — в духе, так сказать, «быть или не быть»? И что сказала бы Сильвия? Интересно было бы знать, многие ли девушки так рассуждают? Большинство женщин, которых он знал, было как будто последовательнее его в этих вопросах. Он вспомнил, что спросил однажды Руби, не считает ли она «незаконную любовь» грехом, и в ответ услышал: «Нет. Некоторые считают, что это грех, но вовсе не значит, что и я должна так думать». И вот еще одна девушка, и еще одна теория.

Они и после этого говорили о любви, и Юджин спрашивал себя, почему ей хочется, чтобы он летом приехал в Флоризель. Не может быть, чтобы она... Нет, нет, она слишком для этого консервативна. Однако он

догадывался, что она не думает о браке с ним, что сейчас она вообще ни за кого не выйдет замуж. Очевидно, ей просто хотелось быть любимой, хотя бы недолго.

Наступил май, концертные выступления Кристины кончились, да и уроки пения не связывали ее больше с Нью-Йорком. В течение зимы она то и дело уезжала и приезжала — Питтсбург, Буффало, Чикаго, Сент-Пол, — а сейчас, после года тяжелой работы, вместе с матерью на несколько недель уехала в Хагерстаун, предполагая потом отправиться в Флоризель.

«Если бы ты был здесь! — писала она Юджину в начале июня. — Месяц светит к нам в сад, розы в цвету. Какие дивные запахи, какая роса! Некоторые окна открываются вровень с травой, и я пою, пою, пою!»

Ему хотелось бросить все и помчаться на ее зов, но он воздержался, так как она сообщала, что через две недели уезжает в горы. У него был заказ на серию рисунков для одного журнала, его очень торопили, и он решил сначала закончить работу.

В последних числах июня он отправился в Голубые горы, в южной части штата Пенсильвания, где был расположен Флоризель. Он, собственно, рассчитывал на приглашение Чэннингов, но Кристина предупредила его, что будет безопаснее и удобнее, если он остановится в одном из близлежащих отелей. Их было несколько на склонах прилегающих гор, причем плата колебалась от пяти до десяти долларов в день. Хотя это были для него большие деньги, Юджин все же решил поехать. Ему хотелось увидеть эту удивительную девушку, узнать, чем объяснялось ее желание быть с ним вместе в горах.

У него было около восьмисот долларов в сберегательной кассе, и он взял из них триста на поездку. Он захватил с собой для Кристины изящно переплетенный экземпляр Вийона, которого она любила, и несколько томиков новых стихов. Овеянные грустью, они гармонировали с владевшими им в последнее время настроениями, — в них говорилось о тщете жизни, о ее неизбежной скорби, хотя и превозносилась ее совершенная красота.

К этому времени Юджин окончательно пришел к заключению, что никакой загробной жизни нет, что нет ничего, кроме слепой и темной силы, бесцельно играю-

щей человеком,— тогда как раньше он безотчетно верил в провидение и задумывался над вопросом, существует ли ад. Книги служили ему проводниками по торным дорогам и извилистым тропинкам логики и философии. За последнее время он много читал и учился мыслить. Он одолел «Основные начала» Спенсера — книгу, которая буквально перевернула все его взгляды и надолго выбила его из привычной колеи. От Спенсера он вернулся назад — к Марку Аврелию, Эпиктету, Спинозе и Шопенгауэру, к мудрецам, которые разнесли в прах все его собственные теории и заставили его задуматься над тем, что же такое жизнь. После чтения таких книг он долго бродил по улицам, размышляя о неисповедимых целях природы, о распаде вещества и о том, что человеческие мысли не более постоянны, чем облака в небе. Философские теории возникают и исчезают, формы правления приходят и уходят, человеческие расы нарождаются и вымирают. Однажды он зашел в Музей естественных наук и увидел гигантские остовы доисторических животных, обитавших на земле, как известно, два, три, пять миллионов лет назад. Юджин с удивлением думал о тех силах, которые вызвали их к жизни лишь для того, чтобы потом с такою безучастностью обречь на вымирание. Природа казалась необычайно расточительной в многообразии своих творений, но вместе с тем абсолютно равнодушной к сохранению их. Юджин приходил к выводу, что и сам он всего лишь пустая раковина, слабый отголосок, гонимый ветром листок, не имеющий в сущности никакого значения, и это сознание причиняло ему в то время невероятные муки, грозя сокрушить его эгоизм, подавить всю его гордость мыслящего существа. Он бродил по городу, ошеломленный, обиженный, расстроенный, словно заблудившийся ребенок, но мысль его продолжала упорно работать.

А потом на сцене появились Дарвин, Гексли, Тиндаль, Лэббок, целая плеяда английских мыслителей, которые, подтверждая первоначальные выводы других философов, открыли ему красоту, закономерность, многообразие форм и идей в методах природы, и он был захарован. Он все еще продолжал читать стихи, а также книги и статьи по естествознанию, но по-прежнему оставался мрачен. Жизнь все так же казалась ему игрой темных, бесцельно мятущихся сил. .

То, какие выводы он делал из этого для себя, было весьма характерно для него — человека ярко индивидуалистического склада. Мысль, что красота расцветает лишь ненадолго, чтобы затем исчезнуть, вызывала в нем грусть. Мысль, что жизнь длится лишь семьдесят лет, после чего наступает неизбежный конец, приводила его в ужас. Он и Анджела, думал Юджин, лишь случайные знакомые, связанные неким избирательным сродством, и им не суждено больше встретиться в вечности. Он и Кристина, он и Руби, он и кто бы то ни было другой могли провести вместе всего лишь несколько ярких часов, после чего наступало великое безмолвие, распад, конец всему. Эти мысли, с одной стороны, причиняли боль, с другой — вызывали в нем еще более сильное желание изведать жизнь и любовь, пока он жив. Если бы еще можно было всегда находить забвение в объятиях любимой!

В таком настроении он добрался до Флоризеля, проведя целую ночь в дороге, и Кристина, которая и сама временами склонна была поразмышлять и пофилософствовать, не могла не заметить этого. Она дожидалась его на станции в собственном изящном маленьком кабриолете, чтобы отправиться вместе на прогулку.

Кабриолет катился по мягким, покрытым желтой пылью дорогам. Горная роса еще лежала на земле, и насыщенная влагой пыль не поднималась в воздух. Зеленые ветви деревьев низко нависали над ними, но за каждым поворотом открывались очаровательные виды. Юджин целовал Кристину, так как кругом никого не было, повернув к себе ее лицо и прижимаясь губами к ее губам.

— Счастье, что лошадь такая смиренная, не то бы дело кончилось несчастным случаем. Но почему ты так мрачен? — спросила она.

— Я вовсе не мрачен... А впрочем, возможно... Я в последнее время много думал, и все больше о тебе.

— И мысль обо мне вызывает у тебя грусть?

— Отчасти да.

— А почему, разрешите узнать, сэр? — спросила она с притворной строгостью.

— Потому что ты так прекрасна, так очаровательна, а жизнь так коротка.

— И у тебя остается всего пятьдесят лет, чтобы любить меня! — расхохоталась она. — О Юджин, какой ты

еще мальчик! Подожди-ка минуточку,— добавила она после маленькой паузы и остановила лошадь у придорожных деревьев.— Подержи,— сказала она, передавая ему вожжи, а когда он взял их, она обвила руками его шею и воскликнула: — Глупенький! Я люблю тебя! Люблю! Люблю! Я еще никогда такого, как ты, не встречала. Ну, это тебя немножечко утешит? — закончила она, с улыбкой заглядывая ему в глаза.

— Да,— ответил он.— Но не совсем. Семьдесят лет жизни — меня никак не удовлетворяет. Для такой жизни, как сейчас, мало целой вечности.

— Да, как сейчас,— взяв из его рук вожжи, словно эхо, повторила она, так как и сама прониклась его чувствами и мечтой о вечной молодости и вечной красоте — обо всем том, что, увы, живет лишь миг и обречено на быстрое увядание.

ГЛАВА XXIV

Семнадцать дней провел Юджин в горах в обществе Кристины и за это время дошел до такого восторженного состояния, какого никогда еще не испытывал. Дело в том, что он никогда не встречал женщины, подобной Кристине, такой прекрасной, физически совершенной, с таким пронзительным умом и тонкой душой артистки. Она с поразительной быстротою схватывала все, что он хотел выразить. Ее мысли и чувства бесконечно обогащали его. Как и он, она много думала о тайнах жизни, о сложности человеческого организма, о его загадочных функциях, об их сознательных и подсознательных проявлениях и существующей между ними взаимосвязи. Человеческие страсти, желания, потребности были для нее тончайшим узором, в созерцание которого она любила погружаться. У нее не было времени продумать свои мысли до конца, не было желания писать, зато она в своем выразительном пении передавала то прекрасное и возвышенное, что испытывала. И при случае она умела говорить, говорить красиво, с поэтической грустью, хотя в груди ее было столько юной отваги и силы, что ни одна сторона жизни не пугала ее,— не пугало даже и то, что сделает природа с ничтожной горсточкой вещества, из которого она была создана, когда вещество это растворится в пространстве. «Для каждо-

го из нас пробьет последний час», — цитировала она Юджину, и он серьезно кивал головой.

Гостиница, где остановился Юджин, блистала такой роскошью, какой он еще не видел. И никогда в жизни не было у него столько денег, и никогда еще он не чувствовал себя призванным так свободно их тратить. Номер, который он занял, был одним из лучших в отеле; при выборе его Юджин руководствовался тем, что подумает Кристина. По ее же совету он несколько раз приглашал ее обедать вместе с матерью и братом (остальные члены ее семьи еще не приехали). В свою очередь, и он получал приглашения на дачу к завтраку и к обеду.

Сразу по приезде Юджин понял, что Кристина намерена проводить в его обществе возможно больше времени. С этой целью она предложила подняться на три ближайших горы — Высокую, Смелую и Трубу. Она знала превосходные гостиницы в радиусе семи, десяти, пятнадцати километров, куда можно было поехать поездом или в кабриолете, с тем чтобы потом возвращаться при свете луны. В лесной чаще и рожицах сна облюбовала два-три укромных уголка, где среди деревьев были крохотные полянки; здесь они привязывали гамак и, раскидав возле себя томики стихов, наслаждались беседой и поцелуями.

Эти прогулки наедине, прекрасные июньские дни, безоблачное небо привели к тому, что Кристина приняла решение, о котором Юджин не смел и мечтать. Они постепенно прошли через все стадии любви. Они много говорили о любви и страсти, с презрением отвергая мысль о том, будто есть что-либо греховное хотя бы и в самой интимной близости между мужчиной и женщиной. И, наконец, Кристина сказала откровенно:

— Я не хочу выходить замуж. Брак не для меня, во всяком случае, до тех пор, пока я не добьюсь серьезного успеха. Я предпочитаю подождать, если только можно любить тебя и сохранить свободу.

— Почему ты хочешь отдаться мне? — спросил Юджин.

— Я не уверена в том, что хочу этого. Я могла бы довольствоваться просто твоей любовью, если бы это тебя удовлетворило. Но я хочу дать тебе счастье. Я хочу дать тебе все, что только могу.

— Странная ты девушка, — сказал он, проводя ру-

кой по ее высокому лбу.— Ты для меня загадка, Кристина. Я не могу понять, как ты пришла к такой мысли. Зачем ты решаешься на это? Если что-нибудь случится, ведь пострадаешь ты.

— О нет,— улыбнулась она.— Если бы это случилось, я бы вышла за тебя замуж.

— Как, решиться на такой шаг просто так, потому, что ты меня любишь, потому, что ты хочешь видеть меня счастливым!..— Он умолк.

— Я и сама этого не понимаю, золотой мой,— сказала она.— Я просто иду на это.

— Но почему, если ты готова на это, ты не предпочитаешь поселиться со мной? Вот чего я не пойму.

Она сжала его голову в своих ладонях.

— Мне кажется, я знаю тебя лучше, чем ты сам. Я не думаю, что ты будешь счастлив, если женишься. Может случиться, что ты разлюбишь меня. Или я разлюблю тебя. Возможно, ты пожалеешь об этом. Если мы познаем счастье сейчас, может быть, потом я уже буду тебе не нужна. И, понимаешь, тогда я не буду терзаться мыслью, что мы так и не узнали счастья.

— Что за логика! — воскликнул он.— Ты, вероятно, хочешь сказать, что это я буду не нужен тебе?

— О нет! Мне ты будешь нужен, но не так. Как ты не понимаешь, Юджин, ведь, по крайней мере, я буду знать, что дала тебе все, что могла.

Юджин был опечален тем, что она способна так рассуждать, приводить такие доводы. Какой странный, жертвенный, фаталистический склад ума! Возможно ли, чтобы так рассуждала молодая, прекрасная, талантливая девушка? Поверит ли этому хоть один человек на свете, если рассказать? Он посмотрел на нее и грустно покачал головой.

— Подумать только, что нельзя сохранить навсегда самое лучшее, что есть в жизни,— вздохнул он.

— Нет, золотой мой, ты хочешь слишком многого,— ответила она.— И тебе только кажется, что ты хотел бы это сохранить. Нет, ты хочешь, чтобы все прошло. Ты не согласился бы жить со мной всю жизнь, я уверена в этом. Так бери же то, что посылают тебе боги, и ни о чем не жалея. Гони прочь мысли — ведь ты это умеешь.

Юджин порывисто привлек ее к себе. Он целовал ее без конца, забыв на ее груди все свои прошлые при-

вязанности. И она отдалась ему охотно и радостно, не переставая повторять, что счастлива.

— Если б ты мог видеть со стороны, как мне хорошо с тобой, тебя бы это не удивляло,— говорила она.

Он пришел к заключению, что она самое удивительное существо, какое только встречалось на его пути. Ни одна женщина не проявила в любви к нему такой царственной щедрости. Ни одна женщина из всех, кого он знал, не имела столько мужества, чтобы так сознательно, так просто, так прямо идти к своей цели. Когда он слушал, как эта блестящая артистка, девушка такой красоты, спокойно рассуждает о том, пожертвовать ли ей добродетелью ради любви, пригоден ли брак в его обычных формах для служителей искусства, следуют ли ей насладиться его любовью сейчас, пока они оба молоды, или же, подчинившись предрассудкам, дать молодости промчаться,— Юджин чувствовал, что в его еще скованной условностями душе все возмущается против этого, ибо вопреки своему стремлению к личной свободе, вопреки сомнениям и моральным софизмам он продолжал питать глубокое уважение к такой семье, какую создали Джотем Блю и его жена, и к тому, что отсюда следует,— к нормальному, здоровому, послушному потомству. Природе, несомненно, стоило больших трудов и усилий довести человека до его теперешнего состояния, и едва ли она так легко отступится от своего. Да и действительно ли необходимо от всего этого отказываться? Захочет ли он, Юджин, увидеть мир, в котором женщина согласна будет принять его на время, как это делала сейчас Кристина, а затем бросить? Это новое переживание заставило Юджина задуматься, оно опрокидывало все его теории и взгляды, оно перемешало все представления о жизни, какие успели у него сложиться. Он ломал голову над сложностью жизни и любви и, сидя на просторной террасе гостиницы, думал и думал без конца о том, каков же все-таки ответ и почему он не может, подобно другим мужчинам, оставаться верным одной женщине и быть счастливым. Он спрашивал себя, действительно ли это так, действительно ли он не может быть таким, как другие. Пожалуй, что и может. Он знал, что еще до сих пор не разобрался в себе и не умеет управлять своей волей и своими желаниями.

Эти блаженные дни оставили в нем глубокий след. Он был поражен тем, какого совершенства может достигнуть жизнь в иные редкие минуты. Высокие, безмолвные горы, такие однообразные в своих округлых очертаниях, такие зеленые, такие мирные, давали отдых его душе. Однажды он вместе с Кристиной взобрался на гору, которая с высоты двух тысяч футов господствовала — как мелькнуло в голове Юджина — «над всеми царствами мира»: над огромными пространствами зеленых лугов и шахматной доской полей, над скромными поселками и городами, над холмами, поднимавшимися в отдалении, словно дружные братья.

— Посмотри на этого человека там, в палисаднике, — говорила Кристина, показывая на микроскопическое существо, коловшее дрова перед деревенским котеджем на расстоянии доброй мили от утеса.

— Не вижу, — отвечал Юджин.

— Смотри туда, на этот красный амбар, сразу за рощицей, неужели не видишь? Вот там, на лугу, где пасутся коровы.

— Я не вижу никаких коров.

— О Юджин, что у тебя с глазами?

— А! Теперь вижу, — сказал он, сжимая ее руку. — Он похож на таракана, не правда ли?

— Да, — засмеялась она.

— Как обширна земля и как мы ничтожны! Взгляни только на этого крохотного человечка со всеми его надеждами и мечтаниями, со всей сложной машиной его мозга и нервов и скажи мне, может ли какой-то бог всем этим заниматься. Ну скажи, Кристина, как ты думаешь, может?

— Конечно, нет, дорогой мой, бог не может заниматься одним таким человечком. Но он, возможно, занят мыслью о человеке вообще и о человеческом роде в целом. Впрочем, я и сама не уверена, золотой мой. Я знаю только одно: сейчас я счастлива.

— И я, — словно эхо, отозвался он.

Тем не менее разговор на этом не оборвался, и они продолжали все больше и больше углубляться в вопросы о происхождении жизни и о ее цели.

Они говорили о невероятной древности земли, о бурях рождений и смертей, бушевавших на земле в разные эпохи.

— Не нам решать все эти вопросы, Eugenio mio¹,— рассмеялась она.— Лучше пойдем домой. Моя бедная дорогая мамочка будет беспокоиться за свою Кристину. Знаешь, она, по-моему, начинает подозревать, что я влюблена в тебя. Ей дела нет до того, сколько человек влюбляется в меня, но как только я выказываю кому-либо малейшие знаки предпочтения, она начинает волноваться.

— А много было таких случаев предпочтения? — спросил он.

— Нет. Но зачем этот вопрос? Не все ли равно? Ну, скажи, Юджин, не все ли тебе равно? Ведь сейчас я люблю тебя.

— Не знаю, все равно или нет,— ответил он,— но мне больно, когда я думаю о твоём прошлом. Я не могу тебе сказать почему. Однако это так.

Она задумчиво смотрела вдаль.

— Как бы то ни было, ни один человек не был со мной так близок, как ты. Разве этого недостаточно? Разве этим не все сказано?

— Да, дорогая. Этим все сказано. Да, да, все! Прости меня. Я не буду больше тебя расстраивать.

— Не надо,— сказала она.— Ты делаешь больно и мне и себе.

Бывали вечера, когда Юджин сидел в гостинице на одной из террас и смотрел, как развешивали между колоннами китайские фонарики, горевшие мягким светом, и шли приготовления к вечерним танцам. Он любил наблюдать, как собирались мужчины и женщины, жившие в этой летней колонии. Девушки в прозрачных белых платьях и белых туфельках, мужчины в белых полотняных и фланелевых костюмах, весело болтая, шли по дороге. Кристина приходила на эти вечера в сопровождении матери и брата, такая очаровательная в белом полотняном или батистовом платье, отделанном кружевами. Юджин с огорчением думал о том, что он так и не постиг в совершенстве искусства танцев. Он умел танцевать, но далеко не так, как брат Кристины или десятки других мужчин, легко скользивших по навощенному полу, и это заставляло его страдать. Временами после прекрасного вечера, проведенного с возлюб-

¹ Мой Евгений (итал.).

ленной, он сидел совсем один, грезя о красоте окружающей природы. Звезды были, как бесчисленные алмазные зерна, раскиданные рукою равнодушного сеятеля. В отдалении высились темные горы. Повсюду были тишина и покой.

Почему жизнь не может всегда быть такою, думал Юджин, и сам себе отвечал, что со временем это сделалось бы убийственно скучным, как и всякая не подверженная переменам красота. Человеческая душа жаждет движения, а не покоя. Покой — на короткое время после деятельности, а затем снова деятельность... Так и должно быть. Он понимал это.

Перед самым его отъездом в Нью-Йорк Кристина сказала ему:

— Теперь, когда мы снова встретимся, я буду мисс Чэннинг, а ты — мистер Витла. Мы почти забудем, что были когда-то вместе. Нам будет с трудом верить, что мы видели то, что мы видели, делали то, что мы делали.

— Кристина, ты говоришь, как будто между нами все кончено. Ведь это же не так, правда?

— В Нью-Йорке ничего похожего быть не может, — вздохнула она. — У меня нет времени, да и тебе нужно работать.

В ее голосе слышалось твердое решение.

— Кристина, не говори так, прошу тебя! Я не могу себе этого представить.

— Хорошо, не буду, — сказала она. — Посмотрим. Подождем, пока я вернусь.

Он раз десять поцеловал ее на прощание и уже на пороге снова крепко прижал к груди.

— Ты меня совсем забудешь? — спросил он.

— Нет, ты меня забудешь. Но помни одно, дорогой. Ты получил все, правда? Позволь же мне остаться твоей лесною нимфой. Все остальное недостойно нас.

Он вернулся к себе в гостиницу. На душе у него было горько: он знал, что они испытали все, что им было суждено испытать. Кристина полностью наслаждалась проведенным с ним летом. Она целиком отдала ему себя. А теперь она хотела быть свободной, чтобы работать. Он не мог этого понять, но знал, что это так.

Грустно возвращаться летом в раскаленный город после чудесных дней в горах. Душою Юджина еще владело безмолвие горных склонов, блеск и журчание быстрых ручьев, он еще видел перед собою ястребов, орлов и коршунов, реющих в хрустальной синеве неба. Он испытывал в первое время тоску, недомогание, чувствовал себя не в силах вернуться к обычной жизни и работе. Время от времени, напоминая о пережитом недавно счастье, приходили письма и коротенькие записки от Кристины. Но он терзался предчувствием конца, тревожившим его еще при расставании.

Необходимо было написать Анджеке. Он совершенно не думал о ней за время своей поездки. У него сложилась привычка писать ей не реже, чем каждые три-четыре дня, и хотя в последнее время в его письмах уже не было прежней страстности, все же они приходили регулярно. Теперь же, когда он так внезапно замолчал на целых три недели, Анджека испугалась, не заболел ли он, но где-то внутри у нее уже шевелилось подозрение, что в нем происходит какая-то перемена. В письмах он все реже упоминал о тех радостях, которые они пережили вместе, и о счастье, которое их ждет впереди, и все чаще описывал нью-йоркскую жизнь, все больше говорил о своих честолюбивых стремлениях. Анджека готова была многое ему простить, помня о том, что Юджин прилагает все усилия, чтобы добиться успеха и обеспечить средства для их совместной жизни. Но трудно было объяснить трехнедельное молчание, не предположив какой-нибудь серьезной причины.

Юджин понимал это. Он пытался оправдаться болезнью, писал, что теперь уже встал с постели и чувствует себя много лучше. Но Анджека сразу уловила в его письмах нотку неискренности и задумалась над тем, что это означает. Уж не поддался ли он соблазну той распутной жизни, какую, говорят, ведут художники? Она мучилась сомнениями и тревогой, так как время уходило, а Юджин все не назначал окончательного срока их уже не раз обсуждавшейся свадьбы.

Положение Анджели было тем более тяжелым, что с Юджином были связаны все ее надежды. Она была пятью годами старше его. Она давно уже утратила ту

юность и жизнерадостность, которые свойственны девушке в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет. Краткая пора вслед за этим, когда девушка цветет, точно роза, и дышит свежестью и красками богатей, новой, яркой жизни, тоже осталась для нее позади. Впереди был неизбежный путь вниз, навстречу более будничному, трезвому и суровому существованию. У некоторых женщин это увядание протекает медленно и аромат юности держится годами, так что нет большой нужды в искусстве портнихи, парфюмера и ювелира. У других оно происходит быстро, и никакие средства не в состоянии остановить тех разрушений, которые производит беспокойная, мятущаяся, неудовлетворенная душа. Иногда искусный уход за собой при медленном разрушении может дать женщине почти неувядаемое очарование, особенно когда красоте физической сопутствует красота духовная и когда ко всему этому присоединяются вкус и такт.

Годы были милостивы к Анджеле, к тому же ее спасала пылкость воображения и чувств. Но внутреннее горение и тревога уже наложили бы на нее печать стародевичества, если бы не благотворное действие домашней среды и счастливая — или злосчастная — встреча с Юджином в минуту, когда она уже готова была поставить крест на своих мечтах о любви. Она не принадлежала к тому новому типу девушек, которые жаждут войти в широкий мир, чтобы расти, развиваться и найти свой, самостоятельный интерес в жизни. Скорее она принадлежала к тем домовитым женщинам, которые мечтают о муже, требующем заботы и любви. И вот ее дивной, прекрасной мечте о счастье с Юджином угрожало крушение, и Анджела с ужасом думала о том, что ей предстоит и дальше влачить бессмысленное, убийственно-тоскливое существование скупно оплачиваемой учительницы в деревенской глуши.

Между тем Юджин, по мере того как лето близилось к концу, приобретал все новые знакомства среди женщин. Мак-Хью и Смайт уехали на лето к родным, и Юджин, пребывавший в полном одиночестве, испытал большое облегчение, когда однажды познакомился в редакции одного журнала с Нормой Уитмор — темноволосой темпераментной и чрезвычайно экспансивной журналисткой и редактором, которая, как и многие до нее, живо им заинтересовалась. Их познакомил заведующий

художественным отделом этого журнала Якс Янсен. Поболтав некоторое время с молодым художником, она звала его к себе в кабинет.

Норма привела его в маленькую комнату, не более шести футов на восемь, где стоял ее стол. Юджин успел заметить, что она худощава, что у нее желтоватый цвет лица, что она одних с ним лет или чуть постарше и чрезвычайно умна. Его внимание привлекли ее руки — тонкие, красивые, свидетельствовавшие об артистической натуре. Ее глаза горели каким-то особенным блеском, а свободно сидевшее платье говорило о большом вкусе. У них завязался разговор о его работе, с которой она была знакома и которой восхищалась, а затем она пригласила его к себе в гости. Он смотрел на Норму бессознательно-оценивающим взглядом.

Кристины еще не было в городе, но даже воспоминание о ней мешало Юджину писать Анджеле с прежней страстностью. Все же Анджела по-прежнему представлялась ему очаровательной. Он говорил себе, что надо писать ей регулярно и что в скором времени придется поехать в Блэквуд и жениться на ней. Уже близилось время, когда он в состоянии будет содержать ее и обзавестись собственной студией, если они будут жить скромно. Но в сущности ему вовсе не хотелось жениться.

Вот уже три года, как он был знаком с Анджелой. Около полутора лет он не видел ее. За последний год в его письмах все меньше и меньше говорилось об их отношениях и все больше — о чем угодно другом. Ему трудно становилось писать обычные любовные письма. Но он не позволял себе доискиваться причин этого, он остерегался трезво разбираться в своих чувствах — это привело бы его к мучительному заключению, что он не может жениться на Анджеле, и заставило бы так или иначе освободиться от данного ей слова. Этого он не хотел делать. Он тянул, удерживаемый жалостью к ее уходящей молодости, удерживаемый ее любовью к нему, сознанием своей несправедливости — тем, что он отнял у нее столько лет и помешал ей иначе устроить свою судьбу, и, наконец, мыслью о том, как незавидна будет ее участь, если ей придется сообщить родным, что он ее бросил. Юджин страшно не любил обижать людей. Ему тяжело было сознавать, что он кому-то причинил горе, а причинять горе, не сознавая этого, он тоже не

мог. Он был слишком мягкосердечен. Он дал Анджеле обещание жениться на ней. Он был связан словом, он подарил ей кольцо и просил ждать его, он грубо обманывал ее, изливаясь в нежности и страсти. И теперь, после трех лет, опозорить ее перед всей ее милой семьей — старым Джотемом, матерью, сестрами и братьями — казалось такой жестокостью, что он не осмеливался и думать об этом.

Анджела с ее болезненно-мнительной, страстной и робкой натурой не могла, конечно, не чувствовать надвигающейся катастрофы. Она горячо любила Юджина, и долго сдерживаемое пламя ее страсти в течение стольких лет ждало возможности разгореться, — а такой возможностью мог быть только брак. Однако Юджин своими чарующими манерами и обаянием, силою своей чувственности, вспыхивавшей в нем в известные минуты, и неотразимостью доводов, когда разговор заходил о вопросах пола, внушил ей надежды на столь полное осуществление ее грез, что она уже готова была пожертвовать своей девственностью, забыть о добродетели. Воспоминание о том единственном знаменательном вечере мучило ее. Она говорила себе, что если его любовь сменится полным равнодушием, то лучше было бы тогда уступить ему. Зачем она старалась спасти себя? Возможно, у нее родился бы ребенок, и Юджин остался бы верен ей из сострадания и чувства долга. Она испытала бы это величайшее для женщины блаженство — слияние с любимым. В худшем случае она могла бы умереть.

Мысли Анджелы невольно обращались к тихому маленькому озеру неподалеку от их усадьбы, на стеклянной поверхности которого отражалось небо, и она представляла себе, как лежит на его песчаном дне: светлые волосы разметались, и вода шевелит их пряди, глаза закрылись навеки, руки скрещены на груди. Но ее воображение далеко опережало отвагу. Она не способна была бы это сделать, а могла лишь думать об этом, и такие мысли еще усиливали ее горе.

По мере того как время шло, а пыл Юджина не оживал, Анджела все больше мучилась неразрешенными сомнениями любви и все серьезнее задумывалась над тем, что предпринять, чтобы вернуть его привязанность. В свое последнее посещение он так стремился обладать ею, что она и сейчас верила в его любовь, пусть даже

разлука и бурная столичная жизнь временно затмили воспоминание о ней. Анджеле пришло на ум выражение из той оперетты, которую она смотрела вместе с Юджином: «Разлука — это темная комната, в которой не видно даже любви» — оно очень подходило к данному случаю. Если бы вернуть его, если бы только он снова очутился подле нее, прежний огонь разгорелся бы в нем, и тогда она, может быть, пошла бы на то, чтобы отдать ему. Смутная мысль о самопожертвовании уже мелькала у нее и тревожила ее сознание.

Этому в немалой степени способствовали те испытания, которым она подвергалась у себя дома. Ее сестра Мариетта была окружена поклонниками, которые тянулись к ней, как пчелы к медвяной росе цветка, и Анджела понимала, что на нее они смотрят как на нечто вроде гувернантки, приставленной к младшей сестре. Мать и отец с сожалением поглядывали на Анджелу, огорчаясь при мысли, что такая хорошая девушка страдает, потому что ее не ценят и не понимают. Ей не удавалось скрыть свои чувства; родители видели, что она несчастна, и ей было ясно, что они это видят. Тяжело было говорить сестрам и братьям, которые иногда справлялись о Юджине, что у него все благополучно, — а как бы ей хотелось сказать, что он в самом скором времени придет за ней.

Мариетта сначала завидовала сестре. Ей приходило в голову, что неплохо было бы отбить у нее Юджина, и только мысль о годах Анджелы и о том, что сестра не пользуется большим успехом у мужчин, удерживала ее. Теперь же, когда стало ясно, что Юджин пренебрег Анджелой или, во всяком случае, непозволительно медлит с женитьбой, Мариетта прониклась к ней глубокой жалостью. Однажды — еще задолго до того возраста, когда за девушкой начинают ухаживать, — она заметила Анджеле: «Я буду ласкова с мужчинами. Ты слишком холодна. Ты никогда не выйдешь замуж». Анджела поняла тогда, что дело не в излишней холодности, а в ее инстинктивном предубеждении против типа мужчин, с которыми ей преимущественно приходилось встречаться. Кстати, заурядные мужчины и не увлекались ею. Она не могла заставить себя находить удовольствие в их обществе. Только Юджину удалось зажечь в ней пламя любви, и, однажды познав это чувство, она не

могла уже думать ни о ком другом. Мариетта понимала чувства сестры. А теперь, после этих трех лет, Андже-ла окончательно оттолкнула от себя всех поклонни-ков, в том числе и того, кто оказался всех больше ей предан,— верного Виктора Дина. Единственное, что могло еще спасти ее от опасности полного пренебреже-ния, была романтическая мечтательность, благодаря которой она сохранила молодежавый вид и свежесть чувств.

Страшась быть покинутой, Андже-ла начала наме-кать Юджину в письмах, что ему следовало бы при-ехать навестить ее, и выражала надежду, что он не за-хочет оттягивать и дальше их брак из-за трудностей, связанных с их будущим устройством. Она снова и сно-ва повторяла, что будет счастлива с ним и в бедности, что тоскует по нем. Юджин поневоле задумался над тем, как же ему поступить.

Преимуществом Анджели при создавшихся обстоя-тельствах было то, что она больше, чем какая-либо дру-гая женщина, привлекала его физически. Что-то в ней сулило ему более сильное, более глубокое, более яркое наслаждение, чем он знал до сих пор. Ему воспомина-лись дивные дни, проведенные с нею, и особенно тот памятный вечер, когда она молила его спасти ее от нее самой. Красота благодатного лета, обаяние этой привет-ливой, дружной семьи, аромат цветов и благоуханная сень деревьев — все способствовало тому, что ее плени-тельный образ сохранил в его воображении всю свою свежесть. Мог ли он грубо оборвать этот незавер-шенный роман, отбросить в сторону этот прелестный цветок?

В то время у Юджина не было никакой любовной связи. Мириэм Финч была чересчур консервативна и интеллектуальна. Норма Уитмор не привлекала его с этой стороны. Что же касается других прелестных женщин, с которыми Юджин встречался в том или ином кругу, то ни он не чувствовал к ним влечения, ни они к нему. Он переживал душевное одиночество — состояние, которое всегда обостряло его впечатлитель-ность. И он не мог заставить себя прийти к выводу, что с Анджелой все кончено.

Наконец Мариетта, долго наблюдавшая за развити-ем романа своей старшей сестры, пришла к заключению, что нужно попытаться помочь ей. Андже-ла, очевидно,

затаила в душе горе, которое угнетало ее покоя и душевного равновесия. Она была глубоко несчастна, и это очень огорчало ее сестру. Мариетта любила ее всей душой, несмотря на то, что Юджин мог бы стать между ними яблоком раздора, — и однажды ей пришлось в голову написать ему по-дружески и рассказать, как обстоит дело. Она считала, что у него доброе и нежное сердце, что он любит Анджелу, что, возможно, Анджела права, и он медлит лишь из желания обзавестись средствами для их совместной жизни. Быть может, если по-настоящему поговорить с ним, он бросит охотиться за призрачным богатством и поймет, что лучше соединиться с Анджелой сейчас, пока они еще молоды, чем ждать, когда оба настолько состарятся, что вся прелесть брака будет утрачена навсегда. Она долго носилась с этой мыслью, твердила себе, что Анджела вполне заслуживает такого счастья, и наконец набравшись смелости, написала письмо, которое и отправила Юджину.

«Дорогой Юджин!

Вы будете удивлены, получив мое письмо. Только никому про это ни слова, а тем более Анджеле. Юджин, я давно слежу за нею и знаю, что она несчастна. Она без памяти любит Вас. Когда от Вас долго нет писем, Анджела просто места себе не находит, и у нее одна мечта — быть с Вами. Юджин, почему Вы не женитесь на ней? Она такая душечка, такая красавица, и характер у нее чудный. Она не хочет дожидаться хорошо обставленной квартиры и роскоши, — ни одной девушке это не нужно, если она любит так, как, я знаю, Анджела любит Вас. Она хочет быть с Вами сейчас, пока вы оба молоды и можете дать друг другу счастье, а не ждать нарядной квартиры и хороших вещей, которые Вы когда-нибудь сможете ей дать. Юджин, имейте в виду, я ничего не говорила ей, ни полслова, и я знаю, что она ужасно рассердится, если догадается, что я написала Вам. Она никогда не простит мне этого. Но я не могу удержаться, чтобы не написать Вам. Мне тяжело видеть, как она грустит и тоскует, и я уверена, что, узнав об этом, Вы приедете и забереете ее с собой. Только, пожалуйста, ни одним намеком не выдайте меня и не отвечайте на это письмо, разве только уж очень захочется. Но лучше не надо. И разорвите мое письмо. Но только приезжайте за ней поскорее,

Юджин, пожалуйста, приезжайте. Анджела так ждет Вас, и она будет Вам прекрасной женой, потому что это чудесная девушка. Мы все ее так любим — и папа, и мама, и все. Надеюсь, Вы простите меня. Я не могла не сделать этого.

Любящая Вас *Мариетта*».

Письмо не только удивило, но и больно поразило Юджина, — он огорчился и за себя, и за Анджелу, и за Мариетту. В самом деле, какое прискорбное положение! Оно занимало его не только потому, что касалось его самого, но и потому, что в нем вообще было нечто трагическое. Бедная Анджела, с золотистыми волосами и ангельским личиком! Какой стыд, что они до сих пор еще не вместе, когда ей этого хочется, как, до известной степени, хочется и ему. Она прекрасна, в этом нет сомнения! Она нисколько не хуже любой другой хорошенькой женщины, не считая, правда, тех, которые выделяются своим умом и развитием. Зато чувством она богаче и Мириэм Финч, и Кристины Чэннинг. Она только не умеет говорить об этом, вот и вся разница. Она умеет лишь страдать. Юджин представлял себе все многообразие ее душевных мук — отношение родных, с недоумением поглядывающих на нее, смятение, в которое повергают ее эти взгляды, ее собственные терзания, холодное участие знакомых, пытающихся разгадать эту загадку. Бедняжка, в какое мучительное положение он ее поставил. Не лучше ли ему поехать к ней? Она может дать ему счастье. Они будут жить в студии, и со временем все устроится. Или лучше остаться жестоким и не ехать? Ему было трудно примириться с этой мыслью.

Так или иначе, но Мариетте он не ответил и, как она просила, разорвал ее письмо на мелкие клочки. «Если бы Анджела знала, — подумал он, — это, конечно, глубоко оскорбило бы ее».

Размышления Анджелы тем временем привели ее к выводу, что, пожалуй, разумнее отдаться возлюбленному, если он когда-либо к ней вернется, — он тогда сочтет себя обязанным жениться на ней. Она и вообще плохо знала жизнь, а в то время в ее суждениях царил полная путаница. Она не отдавала себе отчета в том, как неразумны подобные уловки. Она любила

Юджина, она чувствовала, что он должен принадлежать ей, что лучше умереть, чем лишиться его, и мысль о таком недостойном шаге пришла ей в голову как последнее средство. Если он откажется жениться, ей остается только броситься в озеро — это она твердо решила. Она покинет этот ужасный мир, где лучшие надежды любви осуждены на гибель. Она забудет все свои муки. Если там ее ждут покой и тишина, больше ей ничего не надо.

Месяцы шли, близилась весна, и так как Юджин догадывался о настроениях Анджелы по тем патетическим фразам, которые часто повторялись в ее письмах, он постепенно пришел к решению, что должен поехать к ней. Письмо Мариетты не выходило у него из головы. В нем родилось предчувствие неминуемой катастрофы. Он не мог хладнокровно сесть и написать ей, что они никогда больше не увидятся. Слишком свежи были в его памяти впечатления от поездки в Блэквуд — благоухание лета и свежая красота того мира, в котором она жила. В апреле он написал, что приедет в июне, и Анджела была вне себя от радости.

Решению Юджина способствовало и то обстоятельство, что Кристина Чэннинг не предполагала в этом году вернуться из Европы. Она несколько раз писала ему в течение зимы, но в чрезвычайно сдержанном тоне. Посторонний человек, прочитав ее письмо, никогда бы не подумал, что между нею и Юджином что-то было. Его письма звучали, конечно, более пылко, но Кристина предпочитала игнорировать его страстные намеки и постепенно внушила Юджину, что ему нечего ждать от нее в будущем. Они останутся добрыми друзьями, но вряд ли будут когда-либо любовниками и, во всяком случае, никогда не будут мужем и женой. Его бесила мысль, что она с таким спокойствием относится к вещам, казавшимся ему чрезвычайно важными. Гордость его была уязвлена тем, что она так равнодушно вычеркнула его из своей жизни. В конце концов он обозлился, и верность Анджелы начала представляться ему в новом свете. Вот девушка, которая не стала бы с ним так обращаться. Она по-настоящему любит его. Это верная, преданная душа. Теперь поездка в Блэквуд стала казаться ему более привлекательной, а к началу июня он уже горел желанием увидеть Анджелу.

ГЛАВА XXVI

Наступили прекрасные июньские дни, и Юджин во второй раз отправился в Блэквуд. Странное чувство овладело им — он и хотел увидеть Анджелу, и вместе с тем мучился сознанием, что, возможно, совершает ошибку. Мысль о какой-то роковой неизбежности томила его. Или так уж ему суждено жениться на Анджеле? Но это глупо — ведь решение зависит только от него. Он сам решил ехать за нею, — а впрочем, может быть, и нет?.. Юджин готов был допустить, что следует голосу страсти, но, говоря по правде, он и не видел в любви ничего, кроме страсти. Разве не влечение толкает мужчину и женщину в объятия друг друга? Правда, бывает еще и обаяние личности, но основой все-таки остается страсть. Если физическое тяготение достаточно сильно, то разве не довольно этого для союза двух людей? И что, собственно, еще требуется? Это была логика пылкой и неопытной молодости, но на время она устраивала Юджина и успокаивала его. В Анджеле не было того, что влекло его к Мириэм Финч и к Норме Уитмор, не было у нее также чудесного таланта Кристины Чэннинг. И все же он ехал в Блэквуд.

За истекшую зиму его интерес к Норме Уитмор усилился. Юджина восхищала широта ее взглядов и утонченность ума. Он мало встречал людей с таким независимым вкусом, который делал бы для них доступным все новое и оригинальное в искусстве. Ее влекло к выразительному реализму в литературе и тому свежему, непосредственному искусству, представителем которого он считал себя. Необычайная чуткость и восприимчивость, которая позволяла ей по достоинству ценить то новое и свежее, что он пытался сделать, служила для него огромным поощрением, не говоря уже о популярности, которую она создавала ему и его исканиям среди своих друзей. Не ограничиваясь этим, Норма пыталась заинтересовать работами Юджина двух знакомых владельцев художественных салонов. Как-то, встретившись с ними, она выразила удивление, что они до сих пор проходят мимо такого крупного и значительного явления, как молодой Витла.

— Поймите же, — говорила она Эбергарту Зангу, владельцу крупнейшего художественного салона на Пя-

той авеню, который давал ей картины для репродукций,— поймите же, это нечто совершенно новое.

— Витла, Витла? — отозвался тот со свойственной ему немецкой сдержанностью, потирая подбородок.— Что-то я не встречал его картин.

— Конечно, не встречали,— так же настойчиво продолжала Норма.— Я вам и говорю, что это новое явление. Он только недавно приехал. Просмотрите номера журнала «Труф» за последний месяц и в одном из них — не помню, в каком именно,— разыщите этюд «Грили-сквер». Тогда вы поймете, что я хочу сказать.

— Витла, Витла? — повторил Занг, стараясь запомнить имя.— Пришлите его ко мне. Я не прочь посмотреть что-нибудь из его вещей.

— Пришлю,— обрадованно ответила Норма.

Ей очень хотелось направить к нему Юджина, но тот не склонен был выставлять свои вещи, пока их не наберется побольше. Он считал, что может рискнуть вынести на суд публики только значительное количество работ. Между тем его серия нью-йоркских видов еще не была закончена. К тому же он надеялся выставить свои картины в еще более крупном художественном салоне.

Отношения между Юджином и Нормой приняли к тому времени такой характер, что их можно было бы назвать отношениями между братом и сестрой, вернее, между двумя приятелями. Бывая у нее, он иногда обнимал ее за талию, без всякого стеснения брал ее руки в свои и ласково похлопывал ее по плечу. С его стороны это было не более, как изъявление дружеской привязанности, в ней же легко могли вспыхнуть чувства совершенно другого порядка, если бы его добродушное, чисто братское поведение не расхолаживало ее. Он никогда не рассказывал ей о других своих приятельницах. И сейчас, направляясь на Запад, Юджин спрашивал себя, как отнесутся к его браку Норма и Мириэм Финч, если предположить, что он действительно женится на Анджеле. Что касается Кристины Чэннинг, то он не хотел, вернее, боялся слишком много о ней думать. От романа с нею у него осталось какое-то ощущение утраченной красоты, чувство, причинявшее боль.

Чикаго в июне показался ему малопривычным и по царившей в городе сутолоке и по воспоминаниям, которые невольно нахлынули на него здесь. Институт искусств, здание газеты, где он когда-то работал, улица

и дом, где жила Руби. Он задумался о ней, как и в прошлый раз, едва поезд стал приближаться к городу. У него было сильное желание разыскать Руби и повидаться с нею. Он побывал в редакции «Глоб», но Мэтьюза там уже не было. Благодушный, веселый Джерри незадолго до этого уехал в Филадельфию по приглашению журнала «Норс-Америкен»; остался один Хау, такой же мелочный и ничтожный, как раньше. Голдфарба, конечно, тоже не было, и Юджин почувствовал себя в этом городе совсем чужим. Он был рад, когда пришло время сесть в поезд, отправлявшийся в Блэквуд, и покинул Чикаго с щемящим сердцем, скорбя о бесследно канувших годах своей юности и размышляя о бессмысленности, загадочности и тщете жизни.

«Как грустно, что мы стареем,— думал он.— Все то, что было для меня самой сутью жизни, теперь живет только в моем воспоминании».

Дни, предшествовавшие приезду Юджина в Блэквуд, были полны для Анджелы самых бурных переживаний. Теперь ей предстояло узнать, любит ли он ее, как любил когда-то. Она вновь изведает радость его близости, его обаяния и убедится, удастся ли ей удерживать его подле себя. Мариетта, узнав, что он приезжает, очень возгордилась ролью, которую сыграло в этом ее письмо, но ее беспокоило, что сестра не сумеет должным образом воспользоваться возможностями, которые открывает ей этот приезд. Ей хотелось, чтоб Анджела выглядела как можно лучше, и она давала ей советы, что надеть, в какие игры играть (со времени последнего приезда Юджина в число развлечений семьи вошли теннис и крокет) и какие совершать с ним прогулки. Она боялась, что у Анджелы не хватит хитрости, чтобы с должным искусством пустить в ход все свои чары: Юджину не миновать ее сетей, пусть только она оденется как следует и покажет себя в наиболее выгодном свете. Сама же Мариетта решила пореже попадаться Юджину на глаза, да и вообще по мере сил ступешиваться перед сестрой. Дело в том, что она превратилась в настоящую красавицу и помимо своей воли разбивала сердца мужчин.

— Ты помнишь, Ангелочек, мою нитку кораллов,— сказала она Анджеле однажды утром, дней за десять до приезда Юджина,— надень ее с моим суровым полотняным платьем и твоими коричневыми туфельками.

Ты будешь прелесть как хороша и понравишься Юджину. Почему бы тебе не взять новую двуколку и не встретить его в Блэкуде? Ты непременно должна встретить его.

— Нет, знаешь, Бэбиетт, мне, право, не хочется,— ответила Анджела, боясь первого впечатления, которое она произведет на Юджина. Пусть не думает, что она гоняется за ним.

«Бэбиетт» было прозвище, данное Мариетте в детстве и так и сохранившееся за ней.

— Какие глупости, Ангелочек, не будь такой отсталой. Я в жизни не видела более застенчивой девушки. Ведь это же сущие предрассудки. Поверь мне, он тебя еще крепче полюбит, если ты проявишь больше смелости. Ну, как, поедешь его встречать?

— Нет, нет,— ответила Анджела.— Это не для меня. Пусть сперва приедет, и тогда я как-нибудь вечером покатаюсь с ним.

— Ах, какая ты, Ангелочек! Ну, надень хотя бы к его приезду розовое платье в цветочках, а в волосы вплети зеленые листья.

— Полно, Бэбиетт. Ничего подобного я не стану делать.

— Нет, станешь! — заявила сестра.— Ну хоть раз меня послушайся. Розовое тебе удивительно к лицу, а с зелеными листьями будет просто чудно.

— Я не про платье говорю. Я знаю, что оно очень миленькое. Я говорю про листья.

Это новое проявление неуместной скромности окончательно рассердило Мариетту.

— Не будь ты дурочкой, Анджела! — воскликнула она.— Ты старше меня, но я знаю мужчин куда лучше, чем ты когда-либо будешь знать. Разве ты не хочешь понравиться ему? Надо быть более решительной. Бог ты мой! Сколько на свете девушек, которые не то еще сделали бы на твоем месте!

Она обняла сестру за талию и посмотрела ей в глаза.

— Ты сделаешь так, как я говорю,— заявила она, и Анджела поняла, чего Мариетта от нее требует: она должна всеми средствами завлечь Юджина, заставить его окончательно объясниться и назначить точный день свадьбы или же взять ее с собой в Нью-Йорк.

У Анджелы с младшей сестрой еще не раз заходил

разговор на эту тему, причем в программу развлечений было включено катание по озеру, несколько партий в теннис, на которые Анджела должна была надеть белый костюм и туфли, и танцы (по слухам, знакомый фермер милях в семи от них затевал в своем новом амбаре вечеринку с танцами). Мариетта решила, что Анджела должна показать себя молодой, веселой, предприимчивой, то есть сделать все, чтобы очаровать Юджина.

Наконец Юджин приехал. Поезд его прибыл в Блэквуд в полдень. Несмотря на все свои возражения, Анджела все же встретила его, хорошо одетая, держась с большим достоинством, как советовала ей Мариетта. Она надеялась произвести на него впечатление своим независимым видом, но, когда он вышел из вагона и она увидела его дорожный костюм с поясом, серое английское дорожное кепи и модный зеленый кожаный чемодан, сердце ее упало. Перед нею был многоопытный, светский человек. Видно было, что Блэквуд для него глухая провинция, которую он ни во что не ставит. Он знал другой, большой мир.

Анджела ждала в своей двуколке в самом конце станционной платформы и, увидев Юджина, замахала ему рукой. Он быстро направился к ней.

— Здравствуй, дорогая! — воскликнул он. — Ну, вот мы наконец и увиделись. Как ты чудесно выглядишь!

Он вскочил в двуколку и сел рядом, критически оглядывая ее, и она всем своим существом почувствовала этот испытующий взгляд. После первого радостного впечатления от встречи Юджин слегка растерялся: эта девушка была так далека от того нового мира, в котором он теперь жил. К тому же она постарела, в этом не могло быть сомнения. Нельзя было рассчитывать, что три года надежд, ожидания и тревог не оставят по себе следа. И все же это было нежное, преданное и милое создание. Юджин почувствовал это, и ему стало чуть больно и за нее и за себя.

— Ну, как ты тут жила? — спросил он.

Они еще не выехали из поселка, и нельзя было давать воли своим чувствам. Пока они не достигли безлюдной проселочной дороги, надо было держаться официально.

— Как всегда, Юджин. Ждала тебя.

Она посмотрела ему в глаза, и ему передалось то волнение, которое охватывало ее в его присутствии. Что-то было во всем ее существе, что раздувало в пламя теплившуюся в нем симпатию к ней. Она пыталась скрыть свои чувства, притвориться веселой и довольной, но глаза выдавали ее. Взгляд этих глаз вызывал в нем смесь желания и душевного волнения.

— Как хорошо снова очутиться в деревне,— сказал он, пожимая ей руку, так как правила она.— А тем более увидеть тебя и эти зеленые поля после большого города.

Он посмотрел вокруг на маленькие одноэтажные домишки, каждый с крохотным газоном, несколькими деревьями и аккуратной изгородью. После Нью-Йорка и Чикаго такая деревушка производила забавное впечатление.

— Ты по-прежнему любишь меня?

Она кивнула. Он стал расспрашивать ее об отце, матери, братьях и сестрах, а когда убедился, что кругом никого нет, обнял и привлек к себе.

— Теперь можно,— сказал он.

Она почувствовала силу его страсти, но — увы! — исчезло обожание, с которым он когда-то смотрел на нее. Да, он сильно изменился. Он не мог не измениться. После впечатлений и встреч большого города она должна была много потерять в его глазах. Анджеле больно было сознавать, что жизнь так жестоко обошлась с нею. Но, может быть, ей еще удастся завоевать его, удержать подле себя?

Они поехали по направлению к Оукуни, маленькому поселку на скрещении двух дорог у небольшого озера того же названия, неподалеку от фермы Блю. Семья Блю считала это место как бы частью своей усадьбы. По дороге Юджин узнал от Анджелы, что ее младший брат, Дэвид, поступил в Вест-Пойнт и делает там большие успехи. Сэмюэл заведует багажным отделением на одной из станций Великой Северной железной дороги и снова ждет повышения. Бенджамен закончил курс юриспруденции и теперь практикует в городе Расине. Он очень интересуется политикой и намеревается выставить свою кандидатуру в законодательное собрание штата. Мариетта по-прежнему беспечна и весела и не проявляет ни малейшего желания сделать наконец

выбор среди своих многочисленных поклонников. Юджин вспомнил про ее письмо и подумал, что скажут ему глаза этой девушки, когда он увидит ее.

— Мариетта все такая же опасная кокетка, как и раньше,— ответила Анджела на его вопрос о младшей сестре.— Все в нее влюбляются.

Юджин улыбнулся. Воспоминание о Мариетте всегда доставляло ему удовольствие. И сейчас у него мелькнуло сожаление, что приехал он не к ней, а к Анджеле.

Но Мариетта была не только лукава,— при желании она умела быть и доброй. Встретив Юджина, она намеренно всем своим видом выказала к нему полное безразличие и напустила на себя скромность и серьезность. При этом она не раз вздохнула в душе, так как он ей очень нравился. Не будь это Анджела, думала младшая сестра, она оделась бы как можно лучше и стала бы напропалую кокетничать с Юджином. Ей ничего не стоило бы вскружить ему голову. И она-то уж сумела бы сохранить его любовь. Мариетта чрезвычайно верила в свою способность очаровать, повергнуть к своим ногам любого мужчину, а Юджина она с радостью и сохранила бы для себя. Но сейчас она старалась меньше попадаться ему на глаза и только изредка поглядывала на него украдкой, думая о том, удастся ли Анджеле снова приворожить его. Она очень волновалась за сестру. Никогда, говорила она себе, не станет она на ее пути к счастью.

Семейство Блю встретило Юджина так же сердечно, как и в первый раз. Не прошло и часа, как он почувствовал себя здесь так, словно никогда и не уезжал. Эти широкие поля и старый дом с его чудесной лужайкой навеяли на него волнующие воспоминания. Как только Юджин поздоровался с миссис Блю и Мариеттой, последняя представила ему своего поклонника, приехавшего из городка Вокеша, и предложила сыграть партию в теннис с ней и Анджелой. Юджин не умел играть и отказался.

Анджела появилась в теннисном костюме, и Юджин увидел ее во всем ее очаровании. Она много бегала, разругмянилась и много и весело хохотала, обнажая ровные белые зубы, а он любовался ее быстрыми, ловкими движениями. Она казалась такой хорошенькой и изящной, что Юджин снова пленился ею и, встретившись

с ней после тенниса в тихой и темной гостиной, прижал ее к груди почти с былою страстью. Анджела сразу почувствовала в нем перемену. Мариетта оказалась права: Юджин любит веселье и яркие краски. Еще недавно, когда они ехали со станции, она была в отчаянии, но этот порыв вселил в нее надежду.

Юджин редко увлекался наполовину. Если что-нибудь захватывало его, то уж всего целиком. Очарование минуты владело им безраздельно, так что он в конце концов готов был вообразить себя совсем не таким, каким был в действительности. И сейчас он охотно поддавался тому настроению, которое хотели пробудить в нем Анджела и Мариетта, и уже готов был увидеть свою нареченную в прежнем свете. Он сознательно закрывал глаза на многое, что не ускользнуло бы от него в нью-йоркской студии, где на его суждение оказали бы влияние другие обстоятельства и причины. Анджела была недостаточно молода для него; она придерживалась устарелых взглядов. Она была очаровательна, спору нет, но ему никогда не удалось бы привить ей свое, легкое, отношение к жизни. А между тем она не знала его с этой стороны, и он ничего не говорил ей об этом. Он выступал перед Анджелой в роли героического однолюба, преданного Ромео, рождая в ней отраднейшие для женского сердца иллюзии. Юджин уже догадывался, что он человек ненадежный, но ему все еще не хотелось признаваться в этом даже самому себе.

Прозрачные июньские сумерки сгустились, в небе зажглись звезды. К вечеру вернулся с поля старый Джотем, это был все тот же почтенный патриарх. Он сердечно пожал Юджину руку.

— Я часто вижу ваши рисунки в журналах,— заметил он.— Вы делаете успехи. Тут у нас поблизости, у озера, живет молодой пастор, который жаждет с вами познакомиться. Его интересуют ваши работы, и я посылаю ему каждую книжку с вашими рисунками, как только Анджела ее прочитает.

Он говорил — то книжки, то журналы; казалось, они не больше значили в его глазах, чем, скажем, листья на деревьях — да в сущности так оно и было. Человеку, привыкшему наблюдать чередование времен года, посевов и урожаев, вся жизнь, с ее неугомонным мельканием образов и форм, кажется игрою преходя-

щих теней. Даже люди были для него подобны листьям, падающим с деревьев.

Джотем притягивал к себе Юджина, как магнит притягивает железо. Мироззрение этого патриархального фермера находило отклик в душе молодого художника, и Анджелу он видел как бы в лучах исходящего от него сияния. Если у нее такой замечательный отец, то и она должна стоять выше женщин среднего уровня. У такого человека должны быть исключительные дети.

Едва ли можно было ожидать, чтобы Анджела и Юджин, оставшись наедине, не возобновили прежних отношений. А поскольку они так далеко зашли в прошлый раз, было вполне естественно, что они не остановятся и пойдут дальше. Когда она после обеда вышла к нему из своей комнаты, одетая, по настоянию сестры, в облегающее вечернее платье из мягкой ткани и с довольно глубоким вырезом, Юджину передалось ее волнение. Он и сам не знал, как будет вести себя, насколько он может за себя ручаться. Под влиянием страсти Юджин терял голову, она порой завладевала им с неодолимой силой. Она дурманила его сознание, как снотворный порошок или газ. Он мысленно принимал решение взять себя в руки, но если он сразу же не обращался в бегство, спасения не было, он терял способность бежать. Он колебался и медлил, но уже через несколько минут страсть одерживала верх, и он слепо, безвольно повиновался ей, хотя бы это грозило ему опасностью и даже гибелью.

В этот вечер, когда Анджела вышла к нему, он спрашивал себя, что мог значить ее приход. Должен ли он дать себе волю? Женится ли он на ней? Удастся ли ему сохранить свободу? Они сели и стали беседовать, но вскоре он привлек ее к себе. Повторилась старая история: с каждой минутой страсть разгоралась. И вскоре Анджела, обессиленная долгим ожиданием и тоской, перестала сопротивляться. А Юджин...

— Если что-нибудь случится, мне придется уйти из дому,— с мольбою в голосе сказала она, когда он, подняв на руки, понес ее к себе в комнату.— Мне нельзя будет остаться здесь.

— Молчи,— сказал он.— Приедешь ко мне.

— Это правда, Юджин?

— Такая же правда, как то, что я держу тебя в своих объятиях,— ответил он.

В полночь Анджела открыла испуганные, удивленные, растерянные глаза, чувствуя себя безвозвратно погибшей. Две картины сменялись у нее в голове, чередуясь с равномерностью маятника. В одной главное место занимали брачный алтарь и прелестная студия в Нью-Йорке, куда Юджина приходили навещать друзья, как он не раз описывал ей. Другая представляла собою тихие воды голубого озера Оукуни, на дне которого она лежит, бледная и неподвижная. Да, если он и теперь не женится на ней, она умрет. Жить тогда не стоит. Она не станет принуждать его. Она просто выйдет как-нибудь ночью потихоньку из дому — если окажется, что больше не на что надеяться, что позора не скроешь, — и на другой день найдут ее труп.

Бедная Мариетта, как она будет плакать. А старик отец, — Анджела мысленно рисовала себе его горе. Впрочем, он никогда не узнает всей правды. А мать...

«О боже милосердный, как тяжело жить на свете, — думала она, — какой страшной бывает жизнь».

ГЛАВА XXVII

После этой ночи вся атмосфера в доме казалась Юджину насыщенной укоризной, хотя внешне это не проявлялось ни взглядом, ни словом. Когда он проснулся на другое утро и через полуоткрытые ставни увидел окружающий зеленый мир, вместе с утренней свежестью его охватило чувство глубокого стыда. Как это жестоко — явиться в такой дом и сделать то, что он сделал! Ведь в конце концов сколько ни философствуй, разве такой славный старик, как Джотем Блю, честный и добродушный гражданин, прямой и искренний в своих понятиях о морали, в своем уважении к правам ближнего, — разве не заслужил он лучшего отношения со стороны человека, которым восхищался? Джотем так тепло отнесся к нему. В их беседах было столько взаимного уважения и понимания. Юджин чувствовал, что Джотем считает его честным человеком. Он и сам знал, что располагает к себе людей. Он был откровенен, добродушен, уважителен, не любил никого осуждать; но женщины и женская красота — вот где было его слабое место. И, однако, разве вопрос о взаимоотношении полов не имеет важнейшего значения? Разве на этом не

зидется весь мир? Разве от порядочности и честности отдельных людей не зависят добрые устои и нравы? Разве семья не краеугольный камень общественного здания? Как можно ожидать, чтобы человек был порядочным, если не были порядочными его отец и мать? Как может общество надеяться чего-либо достигнуть, если люди будут метаться по воле своих страстей и повсюду заводить беспорядочные связи? Каково было бы ему, например, если б кто-нибудь обесчестил его сестру Мирту? Задав себе этот вопрос, Юджин не мог точно ответить, чего он хочет и чему сочувствует. Мирта — такой же свободный человек, как и всякая другая девушка. Онавольна поступать, как хочет. Возможно, что ему это было бы не совсем по душе, но...

Юджин переходил от одного вопроса к другому, снова и снова пытаясь распутать этот гордиев узел. Взять хотя бы дом Анджелы, который представлялся ему таким милым и чистым, когда он впервые вошел в него; теперь на него легла тень, и эту тень набросил он сам. Но так ли уж он виноват? — продолжал рассуждать Юджин. Теперь уже не оставалось ничего, что он принимал бы за истину. Он метался в заколдованном кругу. Это ли истина? Или это? Или вот то? Но ответа не было. Жизнь казалась неразрешимой загадкой. Иногда она заставляла его стыдиться своих поступков. Вот и сейчас он сгорал от стыда. И вместе с тем спрашивал себя, в самом ли деле он должен чего-то стыдиться. Может быть, это глупо? Разве мы живем не для того, чтобы жить, а для того, чтобы мучить себя упреками? Ведь не он создал заложенные в нем страсти и желания.

Юджин распахнул настежь ставни, и его ослепило сияние яркого дня. За окном все зеленело, цветы распустились во всей своей красе, деревья отбрасывали прохладную тень. Щebetали птицы. Гудели пчелы. В воздухе стоял запах сирени.

«Бог ты мой! — воскликнул Юджин, вскидывая руки над головой. — Как хороша жизнь. До чего она прекрасна!..»

Юджин глубоко вдохнул в себя воздух, насыщенный ароматом цветов. Если бы можно было всегда так жить — вечно, вечно!

Он оберся холодной водой, оделся, выбрав мягкую сорочку с отложным воротником и темный галстук,

и вышел из комнаты бодрый и свежий. Анджела уже встала и ждала его. Лицо ее было бледно, но вся она светилась какою-то грустной красотой.

— Полно, полно,— сказал он, ласково взяв ее за подбородок.— Ну что это!

— Я сказала всем, что у меня болит голова,— шепнула она ему.— Она у меня действительно болит. Ты понимаешь?

— Я понимаю твою головную боль,— рассмеялся он.— Но все будет хорошо, очень, очень хорошо. Какой чудесный день, правда?

— Прекрасный,— грустно ответила она.

— Не горюй,— настойчиво повторил он.— Полно терзаться, все будет чудесно.

Он подошел к окну и выглянул в сад.

— Твой завтрак будет сейчас готов,— сказала она и, пожав ему руку, исчезла.

Юджин вышел из дому и направился к гамаку. Теперь, очутившись среди простора лугов и полей, он испытывал такое наслаждение, такую радость, что от его тревог не осталось и следа. Эти мощные, вечно юные силы обновленной природы, которые он ощущал вокруг себя, заставили его позабыть свой страх перед злом и нравственным падением, страх, которому так легко поддаются смертные. Юджин чувствовал, что молодость и любовь оправдывают все, особенно при взаимном влечении. Почему было ему не взять Анджелу? Почему им не принадлежать друг другу?

Когда Анджела позвала его завтракать, он с большим аппетитом съел все, что она ему приготовила. Он держался с ласковой непринужденностью победителя, Анджелу же, подобно человеку, пустившемуся в опасное плавание, томили страх и неуверенность. Она подняла парус, но куда плывет она, к какой пристани прибьет ее челн? Что сулит ей судьба — смерть на дне озера или блаженство с Юджином в его нью-йоркской студии? Будет ли она жить и познает счастье, или ее ждет смерть и черная загадка небытия? Существует ли ад, как уверяют проповедники, это страшное обиталище погибших душ, воспетое поэтами? Она смотрела на тот же мир, который Юджин находил таким прекрасным, и в самой его красоте ей чудилась опасность.

А между тем ей предстояло еще много-много таких дней. Несмотря на все ее трезоги, запретный плод, от

которого она однажды вкусила, теперь казался сладостным и соблазнительным. Как только они с Юджином оставались вдвоем, волнение снова охватывало их.

Днем она предавалась своим опасениям, но наступала ночь, в небе загорались звезды, веяло упоительной прохладой, и, покорная зову страсти, Анджела забывала все свои муки. Юджин был ненасытен, она стосковалась по ласке. Малейшее прикосновение его было подобно искре, упавшей на трут. Она уступала ему, твердя, что не уступит.

Родные Анджелы пребывали, конечно, в блаженном неведении. Анджеле казалось удивительным, что самые стены, которые видели ее с Юджином, не кричат о ее падении. В том, что им удавалось много времени проводить наедине, не было ничего странного, так как ухаживания Юджина всячески поощрялись — ради нее же, — но Анджеле даже пугало, что ее грех оставался необнаруженным: то, что можно было объяснить лишь случайностью, представлялось ей зловещим предзнаменованием. Что-то непременно случится, шептал ей какой-то недобрый голос. Ей не хватало смелости, которая была бы под стать ее страсти и в которой она так нуждалась.

Прошла неделя, и хотя Юджин проявлял уже меньше пыла и был до некоторой степени угнетен сознанием, что он, по-видимому, до конца исчерпал свою победу, он все еще не решался уезжать. Ему жаль было покидать этот дом, обрывать медовый месяц, насыщенный красотой и радостью (тем более восхитительной и чарующей, что никто не делил с ними их тайны), но постепенно в нем стала просыпаться мысль о связывающих его цепях долга и ответственности. Ведь Анджела отдалась на его милость, доверившись его чести. Она добилась от него обещания жениться не настойчивостью, не коварными уловками, рассчитанными на то, чтобы завлечь его в свои сети, а лишь сказав, что в противном случае ей придется умереть. Достаточно было посмотреть на нее, чтобы убедиться, что это не ложь. К тому же теперь, когда Юджин добился своего, когда он познал всю глубину ее чувств и желаний, он еще больше оценил ее. Хотя она была старше его, она дышала такой юностью и красотой, что он был заморожен. Ее тело было восхитительно прекрасно. Ее пред-

ставления о жизни и любви были преисполнены нежности и красоты. Как рад он был бы осуществить ее мечту о блаженстве без ущерба для себя.

Когда его пребывание в Блэквуде близилось к концу, Анджеле пришла удачная мысль съездить в Чикаго, так как надо было сделать кое-какие покупки. Мать не возражала, и Анджела решила ехать вместе с Юджином. Это смягчало тяжесть разлуки и давало возможность обо всем поговорить. Анджела, как всегда, должна была остановиться у своей тетки.

По дороге она снова и снова задавала Юджину вопрос о том, как он будет теперь относиться к ней. Не станет ли он презирать ее за то, что произошло. Он уверял, что нет. С грустью она сказала ему, что только смерть или замужество может сейчас спасти ее.

— Что это значит? — спросил он, прижав к груди золотистую головку Анджелы и глядя в ее печальные темно-синие глаза.

— Если ты на мне не женишься, мне придется покончить с собой. Я не смогу тогда оставаться дома.

Он представил себе, во что превратит смерть ее прекрасное тело, ее чудесные волосы, и с сомнением спросил:

— Неужели ты решилась бы на это?..

— Да, — печально ответила она. — У меня нет выхода.

— Тсс, Ангелочек! — остановил он ее. — Ничего подобного ты не сделаешь. Тебе не придется горевать. Я женюсь на тебе... А как бы ты это сделала?

— О, я уже все обдумала, — мрачно ответила она. — Ты помнишь наше маленькое озеро? Я утоплюсь в нем.

— Что ты, родная, — взмолился он, — не говори так. Это ужасно. Не поддавайся сомнениям! Все будет хорошо, увидишь!

Подумать только, что она будет лежать на дне маленького Оукуни, этого тихого озера с зелеными берегами и желтыми песчаными отмелями! Подумать только, что этим может кончиться вся ее любовь, вся ее страсть! Смерть ее пала бы на его голову. Эта мысль была для Юджина невыносима. Она пугала его. Такие драмы иногда описываются в газетах со всеми душевраздирающими подробностями, но его это не должно коснуться. Он женится на ней. В конце концов она хо-

роша собой. Ему придется жениться. Самое лучшее — теперь же принять решение. Он задумался над тем, как скоро придется это осуществить. Из семейных соображений Анджела требовала официального бракосочетания: если ее родные и не будут на нем присутствовать, пусть они по крайней мере знают, что оно состоялось. Она согласна поехать с ним на Восток — это нетрудно будет устроить. Но они должны сочетаться браком. Юджин так ясно отдавал себе отчет в том, как сильны в ней условности, что ему и в голову не приходило предложить ей что-либо другое. Она не согласилась бы, она ответила бы презрением. Единственной альтернативой для нее была смерть.

В тот вечер, их последний вечер, когда Анджеле предстояло вернуться в Блэквуд, он проводил ее, печальную, на вокзал, а сам, донельзя расстроенный, отправился в Джексон-парк, где однажды при свете луны любовался очаровательным озером. Были последние дни июня, и воды озера отливали серебристыми, розовыми и лиловыми тонами. Деревья на западе и на востоке тонули во мгле. В небе догорал последний оранжевый румянец зари. Воздух был насыщен ароматом, теплыми июньскими благоуханиями. Бродя тихими тропинками, где песок и галька чуть хрустели под ногами, Юджин думал о промчавшейся неделе. Как богата и разнообразна жизнь, и сколько в ней высокой романтики! Взять хотя бы любовь Анджелы — как она прекрасна! Хорошо любить и чувствовать себя молодым. Что ждет его впереди — еще более прекрасные мгновения, или же он так и будет брести, то и дело оступаясь, попусту тратя время, расточая себя и свои силы в разврате? Но разве это называется развратом? Настанет ли когда-нибудь для него час возмездия? Будет ли он любить Анджелу после того, как женится на ней? Будут ли они счастливы?

Юджин стоял на берегу тихого озера и любовался бесчисленными оттенками света, отраженными в его водах, испытывая восторг художника перед совершенной красотой природы, которая пробуждает мысли о любви, смерти, поражении и славе. Как романтично, что в таком вот озере могут найти труп Анджелы, если он поступит с ней жестоко. Такой же мрак, какой сейчас заливают землю, погасил бы ее яркие мечты. Чем это не сюжет для поэтической новеллы? Он подумал, что ка-

кой-нибудь великий писатель, вроде Доде или Бальзака, мог бы воспользоваться этим мотивом для своего талантливое произведения. И художник нашел бы здесь тему для романтического образа. Бедная Анджела! Будь он искусным портретистом, он написал бы ее. Обнаженное тело, густые пряди волос ниспадают на шею и грудь,— это была бы прекрасная картина. Должен ли он жениться на ней? Да, должен. Хотя неизвестно, к чему это приведет. Возможно, что это будет ошибка, но...

Он смотрел на бледнеющие краски озера, отливавшего то серебристыми, то розовыми, то свинцово-серыми тонами. Над его головой ярко загорелась звезда. Что будет с Анджелой, если над ней действительно сомкнутся неподвижные воды озера? Как пережил бы он ее смерть? Это было бы слишком ужасно, слишком горько. Нет, он должен жениться на ней.

Юджин вернулся в город, чувствуя в душе всю скорбь мира, и в таком настроении, забрав в отеле свой чемодан, сел в ночной поезд, отправлявшийся в Нью-Йорк. Забыты были и Руби, и Мириэм, и Кристина. Он оказался участником любовной драмы, от которой зависела жизнь Анджелы и его будущее душевное спокойствие. Он не мог предугадать, чем все это кончится, и только чувствовал, что должен жениться на ней. Когда — он еще и сам не знал, обстоятельства подскажут. Возможно, что даже немедленно. Необходимо позаботиться о студии, объявить о предстоящем переезде друзьям — Смайту и Мак-Хью, и еще больше напрячь все силы, чтобы добиться успеха и средств для совместной жизни с Анджелой. Он в таких ярких красках написал ей свою жизнь художника, что теперь боялся ее суда. Главное, чтобы студия ей понравилась. Он должен будет представить Анджеле своих друзей. Всю дорогу в Нью-Йорк эта мысль не давала ему покоя — Смайт, Мак-Хью, Мириэм, Норма Уитмор, Кристина... Что подумает Кристина, если, вернувшись в Нью-Йорк, найдет его женатым? Конечно, между этими людьми и Анджелой лежит пропасть. В них, как бы это сказать, больше смелости, больше понимания, пожалуй, больше души. Подумают ли они, увидев ее, что он сделал ошибку? Или сочтут его глупцом? У Мак-Хью есть девушка, но совсем другого типа — интеллигентная,

умная. Юджин думал и думал и неизменно приходил к одному заключению. Он должен жениться. Другого выхода нет. Так надо.

ГЛАВА XXVIII

Октябрь ознаменовался в студии господ Смайта, Мак-Хью и Витла на Уеверли-плейс неким из ряда вон выходящим событием.

Даже в большом городе пора, когда листья начинают желтеть и опадать, навеивает грусть, которая еще усиливается при появлении обычных предвестников зимы: серого неба, резкого, порывистого ветра, что гонит по улицам щепки, солому, обрывки бумаги, — даже из дому выйти неприятно. Бедняки зашевелились: надвигаются лишения, непогода, холод. Но и тот, кто праздно провел лето, с новым рвением берется за работу. Купля, обмен, продажа в полном разгаре. В промышленности, в избранных кругах общества, в мире искусства, медицины, юриспруденции, финансов и литературы — повсюду жизнь бьет ключом, люди снова прониклись стремлением что-то делать, чего-то добиваться. Весь город, в предвидении близкой зимы, испытывает прилив энергии и жажду деятельности.

В этой атмосфере Юджин, достаточно ясно представлявший себе, на чем зиждется окружающая его жизнь и в чем секрет преуспевания, ревностно работал над решением той задачи, которую он себе поставил. Расставшись с Анджелой, он пришел к выводу, что необходимо закончить кое-что для выставки, о которой он не переставал думать последние два года. Другого пути для того, чтобы привлечь к себе внимание общества, у него не было, это он хорошо знал. По возвращении в Нью-Йорк он успел уже многое пережить. Во-первых, напрасную тревогу из-за письма Анджелы, которой показалось, что с ней происходит что-то неладное. Предположение это, хотя и совершенно искреннее, было вызвано игрой больной фантазии, сулившей ей всякие бедствия, и ничем в действительности не подтверждалось. Несмотря на некоторый свой опыт, Юджин все же недостаточно разбирался в таких вещах. Впрочем, если бы он даже что-нибудь и знал, то не решился бы расспрашивать. Во-вторых, испугавшись этих новых

осложнений, он написал ей, что готов жениться, и, принимая в расчет ее тяжелое душевное состояние, решил не медлить с этим. Ему надо было лишь закончить некоторые этюды, собрать немного денег и найти подходящую квартиру, где они могли бы устроиться. Он побывал во многих студиях в разных частях города, но все еще не нашел ничего, что было бы ему по вкусу и вместе с тем по карману. Найти студию с подходящим освещением, ванной, спальней и хотя бы небольшим чуланчиком под кухню было трудно. Цены казались ему очень высокими — от пятидесяти до ста двадцати пяти и ста пятидесяти долларов в месяц. Были и новые студии, которые строились специально для богатых бездельников и лентяев, плативших за них, по предположению Юджина, от трех до четырех тысяч в год. Интересно знать, размышлял он, достигнет ли он когда-нибудь таких высот?

Беспокоил его и вопрос о мебелировке. Мастерская, которую он занимал вместе со Смайтом и Мак-Хью, напоминала скорее казарму. Там не было ни коврика, ни дорожки. Стоявшие в спальнях две складные кровати и койка, крепко сколоченные, но весьма убогие на вид, перешли к ним по наследству от прежних жильцов. Картины, мольберты и по шкафчику на брата — вот в сущности и все их хозяйство. Дважды в неделю приходила уборщица, вытирала пыль, относила белье в прачечную и приводила в порядок постели.

Чтобы устроиться с Анджелой, необходимо было, по мнению Юджина, множество вещей, и притом вещей совсем другого сорта. Свою будущую студию он представлял себе примерно такой, как у Мириэм Финч или Нормы Уитмор. В ней должна стоять стильная мебель — старофламандская или колониальная, хепелуайт, чиппендейл или шератон — вроде той, какую ему случилось видеть в антикварных лавках или в магазинах подержанных вещей. Если иметь время, можно такую мебель подобрать. Анджела, конечно, ни о чем этом понятия не имеет. В студии должны быть ковры, занавески, всякие безделушки из бронзы, гипса и даже, если позволят средства, из старинного серебра. Он мечтал раздобыть со временем бронзовое или гипсовое изваяние Христа на грубом кресте из орехового или тикового дерева и повесить или поставить его в углу студии. По бокам возвышались бы два огромных подсвечника

с большими свечами, закопченные и залитые воском. Зажжешь такие свечи в темной студии, и в полумраке смутно выступят на стене контуры распятия, заплещут пугливые тени, и сразу создастся особое настроение.

Обстановка, о какой мечтал Юджин, должна была обойтись примерно в две тысячи долларов. Сейчас, конечно, об этом нечего было и думать. У него и всего-то едва ли найдется такая сумма. Он уже собирался написать Анджеле о том, как трудно подыскать подходящее помещение, но вдруг услышал про студию на южной стороне Вашингтон-сквер, которую ее владелец, литератор, сдавал на зиму. Говорили, что студия хорошо обставлена, а плата не выше обычной квартирной. Владельцу важно было, чтобы в ней поселился человек, который позаботился бы о ее сохранности до его возвращения будущей осенью. Юджин немедленно отправился по адресу и был пленен и расположением дома, и видом из окон, и красивой обстановкой. Он решил, что жить здесь будет одно удовольствие. А какой превосходный случай познакомить Анджелу с Нью-Йорком! Тут она получит свои первые приятные впечатления о городе. Как и во всякой хорошо обставленной студии, какие ему приходилось видеть, тут были книги, картины, статуэтки, много бронзовых и даже серебряных вещей. Мастерскую отделяла от алькова большая рыболовная сеть, окрашенная в зеленый цвет и усыпанная осколками зеркала, которые должны были изображать рыбью чешую. Был там и рояль под черное дерево и разрозненные образцы стильной мебели — «миссионерской», фламандской, венецианской XVI века и английской XVII века, — и все это, несмотря на такое смешение стилей, отлично гармонировало друг с другом и вполне соответствовало своему назначению. Кроме мастерской, там была спальня, ванная и маленький отгороженный уголок, который можно было приспособить под кухню. Если кое-какие из развешанных по стенам картин с толком заменить собственными этюдами, подумал Юджин, получится прекрасное жилище для него и его жены. Стоило это пятьдесят долларов в месяц, и он решил рискнуть.

Дав понять владельцу, что он снимет студию (один вид ее до некоторой степени примирил его с неизбежностью женитьбы), Юджин решил, что женится в

октябре. Анджеке можно будет тогда приехать в Нью-Йорк или в Буффало — она еще не видела Ниагарского водопада, — и там они повенчаются. Анджека предполагала навестить своего брата в Вест-Пойнте, а потом они вернутся в Нью-Йорк, чтобы там обосноваться. Приняв это решение, он написал о нем Анджеке, а также намекнул Смайту и Мак-Хью, что в скором времени, возможно, женится.

Известие это чрезвычайно огорчило обоих друзей, которые сжились с Юджином. У него была привычка подшучивать над людьми, которые ему нравились. Вставая поутру, он сразу начинал свой день каким-нибудь забавным замечанием:

— Нет, вы взгляните, какая благородная решимость озаряет сегодня чело Смайта.

Или же:

— Мак-Хью, ленивый раб, слезай с кровати и постарайся заработать себе на кусок хлеба.

Мак-Хью в ответ с головой закутывался в одеяло.

— Ох уж эти мне горе-художники, — сокрушенно вздыхал Юджин. — Ничего путного от них не жди. Им всего-то и нужно несколько вареных картофелин в день да охапка соломы.

— Да заткнись ты! — ворчал Мак-Хью.

— Ко всем чертям и дьяволам! — доносился откуда-то голос Смайта.

— Если б не я, — продолжал Юджин, — право, не знаю, что случилось бы с этой студией. Вот что значит, когда какие-то рыбаки и всякая темная деревенщина пытаются стать художниками.

— Не забудь, кстати, возчиков из прачечных, — добавлял Мак-Хью, приподнимаясь на кровати и причесывая всей пятерней свои лохмы (Юджин рассказал приятелям кое-что из своей биографии). — Не забудь о том ценном вкладе в искусство, который сделала Американская компания паровых прачечных.

— Что ж, воротнички и манжеты — это и в самом деле произведения искусства, — отпарировал Юджин, — не то что гвозди или, с позволения сказать, рыба. Тьфу!

Иногда эта пикировка продолжалась добрых полчаса, пока наконец чье-либо остроумное замечание не вызывало громкого хохота. К работе приступали после утреннего завтрака, — завтракали обычно все вместе в

ресторане,— и трудились без перерыва до пяти часов дня, разве что надо было куда-нибудь пойти, или же приходил кто-нибудь в гости, или хотелось перекусить.

Они работали бок о бок уже два года, успели за это время изучить друг друга и хорошо знали, насколько можно рассчитывать на преданность, отзывчивость, доброту или щедрость товарища. Они, не скупясь, критиковали один другого, но это была благожелательная критика, с искренним намерением помочь. Их совместные прогулки то в серые, пасмурные дни, то в дождь, то в солнечную погоду, поездки на острова — Кони-Айленд и Фар-Рокэуей, посещение театров и выставок, а также забавных ресторанчиков, где подаются национальные блюда, были проникнуты духом веселого товарищества. Они добродушно подшучивали друг над другом, иронизируя по поводу дарования, наклонностей, отдельных черт характера или нравственных качеств каждого,— и эти шутки принимались без всякой злобы. То Юджин и Мак-Хью, объединив усилия, разделявали на все корки Джозефа Смайта, то жертвою остроумия становился Юджин либо Мак-Хью, и против него выступали остальные двое. Искусство, литература, философия, выдающиеся люди, те или иные жизненные вопросы — все было предметом их споров. Как и раньше, когда Юджин работал с Джерри Мэтьюзом, он узнавал от друзей много нового. От Джозефа Смайта — о жизни моряков и о свойствах и особенностях океана; от Мак-Хью — о природе и жителях великого Запада. У того и у другого был неиссякаемый запас воспоминаний, которые давали интересный материал для бесед изо дня в день, из года в год. Особенно горячие споры вызывала какая-нибудь выставка или продающаяся коллекция картин, так как тут каждый высказывал свои самые заветные убеждения относительно того, что в искусстве ценно и вечно. Все трое не признавали установленных авторитетов, но чрезвычайно ценили истинные заслуги, независимо от того, шла ли речь о человеке с именем или совершенно неизвестном. Они то и дело знакомились с произведениями малоизвестных в Америке художников и распространяли весть об их таланте. Так постепенно в поле их зрения появились Моне, Дега, Мане, Рибейра, Монтичелли, и они не переставали изучать их и превозносить.

И потому, когда Юджин в конце сентября заявил, что, возможно, в скором времени покинет их, поднялся вопль протеста. Джозеф Смайт работал в то время над морским пейзажем, прилагая все усилия к тому, чтобы добиться гармоничного по краскам изображения прогнившей палубы торгового суденышка, полуобнаженного негра у руля и иссиня-черных волн вдали, которые должны были создать впечатление бесконечного морского простора.

— Ври больше!..— недоверчиво протянул Смайт, думая, что Юджин шутит.

Правда, откуда-то с Запада еженедельно на имя Юджина приходили письма, но и Мак-Хью получал письма, и к этому так привыкли, что уже не обращали внимания.

— Ты женишься? Какого черта! Ну и муженек же из тебя выйдет, нечего сказать. Я непременно наведаюсь к твоей жене и кое-что расскажу про тебя.

— Нет, правда, я, очевидно, женюсь,— ответил Юджин, которого рассмешила уверенность Смайта в том, что это шутка.

— Брось, пожалуйста,— подал голос Мак-Хью, стоявший у мольберта и работавший над сценкой из деревенской жизни — группа фермеров перед зданием почты.— Неужели ты захочешь разорить наше гнездо?

Оба они любили Юджина. Его общество много им давало,— он всегда был готов помочь товарищу, всегда полон жизнерадостности и оптимизма.

— Об этом не может быть и речи. Но разве я не вправе жениться?

— Я голосую против, клянусь богом! — патетически воскликнул Смайт.— Не даю моего согласия. Питер, неужели мы это потеряем?

— Разумеется, нет,— ответил Мак-Хью.— Если он попробует выкинуть такой номер, мы вызовем полицию. Я подам на него в суд. А кто она, Юджин?

— Держу пари, что знаю,— вмешался Смайт.— Что-то он уж слишком часто бегаёт на Двадцать шестую улицу.

Джозеф Смайт имел в виду Мириэм Финч, с которой Юджин познакомил своих сожителей.

— Вздор! — сказал Мак-Хью, внимательно посмотрев на Юджина.

— Нет, друзья, не вздор: расстаться должно нам!

— Ты что же, не шутишь, Витла? — сказал Джо-зеф уже серьезным тоном.

— Не шучу, Джо, — спокойно ответил Юджин.

Он стоял у мольберта и изучал перспективу своего шестнадцатого нью-йоркского этюда, на котором были изображены три паровоза в ряд, въезжающие в железнодорожный парк. Дым, туманный воздух, грязные подпрыгивающие товарные вагоны — красные, зеленые, синие, желтые, — в этом была красота, сила и красота неприкрашенной действительности.

— И скоро? — так же серьезно спросил Мак-Хью, испытывая легкий прилив грусти, которая овладевает нами, когда что-то приятное близится к концу.

— Вероятно, в октябре, — ответил Юджин.

— Печально, черт возьми! — сказал Смайт.

Он отложил кисть и медленно отошел к окну. Мак-Хью, менее склонный к проявлению своих чувств, продолжал задумчиво работать.

— Когда ты принял такое решение, Витла? — спросил он немного погодя.

— Видишь ли, Питер, это давнишняя история. В сущности, я бы раньше женился, если б средства позволяли. У меня есть обязательства перед вами, а то я не стал бы обрушивать на вас эту новость. Я буду платить свою долю за студию, пока вы не подыщете кого-нибудь другого.

— К черту студию, — сказал Смайт. — Мы не хотим никого другого. Что ты скажешь, Питер? Жили же мы раньше вдвоем.

Смайт молча потирал свой квадратный подбородок, поглядывая на приятеля с таким видом, точно они очутились перед катастрофой.

— Пустяки, — сказал он, — ты прекрасно знаешь, что нас не интересует твоя доля за студию. Но, может быть, ты все-таки скажешь, на ком женишься? Мы ее знаем?

— Нет, не знаете, — ответил Юджин. — Она из Висконсина. Та, от которой я получаю письма. Ее зовут Анджела Блю.

— В таком случае за здоровье Анджелы Блю! — воскликнул Смайт, к которому вернулось обычное веселое настроение, и, схватив кисть, он, словно чашу, поднял ее вверх. — За здоровье миссис Витла, и пусть, как говорят в Нова-Скотии, ее парус пройдет невре-

димым через все бури, а ее якорь выдержит любой шторм.

— Ура! — подхватил Мак-Хью, заражаясь настроением приятеля.— Присоединяюсь! Когда же свадьба?

— Собственно говоря, день еще не назначен. Приблизительно в первых числах ноября. Только я просил бы вас никому об этом не говорить. Хотелось бы избежать лишних расспросов.

— Никому не скажем, хотя, надо признаться, нелегко нам слышать это, старый ты морж! Почему, черт возьми, ты не дал нам времени подготовиться к этой мысли, скотина ты этакая?

И Смайт укоризненно ткнул его в бок.

— Поверьте, я огорчен не меньше вашего,— сказал Юджин.— Мне грустно уходить из нашей студии, право, грустно. Но мы не будем терять друг друга из виду. Я ведь остаюсь в Нью-Йорке.

— Где же ты намерен поселиться? В самом городе? — спросил Мак-Хью, все еще хмурясь.

— Разумеется. Тут неподалеку, на Вашингтон-сквер. Помните студию Декстера, про которую рассказывал Вивер, ту самую, на третьем этаже, на Шестьдесят первой улице? Вот это она и есть.

— Не может быть! — воскликнул Смайт.— Здорово ты устроился. Как тебе удалось?

Юджин объяснил.

— Гм, повезло,— сказал Мак-Хью.— Твоей жене там понравится. Надеюсь, у вас найдется уютный уголок для бродяги-художника, если он как-нибудь заглянет к вам?

— Фермерам, морякам и бездарным художникам вход категорически воспрещен! — торжественно заявил Юджин.

— К чертовой бабушке! — сказал Смайт.— Когда миссис Витла узнает нас поближе...

— ...она пожалеет, что приехала в Нью-Йорк,— закончил Юджин.

— Она пожалеет, что не познакомилась с нами раньше,— сказал Мак-Хью.

КНИГА ВТОРАЯ

БОРЬБА

ГЛАВА I

Бракосочетание Юджина и Анджелы состоялось в Буффало второго ноября. Как было решено заранее, их сопровождала Мариетта. Предполагалось, что потом все трое поедут посмотреть Ниагарский водопад, затем отправятся в Вест-Пойнт, где сестры повидаются с Дэвидом, после чего Мариетта вернется домой, чтобы рассказать обо всем родителям. Волею обстоятельств все было обставлено чрезвычайно скромно, не надо было проходить через церемониал поздравлений, никто не подносил подарков, за которые нужно было бы благодарить. Анджела объяснила своим родным и друзьям, что Юджину в это время года нельзя надолго отлучаться из Нью-Йорка. Она знала, что он против свадебных торжеств, на которые слетелась бы вся ее родня (Юджин называл это «быть прогнанным сквозь строй»), и охотно согласилась приехать к нему. Семья Юджина еще ничего не знала. В последний приезд домой он намекнул, что, вероятно, женится и что невеста его не кто иная, как Анджела. Но из всех родных только Миртл однажды видела Анджелу, а она жила теперь в Оттумве, в штате Айова. Старик Витла был несколько разочарован. Он надеялся, что Юджин сделает блестящую партию. Его сын, такой видный малый, знаменитый художник, чьи рисунки то и дело печатаются в журналах, должен был, по его мнению, жениться в Нью-Йорке, где столько возможностей!) уж по крайней мере на богатой наследнице. Разумеется, если Юджину угодно осчастливить какую-то провинциалку, это его дело, но не о том мечтали его родные.

Настроение, при котором проходило брачное торжество,— во всяком случае, что касается Юджина,— едва

ли соответствовало важности момента. Его мучило сознание, что он, по-видимому, совершает ошибку. Он не мог отделаться от чувства, что только стечение обстоятельств и его собственная слабохарактерность принуждают его выполнить обещание, от которого, пожалуй, следовало отказаться. Единственное, чего он этим, безусловно, достиг, это избавило Анджелу от злополучной участи старой девы. Но это представлялось ему слабым утешением. Анджела была мила и преданна, она чрезвычайно серьезно относилась к жизни, к нему лично и ко всему, что взывало к ее чувству долга. Но не такой Юджин рисовал себе настоящую подругу — возлюбленную, которая была бы смыслом и венцом его существования. Где же тот священный огонь, который должен сейчас гореть в его душе? Где они, возвышенные мысли о будущей совместной жизни? Где то чувство, которое он испытал, впервые увидев Анджелу в доме ее тетки в Чикаго? Что-то произошло. Не сам ли он опошил свой идеал излишней интимностью, — сорвал прекрасный цветок и втоптал в грязь? Неужели в браке действительно нет ничего, кроме физической страсти? Или же истинный брак представляет собой нечто более благородное — союз высоких мыслей и чувств? В таком случае разделяет ли их с ним Анджела? Она как будто тоже обнаруживала порой возвышенные чувства и стремления. Нельзя сказать, чтобы она отличалась широтою ума и большим развитием, но это не мешало ей чувствовать хорошую музыку и разбираться в прочитанном. Она ровно ничего не понимала в искусстве, но душа ее тянулась к прекрасному. Почему же этого недостаточно, чтобы их жизнь была сносной, спокойной и даже приятной? И действительно ли этого недостаточно?

Но сколько Юджин ни раздумывал над этим, у него не проходило ощущение, что в их союзе что-то неладно. Правда, он честно выполнил свой долг — обязательство, которое он сам на себя взвалил, — и все же не чувствовал себя счастливым. Он шел на этот брак, как человек, соглашающийся на известную жертву в угоду общественному мнению. Возможно, что все обойдется, а возможно, что и нет. Он не мог согласиться с существующими взглядами, что браки заключаются на всю жизнь и что если он сегодня женится на Анджеле, то

должен будет жить с ней до конца дней своих. Он знал, что таков общепринятый взгляд на брак, но ему этот взгляд был отнюдь не по душе. Союз двух людей, по его мнению, должен основываться на сильном желании жить вместе и ни на чем другом. Он не имел представления о чувстве долга, которое внушает человеку привязанность к своему потомству, так как у него не было ни детей, ни желания ими обзаводиться. Дети — это только лишняя неприятность. Брак — уловка, с помощью которой природа вынуждает человека осуществлять ее цели, состоящие в продолжении человеческого рода. Любовь — западня, страсть — наспех состряпанная приманка. Природа и закон продолжения жизни заставляют человека выполнять то, что ему назначено, как, скажем, ломовую лошадь заставляют тащить тяжелый груз. Юджин считал, что ничем не обязан ни природе, ни закону продолжения жизни на земле. Он не просил, чтобы его произвели на свет. Путь его не был усыпан розами. Так почему же он должен делать то, чего требует от него природа?

Встретившись с Анджелой, он нежно поцеловал ее, так как при виде ее в нем снова вспыхнуло желание, еще недавно настойчиво владевшее им. Со времени их последней встречи он не прикасался к женщине, главным образом потому, что никого поблизости не было, но еще и потому, что воспоминания и ожидания, связанные с Анджелой, были слишком живы, и сейчас с нетерпением ждал конца брачной церемонии. Еще утром он позаботился о разрешении на брак, и с поезда, которым прибыли Анджела с Мариеттой, отвез их прямо к методистскому священнику. Обряд, который так много значил для Анджелы, в глазах Юджина не играл никакой роли. Клочок бумаги, полученный им в отделе регистрации браков, и стереотипная фраза о том, что отныне он должен «любить, беречь и почитать», казались ему пустой формальностью. Конечно, он будет любить, уважать и беречь ее, если это окажется возможным, — в противном же случае не станет этого делать. Анджела между тем, надев обручальное кольцо и услышав знаменательные слова: «этим кольцом обручаю тебя», почувствовала, что все ее мечты сбылись. Теперь она действительно по-настоящему «миссис Юджин Витла». Ей незачем больше терзаться мыслью, что придется кончать с собой, что она будет опозорена или

что ей суждена одинокая, достойная жалости жизнь. Она стала женою художника, многообещающего художника, и будет жить в Нью-Йорке. Какая будущность открывается перед нею! Значит, Юджин все же любит ее. Она считала, что он доказал это. Он потому медлил с женитьбой, что ему трудно было надлежащим образом устроить их совместную жизнь. Иначе он давно бы на ней женился.

Они отправились в отель «Ирокез», записались там как муж и жена и сняли отдельный номер для Мариетты. Последняя под тем предлогом, что ей хочется после езды в вагоне скорее принять ванну, покинула их, обещав поспеть к обеду. Юджин и Анджела остались наконец одни.

И тут он убедился, что, вопреки всем прекрасным теориям, радость этой минуты в значительной мере приглушена для него прежней близостью с Анджелой. Правда, он снова может обладать ею. Желание, которое так сильно владело им, будет удовлетворено, но с него сорван покров заманчивой тайны. Их настоящая свадьба была отпразднована в Блэквуде несколько месяцев назад, а то, что происходило сейчас, было буднями брака. Юджин вновь испытал острое и сладостное ощущение их близости, но обаяние чего-то чудесного, неизведанного исчезло. Он жадно обнял Анджелу, но теперь в нем говорило скорее грубое физическое влечение, чем благоговейный восторг.

Для Анджелы же ничто не изменилось. У нее было любящее сердце, и в Юджине заключался для нее весь мир. В ее глазах он вырастал в героическую фигуру. Его талант был священным огнем. Ни один человек на свете не мог знать столько, сколько знал Юджин. Никто не мог сравниться с ним как художник. Правда, он не был практичен, как другие мужчины (ее братья и зятья, например), зато он гений,— незачем ему быть практичным. Она уже думала о том, какой будет ему преданной женой, верной помощницей на пути к успеху. Ее опыт учительницы, ее умение дешево покупать, ее практический ум — все это окажет ему большую помощь.

Два часа, оставшиеся до обеда, они предавались любовным утехам, а затем оделись и спустились в ресторан. Анджела сшила себе к свадьбе несколько нарядных платьев, истратив на это сбережения многих лет, и сей-

час была исключительно красива в черном шелковом платье со вставкой и рукавами из светло-серого шелка, расшитого мелким жемчугом и черным бисером. Мариетта в бледно-розовом шелковом платье, нежном, как цвет персика, сильно вырезанном, с короткими рукавами, блистала юностью, свежестью и жизнерадостностью. Теперь, когда она благополучно выдала сестру замуж, она ни в коей мере не считала себя обязанной прятаться от Юджина или скрывать свою красоту из боязни затмить Анджелу. Она была в исключительно веселом настроении, и Юджину трудно было — даже в эту минуту — не сравнивать ее с сестрой. Улыбка Мариетты, ее остроумие, ее безотчетная смелость — все это представляло резкий контраст с тихой Анджелой.

Кричащая роскошь современных отелей теперь никого уже не удивляет; но для Анджелы и Мариетты в этом было достаточно новизны, и окружающая обстановка произвела на них сильное впечатление. В пышном убранстве отеля Анджела видела знамение ожидающего их с Юджином блистательного будущего. Ковры, портьеры, лифты и официанты — вся эта дешевая роскошь говорила ей о чем-то возвышенном. После дня, проведенного в Буффало, куда их привлекли красоты Ниагарского водопада, новобрачные отправились в Вест-Пойнт. Здесь они побывали на параде в честь какого-то заезжего генерала и на балу в военной академии. Прелестную Мариетту встретил такой успех среди товарищей ее брата, что она решила остаться в Вест-Пойнте еще на неделю, так что Юджин и Анджела могли отправиться в Нью-Йорк и побыть там некоторое время одни. Они пробыли в Вест-Пойнте ровно столько, сколько потребовалось, чтобы сдать Мариетту в надежные руки, а затем уехали в Нью-Йорк, спеша вступить во владение своими апартаментами на Вашингтон-сквер.

Поезд прибыл вечером, и панорама освещенного города, открывшаяся перед ними с берега Северной реки, против Сорок второй улицы, произвела на Анджелу огромное впечатление. Она не имела ни малейшего представления о Нью-Йорке, и когда кэб, по указанию Юджина, свернул на Бродвей и, часто останавливаясь, направился к Пятой авеню, ее глазам впервые открылся тот сверкающий мишурным блеском проспект, который впоследствии получил название «великого белого пути».

Юджин давно уже научился видеть здесь характерные для нью-йоркской жизни дешевку и фальшь, но все же эта выставка красоты, нарядов и дутых репутаций еще не потеряла для него своей заманчивости и невольно действовала на его воображение. Здесь можно было встретить театральных критиков и известных актеров, актрис и хористок — богинь и одновременно игрушек жадных, невежественных, ненасытных богачей. Юджин показывал Анджеле театры, обращал ее внимание на известные имена, описывал рестораны, отели, магазины и лавки, в которых продаются всякие безделушки и побрякушки, пока наконец они не свернули на нижнюю часть Пятой авеню, где еще царило спокойное величие внушительных особняков и атмосфера консервативного богатства. На Четырнадцатой улице Анджела издали увидела арку Вашингтона, залитую желтовато-белым заревом электрических фонарей.

— Что это такое? — заинтересовалась она.

— Это арка Вашингтона, — ответил Юджин. — Она видна из нашей квартиры, с южной стороны площади.

— Как красиво! — воскликнула она.

Арка привела Анджелу в восторг, а когда они миновали ее и их взорам открылась вся площадь, ей показалось, что она в раю и что жить тут просто наслаждение.

— Здесь? — спросила она, когда кэб остановился у здания, где находилась студия.

— Да, здесь. Тебе нравится?

— Очень, — ответила она.

Они поднялись по белым каменным ступеням старинного дома и далее по лестнице, устланной красной дорожкой, на третий этаж и вошли в тесную студию, где Юджин, чиркнув спичкой, зажег (для большего эффекта) восковые свечи. По мере того как он зажигал одну свечу за другой, мягкий свет все ярче озарял комнату, и тогда Анджела увидела старинные стулья чиппендейл, письменный стол хепелуайт, фламандский ларь, в котором хранились старые и новые рисунки, зеленую сеть, усыпанную блестящими осколками, напоминавшими рыбью чешую, четырехугольное зеркало в золоченой раме над камином, а на мольберте — большую, сразу бросающуюся ей в глаза картину: три паровоза в серую, пасмурную погоду. Все это показалось Анджеле верхом красоты. Теперь она поняла, насколько ве-

лика разница между банальной роскошью отеля и обстановкой студии, в которой чувствовался своеобразный вкус ее владельца. Тяжелые канделябры-семисвечники по обеим сторонам квадратного зеркала ошеломили ее, а черный рояль, стоявший в углублении за наполовину задернутой сетью, вызвал у нее возглас восхищения.

— О, как красиво! — воскликнула она, подставляя Юджину лицо для поцелуя.

Он обнял ее, и она снова принялась изучать картины, мебель, медные и бронзовые безделушки.

— Когда же ты все это раздобыл? — спросила она, потому что Юджин не успел ей рассказать о своей удаче: как он узнал о предстоящем отъезде Декстера и снял у него студию, с условием вносить за нее арендную плату и содержать в порядке.

— Студия не моя, — небрежно ответил он, растапливая камин, в котором швейцар заранее приготовил дрова. — Я снял ее на время у Рассела Декстера. Он уехал в Европу, где пробудет до следующей зимы. Я подумал, что это лучше, чем ждать твоего приезда и потом уже обставлять квартиру. Мы успеем это сделать и будущей осенью.

Он надеялся, что весною ему удастся устроить выставку и что-нибудь выгодно продать. Так или иначе, выставка принесет ему известность и даст возможность больше зарабатывать.

У Анджелы упало сердце, но уже через секунду она овладела собой. Разве не чудо, что Юджину удалось снять хотя бы на время такую замечательную студию. Она глянула в окно. Перед нею расстилалась окаймленная рядами домов огромная площадь с кучами деревьев, еще сохранявших редкую пыльную листву, с десятками фонарей, которые шипя излучали ослепительно яркий свет, с изящными контурами желтовато-белой арки у выхода на Пятую авеню.

— До чего здесь хорошо! — снова воскликнула она и, подбежав к Юджину, обвила его шею руками. — Я и думать не могла, что будет так чудесно. Как ты меня балуешь.

Она протянула ему губы, и он ущипнул ее за щеку и поцеловал. Они вместе обошли кухню, спальню и ванную, а немного спустя задули свечи и отправились на покой.

ГЛАВА II

После тишины маленького городка, после однообразия и простоты провинциальной жизни и скучных, утомительных обязанностей сельской учительницы незнакомый мир, в который окунулась Анджела, показался ее изумленному взору исполненным красоты, радостной новизны и счастья. Если человеческие чувства быстро притупляются под действием часто повторяющихся впечатлений, то столь же свойственно им преувеличивать красоту и прелесть непривычного. Раз это ново, то должно быть лучше, чем все, что было раньше. Как часто внешняя обстановка, которой мы себя окружаем, меняет наше отношение к жизни! Если человек был беден, богатство сделает его на время как будто счастливым. Если он находится среди людей чуждых взглядов, то, очутившись в благоприятном окружении, он будет некоторое время думать, что все его затруднения разрешены. Это показывает, как мало знакомо нам то внутреннее спокойствие, которое не могут поколебать никакие изменения в наших материальных условиях.

Когда Анджела проснулась на другое утро, студия, где ей предстояло жить, показалась ей верхом совершенства. Она восхищалась вкусом, с каким все было расставлено, и радовалась таким удобствам, как ванна с горячей и холодной водой тут же, рядом со спальней, и кухня с аккуратными рядами необходимой посуды и утвари. Из небольшого уголка, где они устроили столовую, видна была сама студия. Здесь Анджела получила свои первые представления об искусстве, предметом которого является природа, красота форм человеческого тела, многообразие красок и оттенков. Как это было непохоже на существование школьной учительницы! Когда она сравнивала длинный, приземистый старенький дом в Блэквуде, его подслеповатые окошки, затененные плющом, небрежно разбросанные клумбы и большую лужайку — с этой студией, тесно заставленной и замысловато убранной, с окнами, выходящими на Вашингтон-сквер, все было в пользу последней. Впрочем, по мнению Анджелы, их даже и сравнивать было нельзя. Если бы она прочитала мысли Юджина, ей трудно было бы понять, что ее родной городок, уединенная ферма ее отца, голубые воды маленького озера и тени высоких деревьев на лужайке сроднились в его представле-

нии не только со всем, что есть истинно прекрасного, но и с ее собственным очарованием. Среди всей этой красоты она и сама была прекрасной. Она не понимала, как много теряет, расставшись с ней. Самой Анджеле эти спутники ее прежней жизни казались теперь неприглядными, ненужными, не стоящими внимания.

Зато новый мир был для нее в своем роде чудесной пещерой Аладина. Когда она утром глянула из окна на огромную площадь и впервые увидела ее, залитую ярким солнцем, с рядом внушительных кирпичных зданий на севере и с гигантским небоскребом на востоке, увидела грузовики, подводы, трамваи и экипажи, грохотавшие внизу по мостовой, на нее повеяло молодостью и энергией.

— Придется нам одеться и идти завтракать в ресторан,— сказал Юджин.— Я не догадался что-нибудь припасти. Признаться, я не знал бы даже, что купить, если б и захотел. Мне еще никогда не приходилось хозяйничать.

— Не важно,— ответила Анджела, глядя его руки.— Давай лучше не ходить в ресторан, разве только не удастся ничего придумать. Сначала я загляну сюда.

Не теряя времени, она направилась в крохотный чуланчик, отведенный под кухню, посмотреть, что там есть из посуды. Она мечтала о том, как будет готовить, вести хозяйство, ухаживать за Юджином, баловать его, и вот теперь ей представлялась эта возможность. Оказалось, что у Декстера, их щедрого хозяина, было много всяких необходимых в хозяйстве вещей: два фарфоровых сервиза,— обеденный и кофейный — коричневый и голубой, кофеварка, прелестный матово-синий чайник с такими же чашками, вафельницы всех фасонов и размеров, сотейник для жаркого, всевозможные кастрюли и сковородки, а также в изобилии ножи и вилки, серебряные и простые. По-видимому, он время от времени принимал гостей, так как Анджела нашла хлебницу, сухарницу, банки для сахара, муки и соли, а в маленьком шкафчике с выдвигаемыми ящиками всякие пряности.

— Да тут ничего не стоит самой что-нибудь приготовить,— сказала Анджела, зажигая газ, чтобы убедиться, в порядке ли плита.— Я сбегая только в мага-

зин, если ты меня проводишь, и закуплю все, что нужно. Это займет несколько минут. Потом я уж сама осмотрюсь.

Юджин охотно согласился. Анджела всегда считала, что из нее выйдет идеальная хозяйка, и теперь, когда ее Юджин был с нею, ей не терпелось скорее приступить к делу. Вот будет удовольствие показать ему, как она прекрасно управляетя с хозяйством, как работа спорится у нее в руках, как бережно она обращается с деньгами — их общим достоянием.

Убедившись, что искусство не бог вещь какое доходное занятие, Анджела сокрушалась в душе, что не принесла мужу приданого. Но она знала, что Юджин не придает этому значения. Ведь он так непрактичен. Он, конечно, великий художник, но в житейских делах совершенное дитя, особенно по сравнению с ней. Да и неудивительно — ведь она столько времени покупала все необходимое для своих братьев и сестер, выгадывая каждый цент.

Анджела свернула волосы в аккуратный узел, вынула из саквояжа (сундуки еще не прибыли) изящное домашнее светло-зеленое платье, надела его и с Юджином в качестве проводника отправилась разыскивать магазины. Когда они стояли вместе у окна, он объяснил ей, что в переулках, радиусами расходящихся к югу от площади, тянутся рядами лавки итальянских торговцев — мясников, булочников, зеленщиков, в один из таких переулков они сейчас и направились.

Очутившись на оживленной улице, Анджела ахнула — такое кругом было движение и столько толпилось народа.

Они купили картофеля, помидоров, яиц, муки, масла, бараньих котлет и соли — с десятков всяких пакетов и всего понемножку — и поспешили обратно в студию. Некоторые лавки своим видом произвели на Анджелу отталкивающее впечатление. Попадались, правда, и довольно опрятные, и все же ей представлялось странным делать покупки в итальянском квартале, среди шумливой, оживленно жестикулирующей оравы женщин и детей со смуглыми, как дубленая кожа, лицами и лихорадочно горящими глазами. Юджин, в коричневом костюме и мягкой зеленой шляпе, казался здесь человеком из другого мира. Он был такой стройный и так выделялся среди окружающих своим спокойным достоинством и

сдержанной речью, когда, обращаясь к ней, делился своими впечатлениями.

— Они особенно хороши с серьгами в ушах,— сказал он про итальянок.

— Этот угольщик — настоящий корсиканский бандит,— заметил он в другом случае.

— Посмотри на ту старуху, с нее можно писать Эндорскую волшебницу.

Анджела была целиком поглощена покупками. Она весело улыбалась Юджину, но думала о своем. Все ее мысли были заняты тем, в каких количествах закупить продукты, где хранить молодой картофель, вполне ли чист ледник, сколько времени потребуется на то, чтобы осторожно обмахнуть пыль со всего, что стоит в студии. Голые кирпичные стены зданий, грязь и отбросы в водосточной канаве, голодные, тощие бродячие собаки и кошки, густые толпы пешеходов — во всем этом она не находила ровно ничего живописного. И, лишь прислушавшись к замечаниям Юджина, звучавшим очень серьезно, она стала догадываться, что окружающее представляет в глазах художника какой-то интерес. Если Юджин так говорит,— значит, так и есть. Удивительный это мир, каков бы он ни был,— и, несомненно, она будет очень, очень счастлива.

Они позавтракали горячими бисквитами с маслом, омлетом с помидорами, жареным картофелем со сметаной и кофе. Юджин, столько времени довольствовавшийся однообразной ресторанной стряпней, нашел этот завтрак идеальным. Сидеть в собственной квартире, против очаровательной жены, которая только и думает, как бы тебе угодить, перед обильным столом, уставленным блюдами, лучше которых ты никогда не едал,— ничего более приятного нельзя и представить. И он мысленно рисовал себе счастливое будущее, если только удастся добыть средства для такой жизни. Конечно, денег потребуется много, гораздо больше, чем он до сих пор зарабатывал, но он все же рассчитывал свести концы с концами. После завтрака Анджела играла на рояле, а потом, когда Юджин выразил желание поработать, она уже по-настоящему взялась за свои хозяйственные обязанности. Как раз прибыл багаж, не говоря уже о том, что надо было позаботиться о втором завтраке и обе-

де,— а тут и любовь предъявляла свои права,— словом, дел у нее набралось больше чем достаточно.

Первое время эта жизнь казалась им восхитительной. Юджин предложил пригласить к обеду Смайта и Мак-Хью — самых близких своих приятелей. Анджела охотно согласилась, тем более что и сама горела желанием познакомиться с друзьями Юджина. Пусть убедятся, что она не хуже других умеет принять гостей. Она стала усиленно готовиться к среде — на этот день был назначен обед — и уже с самого утра была как на иголках, до того ей хотелось увидеть, что представляют собой друзья Юджина, и узнать, какого они будут мнения о ней.

Званный обед сошел как нельзя лучше. Студия произвела на двух веселых друзей большое впечатление, и они не скупилась на похвалы, а Юджина поздравляли с тем, что судьба наградила его такой женой. Анджела в том же платье, что и на обеде в Буффало, была очень эффектна, а ее густые золотистые волосы совершенно очаровали Смайта и Мак-Хью.

— Ух, какие косы! — потихоньку заметил Смайт своему приятелю, так чтобы хозяева не услышали.

— Да, ничего не скажешь,— ответил Мак-Хью.— И вообще хозяйюшка у него хоть куда, не правда ли?

— Еще бы! — сказал Смайт, которого восхищали безыскусственность и добродушие этой девушки с Запада.

Немного погодя они в несколько более изысканных выражениях высказали свое восхищение вслух, и Анджела была чрезвычайно довольна.

Мариетта, только что приехавшая в Нью-Йорк, еще не показывалась гостям. Она переодевалась в единственной спальне, которой располагала студия. Анджела, в своем очаровательном наряде, лично наблюдала за приготовлениями к обеду. С помощью швейцара она раздобыла девушку, которая помогала ей прислуживать за столом, но кухарку так и не удалось найти. Обед состоял из супа, рыбного блюда, жареных цыплят и салата. Наконец вышла Мариетта, совершенно обворожительная в своем розовом шелковом платье. При виде ее Смайт и Мак-Хью остолбенели, и Мариетта немедленно пустила в ход свои чары. Для этой девушки не существовало разницы между мужчинами — она каждого готова была сделать своим рабом, надеть на вертел своей

красоты и томить в соку любовных терзаний. Впоследствии Юджин прозвал улыбку Мариетты кинжалом. Стоило ей улыбнуться, как он восклицал:

— А! Клинок снова вынут из ножен! В кого-то он сегодня вонзится? Бедная жертва!

Теперь он был зятем Мариетты и мог позволить себе обнять ее за талию, а она пользовалась родственными отношениями, чтобы целоваться с ним. В Юджине было что-то, что всегда влекло ее, и в течение этих первых дней после свадьбы сестры она давала волю своему давнишнему желанию чувствовать себя в его объятиях, оставаясь, однако, начеку и тем самым заставляя его держаться в рамках. Втайне ее очень интересовало, насколько она ему нравится.

Едва она показалась, Смайт и Мак-Хью вскочили и принялись хлопотать вокруг нее. Мак-Хью предложил ей свое место у камина. Смайт не оставал от друга.

— Я провела чудесную неделю в Вест-Пойнте, — весело затараторила Мариетта. — Вы представляете, все время танцы, парады, прогулки с военными.

— Предупреждаю вас обоих — вы на краю пропасти, — сказал Юджин, уже усвоивший привычку дразнить Мариетту. — Эта женщина опасна. И вам, как художникам с именем, не мешает поостеречься.

— Как вам не стыдно, Юджин, — рассмеялась Мариетта, показывая свои прелестные зубки. — Ну вы подумайте, мистер Смайт, разве это не безобразие так рекомендовать сестру своей жены? Тем более что я приехала всего на несколько дней, у меня и времени-то в обрез. Я нахожу, что это возмутительно.

— Это просто позор, — отозвался Смайт, обнаруживая полную готовность сделаться ее жертвой. — Не такой вам нужен был зять. Если б вы имели дело с человеком, которого я хорошо знаю...

— Форменное издевательство, — добавил со своей стороны Мак-Хью. — Впрочем, много времени вам и не понадобится.

— Ну, уж это совсем не по-рыцарски, — рассмеялась Мариетта. — Я вижу, что все здесь против меня, за исключением мистера Смайта. Но ничего, вы еще пожалеете, когда я уеду.

— Охотно этому верю, — с чувством сказал Мак-Хью.

Смайт ничего не сказал. Он просто млеет от восторга перед этой девушкой, у которой цвет лица напоминает персики со сливками. Он пожирает взглядом ее волнистые каштановые волосы, блестящие голубые глаза и точенные руки. Каким раем должна быть жизнь с этим веселым и добродушным созданием. «Интересно было бы знать,— думал он,— что представляет собой семья, с которой Юджин породнился. Анджела, Мариетта, брат в Вест-Пойнте — не иначе как милые, добропорядочные и состоятельные люди». Мариетта отправилась на кухню помогать сестре, и Смайт, воспользовавшись отсутствием Юджина, шепнул приятелю:

— Что ты скажешь? Ведь он совсем не плохо устроился? А эта, помоложе,— настоящая красotka! Она, пожалуй, перещеголяет сестру.

Мак-Хью только глазел по сторонам. Все здесь приводило его в восхищение. Старинная мебель, ковры, портьеры, картины, горничная в белом передничке и на колке, Анджела, Мариетта, стол, накрытый белоснежной скатертью и уставленный разноцветным фарфором, серебряные канделябры — подумать только, что в каких-нибудь десять дней с Юджином произошло такое превращение. Уж действительно кому повезет... Эта студия была редкостной находкой. Ведь вот другим... И Мак-Хью задумчиво покачал головой.

— Ну,— спросил Юджин, который выходил в спальню, чтобы переодеться к обеду,— что ты скажешь, Питер?

— Скажу, что ты идешь в гору, Юджин. Я никак не ожидал. Благодарит небо. Тебе, безусловно, везет.

Юджин загадочно улыбнулся. «Действительно ли это так?» — подумал он. Ни Смайту, ни Мак-Хью, ни кому другому и невдомек, при каких обстоятельствах все произошло. Сколько в общем лицемерия на свете! Даже смешно, до чего обманчива видимость! Если бы кто-нибудь знал, какая необходимость толкнула его на поиски квартиры и с каким тяжелым сердцем он взялся за это.

Мариетта вернулась в студию, а с нею и старшая сестра. Анджела прониклась теплым чувством к обоим друзьям мужа — к этим мальчикам, как она уже мысленно их называла.

Юджин усвоил себе манеру характеризовать каждого, о ком бы ни заговорил, как «славного малого» — его

обычное определение. Так и эти двое одаренных молодых людей были для него всего лишь славными ребятами из провинции, как и сам он, и Анджела стала относиться к ним так же.

— Мне бы очень хотелось как-нибудь набросать ваш портрет, миссис Витла,— сказал Мак-Хью, когда Анджела снова заняла свое место у камина. В последнее время он пробовал свои силы в портретной живописи и рад был случаю попрактиковаться.

Анджела пришла в восторг и от лестного предложения и оттого, что услышала в первый раз «миссис Витла» из уст старого друга Юджина.

— Я буду очень рада,— ответила она зардевшись.

— Честное слово, ты прелестна, Ангелочек! — воскликнула Мариетта, обнимая сестру за талию.— Нарисуйте ее с косами, мистер Мак-Хью, ведь она совершеннейшая Гретхен.

Анджела снова вспыхнула.

— Я, собственно, сам об этом подумывал, Питер,— сказал Юджин.— Но так и быть, попробуй ты. Я не большой мастер по части портрета.

Смайт улыбнулся Мариетте. Ему бы очень хотелось нарисовать ее, но человеческие фигуры давались ему плохо, разве лишь как детали для его морских видов. При этом мужчины удавались ему лучше женщин.

— Вот если б вы были старым морским волком, мисс Блю,— сказал он, обращаясь к Мариетте,— я бы создал из вас шедевр.

— Что ж, за этим дело не станет, если только вы напишете мой портрет,— весело отозвалась она.— Воображаю, как бы я была хороша в высоких сапогах и в непромокаемом плаще, не правда ли, Юджин?

— По-моему, вы были бы красавицей,— сказал Смайт.— Приходите к нам в студию, и я вас наряжу. У меня есть полный костюм моряка.

— Непременно приду,— рассмеялась Мариетта.— Вы только скажите — когда.

Мак-Хью почувствовал, что Смайт обгоняет его, и, чтобы наверстать упущенное, удвоил внимание к Мариетте.

— Послушай, Джозеф,— запротестовал он,— я только собрался предложить мисс Блю написать ее портрет.

— Опоздал,— ответил Смайт.— Ты бы еще подольше думал.

Мариетту поразила обстановка, в какой жили Анджела и Юджин. Она была подготовлена к тому, что увидит, как живут художники, но эта студия превзошла все ее ожидания. Анджела рассказала ей, что квартира не принадлежит Юджину, но в глазах Мариетты это не играло большой роли. Факт тот, что сейчас это его студия. Он получил ее благодаря своим связям в обществе и в кругах художников. Он и Анджела блестяще начинали совместную жизнь. Если бы она могла рассчитывать на такой прелестный уголок для начала своей замужней жизни, она была бы вполне довольна.

Потом все сели за круглый стол из тикового дерева — одно из сокровищ Декстера,— и временная горничная Анджелы стала подавать обед. Беседа велась легко и непринужденно — собственно, ни о чем, больше для того, чтобы поближе познакомиться друг с другом. Молодые художники очень понравились Анджеле и Мариетте, поскольку обе они угадывали в своих собеседниках некоторую житейскую положительность. Те, не рисуясь, говорили об испытаниях и удачах, которые выпадают на долю художника, о том, как трудно добиться хорошего заработка; они, по-видимому, были на дружеской ноге со знаменитостями из разных кругов общества — величайшая награда всякого таланта.

За обедом Смайт рассказывал о своих приключениях на море, а Мак-Хью — о жизни в горняцких поселках Запада. Мариетта принялась описывать своих висконсинских поклонников, высмеивая простоватых блэквудских обывателей, и Анджела вторила ей. Наконец Мак-Хью сделал карандашный набросок, изобразив Мариетту в сопровождении длинного хвоста деревенских воздыхателей, от которых она лицемерно отворачивается, воздев очи к небу.

— Ну, это уж совсем жестоко! — воскликнула она, когда Юджин, увидев рисунок, стал от души хохотать.— Я никогда так не закатываю глаза.

— Нет, он правильно тебя нарисовал,— заявил Юджин.— Ты — широкая, усыпанная цветами тропа, которая ведет к гибели.

— Не обращай внимания, Бэбиетт,— вставила Анджела,— я за тебя заступлюсь, если никто другой не за-

ступится. Ты милая, скромная, робкая девушка и вообще ни на кого не смотришь, не правда ли?

Анджела встала и шутливо прижала к себе голову Мариетты, как бы выражая сочувствие ее безутешному горю.

— Вот чудесное имя,— воскликнул Смайт, растроганный красотой Мариетты.

— Бедная Мариетта,— сказал Юджин.— Подойди ко мне, я тебя тоже пожалею.

— Вы не так поняли мой рисунок, мисс Блю,— весело заметил Мак-Хью.— Я просто хотел показать, каким успехом вы пользуетесь.

Когда провожали гостей, Анджела стояла рядом с Юджином, охватив его гибкой рукой. Мариетта кокетничала на прощанье с Мак-Хью. Какое большое преимущество у его друзей, думал Юджин, они холостяки и могут сколько угодно шутить с Мариеттой и ухаживать за нею. Для него все это кончено. Он уже никогда не сможет любезничать ни с одной девушкой. Он должен вести себя серьезно, быть сдержанным и осторожным. Юджину стало больно от этой мысли. Он вдруг почувствовал, что это вовсе ему не свойственно. Ему хотелось быть таким, как всегда,— ухаживать за Мариеттой, если бы она позволила, а вот и нельзя. Когда дверь за гостями закрылась, он подошел к камину.

— Какие они оба милые! — воскликнула Мариетта.— Мак-Хью такой забавный. Он с большим юмором.

— Смайт тоже славный,— заступился Юджин за своего друга.

— Оба они чудесные, просто чудные.

— И мне понравился Мак-Хью, он такой оригинал,— заметила Анджела.— Но и мистер Смайт тоже славный и очень положительный. Большого нельзя и требовать от мужчины. А все-таки нет никого на свете лучше моего Юджина,— нежно сказала она, обнимая его.

— О боже, вы опять за свое! — воскликнула Мариетта.— Ну, я иду спать.

Юджин вздохнул.

Они припасли кушетку для Мариетты, с тем чтобы по уходе гостей поставить ее в альков за унизанный блестками занавес.

Юджин с грустью думал о том, что любовь Андже-

лы для него уже не новость. Этого не было бы, если б он женился на Мариетте или на Кристине. Он все больше убеждался, что питает к жене только физическое влечение. И этим ему придется довольствоваться? Разве это возможно? Эта мысль повлекла за собой множество других мыслей, которые с этих пор уже не покидали его, хотя он не всегда замечал их присутствие и ощущал их не с одинаковой остротой. Мгновенная вспышка жалости, страсть, восхищение могли на время заглушить их, но, в сущности, они не оставляли его. Он сделал ошибку. Он сам накинул себе петлю на шею. Он подчинился условностям, которых отнюдь не одобрял. Как поправит он теперь совершившееся? И поправимо ли оно вообще?

ГЛАВА III

Но какие бы мысли Юджин ни таил в душе, он начал свою семейную жизнь с видом человека, достаточно серьезно относящегося к браку. Раз уж он женат и связан законными узами, решил он, остается только примириться. Было время, когда у него мелькала надежда, что можно будет скрывать от всех свою женитьбу и не показывать Анджелу друзьям, но такую мысль пришлось отбросить, когда он увидел, как отнеслись к его браку Мак-Хью и Смайт. А главное, приходилось считаться с самой Анджелой. Он стал подумывать о том, что нужно бы известить о своей женитьбе друзей — Мириэм Финч и Норму Уитмор, а возможно, и Кристину Чэннинг, — когда она вернется. В этих трех женщинах заключалась для него самая большая трудность. Он понимал, какое невыгодное впечатление Анджела будет производить рядом с ними. Что они подумают о нем, о ней? Теперь, когда она была тут, в Нью-Йорке, он не мог не видеть, что она представляет здесь совершенно иной, чуждый мир. Пригласив к обеду Смайта и Мак-Хью, он открыл кампанию, которую теперь предстояло продолжить.

Юджина тревожила главным образом мысль, как примет эту новость Мириэм Финч, поскольку Кристину Чэннинг была в отъезде, а Норма Уитмор не так уж много значила для него. Он твердил себе, что должен был известить их раньше и что необходимо поскорее ис-

править эту ошибку. В конце концов он так и поступил, написав Норме Уитмор кратко, но выразительно: «Ваш покорный слуга женился. Разрешите приехать к Вам с женой, чтобы познакомить вас».

Мисс Уитмор была поражена. Вначале она огорчилась — и даже очень, так как Юджин чрезвычайно интересовал ее и она опасалась за удачность его выбора. Но она поспешила улыбнуться на эту очередную насмешку судьбы и ответила ему коротенькой запиской:

«Дорогие Юджин с супругой!

Вот так новость! Поздравляю. Непременно забегу к вам, как только приду в себя от изумления. А потом вы оба должны побывать у меня.

Норма Уитмор».

Юджин обрадовался и в душе поблагодарил Норму за то, что она так мило отнеслась к этому, но Анджелу чуть-чуть задевало втайне, что он не рассказал ей про Норму раньше. Почему он скрыл от нее существование этой женщины? Уж не та ли это, которой он интересовался? Три года, в течение которых она, терзаемая сомнениями, ждала Юджина, обострили ее подозрительность и посеяли в душе ее немало страхов. Все же она решила не придавать этому значения и притворилась, что ей будет очень приятно познакомиться с мисс Уитмор. Юджин рассказал ей, как хорошо относится к нему эта женщина, как она верит в его дарование, сколько вокруг нее талантливой молодежи, начинающих художников и литераторов и как считаются с ее мнением влиятельные люди. Она еще не раз окажет ему услугу. Анджела терпеливо слушала, но не могла подавить легкого недовольства оттого, что он такого высокого мнения о другой женщине. С какой стати он, Юджин Витла, должен зависеть от услуг какой-то своей приятельницы? Она, по всей вероятности, очень милый человек, и они будут друзьями, но...

Норма пришла два дня спустя под вечер и принесла с собою ту атмосферу восторженности, которая, как казалось Юджину, была от нее неотъемлема. В ее преклонении перед его талантом он черпал уверенность и силу.

— Юджин Витла, скверный вы поросенок! — пожурила она Юджина, так как была чуть обижена на не-

го — самую малость, за измену их дружбе.— Что это вы вздумали вдруг удрать и жениться, никому ни слова не сказав? Вы даже лишили меня возможности сделать вам свадебный подарок, но лучше поздно, чем никогда. Какой очаровательный уголок, просто прелесть! — И, положив на стол пакет с подарком, Норма стала оглядываться, ища глазами миссис Юджин Витла.

Анджела тем временем заканчивала в спальне свой туалет. Она ожидала нападения и приготовилась к нему, надев для этого случая свое светло-зеленое домашнее платье. Услышав фамильярный тон, которым мисс Уитмор разговаривала с ее мужем, она слегка вздрогнула, так как подобное обращение говорило о продолжительном и близком знакомстве. Юджин почти не упоминал о мисс Уитмор раньше и только недавно стал рассказывать про нее, но теперь стало ясно, что они давнишние и близкие друзья. Анджела заглянула в студию и увидела высокую, не очень красивую, но грациозную женщину, все существо которой дышало умом и энергией и говорило о богатстве и утонченности чувств и восприятий. Юджин жал гостье руку и радостно смотрел ей в глаза.

«Чем она его обворожила? — тотчас же возник у нее вопрос.— Почему он на нее так смотрит?»

Слова «Юджин Витла, скверный поросенок» вызвали в ней раздражение. Это звучало так, будто Норма сама влюблена в него. Через несколько минут Анджела вышла к гостье с любезной, приветливой улыбкой, но мисс Уитмор сразу почувствовала в этой любезности оттенок неприязни.

— Так это и есть миссис Витла! — воскликнула она, целуя Анджелу.— Страшно рада познакомиться с вами. Меня всегда интересовало, на ком женится мистер Витла. Вы должны простить меня, что я называю его попросту Юджином. Поскольку он теперь человек женатый, я постараюсь отделаться от этой привычки. Но мы с ним старые друзья, и я большая поклонница его таланта. Ну, как вам нравится жизнь художника или, может быть, вам это не в новинку?

Анджела, жадно изучавшая старую приятельницу Юджина, ответила не без наигранной наивности, что, напротив, ей все здесь в новинку, она ведь прямо из деревни, самая настоящая фермерская дочка, да еще из такого медвежьего угла, как Блэквуд, в штате Вискон-

син. Она сделала паузу, чтобы дать Норме возможность выразить дружеское изумление, а потом добавила, что Юджин, по-видимому, мало кому говорил про нее, хотя писал ей достаточно часто. Как ни оскорбительно было для Анджелы сознание, что Юджин так упорно утаивал ее от своих друзей, она не могла не торжествовать при мысли, что достался он в конце концов ей, а не мисс Уитмор. Восторженность этой женщины наводила на мысль, что Юджин ей очень нравится. Так вот, значит, какого рода женщины заставляли его медлить с женитьбой. Интересно, каковы же другие?

Разговор зашел о нью-йоркской жизни. В это время вернулась Мариетта, бегавшая по магазинам вместе с некоей миссис Линк, женой армейского капитана, служившего инструктором в Вест-Пойнте, и тотчас же был подан чай. Мисс Уитмор настойчиво приглашала их к себе обедать. Юджин сообщил ей, что посылает одну из своих картин на выставку в академию.

— Ее, разумеется, примут, — сказала Норма. — Но вам следовало бы устроить самостоятельную выставку своих картин.

Мариетта принялась тараторить о том, какое чудо эти большие магазины, и вскоре мисс Уитмор стала прощаться.

— Вы придете ко мне, не правда ли? — обратилась она к Анджеле, так как, невзирая на какое-то чувство отчужденности, мешавшее их сближению, твердо решила хорошо относиться к ней. Мисс Уитмор думала, что только неопытность и самонадеянность могли толкнуть Анджелу на брак с Юджином. Она очень опасалась, что эта женщина ему не пара. Хотя, с другой стороны, Анджела оригинальна и довольно пикантна. Возможно, что они и поладят. Анджела же не переставала думать о том, что мисс Уитмор чересчур подчеркивает свою старую дружбу с Юджином и что она какая-то неестественная и слишком восторженная.

А потом настал день, когда с визитом явилась Мириэм Финч. Вездесущий Ричард Уилер, узнав от Смайта и Мак-Хью о женитьбе Юджина и его новом местожительстве, поспешил к нему, а от него отправился напрямиком к Мириэм Финч. Сам немало удивленный, он знал, что мисс Финч будет поражена еще больше.

— Витла женился! — воскликнул он, врываясь к ней и еще не отдышавшись.

И в первое мгновение Мириэм настолько потеряла самообладание, что чуть ли не трагическим тоном воскликнула:

— Да вы в своем ли уме, Ричард Уилер! Не может этого быть!

— Женился! — уверял Уилер. — Они живут на Вашингтон-сквер, дом номер шестьдесят один. И у него премиленькая жена с золотыми волосами.

Анджела очень ласково приняла Уилера и успела обворожить его. Атмосфера уюта, царившая в студии, тоже произвела на него впечатление, и он подумал, что для Юджина это будет очень полезно. Ему необходимо остепениться и как следует приняться за работу.

Мириэм внутренне содрогнулась, слушая повествование Уилера. Она была сильно обижена вероломством Юджина: он не нашел нужным даже намекнуть, что собирается жениться.

— Они уже десять дней как женаты, — сообщил Уилер и этим огорчил ее еще больше, а то обстоятельство, что Анджела «премиленькая и с золотыми волосами», вконец расстроило ее.

— Однако! — воскликнула она с притворной веселостью. — Он мог бы все-таки поделиться с нами этой новостью, не правда ли?

Она постаралась скрыть свое замешательство под маской беспечного равнодушия. Конечно, по отношению к ней Юджин проявил возмутительную небрежность, но, с другой стороны, почему ему было вести себя иначе? Он никогда не делал ей предложения. Правда, духовно они были очень близки.

Ей не терпелось увидеть Анджелу. Интересно, что представляет собой эта женщина. «Премиленькая! С золотыми волосами!» Ну, конечно, Юджин, как и все мужчины, пожертвовал очарованием ума и души ради хорошенькой фигурки и смазливого личика. Почему-то ей всегда казалось, что он не способен на такой поступок, что его жена — если он вообще когда-нибудь женится — будет высокая, изящная женщина, блестящего ума — одним словом, существо исключительное. Чем объяснить, что мужчины, высокоразвитые и талантливые, да и все мужчины вообще, в вопросах брака ведут себя как дураки? Ну что ж, она поедет к нему и посмотрит.

Узнав, что Уилер сообщил Мириэм о его женитьбе, Юджин написал ей, стараясь быть возможно лаконич-

нее, что он женился и хотел бы навестить ее с Анджелой. В ответ Мириэм явилась сама, веселая, улыбающаяся, безукоризненно одетая, горя желанием как-нибудь уязвить Анджелу за то, что ей досталась эта победа. Она также хотела показать Юджину, как мало ее затрагивает перемена в его жизни.

— И скрытный же вы молодой человек, мистер Юджин Витла! — воскликнула она, здороваясь с ним. — Отчего вы не заставили его уведомить нас, миссис Витла? — лукаво обратилась она к Анджеле, вкладывая в свои слова тайный яд. — Можно подумать, что он хотел утаить вас от друзей.

Анджела вздрогнула, как от удара бичом. В словах Мириэм ей послышался явный намек на то, что Юджин пытался скрыть их брак, словно он стыдился ее. И сколько еще у него таких приятельниц, как Норма Уитмор и Мириэм Финч?

Юджин находился в блаженном неведении насчет истинных чувств Мириэм и, когда миновали первые тягостные минуты, стал без умолку говорить о всякой всячине, стараясь, чтобы все, по возможности, выглядело просто и естественно. Когда вошла Мириэм, он как раз работал над одной из своих картин, и ему очень хотелось услышать ее мнение, так как вещь была почти готова. Мириэм, прищурившись, посмотрела на мольберт. Она нашла картину исключительной, но ничего не ответила на его вопрос, хотя раньше рассыпалась бы в похвалах. Она расхаживала по мастерской с безразличной миной, разглядывая с видом знатока то одну вещь, то другую, расспрашивала Юджина, как ему удалось заполучить студию, и поздравляла с удачей. Анджела, решила она, хорошенькая женщина, но по своему умственному уровню не подходит Юджину и с ней считаться не стоит. Юджин промахнулся. Это ясно.

— Вы непременно должны прийти ко мне с миссис Витла, — сказала она на прощание. — Я вам сыграю и спою несколько моих новинок. Я недавно откопала очаровательные итальянские и испанские романсы.

Анджела, всегда выставлявшая себя перед Юджином музыкантшей, была возмущена этим приглашением, сделанным таким снисходительным тоном, а также всем поведением Мириэм, которая не сочла даже нужным поинтересоваться ее музыкальными способностями и вкусами. Почему она разговаривает так высокомерно, то-

ном превосходства? Что ей за дело до того, рассказывал ли Юджин кому-нибудь про свою жену или нет?

Она ни словом не обмолвилась о том, что сама тоже играет, но ее удивило, почему молчит Юджин. Это показалось ей признаком неуважения и невнимания. А Юджин был весь поглощен мыслью, понравилась ли Мириэм его картина. Прощаясь, она крепко пожала ему руку и сказала с лукавой улыбкой:

— Я убеждена, что вы оба будете *безумно* счастливы.

До Юджина дошло, наконец, скрывавшееся в каждом ее слове раздражение. Он понял, что оно не могло ускользнуть и от его жены. Мириэм внутренне кипела — вот чем все объяснялось. Она чувствует себя оскорбленной. Она, по-видимому, успела составить себе мнение об Анджеле, и едва ли оно благоприятное. Во всем ее поведении явно сквозило желание показать, что его жена ровно ничего собой не представляет, что она никакого отношения не имеет к тому избранному кругу художников, к которому принадлежат они — Мириэм и Юджин.

— Как она тебе понравилась? — спросил Юджин, нащупывая почву; он угадывал в Анджеле скрытое возмущение, хотя не знал в точности, чем оно вызвано.

— Она мне не понравилась, — с обидой ответила Анджела. — Воображает себя лучше всех. С тобой обращается, точно ты ее собственность. Меня она открыто оскорбила, сказав, что ты утаил от всех мое существование. И мисс Уитмор тоже меня оскорбляла. Все меня оскорбляют! И будут оскорблять! О!

Она вдруг разразилась слезами и, рыдая, кинулась в спальню. Юджин пошел за нею, ошеломленный, пристыженный, растерянный, виноватый.

— Что ты, Анджела! — начал он умоляющим голосом, наклонившись над женой и пытаясь поднять ее. — Ты прекрасно знаешь, что это неправда.

— Нет, правда, правда! — настаивала она. — Не трогай меня! Не смей подходить ко мне! Ты знаешь, что это правда! Ты меня не любишь! Все время, что я здесь, ты со мной обращаешься не так, как должно. Ты не сделал ничего, чтобы меня защитить. Она прямо в лицо оскорбляла меня.

Голос ее прерывался рыданиями, и Юджину было и больно и жутко от этого неожиданного и бурного взры-

ва чувств. Он никогда еще не видел Анджелу в таком состоянии. Он еще ни одну женщину не видел в таком состоянии.

— Полно, Ангелочек,— начал он ее утешать.— Как ты можешь так говорить? Ты прекрасно знаешь, что это неправда. Что я такого сделал?

— Ты не рассказал своим друзьям о нашем браке, вот что ты сделал! — воскликнула она, судорожно всхлипывая.— Они по-прежнему считают тебя холостяком. Ты держишь меня взаперти, точно я какая-то... какая-то... бог знает кто! Твои приятельницы приходят сюда и открыто оскорбляют меня. Да, да! Оскорбляют, оскорбляют! О!

И она снова разрыдалась. Несмотря на душившую ее злобу и ярость, она прекрасно отдавала себе отчет в том, что делает. Она была уверена, что действует правильно. Юджину необходимо дать хороший урок. Он очень дурно поступил по отношению к ней, и это надо пресечь в корне. Его поведению нет никакого оправдания, и только то обстоятельство, что он — художник, витающий в туманном мире искусства, а не человек, который считается с обычными жизненными условностями, спасало его в ее глазах. То, что она сама уговорила его жениться на ней, не играло роли, и то, что он это сделал, не давало ему отпущения грехов. Анджела считала, что он только выполнил свой долг. Как бы там ни было, теперь они муж и жена, и он должен вести себя подобающим образом.

Юджин стоял под этим градом обвинений, как оглушенный. Ему казалось, что у него не было никаких задних мыслей, когда он скрывал ее существование. Он только пытался защитить себя — самую малость, да и то лишь временно.

— Не надо так говорить,— сказал он умоляющим тоном.— Теперь не осталось никого, кто не был бы извещен, по крайней мере из тех, кто что-то для меня значит. Просто я не подумал об этом. Я ничего не намеревался скрывать. Хочешь, я напишу каждому, кого это может интересовать?

Он все еще был сильно уязвлен тем, что она — как ни велико ее горе — так грубо набросилась на него. Он не прав, это верно,— ну, а она? Разве так нужно вести себя? Разве так выражается истинная любовь? У него было очень смутно и скверно на душе.

Обняв ее и глядя ее волосы, он стал просить прощения. И наконец когда Андже́ла решила, что он достаточно наказан, что он искренне огорчен и больше это не повторится, она сделала вид, что прислушивается к его словам, а потом вдруг бросилась к нему на шею и начала обнимать и целовать его. Кончилось все, разумеется, взрывом страсти, но эта сцена оставила в душе Юджина отвратительный осадок. Он терпеть не мог сцен. Он предпочитал высокомерное равнодушие Мириэм, веселое притворство Нормы, неподражаемый стоицизм Кристины Чэннинг. Напрасно он дал вторгнуться в свою жизнь этим шумным, бурным, злобным чувствам. Он не мог представить себе, чтобы любовь их от этого окрепла.

И все же Андже́ла очень мила, размышлял он. В сущности, она всего лишь простенькая девушка — не такая разумная, как Норма Уитмор, не умеющая постоять за себя, как Мириэм Финч или Кристина Чэннинг. Возможно, в конце концов, что она действительно нуждается в его заботах и нежности. Пожалуй, это к лучшему, что они поженились, и для него и для нее.

Размышляя, он продолжал крепко держать ее в объятиях, и Андже́ла, лежа рядом с ним, внутренне торжествовала. Она чувствовала себя победительницей. Она с самого начала взяла правильный курс. Она повела Юджина по правильному пути. Она сумеет одержать над ним верх во всем — в вопросах нравственности, ума и чувства — и поставит на своем. И пусть эти женщины, которые считают себя выше ее, делают, что хотят. Юджин будет принадлежать ей, он будет великим человеком, а она — его женой. А больше ей ничего не нужно.

ГЛАВА IV

Эта вспышка Андже́лы привела к тому, что Юджин поспешил известить о своей женитьбе всех, кого еще не успел уведомить, — Шотмейера, своих родителей, Сильвию, Миртл, Хадсона Дьюла, — и получил в ответ поздравительные карточки и письма, которые и показал жене, чтобы ее успокоить. Как только все улеглось, Андже́ла поняла, что на Юджина эта сцена произвела тягостное впечатление, и теперь она горела желанием

загладить своей нежностью те страдания, которые причинила ему из тактических соображений. Юджин и не догадывался, что в лице Анджелы — при всей ее миниатюрности и ребяческом, как ему казалось, уме — он имел дело со зрелой женщиной, прекрасно знавшей, чего она хочет. Правда, она была в какой-то мере рабой своей любви к нему, и это отчасти путало ее расчеты, а кроме того, многие его чувства и мысли были ей чужды и непонятны. Зато она инстинктивно угадывала, в чем залог незыблемости отношений между мужем и женой, а также между любой женатой парой и остальным миром. Для нее даваемая у алтаря клятва означала именно то, что в ней и говорилось: что муж и жена должны навеки прилепиться друг к другу, и отныне она не признавала никаких мыслей, чувств, переживаний, а тем более поступков, которые не находились бы в полном согласии с буквой и духом этого брачного обета.

Юджин отчасти догадывался о ее настроениях, но не придавал им должного значения. Он недооценивал узость ее взглядов и правил, их непреклонность и надеялся, что сумеет заразить Анджелу своей терпимостью и добродушием. Она должна знать, что люди, особенно мужчины, по натуре своей в большей или меньшей степени непостоянны. Для них нельзя установить твердых, нерушимых законов. Это всякому понятно. Можно и должно стараться держать себя в руках, во имя самосохранения, во имя внешних приличий, требуемых обществом, но если человек согрешил, — что легко может случиться, — то нельзя считать это преступлением. И уж, конечно, не преступление — любоваться другой женщиной. А если даже, поддавшись соблазну, человек сошел с прямого пути, то разве это не в природе вещей? Разве человек сам создает свои желания? Ни в коем случае. И, если ему не удастся полностью ими управлять, что ж...

Жизнь у них наладилась в общем довольно интересная, хотя Юджину отравляло существование страх перед возможностью неудачи, ибо он по складу своего характера принадлежал к людям, склонным вечно волноваться, готовым все видеть в мрачном свете. Сознание, что он женился на Анджеле против своей воли, что у него еще до сих пор нет крепких связей в художественном мире, что его заработок едва достигает двух тысяч долларов в год, что он принял на себя известные материальные

обязательства, удвоившие его расходы на стол, платье, развлечения и квартиру (он платил за студию на тридцать долларов в месяц больше, чем когда жил вместе со Смайтом и Мак-Хью), сильно угнетало его. Обед, который он дал в честь своих бывших сожителей, повлек за собой дополнительный расход в восемь долларов. Таких обедов будет еще немало, и стоять они будут столько же, если не больше. Придется иногда водить Анджелу в театр. Будущей осенью им предстоит обзавестись обстановкой, разве только снова подвернется что-нибудь вроде этой студии. Затем, хотя Анджела и запаслась довольно разнообразным и добротным гардеробом, его хватит не навеки. Уже вскоре после свадьбы стала появляться необходимость то в одном, то в другом. И Юджин начал понимать, что если они и впредь будут жить так же нерасчетливо и беспечно, как он жил до женитьбы, то ему необходимо иметь гораздо более высокий и верный заработок.

Энергия, которую пробудили в нем эти мысли, дала кой-какие результаты. Прежде всего он послал на выставку в академию оригинал своей картины «Шесть часов», изображавшей уголок Ист-Сайда. Он давно мог бы это сделать, но почему-то так и не собрался.

Анджела слышала от Юджина, что Национальная художественная академия — это своего рода форум, где выставляются произведения искусства и куда широкая публика допускается по пригласительным билетам или за плату. Добиться того, чтобы картина была принята и выставлена в залах академии, значило для художника добиться признания своего таланта и заслуг. Сам Юджин, впрочем, был не слишком высокого мнения об этом учреждении. Оценку картине давало жюри из художников, решавших — принять ее или отвергнуть, и если принять, то где повесить — на почетном месте или там, где ее никто не увидит. Почетным местом считался нижний ряд, где было прекрасное освещение и где посетители выставки могли хорошо разглядеть картину. В течение первых двух лет пребывания в Нью-Йорке Юджин не решался представить свои полотна на суд жюри, находя, что они еще не заслуживают этой чести; позднее он стал подумывать о собственной выставке, считая критерии академии в сущности пошлыми и отсталыми. Все, что ему до сих пор приходилось там видеть, было, по его мнению, бездарно и отдавало мертвечиной, и быть

допущенным на такую выставку не представляло особой чести. Но теперь, возможно, увлеченный примером Мак-Хью, отчасти же потому, что он и сам собрал почти достаточное количество картин для выставки в какой-нибудь частной галерее (которую он надеялся заинтересовать ими), Юджин решился на этот шаг. Ему хотелось узнать мнение авторитетов американского художественного мира о своей работе. Может быть, они отвергнут ее. Но это послужит лишь доказательством того, что они не способны оценить искусство, порывающее с общепринятым методом и сюжетами. Он знал, что так когда-то игнорировали импрессионистов. Ну что ж, придет время, и они признают его. Если же они допустят его на выставку, это будет доказательством того, что они лучше разбираются в своем деле, чем он предполагал.

— Пожалуй, это самое разумное,— рассуждал он.— Так или иначе, интересно знать их мнение.

Картина была отправлена и, к великому удовлетворению Юджина, принята и повешена в зале выставки. Почему-то она не привлекла к себе того внимания, какого следовало ожидать, но свою долю похвал получила. Поэт Оуэн Овермэн, повстречавшись с Юджином в вестибюле академии в день вернисажа, горячо поздравил его.

— Мне помнится, я видел ваш этюд в журнале «Труф»,— сказал он,— но в действительности он несравненно лучше. Прекрасная вещь. Вам следует побольше писать в этом духе.

— Я так и делаю,— ответил Юджин.— И рассчитываю в ближайшее время устроить свою собственную выставку.

Он подозвал Анджелу, которая отошла в сторону, чтобы посмотреть на какую-то статую, и представил ее.

— Я только что говорил вашему мужу, как мне понравилась его картина,— сказала ей Овермэн.

Анджела была очень польщена тем, что ее мужу оказана такая честь; ведь картина его принята на большую выставку, где все стены увешаны прекрасными полотнами и где среди многочисленной публики так много видных людей. Расхаживая с Анджелой по выставочным залам, Юджин указывал ей то на того, то на другого известного художника или писателя и почти про каждо-

го говорил, что он «не без способностей». Юджин знал в лицо нескольких знаменитых коллекционеров, членов жюри и меценатов и объяснял Анджеле, кто они такие. На выставку пришло много натурщиц, привлекавших внимание своей элегантною внешностью; Юджин знал их — либо понаслышке, либо лично; это были — Зелма Десмонд, позировавшая ему когда-то, Гедда Андерсон, Анна Магрудер, Лора Мэтьюсон и другие. Красота и элегантность этих женщин поразили Анджелу. Они вели себя так непринужденно и свободно, что она была изумлена. У Гедды Андерсон был вызывающий вид, но одета она была замечательно. Каждым своим движением она, казалось, подчеркивала, насколько неинтересны все обыкновенные женщины, как мало они заслуживают внимания. Она увидела Анджелу рядом с Юджином и задержала на ней недоуменный взгляд.

— Правда, эффектная женщина? — заметила Анджела, не зная, что Юджин знаком с ней.

— Я ее хорошо знаю, — ответил он, — это натурщица.

И как раз в этот миг мисс Андерсон в ответ на его кивок подарила Юджина обворожительной улыбкой. У Анджелы защемило сердце.

Мимо них прошла Элизабет Стейн, и Юджин поклонился ей.

— А это кто? — спросила Анджела.

— Известная социалистка и агитатор. Она часто выступает с речами на улицах Ист-Сайда.

Анджела стала внимательно разглядывать эту женщину. Восковой цвет ее лица, гладкие черные волосы, заплетенные в косы и уложенные на голове короной, прямой, точеный нос, правильно очерченные румяные губы и невысокий лоб говорили о бесстрашии и душевной утонченности. Анджела не могла себе представить, чтобы такая красивая девушка занималась подобными делами и вместе с тем держала себя так смело, свободно и непринужденно. Странные у Юджина знакомства, подумала она. Юджин представил ей также Уильяма Мак-Коннела, Хадсона Дьюла, который еще ни разу не навестил их, Яна Янсена, Луи Диза, Леонарда Бейкера и Пэйнтера Стоуна.

О картине Юджина газеты, за исключением одной, не обмолвились ни словом. Но этот единственный отзыв, по мнению Юджина и Анджелы, стоял многих. Статья

появилась в газете «Ивнинг сан», которая славилась своим отделом искусства; в ней в ясных, веских выражениях высказывалось мнение о работе Юджина.

«Молодой художник Юджин Витла выставил картину под названием «Шесть часов». По четкости и смелости рисунка, по остроте восприятия, по верной передаче деталей и того, что мы, за отсутствием лучшего термина, назовем целеустремленностью замысла, это полотно представляет собой лучшее из того, что можно встретить на выставке. Эта картина кажется не на месте среди слащавых, прилизанных пейзажиков, которые так охотно выставляются академией,— но она нисколько от этого не теряет. Художнику присуща новая, резкая, почти грубая манера письма, однако полотно его действительно передает то, что он видит и чувствует. М-ру Витла, очевидно, придется еще подождать,— если только эта картина не случайная, единичная вспышка таланта,— но со временем к его голосу станут прислушиваться. В этом не может быть никакого сомнения. Юджин Витла — подлинный художник».

Юджин с восторгом читал эти строки. Это было как раз то, что сказал бы он сам, если бы посмел. Анджела была вне себя от счастья. Кто автор этой заметки? — задавалась она вопросом. Что он собой представляет? Бесспорно, это человек с широким кругозором. Юджину хотелось пойти и разыскать его. Если нашелся хотя бы один критик, который сумел заметить его талант, то со временем найдутся и другие. Именно это обстоятельство и придало ему решимости (хотя картина в конце концов вернулась непроданной и не удостоилась ни похвального отзыва, ни премии) устроить собственную выставку.

ГЛАВА V

Мечты о славе! Каких только высоких раздумий, восторженных порывов и лихорадочных усилий не рождает эта наиболее обманчивая из всех иллюзий! Какое человеческое сердце не тянется к этой обольстительной приманке, к этому ignis fatuus¹? Но особенно ярко горит

¹ Блуждающий огонек (лат.).

она в юных сердцах, источая красоту и благоухание весенних костров. Ибо в эту пору жизни нам больше чем когда-либо представляются незыблемой действительностью увлекательные иллюзии — тени, отбрасываемые великими людьми. В эту пору кажутся достижимыми покой, довольство и сладостное удовлетворение, эти спутники славы — отблеск побед, о которых можно только мечтать. Слава дышит красотой и свежестью утренней зари. Слава — это и аромат розы, и шелковистость тончайшей ткани, и нежный румянец юности. О, если бы мы могли добиться славы в дни, когда мы о ней грезим, а не в том возрасте, когда в волосах уже серебрится седина, когда лицо изборождено морщинами — следами пережитой борьбы, когда глаза померкли от долгих лет напряжения, разочарований и горя. Покорить мир на заре жизни, шествовать среди рукоплесканий и приветственных кликов, пока молода любовь, молода вера. Ощущать себя молодым и чувствовать любовь человечества, пока ты еще юн и здоров, — какая это дивная мечта! Легкое, окрашенное багрянцем облачко в небе, месяц, играющий в зеркале вод, воспоминание о чудном, прерванном сне — вот что такое слава в юности, и только в юности.

Этой иллюзии поддался и Юджин. Он не мог знать, что уготовила ему в будущем судьба, но полагал, что если ему удастся устроить выставку где-нибудь на Пятой авеню, — как в свое время была выставлена в Чикаго «Венера» Бугро, — и публика побежит туда, как бежал когда-то на выставки он сам, это доставит ему огромную радость и удовлетворение. Если бы он мог создать полотно, которое приобрел бы у него Нью-йоркский музей, он в некотором роде приобщился бы к числу классиков, оказался бы в одном ряду с французскими живописцами Коро, Добиньи и Руссо или англичанами Тернером, Уотсом и Милле — самыми излюбленными фигурами его пантеона. Эти художники, как ему представлялось, обладали тем, чего недоставало ему: более богатой техникой, более совершенным восприятием красочного и характерного, ощущением неуловимых оттенков, которыми так богата жизнь. Обширный опыт, широкий кругозор, широта чувства — вот что он видел в замечательных полотнах, украшавших стены этого музея, и что заставляло его сомневаться в своих силах. И только отзывы «Ивнинг сан» поддерживал его в минуты, когда мысли

о поражении не давали ему покоя. Он — подлинный художник.

Собрав все свои картины, писанные маслом (всего в общей сложности двадцать шесть — виды реки, улиц, сценки из ночной жизни и так далее), он наново прошел их, подчеркнув некоторые детали, которые раньше были только чуть намечены, усиливая кое-где эффект какого-нибудь яркого пятна, кое-где изменяя тона и оттенки, и, наконец, после длительных размышлений над возможным исходом своего предприятия, отправился искать художественный магазин, который принял бы его полотно для демонстрации и продажи.

Сам Юджин был того мнения, что его работы несколько еще сыроваты и поверхностны и что они мало скажут сердцу зрителя. Они в большинстве своем изображали фабричные здания, буксирные суда, баржи, паровозы, надземную железную дорогу — все в грубых ярко-красных, желтых и черных тонах. Правда, и Мак-Хью, и Дьюла, и Смайт, и мисс Финч, и Кристина, и «Ивнинг сан», и Норма Уитмор хвалили его вещи, — во всяком случае некоторые. Но не больше ли увлекают публику классические представления о красоте, которая раскрывается нам в полотнах сэра Джона Милле? Не отдаст ли она предпочтение «Благословенной деве» Россетти перед любой уличной сценкой? Юджина одолевали сомнения. Даже в минуты ликования, после хвалебной оценки «Ивнинг сан», им овладевал смутный страх при мысли, что его произведения слабы. Привлекут ли они публику? Будут ли их покупать когда-нибудь? Представляют ли они собою действительную ценность?

«Нет, о сердце художника! — можно было бы ему ответить. — Они представляют не большую ценность, чем всякий другой труд на этом свете, но и не меньшую. Солнечные лучи на колосьях, нежный отблеск зари на лице девушки, серебристый свет луны на воде — все это ценно или ничего не стоит, в зависимости от того, кто и как это воспринимает. Не бойся. Мир соткан из прекрасных грез».

Фирма «Кельнер и сын» на Пятой авеню, близ Двадцать восьмой улицы, торговавшая художественными произведениями как старых, так и современных мастеров, была единственной фирмой в городе, пользовавшейся авторитетом. Картины, появлявшиеся в витринах ма-

газина «Кельнер и сын», выставки, устраиваемые в его открытых лишь для избранного общества залах, строгий вкус — все это в течение тридцати лет привлекало к ней художников и публику. С первого же дня своего приезда в Нью-Йорк Юджин с большим интересом следил за выставками «Кельнер и сын». Ему самому случалось видеть в огромных витринах фирмы изумительные творения той или иной школы; о других вещах он слышал восторженные отзывы художников. Первое крупное произведение школы импрессионистов (весенний ливень в роще серебристых тополей, кисти Уинтропа), очаровавшее Юджина своим мастерством, было выставлено в витрине «Кельнер и сын». У них же видел он серии декадентских рисунков Обри Бердслея, работы «сухой иглой» Элле, изумительные скульптуры Родена и импозантные творения Толоу, свидетельствовавшие о монументальном эклектизме скандинавов. Фирма имела агентов, по-видимому, во всех странах света, так как порой в ее залах появлялись картины новейших мастеров Италии, Испании, Швейцарии и Швеции, сменяя шедевры наиболее известных английских, французских и немецких художников. «Кельнер и сын» были знатоками искусства в полном смысле этого слова, и хотя основатель фирмы, по происхождению немец, умер много лет назад, его методы ведения дела и строгость требований удерживались на прежней высоте.

Юджин в то время не знал, как трудно устроить выставку у Кельнера; фирма была завалена письмами от лиц, желавших продать то или иное произведение искусства, и предложениями крупных художников, изъявлявших полную готовность уплатить за место и время и обладавших для этого достаточными средствами. Фирма имела твердо установленную таксу и никогда не отступала от нее, за исключением тех редких случаев, когда художнику, не обладавшему средствами, но обладавшему талантом, из каких-либо соображений предоставлялись льготы. Двести долларов за один из выставочных залов сроком на десять дней считалось довольно умеренной платой.

Юджин не располагал такой суммой, но однажды в январе, не имея точного представления об условиях фирмы, он отправился туда, захватив с собой четыре репродукции из числа напечатанных в свое время в журнале «Труф», уверенный в том, что ему есть что пока-

зять. Мисс Уитмор не раз напоминала ему, что Эбергарт Занг просил его заглянуть, но Юджин полагал, что если уж идти к кому-нибудь, то к «Кельнеру и сыну». Он намеревался сказать мистеру Кельнеру, если таковой существует, что у него еще много других вещей, которые он считает даже лучше этих, так как они ярче отражают его понимание американской жизни, его самого и его технику. Он вошел, испытывая некоторую робость,— хотя и держась с достаточным достоинством,— ибо его очень беспокоил исход этой затеи.

Управляющий американской конторой «Кельнер и сын», мосье Анатоль Шарль, француз по рождению и воспитанию, был знаком с духом и историей французского искусства и со всеми течениями и школами в искусстве многих других стран. Главная контора фирмы в Берлине направила его в Нью-Йорк не только потому, что он прекрасно изучил английский художественный мир, и не только потому, что он умел находить картины, привлекавшие внимание публики и поднимавшие репутацию фирмы, а попутно и ее благосостояние, как в Америке, так и в Европе,— мосье Шарль обладал способностью приобретать друзей среди сильных мира, где бы ему ни случилось быть, и продавал одну картину за другой, ибо обладал особым талантом, какой-то магнетической силой, притягивавшей к нему людей, которые ценили подлинные шедевры и готовы были платить за них. Специальностью его были полотна современных крупных иностранных мастеров. Он по опыту знал, какие картины пойдут в Америке, какие во Франции, Англии и Германии. У него сложилось убеждение, что американское искусство не дало еще в сущности ничего ценного, и не только с коммерческой, но и с художественной точки зрения. Если не считать нескольких полотен Иннеса, Хомера, Сарджента, Уистлера, Аббея (художников, которые по своему направлению скорее могли почитаться иностранцами, вернее космополитами), американское искусство все еще было незрелым, сырым и даже грубым. «У меня такое впечатление, что здешние художники еще не вышли из детского возраста,— говорил мосье Шарль своим близким друзьям.— Они достигают эффекта по мелочам, но, по-видимому, не умеют еще охватить вещи в целом. В их полотнах я не нахожу того ощущения вселенной в малом, какое дают нам картины великих европейских мастеров. Иллюстраторы в

Америке куда лучше, чем художники,— не знаю, чем это объяснить».

Мосье Шарль более чем в совершенстве владел английским языком. Он был светский человек в полном значении этого слова — изысканные манеры, чувство собственного достоинства, безукоризненные костюмы, консервативный образ мыслей и сдержанная речь. К нему часто приходили критики и восторженные ревнители искусства, хвалившие того или иного художника. Но он только поднимал брови с видом умудренного опытом человека, покручивал холеные усы, поглаживал артистическую бородку и произносил: «Вот как!» или: «Неужели?» Он сам признавал, что ищет таланты, таланты, сулящие доход,— однако при случае фирма «Кельнер и сын» (при этом мосье Шарль красноречиво разводил руками и слегка вздергивал плечи) готова послужить по мере сил искусству ради искусства, отвлекаясь от финансовых интересов.

— Но где они, ваши живописцы? — спрашивал он.— Я ищу их, ищу. Уистлер, Аббей, Сарджент, Иннес?.. Да, но все это старые мастера, а где же новые?

— Как раз тот, про кого я вам рассказываю...— настаивал иногда критик.

— Хорошо, хорошо, я пойду. Я посмотрю. Но у меня мало надежды, признаюсь, очень, очень мало надежды.

Уступая давлению, он нередко появлялся то в одной, то в другой студии, присматривался и выносил суждение. Увы, лишь немногие картины удаивались чести быть отобранными им для выставок, да и цену за услуги он обычно назначал очень высокую.

Таков был этот ложенный, в своем роде неподражаемый человек, с которым Юджину было суждено встретиться в то утро. Когда он вошел в роскошно обставленный кабинет мосье Шарля, тот сейчас же встал. Он сидел до этого за маленьким столиком розового дерева, на который падал свет от лампы под зеленым шелковым абажуром. Стоило ему взглянуть на Юджина, как он понял, что перед ним художник, возможно талантливый, более чем вероятно — очень впечатлительный и нервный. Мосье Шарль давно убедился, что любезность и обходительность стоят недорого. Это был первый шаг к тому, чтобы завоевать расположение художника. Визит-

ная карточка Юджина, переданная ему служителем в ливрее, достаточно красноречиво говорила о цели его посещения. Когда Юджин подошел ближе, мосье Шарль движением приподнятых бровей дал понять, что он был бы рад узнать, чем может служить мистеру Витла.

— Я хотел бы показать вам несколько репродукций моих картин,— начал Юджин, призвав на помощь всю свою смелость.— Я написал целую серию с целью устроить выставку и подумал, не согласитесь ли вы познакомиться с ними и взять на себя устройство такой выставки. Всего у меня двадцать шесть холстов и...

— Видите ли, очень трудно что-нибудь обещать,— осторожно перебил его мосье Шарль.— У нас уже есть большая предварительная запись: ее хватило бы на два года, если бы даже мы пожелали ограничиться только ею. Помимо того, у нас известные обязательства по отношению к художникам, с которыми мы уже имели дело раньше. Иногда наши выставочные залы здесь, в Нью-Йорке, целиком заполнены картинами, которые присылают нам наши берлинские и парижские отделения. Конечно, мы всегда рады выставить интересную вещь, если обстоятельства позволяют. Кстати, вам известно, сколько мы берем за выставку?

— Нет,— ответил Юджин, удивленный тем, что за это нужно платить.

— Двести долларов за две недели. На более короткий срок мы договоров не заключаем.

У Юджина вытянулось лицо. Он ожидал совершенно иного приема. Тем не менее он развязал папку, в которой принес репродукции.

Мосье Шарль стал с любопытством рассматривать их. Изображенная на листе уличная толпа Ист-Сайда сразу же произвела на него впечатление, а когда он увидел другой этюд — Пятую авеню в снежную метель (жалкий, выдавший виды омнибус, запряженный парю тощих, грязных кляч с выпирающими ребрами), он был поражен его выразительностью. Он по достоинству оценил ту живость, с какою был передан кружащийся в воздухе, подгоняемый ветром снег. С огромным вниманием рассматривал он обычно запруженную толпой, а теперь пустынную улицу, редких прохожих в застегнутых на все пуговицы пальто, съездившихся от холода, сгорбленных, торопливых, и такие красноречивые детали, как

снег, наметенный на подоконники, на карнизы, на ступеньки домов и даже на окна омнибуса.

— Эффектная деталь,— заметил он Юджину тоном, каким один критик делится мнением с другим, указывая на полоску снега на оконной раме омнибуса. Потом другая деталь привлекла его внимание — опущенные снегом поля шляпы у одного из прохожих.

— Так и чувствуется ветер,— добавил он.

Юджин улыбнулся.

Мосье Шарль стал молча рассматривать другой лист: буксирный пароход на Ист-Ривер, дымя, тянет за собой две огромные баржи. Мысленно он отметил: все искусство этого Витла, в сущности, заключается в том, что он умеет схватывать и запечатлевать эффектные моменты. Главную роль в его работах играли не столько краски и углубленное истолкование жизни, сколько умение создавать чисто сценические эффекты. Этот стоявший перед ним человек умел подмечать живописное в самом обыденном. И тем не менее...

Мосье Шарль взял в руки последнюю репродукцию — Грили-сквер под морозящим дождем. Благодаря какому-то неведомому свойству своего таланта Юджину удалось в точности передать впечатление дождевых капель, брызжущих на серые каменные плиты, ярко освещенные фонарями. Он уловил также разнообразие оттенков света — огни кэбов, трамваев, освещенных витрин, уличных фонарей, подчеркивающих черноту толпы и неба. Эта работа была безусловно значительной и по краскам.

— Каков размер оригиналов? — спросил мосье Шарль.

— Почти все тридцать дюймов на сорок.

По его тону Юджин не мог догадаться, вызван ли этот вопрос интересом к его картинам или просто любопытством.

— И все, надо полагать, писаны маслом?

— Да, все.

— Недурно сделано, должен вам сказать,— осторожно заметил мосье Шарль.— Есть, конечно, излишний нажим в сторону драматического эффекта, но...

— Это репродукции...— начал было Юджин, надеясь обратить его внимание на несовершенство печати и заинтересовать более высоким качеством оригиналов.

— Да, да, я понимаю,— перебил его мосье Шарль, прекрасно зная, что он скажет.— Репродукции никуда не годятся. Но все же они дают достаточное представление об оригинале. Где помещается ваша студия?

— Вашингтон-сквер, номер шестьдесят один.

— Как я уже говорил вам,— продолжал мосье Шарль, записывая адрес Юджина на его визитной карточке,— наши возможности в смысле устройства выставок чрезвычайно ограничены, и плату мы взимаем высокою. У нас есть много вещей, которые мы просто вынуждены выставлять. Трудно сказать заранее, когда представится возможность. Но, если вам угодно, я могу как-нибудь зайти взглянуть на ваши картины.

Лицо Юджина выражало огорчение. Двести долларов! Целых двести долларов! Под силу ли ему такая сумма? А между тем выставка может иметь для него огромное значение. Но, по-видимому, этот человек вовсе не горит желанием сдать ему зал даже и за эту цену.

— Я зайду к вам, если разрешите,— повторил мосье Шарль, заметив его настроение.— Я думаю, что это и для вас лучше. Мы должны очень осторожно выбирать вещи для выставок. Ведь у нас не обычная галерея для продажи картин. Как только представится возможность, я дам вам знать, если угодно, и вы мне сообщите, подходит ли вам время, которое я укажу. Я буду весьма рад посмотреть ваши этюды. Они по-своему очень хороши. Наверняка, конечно, сказать не могу, но может представиться случай — через неделю, дней десять — как-нибудь в промежутке между двумя выставками.

Юджин незаметно вздохнул. Так вот как это делается! Его самолюбие было задето. Но, так или иначе, устроить выставку нужно. Если понадобится, он пожертвует на это двести долларов. Где-нибудь в другом месте выставка не будет иметь такого значения. Хотя, по правде говоря, он надеялся, что его картины встретят лучший прием.

— Я буду очень рад, если вы ко мне заглянете,— задумчиво сказал он наконец.— Я думаю все-таки снять у вас зал, если удастся. И мне интересно будет узнать ваше мнение о моих работах.

Мосье Шарль поднял брови.

— Отлично,— сказал он.— Я вас уведомлю.

Юджин вышел.

Какая неприятность, думал он. Он мечтал, что ему устроят выставку у Кельнера бесплатно, так как его картины произведут большое впечатление. А там, оказывается, даже не интересуются ими,— с него еще возьмут двести долларов, чтобы выставить их. Это было большим ударом, большим разочарованием.

Все же это принесет ему некоторую пользу, размышляя он по дороге домой. Критики будут обсуждать его работы, как они обсуждают работы других художников. Если действительно осуществится наконец то, о чем он столько мечтал и на чем строил столько планов, они увидят, на что он способен. Выставка у Кельнера представлялась ему радостным событием, венчающим его карьеру художника, а ведь он, возможно, уже близок к этой цели. Она вполне достижима. Мосье Шарль захотел увидеть остальные его вещи. Он не отказался познакомиться с ними. Уже одно это — большая победа!

ГЛАВА VI

Прошло, однако, некоторое время, прежде чем мосье Шарль соизволил написать Юджину и сообщить, что, если удобно, он зайдет в среду, шестнадцатого января, в десять утра. Но важно было то, что письмо все же пришло и рассеяло сомнения и страхи Юджина. Наконец-то ему представится случай показать свои работы! Этот человек, возможно, оценит его картины и, пожалуй, даже заинтересуется ими. Как знать? Он с небрежным видом показал письмо Анджеле, словно не придавая ему большого значения, но сам загорелся надеждой.

Анджела привела студию в идеальный порядок, ибо понимала, как много значило для Юджина это посещение, и жаждала быть по возможности ему полезной. Она купила у итальянца на углу цветов и расставила их в вазах по всей студии. Она без конца подметала и вытирала пыль, затем оделась с большой тщательностью, выбрав домашнее платье, которое было ей больше всего к лицу, и в сильном волнении стала ждать звонка. Юджин делал вид, будто поглощен работой над одной из своих картин, хотя он давно ее кончил. На ней была изображена облупленная, грубо сложенная стена

дома на Ист-Сайде, а возле нее — кучка ребят, жалкие тележки уличных торговцев и безликая толпа куда-то спешащих, чего-то ищущих людей. Вся картина дышала неприкрашенными буднями. Но сейчас душа Юджина не лежала к работе. Он снова и снова спрашивал себя, что скажет мосье Шарль. Хорошо еще, что у него такая прекрасная студия. Хорошо, что Анджела так изящна в своем бледно-зеленом платье, без всяких украшений, кроме булавки с красным кораллом у ворота. Он подошел к окну и стал смотреть на Вашингтон-сквер, на оголенные деревья, раскачивающиеся под напором ветра, на снег, на прохожих, суетливо, словно муравьи, снующих взад и вперед. О, будь у него деньги — как спокойно он мог бы работать! Он послал бы тогда к дьяволу этого мосье Шарля!

Раздался звонок.

Анджела нажала кнопку входной двери, и по лестнице неторопливой походкой поднялся мосье Шарль. Послышались его шаги в коридоре. Он постучал, и Юджин, сильно нервничая, сказал: «Войдите!» Наружно он был спокоен и держался с достоинством. Мосье Шарль вошел. На нем было подбитое мехом пальто, меховая шапка и желтые замшевые перчатки.

— Доброе утро! — приветствовал он хозяев. — Сегодня прекрасный день. Какой бодрящий воздух, не правда ли? У вас отсюда изумительный вид. Миссис Витла? Рад познакомиться с вами! Я немного запоздал, но меня задержали, и я ничего не мог сделать. В Нью-Йорк только что прибыл один из наших немецких компаньонов.

Сняв пальто, мосье Шарль стал греть руки, потирая их перед горевшим в камине огнем. Поскольку он уже снизошел до визита, он старался быть до конца любезным и внимательным. Так лучше, если ему предстоит в будущем вести дела с Юджином. К тому же картина, которая красовалась перед ним на мольберте возле окна, — и которой он как будто не замечал, — дышала изумительной силой. Чью это кисть она ему напоминает? Впрочем, действительно ли она кого-нибудь напоминает? Перебирая в памяти многочисленные произведения искусства, он вынужден был признать, что не может вспомнить ничего похожего. Красные и зеленые пятна, резкие и грубые, грязно-серый тон булыжника, и эти лица! Картина в полном смысле слова кричала о фактах.

Она, казалось, говорила: «Да, я — грязь, я — будни, я — нужда, я — неприкрашенная нищета, но я — жизнь!» Тут не было ни малейшей попытки что-либо оправдать, что-либо сгладить. С грохотом, скрежетом, оглушительным треском сыпались факты один за другим, вопя с жестокой, звериной настойчивостью: «Это так! Это так!» Ведь если подумать, то и ему, мосье Шарлю, случалось замечать в те дни, когда на душе у него было особенно скверно и тяжело, что некоторые улицы имеют именно такой вид. И вот сейчас такая улица стояла перед ним — грязная, неопрятная, жалкая, наглая, пьяная, все что хотите, — но она была фактом. «Слава богу, наконец-то он послал нам реалиста», — мысленно сказал себе мосье Шарль, разглядывая полотно, так как он знал жизнь, этот холодный знаток искусства. Но внешне он и виду не подал, что картина его заинтересовала. Он окинул взглядом высокую, стройную фигуру Юджина, отметил слегка впалые щеки, глаза, горящие внутренним огнем (художник в полном смысле слова!), затем Анджелу — маленькую, взволнованную, милостивую любящую женщину, и в глубине души порадовался, что скажет им сейчас о своей готовности взять на себя устройство выставки.

— Ну что ж, — сказал он, делая вид, будто его взгляд впервые упал на картину на мольберте, — приступим к делу. Насколько я понимаю, это один из ваших холстов? Прекрасная вещь, по-моему. Чрезвычайно сильная. Что у вас еще есть?

Юджин подумал, что картина далеко не так понравилась мосье Шарлю, как он надеялся, и поспешил отставить ее в сторону, взяв другую из десятка холстов, стоявших у стены за зеленой занавеской. На ней были изображены в ряд три паровоза, въезжающих в железнодорожный парк. Клубы дыма поднимались из труб прямо вверх, словно гигантские серовато-белые султаны, и расплывались в сыром холодном воздухе; в небе низко нависли черно-серые тучи. Из сырой мглы выступали красные, желтые и синие вагоны. Так и чувствовался холодный моросающий дождик, и влажные рельсы, и усталость стрелочников, дежурящих на путях. Вот один такой на переднем плане выкинул вперед руку с красным фонарем. Он кажется совсем черным, видно, промок насквозь.

— Симфония в серых тонах,— лаконично заметил мосье Шарль.

После этого просмотр пошел быстрее, сопровождаясь лишь редкими замечаниями мосье Шарля и Юджина. Последний ставил перед гостем холст за холстом и, продержав его на мольберте несколько минут, тут же заменял другим. Нельзя сказать, чтобы его мнение о собственном таланте при этом сильно возросло, так как мосье Шарль оставался по-прежнему холодным, хотя один раз он не удержался и вслух выразил свое одобрение при виде этюда «Театральный разъезд», изображавшего разодетую толпу, суетящуюся в ярком свете фонарей. Он понял, что произведения Юджина охватывают почти все стороны жизни большого города, таящие в себе что-то драматическое, и еще многое такое, что казалось лишеным драматизма, пока его не коснулась кисть художника: вот опустевшее к трем часам утра ущелье Бродвея; вот длинный обоз огромных молочных фургонов с забавно покачивающимися фонарями, который тянется с пристаней на рассвете; вот пожарная команда, она мчится на своих машинах, а прохожие бегут вдогонку или глазают вслед, разинув рот; вот лощеная публика, покидающая здание оперы; очередь за бесплатной булкой у дверей благотворительного заведения; мальчик-итальянец, выпускающий голубей из корзины, висящей у него на руке. Чего бы ни касалась кисть Юджина, все приобретало своеобразную красоту и романтичность, и вместе с тем это был реалист, большей частью бравший своей темой суровую нужду и серые будни.

— Разрешите вас поздравить, мистер Витла! — воскликнул наконец мосье Шарль, взволнованный сознанием, что перед ним большой талант, и чувствуя, что теперь можно отбросить излишнюю осторожность.— В ваших картинах я вижу изумительный материал. Они, несомненно, гораздо эффектнее, в них больше драматизма и выразительности, чем в репродукциях, которые вы мне показывали. Я далеко не уверен, что вы много выручите за них, так как в Америке спрос на произведения отечественного искусства очень невелик. Они, пожалуй, найдут лучший сбыт в Европе. Во всяком случае, на них должен найтись покупатель, но это уже вопрос другого порядка. Хорошие вещи далеко не всегда продаются быстро. Нужно время. Однако я сделаю все, что будет в

моих силах. В первых числах апреля я на две недели выставлю у нас ваши картины и ровно ничего не возьму с вас за это.

Юджин вздрогнул.

— Я обращаю на них внимание некоторых моих знакомых и поговорю с людьми, покупающими картины. Позвольте вас заверить, что я почту это для себя за честь. В моих глазах вы — художник в полном смысле этого слова. Я даже сказал бы — крупный художник. Вы далеко пойдете, очень далеко, но надо беречь и осторожно расходовать свой талант. Я с большим удовольствием пришлою за этими картинами, когда придет время.

Юджин не знал, что отвечать. Ему не совсем понятны были ни эта европейская серьезность в отношении к делу, ни эта оценка его дарования, выраженная так непринужденно и искренне и в то же время так официально. Мосье Шарль говорил от души. Это была одна из тех редких и радостных минут в его жизни, когда он мог позволить себе удовольствие высказать не признанному еще гению свою уверенность в том, что его ждет слава и всеобщее признание. Он стоял, ожидая, что скажет Юджин, но тот молчал, и только легкий румянец показался на его бледных щеках.

— Я очень рад, — сказал он наконец, как-то невыразительно и буднично, чисто по-американски. — Мне тоже казалось, что вещи недурны, но я не был уверен в этом. Я вам очень обязан.

— Вы не должны чувствовать себя обязанным мне, — ответил мосье Шарль, переходя на менее официальный тон. — Вы обязаны всем себе, своему таланту. Я уже говорил вам, что считаю это для себя честью. Мы устроим чудесную выставку. У вас нет рам к картинам? Ну, это не важно, мы одолжим вам свои.

Он улыбнулся, пожал Юджину руку и поздравил Анджелу. Та слушала его с изумлением и с чувством все возрастающей гордости. От нее не ускользнуло, в какой тревоге находится Юджин, несмотря на наружное спокойствие, какие огромные надежды он возлагает на этот визит. Тон мосье Шарля сначала ввел ее в заблуждение. Она решила, что ему не бог весть как понравились картины и что Юджина ждет разочарование. И теперь, услышав этот восторженный дифирамб, она не

знала, как его принять. Посмотрев на Юджина, она увидела, что он взволнован и испытывает не только облегчение, но и горделивую радость. Все это ясно читалось на его бледном, смуглом, без румянца лице. Достаточно было Анджеле увидеть, какой тяжелый груз свалился с плеч глубоко любимого человека, — и она от счастья совсем перестала владеть собой. Ее охватило такое сильное волнение, что, когда мосье Шарль обратился к ней, слезы брызнули у нее из глаз.

— Не нужно плакать, миссис Витла, — торжественно сказал он, заметив ее слезы. — Вы имеете полное право гордиться вашим мужем. Он великий художник. Берегите его хорошенько.

— Ах, я так счастлива! — воскликнула Анджела, плача и смеясь. — Не обращайтесь на меня внимания.

Она подошла к Юджину и прижалась головой к его груди. Юджин обнял ее одной рукой и сочувственно ей улыбнулся. Мосье Шарль тоже улыбался, гордясь впечатлением, которое произвели его слова.

— Вы оба вправе чувствовать себя очень счастливыми, — сказал он.

«Милая Анджела! — подумал Юджин. — Вот она, верная подруга, преданная жена! Успех мужа — для нее все. Своей собственной жизни у нее нет — нет ничего, что не было бы связано с ним и его благополучием».

— Ну, мне пора идти, — сказал наконец мосье Шарль и снова улыбнулся. — Когда нужно будет, я пришлю за картинами. А тем временем вы оба должны у меня отобедать. Я пришлю вам приглашение.

Когда он наконец откланялся, заверив их в своих самых теплых чувствах, Анджела и Юджин переглянулись.

— О, какое счастье, котик! — воскликнула она, смеясь и плача. (Она с первого дня замужества стала звать его «котиком».) — Мой Юджин — великий художник! Он сказал, что ты оказываешь ему большую честь. Какое счастье! И скоро весь мир узнает об этом. Кто бы мог подумать! О, как я горжусь тобой, дорогой мой!

И она в восторге бросилась ему на шею. Юджин нежно поцеловал ее. Но сейчас он думал не столько о ней, сколько о фирме «Кельнер и сын» — об их огромном выставочном зале, о том, какой вид будут иметь

его двадцать семь или тридцать картин, когда они будут оправлены в золоченые рамы, о тех, кто посетит выставку, о критических отзывах в газетах, о словах одобрения. Отныне все его друзья-художники будут знать, что его считают крупным мастером. А если он как-нибудь встретится с такими людьми, как Сарджент или Уистлер, он будет вправе чувствовать себя с ними на равной ноге. Весь мир услышит о нем. Слава его донесется до самых отдаленных уголков земного шара.

Он подошел к окну и поглядел на улицу. Ему вспомнилась Александрия, типография, чикагская компания «Дешевая мебель», студенческий союз художников, газета «Глоб»...

Да, не сразу пришел он к своей цели.

— Черт возьми! — вырвалось у него наконец. — Вот обрадуются Смайт и Мак-Хью, когда услышат об этом! Надо будет пойти рассказать им.

ГЛАВА VII

Выставка, состоявшаяся в апреле, принадлежала к числу тех событий, которые выпадают на долю одних только счастливых, — когда человек получает возможность раскрыть перед миром россыпи своих чувств, ощущений, восприятий и взглядов. У каждого есть свои чувства и восприятия, но не каждому дана способность найти им выражение. Правда, труды и поступки человека в какой-то мере выражают его сущность, но это совсем другое дело. Он не может выставить для всеобщего обозрения то, чем он живет. Едва ли можно увидеть в одно какое-то мгновение все мысли и чувства человека, собранные воедино. Даже художнику не всегда и не слишком часто удается публично выступить со своими произведениями в таких условиях, чтобы можно было привлечь широкое внимание публики. Это счастье выпадает на долю одиночек, а не большинства. Юджин понимал, что фортуна осыпала его своими щедротами.

Когда подошло время выставки, мосье Шарль был настолько любезен, что прислал за картинами и позаботился обо всех мелочах. Они с Юджином решили, что наиболее подходящими для его полотен — поскольку важно было оттенить выразительность письма и преоб-

ладающую гамму красок — будут черные рамы. Главный выставочный зал в первом этаже, где предполагалось развесить холсты, был задрапирован тяжелыми занавесями из красного бархата, и картины эффектно выделялись на этом фоне. Пока их развешивали, Юджин побывал в этом зале вместе с Анджелой, со Смайтом и Мак-Хью, с Шотмейером и другими. Он задолго до выставки оповестил о ней Норму Уитмор и Мириэм Финч, хотя последней уже успел рассказать обо всем Уилер. Мириэм была очень огорчена, так как снова почувствовала, — как это было, когда Юджин женился, — что он намеренно забывает о ней.

Мечта Юджина претворилась наконец в действительность. В зале размерами восемнадцать футов на сорок, сплошь затянутом темно-красным бархатом, в мягком свете скрытых от глаз электрических лампочек его картины выступали во всей своей выразительности и осязательности, резкие, как сама жизнь. А для некоторых — для тех, кто видит жизнь не своими глазами, а через других людей, — даже резче.

Именно поэтому выставка Юджина была для большинства посетителей поразительным зрелищем. Она вскрыла такие стороны жизни, на которых обычно внимание людей не задерживается и которые, вследствие своей обыденности и будничности, считаются темой, недостойной художника. Особенно сильное впечатление производила картина, где был изображен огромный, нескладный, некрасивый негр, скорее животное, чем человек, с толстыми оттопыренными ушами, с мясистыми губами, приплюснутым носом и выдающимися скулами; всем своим существом он выражал грубую силу и чисто животное равнодушие к грязи и холоду. Он стоял на одной из жалких серых улиц Ист-Сайда рано утром, в январе или феврале. Это был мусорщик, и художник запечатлел его в тот момент, когда он ставил на край неуклюжего обитого железом фургона громадный жестяной бак с золой, обрывками бумаги и всякими отбросами. Его большие руки утопали в заплатанных красных кожаных рукавицах, грязных, заскорузлых, явно ему мешавших. Голову и уши защищал от холода какой-то красный фланелевый платок или просто лоскут, завязанный под упрямым подбородком, а поверх платка был нахлобучен коричневый холщовый картуз с жетоном, на котором значился номер мусорщика. Вокруг пояса у него

был обмотан кусок дерюги, а руки и ноги были такие бесформенные, словно он надел на себя две или даже три пары штанов, две или три теплые фуфайки. Его отупелый взгляд был устремлен на грязную улицу, покрытую свежесвыпавшим снегом и усеянную жестянками из-под консервов, бумагою, всяким сором и отбросами. Из мусорного бака, который он опорожнял в фургон, летела пыль, смешанная с золой. Вдали двигалась тележка молочника и брели одинокие прохожие, а перед гастрономической лавкой стояла бедно одетая девочка. Выше виднелись окна с маленькими квадратиками подслеповатых стекол, ставни с выломанными планками, чья-то лохматая голова — очевидно, человек хотел узнать, какая сегодня погода.

Юджин предъявил здесь жизни поистине жестокое обвинение. Он, казалось, без малейшего милосердия нагромождал все эти вещественные доказательства. С беспощадностью рабовладельца, избивающего раба, он не ослаблял ярости своей бичующей кисти. «Вот так, так и так обстоит дело, — казалось, говорил он. — А что вы скажете на это, это и это?»

Публика приходила и удивлялась. Приходили и молодые светские дамы, и владельцы художественных салонов, и критики, и литераторы из числа тех, которые интересуются искусством, и музыканты, а также — благодаря тому, что газеты особо отметили выставку, — немало праздных зрителей, которые бывают повсюду, где можно увидеть что-нибудь новенькое и интересное. Выставка, длившаяся две недели, вылилась в целое событие. На ней побывали Мириэм Финч (хоть она и не призналась в этом Юджину, не желая доставить ему это удовольствие), Норма Уитмор, Вильям Мак-Коннел, Луи Диза, Оуэн Овермэн, Пэйнтер Стоун, — одним словом, вся компания знавших его литераторов и художников. Пришел также кое-кто из выдающихся мастеров, которых Юджин раньше никогда не встречал. Ему доставило бы неизмеримое удовольствие, если бы он мог наблюдать со стороны, как разглядывали его картины некоторые виднейшие представители нью-йоркского общества. Посетители изумлялись мужественной силе художника, любопытствовали, кто он такой, каковы его взгляды и вес в художественном мире и чем он руководствовался при выборе сюжетов. Люди, не слишком сведущие в искусстве, хватались за газеты, чтобы узнать,

какого мнения об этой живописи печать, какой ярлык нацспит она на художника. Благодаря силе и выразительности картин и установившейся репутации выставившей их фирмы, а также благодаря проявленному публикой интересу почти все критические отзывы были положительными. Правда, нашелся один журнал по вопросам искусства, тесно связанный с неким крупным издательством и служивший рупором его консервативных взглядов, который отрицал за картинами Юджина какую бы то ни было эстетическую ценность, высмеивал стремление художника находить красоту в грубых, неприглядных сторонах жизни, утверждал, что он не владеет рисунком, что ему вовсе чужды идеалы «чистого искусства» и единственная его цель — ошеломить широкую публику.

«Мистер Витла,— писал критик,— несомненно, был бы польщен, если бы о нем заговорили как об американском Милле. В грубом преувеличении, на котором зиждется искусство английского мастера, он, возможно, ищет для себя оправдания. Но он глубоко заблуждается. Великий Милле любил человечество, он по духу своему был реформатором, он был мастером рисунка и композиции. У него не заметно ни тени желания бить на дешевый эффект и оскорблять чьи бы то ни было чувства. Помилуй нас бог от того, чтобы нам под видом искусства навязывали помойные ведра, паровозы и старых, заезженных кляч. Тогда уж лучше сразу обратиться к простой фотографии и на этом успокоиться. Разбитые ставни, грязные мостовые, полузамерзшие мусорщики, карикатурные фигуры полицейских, безобразные старухи, нищие, попрошайки, сэндвичмены¹ — вот что такое искусство с точки зрения Юджина Витла».

Читая это, Юджин внутренне ежился. В данную минуту он готов был согласиться с этим суждением. Его творчество действительно изображало все неприглядное. Нашлись, однако, и такие критики, как Люк Севирас, которые ударились в противоположную крайность.

«Истинное понимание волнующих и ярко драматических сторон жизни, дар сообщать вещам яркий колорит, отнюдь не фотографируя их, как это может показаться

¹ Сэндвичмен — человек, который носит по улицам рекламные щиты, укрепленные на спине и на груди.

поверхностному критику, но выявляя их более возвышенное, духовное значение; способность вынести беспощадный приговор беспощадной жизни и бичевать с прощеской силой ее жестокость и подлость, в надежде этим уврачевать ее раны; умение обнаружить красоту там, где она действительно есть,— даже в позоре, страдании и унижении,— таково творчество этого художника. Он, по-видимому, пришел в искусство из толщи народа, с непочатыми силами, готовый осуществить свою великую задачу. Вы не обнаружите в его работах ни робости, ни преклонения перед традициями, ни признания каких бы то ни было общепринятых методов. Мне могут сказать, что он и не знает этих общепринятых методов. Тем лучше! Мы видим перед собой новый метод. Он обогатит мировое искусство. Повторяем, мистеру Витла потребуется, очевидно, какое-то время, чтобы добиться признания. Можно сказать с уверенностью, что его картины не так-то быстро будут распроданы, не так-то скоро будут развешаны в роскошных гостиных. Наши любители искусства неохотно принимают все новое. Но если мистер Витла и впредь будет неуклонно следовать по избранному им пути и если дарование ему не изменит, то придет и его черед. Скажем прямо: талант не может изменить ему. Он большой художник. Пожелаем же ему дальнейшего роста и вполне осознанного развития своих способностей и сил».

На глазах Юджина при чтении этих строк выступили слезы. Мысль, что он является носителем какой-то великой, благородной идеи, вызвала в горле спазму, точно там застрял какой-то клубок. Он жаждал стать великим живописцем, жаждал оправдать ту лестную оценку, которую ему дали. Сколько писателей, художников, музыкантов и знатоков искусства прочтут этот отзыв и запомнят его имя! Возможно, что на некоторые картины даже найдутся покупатели. Как он был бы счастлив всецело посвятить себя живописи и навсегда покончить с работой иллюстратора. Какое это мизерное занятие для художника, как оно ограничено, как незначительно! Отныне только крайняя необходимость может заставить его вернуться к этой профессии. Напрасно будут его об этом просить. Он — художник в полном смысле этого слова, великий художник, имя которого будут упоминать рядом с такими именами, как Уистлер, Сарджент, Веласкес и Тернер. Пусть журналы с их нич-

тожными тиражами оставят его в покое! Его искусство — для всего мира.

Как-то раз, когда выставка была еще в полном разгаре, он стоял в своей студии у окна рядом с Анджелой и перебирал в уме все то лестное, что было сказано о нем в последнее время. Ни одна картина еще не была продана, но мосье Шарль обнадеживал его, уверяя, что некоторые, вероятно, будут куплены перед закрытием выставки.

— Если что-нибудь удастся продать, мы летом, пожалуй, поедем в Париж, — сказал Юджин Анджеле. — У меня всегда было желание побывать там. А осенью вернемся и снимем студию в верхней части города. На Шестьдесят пятой улице как раз строится великолепный дом, специально под студии.

Он подумал о художниках, которые имеют возможность платить за студию по три-четыре тысячи в год. О художниках, которые получают четыреста, пятьсот, шестьсот и даже восемьсот долларов за каждый свой холст. Вот бы ему так! Или получить бы на будущую зиму заказ на стенную роспись. Его сбережения были очень скудны. Большую часть зимы он провозился над своими картинами.

— О Юджин, — воскликнула Анджела, — все это кажется мне каким-то чудом! Даже не верится, что это правда. Ты — настоящий, великий художник! Подумать только, мы поедем в Париж! Как это прекрасно! Это похоже на сон. Я все думаю, думаю, и иногда мне не верится, что я здесь, что твои картины выставлены у Кельнера и... о!..

В порыве восторга она бросилась ему на шею.

В парке только еще распускались почки на деревьях. Казалось, вся площадь была окутана прозрачно-зеленой сетью, затканной крохотными зелеными листьями, вроде блесков на сети в студии Юджина. Голосистые птицы распевали на солнышке. Воробьи шумными стайками носились в воздухе. Голуби лениво искали корма на мостовой между рельсами.

— Я мог бы написать серию картин из жизни Парижа. Мало ли что там может подвернуться. Мосье Шарль обещает мне будущей весной устроить еще одну выставку, если накопится достаточно материала.

Он потянулся и сладко зевнул.

Интересно, что думает о нем мисс Финч? Где сейчас

Кристина Чэннинг? Газеты пока ни словом не упоминали о ней. Что думает Норма Уитмор, он знал. Она, казалось, была так счастлива, словно выставлены ее собственные картины

— Ну, котик, мне нужно пойти купить тебе что-нибудь к завтраку! — заторопилась Анджела. — Да еще надо сбегать в гастрономическую лавку, к мистеру Джиолетти, и к мистеру Руджиере в овощную.

Она расхохоталась: эти итальянские имена забавляли ее.

Юджин вернулся к мольберту. Его мысли были заняты Кристиной — где-то она сейчас? Он и не подозревал, что в этот самый момент, только что вернувшись из Европы, она смотрит его картины. Она прочитала о выставке в «Ивнинг пост».

«Какое мастерство! — думала Кристина. — Какая сила! Какой замечательный художник! И когда-то он был моим!»

Ее мысли перенесли в Флоризель, к круглой поляне среди деревьев.

«Он называл меня горной Дианой, своей дриадой, своей богиней охоты».

Она знала, что Юджин женился. Об этом ей написала еще в декабре одна знакомая. Прошлое в глазах Кристины было прошлым. У нее не было желания вернуть его. Но вспоминать о нем было чудесно — какое восхитительное воспоминание!

«Странная, однако, я женщина», — подумала она

И все же ей хотелось снова увидеть Юджина. Не встретиться с ним лицом к лицу, а взглянуть на него издали, чтобы он ее не видел. Интересно было бы знать, изменился ли он, изменится ли вообще. В те памятные дни он казался ей таким прекрасным!..

ГЛАВА VIII

Мечта о Париже ярко засияла в воображении Юджина, а к этому примешивались и другие заманчивые мысли. Теперь, когда его картины удостоились публичной выставки, широко отмеченной в газетах и специальных журналах и привлечшей такое множество избранной публики, его имя стало известным в кругах художников, критиков, писателей. Немало людей искало знакомства

с ним, чтобы выразить ему свой восторг. Установилось мнение, что Юджин — крупный художник; правда, талант его еще не достиг своего расцвета, но явно находится на пути к этому.

В глазах своих знакомых Юджин благодаря выставке чуть ли не в один день вознесся на недостигаемую высоту, оставив далеко позади таких мелких художников, как Смайт, Мак-Хью, Мак-Коннел и Диза, чьи полотна дважды в год наводняли залы Национальной академии и Общества акварелистов и из чьей среды он до некоторой степени вышел. Он стал крупной фигурой — это признавали выдающиеся критики, разбиравшиеся в искусстве, — и теперь от него будут ждать больших вещей. Одна фраза из статьи Люка Севираса, опубликованной в «Ивнинг сан» в дни выставки, не выходила у него из головы: «Если мистер Витла и впредь будет неуклонно следовать по избранному им пути и если дарование ему не изменит...» «Но почему оно мне может изменить?» — спрашивал себя Юджин.

После закрытия выставки он с огромным удовлетворением услышал от мосье Шарля, что три его картины проданы: одна банкиру Генри Мак-Кенна за триста долларов, другая за пятьсот долларов — Айзеку Вертхейму (уличная сценка на Ист-Сайде, которой так восхищался мосье Шарль) и третья (три паровоза, въезжающие в железнодорожный парк) — тоже за пятьсот долларов — Роберту Уинчону, железнодорожному магнату, вице-президенту одной из крупнейших нью-йоркских компаний. Юджин никогда не слышал ни про мистера Мак-Кенна, ни про мистера Уинчона, но все уверяли его, что это люди с большими деньгами и вкусом. По совету Анджелы, он попросил мосье Шарля принять от него одну из картин в знак признательности за все, что тот для него сделал. Юджин сам не додумался бы до этого, — он был страшно непрактичен и безалаберен, но зато Анджела, та вот подумала и позаботилась, чтобы он это сделал. Мосье Шарль был очень польщен и выбрал этюд Грилисквер, который он считал шедевром по колориту. Этот подарок скрепил их дружбу, и мосье Шарль стал всячески заботиться об интересах Юджина. Он предложил ему оставить на время три картины в выставочном зале его фирмы — уж он постарается прискаты для них покупателя. А Юджин, прибавивший тысячу триста долларов к тысяче с лишним, остававшимся у него

в банке от прежних сбережений, проникся уверенностью, что его карьера обеспечена, и решил, как рассчитывал раньше, съездить в Париж, по крайней мере на лето.

Это путешествие, которое для Юджина было исключительным событием, знаменующим новую эру в его жизни, не потребовало больших приготовлений. За годы своего пребывания в Нью-Йорке он слышал от друзей больше рассказов о Париже, чем о каком-либо другом городе в мире. Парижские улицы, кварталы, музеи, театры, опера — все было знакомо ему до мелочей. Что стоит жизнь в Париже, какой выбрать маршрут, как лучше всего там устроиться, что осматривать — как часто приходилось ему слышать об этом. А теперь он сам туда поедет. Анджела приняла на себя все хлопоты — изучала проспекты пароходных компаний, решала, какого размера чемоданы нужно купить, какие вещи взять в дорогу, позаботилась насчет билетов и разузнала цены в разных отелях и пансионах, в которых, возможно, придется жить. Она была так ошеломлена славой, неожиданно свалившейся на ее мужа, что с трудом отдавала себе отчет в происшедшем.

— Знаешь, Юджин, что говорит мистер Байердет? — сказала она однажды, имея в виду пароходного агента, с которым неоднократно совещалась. — Он уверяет, что, если мы едем только на лето, нет никакого смысла брать с собой много вещей — разве что самое необходимое. Он говорит, что, если понадобится, мы купим там что угодно из платья, и осенью я смогу привезти это сюда беспошлинно.

Юджин одобрил эту мысль. Он подумал, что Анджеле доставит удовольствие походить по магазинам. Они решили ехать через Лондон, а на обратном пути сесть на пароход в Гавре. Десятого мая они выехали, через неделю были в Лондоне, а первого июня прибыли в Париж. Лондон произвел на Юджина большое впечатление. Он вовремя приехал туда; сезон туманов и холодов миновал, и город, купавшийся в золотистой дымке, мог кого угодно привести в восторг. Лондонские магазины не понравились Анджеле, она считала, что это «второй сорт». Ее также неприятно поразили условия жизни немущих классов, обилие ужасающе бедных и нищенски одетых людей. И она и Юджин отметили тот любопытный факт, что все англичане на редкость одинако-

вы — одинаково одеваются, одинаково ходят, одинаково носят шляпы, одинаково держат в руках трости. Мужчины элегантные, подтянутые, произвели на Юджина хорошее впечатление. Женщины ему не понравились. Он нашел, что они неуклюжи, некрасивы и безвкусно одеты.

Но какая разница во всем, едва они очутились в Париже! В Лондоне, не имея свободных средств (Юджин считал, что не может позволить себе дорогих столичных развлечений и комфорта) и не привезя с собой никаких рекомендательных писем, он был вынужден довольствоваться поверхностным знакомством с тем, что видит случайный путешественник, — кривые улицы, суতোлка на перекрестках, Тауэр, виндзорский замок, старинные подворья юридических коллегий, Стрэнд, Пикадилли, собор св. Павла и, конечно, Национальная галерея и Британский музей. Он побывал и в Южно-Кенсингтонском музее и в прочих сокровищницах, где хранятся шедевры искусства. Но главное впечатление, полученное им от Лондона, был консервативный дух, империализм, военщина. Он нашел Лондон серым, однообразным, менее характерным, чем Нью-Йорк, и даже менее живописным. Другое дело Париж. Этот город вечного праздника, город, пестрящий веселыми, заманчивыми, свежими красками, напоминал ему человека, собравшегося на загородную прогулку. Сойдя на пристани в Кале, по дороге в Париж, а потом и в самом Париже Юджин все время чувствовал, насколько велика разница между Францией и Англией. Первая казалась юной, полной надежд, по-американски до смешливости веселой, вторая — серьезной, угрюмой и кислой.

У Юджина было много рекомендательных писем от мосье Шарля, Хадсона Дьюла, Луи Диза, Леонарда Бекера и других. Едва они узнали о его планах, как вызвались дать ему адреса своих друзей в Париже, которые могли быть ему полезны. Самое разумное, уверяли они его, если он не хочет обзаводиться собственной студией и желает овладеть французским языком, это — устроиться в какой-нибудь приятной французской семье; там он будет слышать только французскую речь и быстро освоится с ней. Если же этот план ему не улыбается, то лучше всего поселиться на Монмартре, где он без труда найдет прекрасную студию и встретит много американских и английских студентов. Некоторые из амери-

канцев, к которым у него были рекомендательные письма, жили в Париже постоянно. Как только он обзаведется небольшим кружком друзей, говорящих по-английски, все пойдет отлично.

— Вы будете поражены, Витла,— сказал ему однажды Диза,— как превосходно французы понимают английский язык, если он сопровождается выразительной мимикой.

Юджин хохотал, слушая рассказы Диза о его затруднениях и удачах. Но теперь он убедился, что Диза был прав. Жестикуляция очень помогала, и его в большинстве случаев понимали.

Прожив несколько дней в отеле, Юджин и Анджела в конце концов сняли студию, которую рекомендовал им парижский представитель фирмы «Кельнер и сын» мосье Аркен. В студии этой, находившейся на третьем этаже и хорошо обставленной, жил американский художник Финли Вуд (Юджин вспомнил, что о нем когда-то упоминала Руби Кенни), на лето уезжавший из Парижа. Благодаря рекомендации мосье Шарля мосье Аркен приложил все старания устроить Юджина возможно удобнее, причем заявил, что платить он может по своему усмотрению,— скажем, франков сорок в месяц. Осмотрев студию, Юджин пришел в восторг. Она была расположена в глубине двора и окнами выходила в садик. Участок, на котором стоял дом, представлял собой небольшую возвышенность, отлого спускавшуюся к западу, и так как сплошная линия зданий в этом месте прерывалась, из окон открывался широкий вид на Париж, на силуэт Нотр-Дам и на устремленную ввысь Эйфелеву башню. Вечером, когда город загорался огнями, зрелище было волшебное. Возвратившись к себе, Юджин придвигал стул к своему любимому окну и наслаждался видом ночного Парижа, пока Анджела готовила чай с лимоном или со льдом или поджаривала что-нибудь на скорую руку. Она кормила Юджина традиционными американскими блюдами, вкладывая в это всю свою энергию и трудолюбие: сама ходила в ближайшие гастрономические магазины, овощные палатки, кондитерские, закупала нужные продукты в минимальных количествах, всегда выбирая все лучшее, и готовила с большой тщательностью. Анджела была отличной кулинаркой и любила, чтобы стол был красиво сервирован, чтобы все сверкало. Она не искала никаких знакомств, чув-

ствуя себя вполне счастливой в обществе Юджина и считая, что и он должен быть так же счастлив с нею. У нее не было ни малейшего желания пойти куда-либо одной — она ходила в город только вместе с ним. Она подстерегала каждую его мысль, каждое движение, стараясь угадать малейшую его прихоть.

Главной прелестью Парижа в глазах Юджина были колоритность и богатство вкуса, проявившиеся во всем. Ему не надоедало смотреть на низкорослых французских солдат в широченных красных штанах, голубых мундирах и красных кепи, или на полицейских в плащах и с саблями, или на кучеров, с видом благодушного превосходства восседавших на козлах своих фиакров. Сена, по которой в это время года оживленно шныряли лодки, сад Тюильри с его мраморными статуями, аккуратными дорожками и каменными скамьями, Булонский лес, Марсово поле, Трокадеро, Лувр, изумительные парижские улицы и музеи — все это производило на Юджина впечатление чудесного сна.

— Да! — вырвалось у него однажды, когда он шел с Анджелой по набережной Сены в направлении Исси.— Для художника здесь поистине рай земной. Ты только вдохни, какой аромат (аромат, кстати, исходил от видневшейся в отдалении парфюмерной фабрики), взгляни на эту баржу! — Он прислонился к парпету.— Ах, как здесь хорошо! — вздохнул он.

Обратно они возвращались в сумерки на открытом империале омнибуса.

— После смерти я надеюсь попасть в Париж,— со вздохом сказал Юджин.— Лучшего рая мне не нужно.

Однако спустя некоторое время пребывание в Париже, как и всякое затянувшееся удовольствие, потеряло для него часть своей прелести. Юджин чувствовал, что он мог бы поселиться здесь, если бы это позволила ему работа. Но сейчас ему необходимо было вернуться в Америку.

Вскоре Юджин стал замечать, что Анджела если не развилась духовно, то, во всяком случае, стала более уверенной в себе. Состояние робости, в котором она находилась в ту осень, когда впервые приехала в Нью-Йорк, и которое еще более усилилось, когда она окунулась в атмосферу искусства и очутилась среди странных

друзей Юджина, уступило место уверенности, порожденной опытом. Убедившись, что Юджин всеми своими мыслями, чувствами и интересами живет в мире возвышенного, что его внимание всецело поглощают уличные толпы, типы людей, бульвары, здания и их силуэты на фоне неба, смешное и трогательное в жизни, она целиком взяла на себя все дела хозяйственного порядка. Очень скоро ей стало ясно, что Юджин рад предоставить все заботы о своем благополучии кому угодно, лишь бы нашелся такой человек. Ему не доставляло ни малейшего удовольствия покупать что-нибудь для себя. Он терпеть не мог всякие домашние мелочи. Доставать билеты, искать что-нибудь в железнодорожном указателе, наводить справки, вступать в пререкания и что-то кому-то доказывать — все это вызывало у него чувство отвращения.

— Послушай, Андже́ла, ты сама достанешь билеты, правда? — говорил он умоляющим голосом.

Или же:

— Поговори уж ты с ним. Мне сейчас некогда. Хорошо?

Андже́ла спешила выполнить поручение, в чем бы оно ни заключалось, стремясь доказать, что она действительно полезна и необходима ему. Забравшись на крышу омнибуса, Юджин, как бывало в Нью-Йорке, все рисовал, рисовал и рисовал, — кэбы, фиакры, пассажирские пароходики на Сене, характерные фигуры и лица в парках, садах, мюзик-холлах, — словом, все, что ни попадалось на глаза. Он был неутомим. Он хотел только одного — чтобы его не слишком беспокоили, чтобы ему не мешали заниматься своим делом. Обыкновенно та же Андже́ла и расплачивалась всюду, где им приходилось побывать за день. Его бумажник был у нее, она распоряджалась всеми чеками, в которые они превратили свою наличность, вела строгую запись расходов, ходила по магазинам, покупала и платила. Юджину предоставлялась полная возможность смотреть на что ему угодно и думать о чем угодно. В этот первый период их брака Андже́ла возвела его на пьедестал, и Юджин не прочь был воссесть на нем, скрестив ноги, как индийский божок.

Только по ночам, когда его внимание не отвлекали посторонние звуки и впечатления, когда даже его искусство не стояло между ними преградой, когда она могла

сжимать его в своих объятиях и его неугомонный дух смирялся под пьянящим действием ее страсти,— лишь тогда она чувствовала себя равной ему, действительно достойной его.

Восторги, которыми они упивались во тьме или при мягком свете небольшого ночника, свисавшего на цепях с потолка над их широкой кроватью, или при свете зари, когда утренняя свежесть вливалась в окна вместе с щебетанием птиц, гнездившихся на единственном дереве их крошечного садика, были с ее стороны проявлением и безоглядной щедрости и бездонного эгоизма. Она жадно впитала философию Юджина о наслаждении радостями жизни, поскольку это касалось их самих, и тем охотнее восприняла его взгляды, что они совпадали с ее собственными смутными воззрениями и пылкими порывами.

Анджела вошла на брачный алтарь после многих лет самоотречения, после многих лет, проведенных в горьких сомнениях и тоске по замужеству, которое могло и вовсе миновать ее, и принесла с собою на брачное ложе всю накопившуюся у нее бурную страсть. Она была незнакома с этикой и физиологией брака (если не считать того, что позволялось ей, девственнице, знать). Рассказы приятельниц о вещах, которые они и сами знали лишь понаслышке, двусмысленные признания замужних подруг, советы старшей сестры (в каких выражениях они были преподаны — одному богу известно!) — все это нисколько не рассеяло невежества Анджелы. Поэтому сейчас, позабыв обо всем на свете, она с упоением познавала тайны брака, убежденная, что необузданное удовлетворение страсти — явление вполне естественное. Это было к тому же, как она постепенно обнаружила, универсальным средством против всяких расхождений во взглядах и характере, грозивших их душевному покою. С первых же дней их совместной жизни в студии на Вашингтон-сквер и особенно теперь, в Париже, они предавались нескончаемой оргии страсти, хотя это ни в коем случае не было потребностью их натур и еще меньше соответствовало тем требованиям, которые предъявляли Юджину его труд и творчество.

Для Юджина Анджела была источником изумления и радости, и не столько, пожалуй, радости, сколько изумления. Она была, в известном смысле, элементарна. Юджин — нет. Он и в этом оставался художником, как

и во всем другом, и пребывал неизменно в таком состоянии восторженности, которое физические силы, надорванные напряженной работой мозга, не могли питать без конца. Волнующая радость неизведанного, романтика приключения или, если хотите, интриги, раскрытие всего, что таится в женщине, — вот, в сущности, что составляло главную прелесть его романов или даже стимул, толкавший его на романы. Одержатъ победу над женщиной — прекрасно, но если вдуматься, то это борьба, в которую прежде всего вовлечен интеллект. Осуществить свои мечтания, добиться того, чтобы желанная женщина отдала себя всю целиком, — вот что неизменно увлекало в нем и чувство и воображение.

Но все это напоминало головокружительную пропасть, над которой протянуты тончайшие серебряные нити, — и он знал красоту этой пропасти, но опасностей ее не подозревал. Он наслаждался плотской радостью, которую давала ему Анджела. Это было то, чего, как ему казалось, он сам хотел. Анджела же видела в своей способности удовлетворять его неистощимую как будто страсть не только выражение любви к нему, но и свой долг.

Установив свой мольберт в новой студии, Юджин работал иногда с десяти утра до двенадцати, иногда с двух до пяти. В пасмурные дни они с Анджелой либо предпринимали всевозможные прогулки и поездки, либо шли осматривать музеи, картинные галереи или общественные здания. Часто они отправлялись бродить по рабочим кварталам или вдоль железнодорожного полотна. Юджина больше всего привлекали сумрачные фигуры бедняков, и он особенно тяготел к темам, говорившим о заботе и нужде. Он зарисовывал не только танцовщицу из мюзик-холла и эффектные фигуры апашей в кварталах, которые впоследствии так и стали называться кварталами апашей, не только участников пикника где-нибудь в Версале или Сен-Клу и паромных пассажиров на Сене, но и рабочих при выходе из фабричных ворот, железнодорожных сторожей у шлагбаумов, рыночных торговцев, рынки ночью, уличных подметальщиков, газетчиков, цветочниц — всегда на фоне какой-нибудь яркой, своеобразной уличной сцены. Наиболее любопытные уголки города — башни, мосты, виды реки, фасады — служили фоном для его типов, суровых, живописных или трогательных. Он надеялся этими вещами за-

интересовать Америку, показать новой выставкой не только силу и многогранность своего таланта, но и то, насколько он вырос, насколько окрепло его чувство цвета, его искусство тонкой психологической характеристики, его вкус в композиции и детализовке. Он не отдавал себе отчета в том, что его усилия могут оказаться тщетными, что его невозддержание может обескровить его талант, убить все краски в окружающем мире, притупить воображение, парализовать волю раздражительностью, помешать успеху. Он не имел понятия о том, как сильно отражается половая жизнь на трудоспособности человека, какой вред может причинить самому талантливому художнику злоупотребление в этой области — как под его влиянием искажается чувство цвета, ослабевает способность суждения о типическом, столь необходимая для правильного истолкования жизни, обрекаются на безнадежность все попытки чего-либо добиться, блекнут самые заветные цели и жизнь начинает казаться лишенной смысла, а смерть — избавлением.

ГЛАВА IX

Лето прошло, а вместе с ним свежесть и новизна парижских впечатлений, хотя нельзя сказать, чтобы Париж утратил для Юджина свое очарование. Своеобразие жизни незнакомого ему народа, другие, по сравнению с его собственной страной, идеалы и вкусы, более снисходительное и человеческое отношение к вопросам нравственности, более спокойное принятие ударов судьбы, человеческих слабостей и классовых различий, не говоря уже о разнице во внешнем облике, в одежде, жилье и развлечениях,— все это в равной мере удивляло и занимало его. Он мог без усталости изучать европейскую архитектуру, сравнивая ее с американской, он отмечал терпимость французов, ту легкость, с какою они относятся к жизни, выслушивал нескончаемые рассуждения Анджелы о любви французских хозяек к чистоте, об их трудолюбии и бережливости, радовался, что здесь не заметно присущей американцам потребности всегда что-то делать. Анджелу поражали исключительная дешевизна стирки белья и ловкость, с какою их консьержка (которая верховодила всем кварталом и достаточно знала английский язык, чтобы объясняться с жилищницей американ-

кой) справлялась со своей работой: и провизию сама закупала, и готовила, и шила, и принимала гостей. Здесь не знали ни изобилия продуктов, ни бессмысленного расходования их, столь характерного для Америки. Анджела и сама была бережлива, поэтому она очень подружилась с мадам Бургош и училась у нее, как лучше навести экономию и порядок в хозяйстве.

— Станный ты человек, Анджела,— сказал ей однажды Юджин.— По-моему, тебе больше нравится сидеть внизу под лестницей и болтать с этой французской, чем бывать в обществе самых знаменитых художников и писателей. О чем ты можешь говорить с ней?

— Да ни о чем особенном,— ответила Анджела, от которой не укрылся легкий намек на отсутствие у нее интереса к искусству.— Просто она умная женщина. И к тому же очень практичная. У мадам Бургош за полчаса скорее научишься разным хитростям экономии, чем у любой американской хозяйки за всю жизнь. А интересуется она меня не больше чем другие. Твои художественные натуры, насколько я могла наблюдать, только и умеют, что без толку носиться повсюду и разыгрывать из себя бог весть кого, хотя на самом деле ничего собой не представляют.

Юджин услышал в ее словах обиду, вызванную его замечанием, которое было сделано не совсем в том духе, как она его восприняла.

— Я вовсе не хотел сказать, что у нее нет своих достоинств,— начал он оправдываться.— Для всего нужен талант, надо полагать. Мадам Бургош, несомненно, производит впечатление неглупой женщины. А где ее муж?

— Убит на войне,— с сокрушением ответила Анджела.

— Ну что ж, ты, наверно, столькому научишься у нее, что в Нью-Йорке сможешь управлять целым отелем. Мне кажется, ты и без мадам Бургош недурно справлялась с нашим хозяйством.

Юджин произнес этот комплимент с улыбкой. Ему хотелось отвлечь мысли Анджелы от искусства и художников. Он надеялся, что она почувствует или поймет, что он не хотел ее обидеть; но утихомирить ее было не так-то легко.

— Ты, очевидно, считаешь меня полным ничтожеством, Юджин,— сказала она немного погодя.— Почему

ты с таким презрением говоришь о моих беседах с мадам Бургош? Она далеко не скучный человек. Это исключительно умная женщина. Ты ее не знаешь, ты никогда не разговаривал с ней. Она говорит, что ей достаточно было взглянуть на тебя, и она сразу поняла, что ты совсем не такой, как другие. Ты напоминаешь ей какого-то мистера Дега, который когда-то жил здесь. Это правда был знаменитый художник, Юджин?

— Был ли Дега великий художник? — воскликнул Юджин. — Еще бы! И он занимал эту студию?

— Да, но только давно — лет пятнадцать назад.

Юджин просиял от удовольствия. Это был серьезный комплимент, и теперь уж он не мог не проникнуться симпатией к мадам Бургош. Она, несомненно, умница, иначе бы ей и в голову не пришло такое сравнение. Анджела, не в первый раз добившись от него признания, что ее домовитость и хозяйственные способности играют такую же важную роль в этом мире, как и всякие другие дарования, успокоилась и развеселилась. Как мало влияет на человеческую натуру искусство, окружающие условия, перемена климата или места, подумал Юджин. Вот он в Париже, он материально неплохо обеспечен, достиг славы, или по крайней мере находится на пути к ней, а между тем они ссорятся с Анджелой из-за сущих пустяков, совсем как, бывало, дома, в Нью-Йорке, на Вашингтон-сквер.

К концу сентября большинство парижских этюдов Юджина было уже в таком состоянии, что он мог закончить их где угодно. Холстов пятнадцать были совсем готовы, другие близки к завершению. Юджин решил, что лето у него не пропало даром. Он много работал, и результат его трудов был налицо — двадцать шесть полотен, несколько не уступавших, по его мнению, написанным в Нью-Йорке. Они отняли у него меньше времени, но это объяснялось тем, что он стал увереннее в себе, увереннее в своих методах работы. Он с большой неохотой расставался со всем, что нашел в Париже, но уезжал с мыслью, что серия его парижских этюдов произведет на американцев такое же впечатление, как и нью-йоркские. Мосье Аркен, например, и многие другие, включая знакомых, к которым направили его Диза и Дьюла, были в восторге от них. Мосье Аркен выразил даже мысль, что на некоторые нашлись бы покупатели и во Франции.

Юджин вернулся с Анджелой в Америку и, узнав, что может оставаться в старой студии до первого декабря, засел кончать работу к предстоящей выставке.

Первые признаки, по которым Юджин стал догадываться, что с ним происходит что-то неладное (не считая все возраставших опасений насчет того, как примет американская публика его парижские этюды), заявили о себе осенью, когда ему начало казаться — а может быть, это действительно было так, — что на него плохо действует кофе. Уже несколько лет как он избавился от старого своего недуга — желудочных недомоганий, но теперь болезнь стала постепенно возвращаться, и он жаловался Анджеле, что его мутит после еды, а кофе определенно вызывает у него тошноту.

— Придется попробовать пить чай или что-нибудь другое, если это не прекратится, — сказал он.

Анджела предложила перейти на шоколад, и он так и сделал. Но результаты получились ничуть не лучше, если не хуже. У Юджина начались нелады с работой. Не в состоянии добиться желанного эффекта, Юджин переделывал картину снова и снова, пока она не утрачивала всякое сходство с первоначальным замыслом, — и впадал в отчаяние. А когда ему уже казалось, что он достиг нужного эффекта, утро возвращало его к прежним сомнениям.

— Ну вот, теперь получилось как будто хорошо, — обычно говорил он.

Анджела вздыхала с облегчением, так как вместе с ним переживала его тревоги, его вспышки отчаяния и неверия в свои силы, но радость ее обыкновенно длилась недолго. Спустя несколько часов Анджела обнаруживала, что он снова работает над тем же полотном и что-нибудь переделывает. Он похудел, побледнел, и его опасения насчет будущего вскоре приняли явно болезненный характер.

— Черт возьми! — сказал он однажды Анджеле — Недоставало только, чтобы я слег. Меньше всего мне хочется сейчас болеть. Нужно как следует подготовиться к выставке, а потом ехать в Лондон. Стоило бы мне написать серию лондонских и чикагских видов вроде нью-йоркских, и репутация моя бы утвердилась. Но если я свалюсь...

— Ну что ты, Юджин, — прервала его Анджела. — Тебе это только так кажется. Вспомни, как много ты ра-

ботал этим летом, как много ты работал прошлой зимой. Тебе необходим хороший отдых, вот что тебе нужно. Почему бы в самом деле не сделать передышки, когда все будет готово к выставке, и не позволить себе как следует отдохнуть? Денег у нас на некоторое время хватит. Мосье Шарль, возможно, продаст еще несколько старых картин, да найдутся покупатели и на новые, и тогда ты можешь не торопиться. Зачем тебе ехать весной в Лондон? Лучше всего отправляйся куда-нибудь побродить или поезжай на юг, или попросту поживи где-нибудь спокойно. Вот что тебе нужно.

Юджин смутно догадывался, что нуждается не столько в отдыхе, сколько в душевном покое. Он не чувствовал усталости. Только нервы были возбуждены и донимали всякие сомнения и страхи. Его терзала бессонница, мучили кошмары, стало пошаливать сердце. В два часа ночи, когда в силу непонятных для человека причин в его организме происходят какие-то внутренние потрясения, он просыпался с чувством, словно летит в бездну. Сердце едва билось, и он нервно хватался за пульс. Иногда его бросало в холодный пот, и, чтобы прийти в себя, он вставал с постели и начинал ходить по комнате. Анджела в таких случаях тоже вставала и ходила вместе с ним. Как-то днем, стоя перед мольбертом, он вдруг почувствовал странную слабость: яркие круги поплыли у него перед глазами, в ушах зашумело, казалось, что его колют десятки тысяч иголок. Что-то странное происходило с его нервной системой, как будто у него сдал каждый нерв. В первый момент им овладел ужас, он вообразил, что сходит с ума, но никому не сказал ни слова. Он понял, что причина его расстройства — воздержание, что единственное для него лекарство — воздержанность, полная или хотя бы частичная, что он, по всей вероятности, так измотался и физически и нравственно, что ему будет трудно восстановить свои силы, что его дарование художника находится под серьезной угрозой, и, следовательно, вся его жизнь может быть искалечена.

Он стоял перед холстом с кистью в руке, погруженный в раздумье. Когда припадок миновал, он дрожащей рукой отложил кисть. Потом подошел к окну, вытер лоб, покрытый холодной испариной, и повернулся к шкапу, чтобы достать пальто.

— Куда ты идешь? — спросила Анджела.

— Немного прогуляться. Я скоро вернусь. Мне что-то не по себе.

Она проводила его до двери и поцеловала, но на душе у нее было тревожно.

«Как бы он не заболел,— подумала она.— Ему необходимо бросить работу».

ГЛАВА X

Так начался период, которому суждено было длиться пять-шесть лет, период, когда Юджин был сам не свой, чтобы не сказать больше. Он ни в коем случае не потерял рассудка, если считать, что признаками здорового ума является способность ясно рассуждать, умно острить, осмысленно спорить и читать. Но в глубине его души царил хаос, в нем боролись самые противоречивые мысли, чувства и ощущения. Обладая умом, склонным к самоанализу и рефлексии, он всю свою исключительную способность глубоко мыслить и переживать обратил теперь на самого себя и на свое душевное состояние, и, как всегда бывает, когда мы слишком близко заглядываем в тайны бытия, результатом было полное смятение чувств. Юджин давно уже пришел к заключению, что человек ровно ничего не знает. Ни в религии, ни в философии, ни в науке нельзя найти ответ на ту загадку, которая именуется жизнью. Вот крохотный, слабо мерцающий мирок человеческой мысли, а что за ним, над ним? В дальних, не доступных для сильнейших телескопов, в бездонных пространствах мира виднеются звездные туманности. Что происходит там? Кто управляет их движением? И были ли когда-либо вычислены их орбиты? Жизнь представлялась ему отталкивающей, сумрачной тайной, жалким, полубессмысленным функционированием, бесцельно протекающим во мраке. Никто ничего не знает,— в том числе и творец мироздания,— а сам он, Юджин, и подавно. Взаимная вражда, жизнь, питающаяся смертью, открытое насилие — вот человеческое существование. Если человек изнемог и свалился у дороги, если судьба обделила его при распределении своих благ, если он не родился под заботливым крылышком фортуны, его ждет прозябание. Даже в то время, когда Юджин был полон сил, когда он преуспевал, жизнь представлялась ему довольно грустным зре-

лицем; а сейчас, когда ему грозило вынужденное безделье и полное крушение надежд, она внушала ему ужас. Ведь если талант изменит ему, что у него останется? Ничего! Жалкая, эфемерная репутация, которую он не в состоянии поддержать, полное безденежье, жена, о которой нужно заботиться, годы страданий, а затем — смерть. Пучина смерти! Стоило Юджину унести мыслями к тому, что ждет человека за пределами жизни и мечтаний, и как страшно, как больно ему становилось! С одной стороны — жизнь, счастье, любовь и здоровье, с другой — смерть и небытие, бесконечное небытие.

Юджин не сразу утратил всякую надежду, не сразу впал в отчаяние перед лицом этих грозных симптомов, хотя и видел, что все вокруг него рушится. Он месяцами пытался уверить себя, что это только временное состояние, что лекарства и врачи помогут ему. В газетах усиленно рекламировались всевозможные патентованные средства — очищающие кровь, восстанавливающие нервную систему, дающие питание мозговому веществу; все они, судя по объявлениям, обещали исцеление от той или иной болезни. И хотя Юджин с недоверием относился к патентованным лекарствам, он все же делал исключение для тонических средств, вернее, для одного определенного тонического средства. Врач, к которому он обратился, прописал ему покой и какое-то превосходное, как он уверял, укрепляющее снадобье. Он спросил Юджина, не страдает ли тот какой-нибудь изнурительной болезнью. Юджин сказал, что нет, но признался, что позволяет себе излишества в половой жизни. Врач, однако, не допускал и мысли, чтобы это могло, при отсутствии других причин, вызвать расстройство нервной системы. Его состояние, несомненно, связано с переутомлением, с душевной тревогой. Такие натуры, как Юджин, от рождения предрасположены к нервным срывам, и им необходимо соблюдать строжайший режим. Больному следует вести нормальный образ жизни, вовремя принимать пищу, спать возможно больше, ложиться в определенный час. Неплохо было бы заняться гимнастикой. Он может обзавестись гириями или другим гимнастическим снарядам — это быстро восстановит его здоровье.

Юджин заявил Анджеле, что займется, пожалуй, гимнастикой, и записался в гимнастический клуб. Он

стал принимать прописанное ему тонизирующее средство, много гулял с Анджелой и старался отвлечься от мысли, что находится в состоянии нервной депрессии. Но все это, в сущности, не приносило никакой пользы, так как его здоровье было сильно подорвано и ему предстояло пройти через все муки и весь ужас упадка сил, пока организм не возьмет свое.

А между тем его отношения с Анджелой продолжали оставаться прежними, несмотря на все растущую уверенность Юджина, что это в какой-то мере вредит его здоровью. Но воздержаться было нелегко, и каждая новая попытка давалась все труднее и труднее. Он то и дело решал, что надо взять себя в руки, но это было лишь зарокотом пьяницы, который ищет для себя оправдания в постоянных обещаниях исправиться.

Теперь, когда Юджин был на виду как художник и его имя приобрело некоторую известность среди живописцев, критиков и писателей, нет-нет да и проявлявших интерес к его работе, ему необходимо было приложить все старания, чтобы доказать публике, что его талант полностью сохранил свою силу. Когда выяснилось, что его ждет долгая полоса вынужденного безделья, Юджин был рад, что ему удалось еще до болезни почти закончить свои парижские этюды. К тому времени, как им овладела та странная нервная слабость, которая, по-видимому, являлась предвестницей настоящей болезни, он уже успел окончательно отделать двадцать два холста, и Анджела умолила его больше не прикасаться к ним. Огромным напряжением воли и без всякой уверенности в себе он довел до конца еще пять. Мосье Шарль время от времени заходил взглянуть на его полотна и очень лестно отзывался о них. Он далеко не был убежден, что они будут иметь такой же успех, как американские этюды, так как Париж был достаточно разработан в иллюстрациях и жанровых картинах. В новых вещах Юджина не было той свежести, какая отличала его виды Нью-Йорка, и выбор сюжетов был не так оригинален. Тем не менее мосье Шарль искренне говорил, что он в восторге от этюдов. Если они не подойдут для Нью-Йорка, можно будет впоследствии выставить их в Париже. Он выражал Юджину соболезнование по поводу его болезни и настойчиво уговаривал беречь себя.

Юджину пришло в голову, что он родился под несчастливой звездой. Наслушавшись рассказов об астро-

логии и хиромантии, увлекаемый любопытством и безотчетным страхом, он однажды обратился к астрологу, и тот за небольшую мзду сообщил ему, что его ждет громкая слава не то в искусстве, не то в литературе, но что сейчас он входит в неблагоприятную полосу, которая продлится несколько лет. Услышав это, Юджин даже изменился в лице. Старый, словно замшелый джентльмен качал головой над своими астрологическими фолиантами. У него была белая грива, придававшая ему весьма почтенный вид, и совершенно белая борода, но жилет его носил следы пролитого кофе и был обсыпан табачным пеплом, а воротничок и манжеты казались серыми от грязи.

— Звезды предвещают вам большие огорчения в возрасте от двадцати восьми до тридцати лет. После этого наступит длительный период благополучия. Приблизительно на тридцать восьмом или тридцать девятом году жизни вас снова ждут испытания, правда, не столь значительные, и вы с ними справитесь... по крайней мере похоже на то. Гороскоп показывает, что у вас чрезмерно чувствительная натура и сильно развитое воображение и что вы принимаете все близко к сердцу. Кроме того, у вас, видимо, больные почки. Не злоупотребляйте лекарствами; судя по гороскопу, у вас к ним склонность, но они вам впрямь не пойдут. Вы будете женаты дважды, но детей я не вижу.

Он долго еще бубнил что-то себе под нос, и Юджин вышел от него сильно расстроенный. Итак, даже звезды предвещают ему продолжительный период упадка, и в недалеком будущем его снова ждут неудачи. Правда, астролог говорил о периоде благополучия в возрасте между тридцатью двумя и тридцатью восемью годами. Что ж, и это утешительно. Кто же та вторая женщина, на которой ему предстоит жениться? А как же Андже-ла — умрет? В этот декабрьский день он долго бродил по улицам и все думал, думал.

С тех пор как Андже-ла поселилась в Нью-Йорке, ее семья много слышала от нее об успехах Юджина. Каждую неделю одно, а то и два письма обходило всех ее родных. Адресовались эти письма Мариетте, но читали их и миссис Блю, и Джотем, и братья, и сестры. Таким образом, многочисленная родня была полностью в курсе дел молодых супругов и даже сверх того, потому что Андже-ла, описывая успехи своего мужа, не удовлетворя-

лась голыми фактами. Она придавала своим описаниям восторженную окраску, не то чтобы сознательно привнесенную, но навеянную тем ореолом блеска и славы, которым Юджин был окружен в ее собственном воображении. У всех ее родных, и у Марнетты в особенности, сложилось убеждение, что жену такого талантливого человека ждут почет и полное благоденствие. Анджела подробнейшим образом описывала жизнь художников в нью-йоркских и парижских студиях, красоты Лондона и Парижа, всех знаменитостей, с которыми они встречались в Америке и за границей,— мосье Шарля, мосье Аркена, Айзека Вертхейма, Генри Томлинса, Люка Севираса и других. Не было ни одного званого обеда или завтрака, ни одного банкета или чая, который она не описала бы во всех подробностях, не жалея ярких красок. В конце концов Юджин превратился в глазах своих западных родичей в какого-то полубога. Никто не сомневался в его гениальности. Каждый готов был видеть в нем будущего богача или, во всяком случае, человека со средствами.

Нечего и говорить, что все родственники звали Юджина и Анджелу домой погостить. Подумать только, что она вышла замуж за такого выдающегося человека!

То же самое было и в семье Витла. Юджин не виделся с родителями со времени своей последней поездки в Блэквуд, но и они не оставались без вестей. Юджин был нерадивым сыном, и отчасти поэтому Анджела вменила себе в обязанности переписку с его матерью. Она очень жалеет, писала она миссис Витла, что до сих пор лишена удовольствия познакомиться с нею. Она очень любит Юджина и надеется быть ему хорошей женой, а его матери — доброй невесткой. Юджин ужасный лентяй по части писем, а потому она, Анджела, будет теперь писать за него и каждую неделю посылать его матери весточку. Она спрашивала, не соберутся ли мистер и миссис Витла как-нибудь навестить их. Это доставило бы им большую радость и Юджину принесло бы пользу. Она просила сообщить ей адрес Миртл (последняя переехала куда-то из Оттавы), и пусть им как-нибудь напишет Сильвия. К письму были приложены: фотография, изображавшая ее и Юджина, набросок студии, как-то сделанный Юджином, и другой, где она, Анджела, стоит у окна и задумчиво смотрит на улицу. Газетные репро-

дукции его картин с первой выставки, статьи о его работе, критические отзывы — все это Анджела посылала и своим родственникам, и родным мужа, так что обе семьи были осведомлены обо всех их делах.

Когда здоровье Юджина стало совсем плохо, Анджела начала задумываться над тем, как бы поэкономнее устроиться, чтобы иметь какие-то средства на случай, если Юджин совсем сляжет. Вот тут-то ей и пришлось в голову, что было бы целесообразно поехать погостить домой. Правда, семья ее была небогата, но на жизнь вполне хватало. Мать Юджина тоже не переставала спрашивать в письмах, когда же они приедут хоть ненадолго; она не видела причин, почему бы Юджин не мог закончить свои картины в Александрии с таким же успехом, как в Нью-Йорке или в Париже. Юджин охотно согласился на это предложение, — ему пришлось в голову вместо поездки в Лондон заняться сперва Чикаго. Он мог бы некоторое время провести с Анджелой в Блэквуде, а потом у своих родных. Их примут с распростертыми объятиями.

Финансы их в то время были хоть и не совсем в плохом состоянии, но и далеко не в блестящем. Из тысячи трехсот долларов тысяча сто ушли на поездку за границу. Из оставшихся у него (вместе со старыми сбережениями) тысячи двухсот он успел истратить еще триста долларов. Но так как мосье Шарлю снова удалось продать две картины по четыреста долларов за каждую, то текущий счет Юджина вырос до тысячи семисот долларов. На эти деньги, однако, им предстояло жить до следующей продажи картин. Он каждый день надеялся услышать о каком-нибудь новом покупателе, но их что-то не было.

Мало того, выставка, устроенная в январе, произвела далеко не такое впечатление, как он ожидал. Его полотна привлекали общее внимание: и критика, и публика высказывали мнение, что Юджин становится популярен, — в противном случае, разве стал бы мосье Шарль так с ним возиться? Однако сам мосье Шарль находил, что парижские этюды не могут рассчитывать на такой же успех у американцев, как работы на американские темы. Возможно, говорил он, они встретят лучший прием во Франции. Юджин был удручен общим тоном отзывов, но это объяснялось больше его болезненным состоянием, чем какими-либо действительными причинами.

Можно было еще попытать счастья в Париже, могли найтись покупатели и здесь. Но так как эти последние о себе не заявляли и так как в феврале Юджин уже не в состоянии был работать и необходимо было соблюдать строжайшую экономию, он решил принять приглашение своих родителей и родных Анджелы и провести некоторое время в Иллинойсе и Висконсине. Может быть, он за это время поправится. Он надеялся также, если позволит здоровье, поработать в Чикаго.

ГЛАВА XI

Только укладывая вещи перед отъездом из студии на Вашингтон-сквер (которую им так и не пришлось освободить, ибо мистер Декстер все еще не возвращался), Анджела впервые наткнулась на доказательство двоедушия Юджина. С присущей ему беспечностью во всем, что не имело отношения к его работе, Юджин положил все письма, полученные в свое время от Кристины Чэннинг, и единственное письмо от Руби Кенни в коробку из-под почтовой бумаги и сунул ее на дно сундука. Он давно успел забыть про эти письма, хотя у него осталось впечатление, что они лежат в таком месте, где никак не могут быть обнаружены. Когда Анджела принялась разбирать вещи в сундуке, она наткнулась на коробку, открыла ее и достала письма.

В тот период Анджела жила только Юджином. Все ее помыслы, все ее чувства были целиком поглощены связывавшими их отношениями. Юджин и его дела — других интересов для нее не существовало. Она в недоумении посмотрела на письма, а потом открыла одно из них — со штемпелем Флоризеля. Оно было написано три года назад, в то самое лето, когда Анджела так терпеливо ждала приезда Юджина в Блэквуд. Начинаясь оно довольно невинно: «Дорогой Ю.». Но дальнейшее его содержание говорило об очень интимной близости.

«Я поехала сегодня утром взглянуть, не осталось ли каких-нибудь вещественных доказательств пребывания Дианы и Адониса в Аркадии. Ничего существенно важного я не нашла. Несколько шпилек, обломок перламутровой пуговицы от летней блузки, огрызок карандаша,

которым некий гений делал наброски. Деревья, казалось, ч понятия не имели о каких бы то ни было нимфах или дриадах. Трава не была помята, как будто никто никогда по ней и не ходил. Даже удивительно, как много могут знать деревья и как они умеют хранить тайну.

Каково-то сейчас в жарком городе! Тоскуете ли Вы по мерному качанию некоего гамака! О, этот аромат листвы и росы! Не переутомляйте себя работой. Будущее лежит у Ваших ног, а жизненных сил у Вас, пожалуй, даже слишком много. Вам нужно побольше спокойствия, сэр. И значительно больше оптимизма. Шлю свои наилучшие пожелания.

Диана».

«Кто она, эта Диана?» — тотчас же заволновалась Анджела, так как, едва взяв письмо в руки, она сразу взглянула на подпись на другой странице; а прочитав первое письмо, стала с лихорадочной быстротой перебирать остальные, горя желанием узнать имя этой женщины. Но имени нигде не было. «Диана гор», «Дриада», «Лесная нимфа», «К.» «К. Ч.» — вот какие подписи следовали одна за другой, сбивая с толку, вызывая раздражение и ярость. Но наконец она набрела на имя незнакомки. Оно значилось под письмом из Балтиморы, в котором Юджина приглашали в Флоризель, — «Кристина».

«А! — подумала Анджела. — Кристина! Вот как ее зовут!» Потом снова принялась за письма и стала читать их все подряд, в надежде найти ключ к разгадке — фамилию. Все они были написаны в одном и том же тоне, в этом, столь присущем студиям и столь презируемом Анджелой, вычурном, неестественном, непристойном, лицемерном, вульгарном и притворно-высокопарном тоне. Как возненавидела Анджела эту женщину! Она могла бы задушить ее, она разможила бы ей голову об одно из тех деревьев, про которые та писала. Противная тварь. Как она смела! А Юджин — как он мог! Так вот она, награда за ее любовь! Вот чем он отвечал на ее преданность! В то самое время, когда она так терпеливо ждала его, он был в горах, у этой Дианы. А она еще упаковывает его сундук, словно рабыня какая-то. Он не любит ее по-настоящему, он, наверно, никогда по-настоя-

щему ее не любил! Разумеется, не любил! Никогда не любил! Боже мой!

И, со свойственной ее натуре страстностью, она театрально заломила руки, обезумев от ненствования и чувства обиды. Но вдруг остановилась. Среди писем было одно, написанное другим почерком и на более простой бумаге. Подпись гласила: «Руби».

«Дорогой Юджин, уже несколько недель, как я получила твое письмо, но до сих пор не могла заставить себя ответить. Я знаю, что между нами все кончено, да иначе и не могло быть. Мне кажется, ты неспособен долго любить одну женщину. Ты прав, конечно, что тебе необходимо было ехать в Нью-Йорк, там тебя ждет более широкое поле деятельности. Все это так, но мне очень больно, что ты не пришел проститься. Все же мог бы зайти. Однако я ни в чем тебя не упрекаю, Юджин. В сущности, конец немногим отличается от того, что было между нами все последнее время. Я тебя любила, но я знаю, что так или иначе перенесу это и никогда не буду упрекать тебя. Пожалуйста, верни мне мои письма и фотографии. Теперь они тебе больше не нужны.

Руби.

Ночью я стояла у окна и смотрела на улицу. Луна сияла, ветер раскачивал голые деревья. Вдали, среди лугов, блеснул пруд, и в нем отражалась луна. Он казался серебряным. О Юджин, лучше бы мне умереть!»

Прочитав это письмо, Анджела вскочила, как и Юджин в свое время. Грустный тон его проник ей в сердце, она сама могла бы написать такое письмо. Руби! Кто она такая? Где он скрывал ее, когда она, Анджела, приезжала в Чикаго? Неужели это было в ту осень и зиму, когда она стала его невестой? Да, несомненно. Достаточно взглянуть на число. В ту осень он надел ей на палец бриллиантовое колечко. Он клялся ей в вечной любви. Он клялся, что во всем мире нет женщины, подобной ей. И в то же время он, по-видимому, ухаживал за этой женщиной, и, может быть, не только ухаживал. Боже! Неужели такие вещи бывают? Он твердил ей о своей любви и одновременно волочил за этой Руби! Он целовал и ласкал ее — и эту Руби! Случалось ли кому-нибудь попадать в такое положение? Подумать только, что он, Юджин Витла, мог так обмануть ее! Надо ли удив-

ляться, что по приезде в Нью-Йорк он хотел отделаться от нее, точно так же, как от своей Руби! А Кристина! А эта Кристина! Где она сейчас? Кто она такая? Что она сейчас делает? Анджела готова была бежать к Юджину и бросить ему в лицо обвинение во всех его подлостях, но вспомнила, что его нет дома — он вышел пройтись. К тому же он болен, очень болен. Осмелится ли она упрекать его за эти преступные эпизоды прошлого?

Анджела вернулась к раскрытому сундуку и села. Ее глаза смотрели холодно и жестко, но в них отражался страх и мучительная любовь. Ее лицо, которое в минуты спокойствия напоминало лик мадонны, заострилось и побледнело. По-видимому, думала она, Кристина бросила его, хотя, впрочем, кто знает, быть может, они продолжают тайком переписываться. При этой мысли Анджела встала. Нет, письма были давнишние. Вероятно, переписка прекратилась еще два года назад. А что было в его письмах? Любовные излияния? Нежные уверения вроде тех, какими он обольщал ее? О, это вероломство мужчин, эта лживость, это незнание никакой ответственности, долга! Взять ее отца — вот это совсем другой человек. Или ее братья — их слово свято. А она стала женой обманщика, который даже в дни самого пылкого увлечения изменял ей. И она позволила ему совратить ее, опозорить ее семью. Слезы хлынули у нее из глаз, горячие слезы, которые, казалось, жгли ей щеки.

Но теперь он ее муж, и он болен, и ей придется примириться со своим положением. Да она и готова примириться, так как в конце концов она ведь любит его. Но бог ты мой, какое мучение, сколько во всем этом притворства, бездушия, жестокости!

Юджин вернулся домой лишь через несколько часов, и у Анджелы было вполне достаточно времени, чтобы обдумать свои действия. Веря безгранично в гениальность своего мужа, — чему способствовали и чужое мнение и ее собственная любовь к нему, — она могла думать лишь о том, чтобы излить на Юджина всю накопившуюся в ее душе желчь, излечить его от скверных наклонностей, пристыдить за его возмутительное прошлое, сделать так, чтобы он понял, как дурно он обошелся с ней и как должен об этом сожалеть. Ей хотелось, чтобы он раскаялся, глубоко раскаялся, чтобы он помучился; но она далеко не была уверена в том, что этого добьется.

Он вечно парил в облаках, он так безразлично относился ко всему окружающему, он до такой степени был погружен в созерцание жизни, что трудно было заставить его думать о ней, Анджеле. Вот чего она ему не могла простить. У него были иные боги, которых он ставил выше ее,— богом было для него искусство, богом была природа, богом был человек как объект для живописи. Она не раз пеняла ему за последний год:

— Ты не любишь меня. Не любишь!

А он отвечал ей:

— Ты ошибаешься, я тебя люблю. Но пойми же, Ангелочек, я не могу целыми днями болтать с тобой. У меня есть моя работа, я должен развивать свое дарование. Я не могу все время целовать тебя.

— Ах, не в этом дело, не в этом дело! — горячо возражала она. — Просто ты меня не любишь так, как должен был бы любить. Видно, я тебе безразлична. Если бы ты любил меня, я бы это чувствовала.

— Зачем ты это говоришь, Анджела! — отвечал он. — И к чему все это? Странная ты женщина, как я посмотрю. Ну, прошу тебя, будь благоразумна. Попробуй смотреть на вещи немного философски. Не можем же мы любезничать с утра до ночи.

— Любезничать! Вот как ты выражаешься! Вот как ты об этом думаешь! Словно это какая-то обязанность, которую ты должен выполнять! О, я ненавижу любовь! Ненавижу жизнь! Ненавижу философию! Лучше бы я умерла!

— Ради бога, Анджела, перестань! Я не выношу этого! Я не в силах терпеть эти сцены! В этом нет ни капли здравого смысла. Ты отлично знаешь, что я тебя люблю. Разве я этого не доказал? Зачем бы я иначе женился на тебе? Разве я обязан был жениться?

— Боже мой! Боже мой! — продолжала она рыдать, ломая руки. — Нет, ты совсем меня не любишь! Нисколько не любишь! Так оно теперь и пойдет — все хуже и хуже, все меньше и меньше любви, пока ты наконец и смотреть на меня не захочешь! Ты возненавидишь меня! О боже, боже!

Чувство, с которым она рисовала себе эту будущую беду, было понятно Юджину. В сущности, ее страх перед катастрофой, которая грозила опрокинуть утлую ладью ее счастья, был в достаточной мере обоснован. Вполне возможно, что его любви придет конец, тем более

что и сейчас это не было любовью в истинном смысле слова, то есть страстным желанием духовной близости. Он, собственно, никогда не любил ее за ум или за душевную красоту. Теперь, размышляя над этим, он отдавал себе отчет, что между ними никогда не было того взаимопонимания, которое создается общностью взглядов и стремлений. Их близость зиждилась на чем-то подсознательном, на естественном влечении, идущем не от разума, не от духовного восприятия мира, а только от чувственности и желания, чисто физического желания — сильного, стихийного, неукротимого. И по какой-то причине он, как это ни странно, всегда испытывал к ней жалость. Она такая маленькая, она так мучается предчувствием несчастья, она так боится жизни и того, что жизнь может с нею сделать. Было бы жестоко разрушить все ее надежды и помыслы. Но вместе с тем ему было обидно, что он сам отдал себя в это рабство, сам подставил шею под это ярмо. Он мог бы гораздо лучше устроить свою жизнь. Он мог бы жениться на богатой женщине или на женщине с артистической душой, с философским складом ума вроде Кристины Чэннинг, которая была бы с ним спокойна и счастлива. Анджеला никогда не будет с ним счастлива. И в самом деле, он не может восхищаться ею, носиться с нею так, как ей этого хочется. Даже в те минуты, когда Юджин старался успокоить ее, рассеять ее страхи, он внутренне соглашался с ней, что между ними далеко не все обстоит благополучно, и не переставал думать о том, насколько иначе могла бы сложиться его жизнь.

— Нет, Анджела, вовсе этим не кончится,— говорил он ей в таких случаях.— Ну, полно плакать. Мы будем с тобой счастливы. Я всегда буду любить тебя несколько не меньше, чем сейчас. И ты будешь любить меня. Разве этого недостаточно? Ну, перестань, развеселись! Не будь такой пессимисткой. Перестань, Анджела! Пожалуйста, прошу тебя!

Анджела снова оживлялась. И опять на нее нападали тоска и страх. Это стало обычным явлением, и такой припадок мог разразиться совершенно неожиданно, подобно летней грозе.

Анджела пыталась обмануть себя, поверить, что в Юджине говорит не только жалость, а и более сильное чувство. Но теперь, когда она обнаружила эти письма, иллюзии ее рассеялись. Письма подтвердили ее подо-

зрение, что Юджина привязывает к ней только жалость, и снова на нее нахлынуло то ощущение трагического разочарования и отчаяния, которое так часто овладевало ею. И надо же, чтобы это случилось как раз в такое время, когда Юджин особенно нуждался в ее внимании, заботливости, нежности, когда он находился в таком удрученном состоянии. Начать с ним ссору сейчас, выйти из себя, впасть в ярость и заставить его утешать ее было опасно. Не такое у него было душевное состояние. Подобная сцена не пройдет ему даром.

Юджина тянуло к жизнерадостным, беззаботным людям, общение с которыми позволило бы ему забыться, исцелило бы его. Он нередко заходил к Норме Уитмор, к Айседоре Крейн, с успехом выступавшей на сцене, к Гедде Андерсон, которая хоть и была натурщицей, но обладала обаятельным умом и неистощимой веселостью, а порой и к Мириэм Финч. Мириэм была довольна, что Юджин приходит один. Это давало ей оружие против Анджелы, и она отнюдь не склонна была скрывать, что Юджин у нее бывает. Другие его приятельницы предполагали (хотя Юджин ничего им не говорил), что раз он приходит без жены, значит, не хочет, чтобы об этом было известно, и молчали. Они считали, что, женившись на Анджеле, он совершил ошибку и теперь одинок духовно и интеллектуально. Все они были очень огорчены и встревожены его болезнью. Как обидно, думали они, что здоровье подводит его именно в такой момент. Юджин пребывал в вечном страхе, как бы Анджела не проведала, что он навещает своих приятельниц. Он не хотел рассказывать ей об этом, так как она обиделась бы, что он не берет ее с собой, а вздумай он ее позвать, стала бы противиться, или попросила бы отложить посещение до другого раза, или начала бы задавать нелепые вопросы. Юджину приятно было чувствовать себя свободным и ходить куда вздумается, никому не докладываясь и не спрашиваясь. Он тосковал по своей прежней свободе, а теперь, томясь от вынужденного безделья, чувствовал себя особенно несчастным и ощущал потребность в развлечениях и непринужденной товарищеской беседе. Жизнь стала казаться ему мрачной и унылой.

В тот день, возвращаясь домой и по обыкновению терзаясь страхами из-за своего здоровья, Юджин думал найти какое-то утешение в обществе Анджелы. Он пришел в час дня — время, установленное для второго зав-

трака,— и, увидев, что Анджела продолжает укладывать вещи, воскликнул:

— Все еще возишься! Я вижу, ты любишь доводить дело до конца, когда за что-нибудь берешься. Настоящая маленькая труженица. Что, досталось тебе?

— Н-нет,— протянула она.

От Юджина не укрылся ее тон. Она не очень вынослива, подумал он, и эта укладка, по всей вероятности, сказала на ее нервах. Хорошо еще, что вещей не так много, посуда, например, вся принадлежит владельцу студии. Все же Анджела, по-видимому, утомилась.

— Ты устала? — спросил он.

— Н-нет,— ответила она.

— А вид у тебя утомленный,— сказал он, обнимая ее одной рукой за талию, а другой приподнимая ей подбородок. Лицо у нее было бледное, напряженное.

— Усталость тут ни при чем,— ответила она трагическим тоном, отворачиваясь от него.— Только сердце болит. Вот здесь! — и она прижала руку к груди.

— Ну, что опять случилось? — спросил Юджин, подозревая что-то неладное, хотя он при всем желании не мог бы догадаться, в чем дело.— У тебя что-то с сердцем?

— Нет, не с сердцем,— ответила она.— У меня душа болит... Впрочем, какое это имеет для тебя значение.

— Что-нибудь случилось, дорогая? — настаивал он, так как ему было жаль ее. Повышенная чувствительность Анджелы всегда волновала его. Может быть, это игра, а может, и нет. Может быть, у нее настоящее горе, а может быть, она сама его выдумала. Но так или иначе ей от этого не легче.

— Ну, так как же, Анджела? — повторил он.— Видно, дело не только в усталости. А не лучше ли бросить работу и пойти куда-нибудь поесть? Ты немного встряхнешься.

— Нет, я не в состоянии есть,— ответила она.— Работу я пока оставляю и приготовлю тебе завтрак, но сама есть не стану.

— Но в чем же дело, дорогая? — не переставал допрашивать Юджин.— Я вижу, что-то случилось. Но что именно? Либо ты устала и больна, либо что-то стряслось. Может быть, я в чем-либо виноват? Посмотри на меня. Я, да?

Анджела отворачивалась от него и не поднимала глаз. Она не знала, с чего начать, но ей хотелось заставить его мучиться — так же, как мучилась она сама. Он должен почувствовать свою вину, думала она; если в нем осталась хоть капля стыда, хоть капля жалости, он поймет, как он перед нею виноват. Сейчас, когда она узнала о его позорном прошлом, ее положение просто ужасно. Некому ее любить, и не к кому ей обратиться, — так круто изменилась вся ее жизнь. Ведь она теперь не та, что была раньше, она человек другого мира, особа с положением. Для своей семьи она уже чужая. Дни, проведенные с Юджином в Нью-Йорке, Париже и Лондоне, да и до замужества — в Чикаго и Блэквуде, совершенно изменили ее взгляды на жизнь. От прежних ее воззрений, как ей представлялось, не осталось и следа, теперь оказаться совсем покинутой, открыть, что тебя не любят по-настоящему и никогда, в сущности, не любили, что с тобой только играли, что ты была лишь куклой, забавой, — это было ужасно!

— О боже! — вырвалось у нее каким-то криком. — Я не знаю, что мне делать! Я не знаю, что сказать! Я не знаю, что думать! Если б только я знала, как отнестись к этому!

— Но в чем же дело? — взмолился, наконец, Юджин, отпуская ее. Теперь он думал не только о ней, но и о себе. Под действием этой пытки нервы у него напряглись до последней степени, голову как будто тискал сдавило. Руки дрожали. Раньше, когда он был здоров и нервы были в порядке, он обращал на такие сцены мало внимания. Но теперь, при его болезненном состоянии, когда его собственное сердце, как ему казалось, шалило, а нервы расстраивались из-за малейшего пустяка, это было выше его сил.

— Почему ты молчишь? — настаивал он. — Ты знаешь, что я этого не выношу. А тем более в моем состоянии. Что случилось? Зачем эта сцена? Скажешь ты мне или нет?

— Вот! — сказала Анджела, указывая пальцем на коробку с письмами, которую она поставила на подоконник. Она знала, что, увидев их, он сейчас же вспомнит и все поймет.

Юджин посмотрел в указанном направлении. Он сразу узнал коробку. Растерянно он взял ее с окна, — это

был удар прямо в лицо, и он встретил его безоружным. В памяти воскресли его отношения с Руби и с Кристиной, но уже не в том свете, в каком он их видел в свое время, а в том, в каком они могли представиться Андже-ле. Что она о нем думает? Ведь он не переставал уверять ее в своей любви, не переставал говорить, что вполне счастлив и доволен жизнью с ней, что его несколько не интересуют другие женщины, которые, как было известно Андже-ле, весьма им интересовались и вызывали в ней безумную ревность, что он всегда любил только ее и никого, кроме нее. И вдруг откуда-то выплывают на свет эти письма, выдавая всю ложь его уверений и клятв, выставляя его тем трусом, подлецом и нравственным вором, каким он сам себя сознавал. Теперь, когда вышел наружу так долго спасавший его обман, когда нельзя было больше играть на неведении Андже-лы, когда перед лицом неопровержимых доказательств с полной ясностью выступило его поведение, он беспомощно оглядывался, весь охваченный нервной дрожью, голова у него разламывалась от боли,— ему действительно не под силу были сейчас такие объяснения.

И вот Андже-ла плачет. Она отошла от него и, прислонившись к камину, разрыдалась так, что, казалось, сердце ее должно разорваться. В этих рыданиях слышалось неподдельное горе, это были звуки, говорившие о чувстве невозвратимой утраты, безнадежности, отчаянии. Юджин не сводил глаз с коробки, спрашивая себя, как он мог быть таким ослом, чтобы оставить письма в сундуке, и зачем он вообще хранил их.

— Мне, конечно, нечего сказать,— проговорил он наконец, медленно подходя к Андже-ле.

Сказать ему, правда, было нечего. Но ему было мучительно жаль ее — и жаль себя.

— Ты все прочла? — с любопытством спросил он. Она утвердительно кивнула головой.

— Собственно говоря, Кристину Чэннинг я не так уж и любил,— небрежным тоном заметил он.

Он чувствовал, что надо что-то сказать, безразлично что, лишь бы облегчить горе Андже-лы, и понимал, что в его распоряжении очень мало средств для этого. Хорошо, если ему удастся убедить ее хотя бы в том, что ничего серьезного в этих романах не было, что это были лишь простые увлечения. Но письмо Руби Кенни

выдавало ее беззаветную любовь. О Руби говорить в таком тоне он не мог.

Анджела ясно уловила имя Кристины Чэннинг, с тем чтобы уже никогда его не забыть. Она вспомнила теперь, что именно об этой женщине время от времени слышала из уст Юджина лестные отзывы. Он рассказывал знакомым, какой у нее прекрасный голос, как она эффектна на сцене, с каким чувством поет, какой глубиной отличаются ее взгляды на жизнь, как она хороша, и, наконец, что она когда-нибудь вернется на американскую сцену. И, оказывается, он был с нею в горах, он ухаживал за нею в то время, когда она, Анджела, терпеливо ждала его в Блэквуде. В мгновение вспыхнула вся накопившаяся в ней бешеная ревность, та самая ревность, которая уже заставила ее однажды принять твердое решение удержать Юджина наперекор всем, как ей казалось, лукавым замыслам, всем заговорам, которыми ее окружили. Нет, он не достанется им, этим отвратительным зазнайкам из студий, ни кому-либо из них в отдельности, ни всем вместе, — пусть только попробуют вырвать его у нее. Они обращались с нею самым бесстыдным образом с первого дня ее приезда в Нью-Йорк. Все они делают вид, что не замечают ее. Разумеется, они заходят к Юджину, а теперь, когда он стал знаменит, так и вертятся вокруг него, но что касается ее — о, до нее им нет никакого дела. Разве она этого не видит! Разве она не замечает, какими глазами они смотрят на нее, как они ее критикуют, осуждают! Она для них недостаточно умна! Она недостаточно сведуща в литературе и в искусстве. Но она столько же знает о жизни, сколько и они, а может быть, и больше, в тысячу раз больше! И только потому, что она не умеет ломаться, позировать и говорить напыщенно, они считают себя выше ее! И Юджин, несчастный, с ними заодно! Выше ее! Эти жалкие, завистливые бабы, скверные эгонстки, выскочки! Да ведь они нищие, большинство из них! Ведь их платья, если хорошенько присмотреться, — сплошное тряпье, кое-как скроенное из скверного материала, на живую нитку сметанное! А с каким важным видом они их носят! Но она им покажет! Она и сама в скором времени разоденется, как только у Юджина будут средства. Уже и сейчас она одета гораздо лучше, чем вначале, когда только приехала, а дай срок — она всех их заткнет за пояс. Эти противные злоки, мерзкие инт-

риганки, живые твари! Она им еще покажет! О-о! Как она их ненавидит!

И она плакала, думая о том, как мог Юджин писать любовные письма этой отвратительной Кристине Чэннинг. Это тоже одна из таких, сразу видно по письмам.

О-о! Как она ее ненавидит! Добраться бы до нее и отравить! Рыдания Анджелы больше говорили о жалости к себе, чем о гневе. Она в некотором смысле была беспомощна и сознавала это. Она не осмеливалась полностью открыть Юджину свои переживания. Она боялась его. Он мог ее бросить. Не так уж сильно он ее любит, чтобы стерпеть что угодно, — а может быть, любит? Вот это сомнение и было самым страшным, самым отчаянным, самым убийственным. Если бы она только знала, любит ли он ее!

— Напрасно ты плачешь, Анджела, — с мольбою в голосе снова начал Юджин после тягостного молчания. — Ты, видно, бог весть что себе рисуешь. Я понимаю, что все это должно казаться очень некрасивым, но ведь я тогда еще не был женат. И не так уж я любил этих женщин, далеко не так, как ты воображаешь. Право, не любил. Ты можешь думать что угодно, но я правду говорю.

— Не любил! — воскликнула Анджела, снова выходя из себя. — Не любил! Действительно, можно поверить, что ты их не любил, когда одна называет тебя своим дорогим мальчиком и Адонисом, а другая говорит, что хотела бы умереть! Попробуй после этого убедить кого-нибудь, что ты их не любил! А я сидела в Блэквуде и тосковала и ждала твоего приезда, а ты был в это время где-то в горах с другой женщиной. О, теперь я знаю, как ты меня любил! Какая же это любовь, раз ты мог бросить меня в Блэквуде, заставив ждать тебя и изнывать от тоски, в то время, как сам блаженствовал в горах с этой женщиной! «Дорогой Ю.»! «Мой милый, дорогой мальчик», «Адонис»! Вот как ты меня любил, правда?

Юджин беспомощно озирался вокруг. Горечь и ярость Анджелы изумляли и бесили его. Он не поверил бы, что она способна на такую страшную злобу, но в то же время прекрасно сознавал, что ей есть на что жаловаться. Только зачем так резко, чуть ли не грубо! Ведь он болен. Неужели она совершенно не считается с этим?

— Уверяю тебя, что все это гораздо невиннее, чем ты воображаешь,— упрямо повторял он, и в голосе его впервые прозвучали нотки протеста и озлобления.— Мы с тобой не были тогда женаты. Кристина Чэннинг мне нравилась и Руби Кенни тоже. Но что из этого? Прошлого не воротить. Чего ты хочешь от меня? Что, по-твоему, я должен сказать тебе? Что я должен сделать?

— О! — захныкала Анджела, сразу меняя тон и от бессильной ярости обличительницы переходя к жалобной мольбе и жертвенному отчаянию.— И ты еще можешь спокойно стоять тут и спрашивать меня, что из этого? Что из этого? А я-то верила, что ты порядочный, честный человек! О, если бы я знала! Если бы только я знала раньше! Лучше бы мне было сто раз утопиться, чем вдруг очнуться и обнаружить, что ты меня никогда не любил! О боже! Что со мной будет! Что мне делать?

— Но ведь я же люблю тебя,— уговаривал ее Юджин, готовый что угодно сказать или сделать, лишь бы только унять этот жестокий шторм.

Как мог он быть таким разиней и так беспечно бросить письма! Бог ты мой! Какую кашу он теперь заварил! Почему он не спрятал письма где-нибудь вне дома? Почему не уничтожил их? Но ему хотелось сохранить письма Кристины, в них столько очарования.

— Да, еще бы, любишь! — снова рассвирепела Анджела.— Вижу я, что это за любовь! Эти письма все доказывают! О боже, боже! Лучше смерти!

— Послушай, Анджела,— сказал Юджин, теряя терпение.— Я отлично понимаю, что эти письма неприятно поразили тебя. Я не отрицаю, я ухаживал за мисс Кенни и за Кристиной Чэннинг, но ты сама видишь, я не настолько любил их, чтобы жениться. В противном случае я бы это сделал. Если бы я одну из них любил по-настоящему, я женился бы на ней. Но я любил тебя. Можешь мне верить или не верить, это как тебе угодно. Женился-то ведь я на тебе. Почему я это сделал? Что ты мне на это ответишь? Разве я был обязан? Почему же я так поступил? Разумеется, потому, что любил тебя. Что другое могло меня заставить?

— То, что ты не мог добиться Кристины Чэннинг,— злобно отрезала Анджела, наугад делая вывод из фактов, имевшихся в ее распоряжении.— Вот что. Ес-

ли бы ты мог, ты женился бы на ней. Это ясно. По ее письмам видно.

— Ничего подобного по ее письмам не видно! — рассердился Юджин. — Я не мог добиться ее? Да я без всякого труда мог ее добиться. Но я не хотел этого. Если бы я пожелал, она вышла бы за меня замуж. Можешь не сомневаться!

Юджин ненавидел себя за эту ложь, но чувствовал, что у него нет другого выхода. Ему не хотелось фигурировать в роли отвергнутого любовника. Он даже наполовину внушил себе, что действительно мог бы жениться на Кристине, если бы приложил все старания.

— Так или иначе, — сказал он, — я не намерен об этом спорить. Факт тот, что я не женился ни на ней, ни на Руби Кенни. Ты можешь думать, что хочешь, но я-то ведь знаю. Они мне обе нравились, но я не женился ни на той, ни на другой. Я женился на тебе. Будь хоть сколько-нибудь справедлива. Я женился на тебе — значит, надо полагать, любил тебя. Ведь это ясно, не правда ли?

Он даже себя почти убедил, что любил ее — хотя бы немного.

— Знаю я, как ты меня любишь! — упиралась Анджела, сбита с толку этим доводом, на котором Юджин так настаивал и который трудно было опровергнуть средствами логики. — Ты женился на мне потому, что не сумел отвертеться, только поэтому. О, я знаю! Я тебе вовсе не нравилась! Это ясно. Ты хотел жениться на другой. О боже, боже!

— Что ты заладила — жениться на другой! — возмутился Юджин. В голосе его слышался вызов. — На ком же, по-твоему, я хотел жениться? У меня было достаточно возможностей жениться, стоило мне только захотеть. Но я из всех выбрал тебя, вот и все. Хочешь верь, хочешь не верь. Я хотел жениться на тебе, и так и сделал. Не понимаю, на каком основании ты считаешь себя вправе оспаривать это. Все, что ты говоришь, сплошная нелепость, и ты это прекрасно знаешь.

Анджела опять задумалась. Ведь он действительно на ней женился. Но почему он это сделал? Возможно, что, любя Кристину и Руби, он любил и ее. Как же она об этом не подумала? Очевидно, в том, что он говорит,

есть доля правды, а не только желание обмануть ее. И, очевидно, она не слишком многого добьется, продолжая этот разговор. В Юджине заговорило упрямство, он начал изобретать доводы, увлекся спором. Она никогда еще не видела его таким.

— О! — разрыдалась она, ища убежища от неподвластной ей логики в надежных и милых ее сердцу слезах.— Не знаю, что мне делать! Не знаю, что думать!

Факт оставался фактом — Юджин поступил с нею дурно. Вся ее жизнь разбита. Но сколько в нем притягательной силы даже сейчас, когда он стоит перед ней точно школьник, растерянно озираясь по сторонам и то принимая вызывающий тон, то моля о снисхождении. Она не могла не чувствовать, что он, в сущности, вовсе не плохой человек. У него только одна слабость — он равнодушен к красивым женщинам. А те так и норовят завладеть им. Возможно, он даже не виноват в этом. Но он обязан проявить раскаяние, и тогда вся эта история будет предана забвению. О прощении не может быть и речи. Она никогда не простит ему этого обмана. Идеал, который она создала себе, был навсегда и окончательно разрушен. Но она могла бы согласиться жить с ним и дальше, подвергнуть его испытанию.

— Анджела,— сказал Юджин, видя, что она все еще рыдает, и чувствуя, что необходимо просить прощения,— почему ты не хочешь мне поверить? Неужели ты не простишь меня? Мне больно видеть, как ты плачешь. Было бы бессмысленно уверять, что я ни в чем не виноват. Вообще бессмысленно что-либо говорить, право. Ты мне все равно не поверишь. Я и не требую, чтобы ты мне верила. Но мне очень жаль, что так вышло. Этому, надеюсь, ты веришь? И, может быть, ты все-таки простишь меня?

Анджела жадно слушала его, а мысли ее вертелись словно в каком-то заколдованном кругу,— в ней говорили отчаяние, обида, жажда мести, жалость к Юджину, страх потерять свое положение, желание завоевать и удержать его любовь, желание наказать его, желание сделать еще сотни противоречивых вещей. О, как было бы хорошо, если бы ничего этого не было! А тут еще его болезнь! Ведь он нуждается в ее внимании.

— Неужели ты не простишь меня, Анджела? — тихо сказал Юджин, прикасаясь к ее руке.— Уверяю тебя, это никогда больше не повторится. Можешь ты мне по-

верить? Ну, полно, Андже! Перестань плакать, прошу тебя.

Андже! все еще колебалась, упиваясь своим безутешным горем. Она действительно не знала, что делать, что сказать. Быть может, он и в самом деле никогда больше не даст ей повода для огорчения. До сих пор, насколько ей было известно, он вел себя безукоризненно. Все же это было чудовищное открытие. Но тут Юджин улучил удобный момент и, воспользовавшись тем, что она и сама устала от слез и бурной ссоры и истосковалась по его жалости и ласке, быстро привлек ее к себе. Склонив голову на его плечо, она расплакалась еще неуждержимей. Юджину было искренне жаль ее. Он чувствовал себя виноватым. Действительно, ему должно быть стыдно. Не следовало так поступать.

— Мне очень жаль,— продолжал он шептать ей на ухо,— право, жаль. Может быть, ты простишь меня, Андже!

— Ах, я не знаю, как быть,— после маленькой паузы простонала Андже!.

— Ну, прости меня, Андже!,— продолжал он уговаривать ее, заглядывая ей в глаза.

Долго еще продолжались эти мольбы и чувствительные объяснения, пока наконец Андже!, совершенно измученная, не сказала «да». У Юджина от этой схватки нервы напряглись до крайности. Он побледнел, обессилел, он чувствовал, что теряет рассудок. «Еще несколько подобных сцен,— мелькнуло у него в голове,— и я окончательно сойду с ума». Тем не менее ему необходимо было пройти даже сейчас через весь ритуал нежностей и любовных ласк. Нелегко было вернуть Андже! в ее обычное, нормальное состояние. «Скверная штука,— подумал Юджин,— это волокитство. И самому одни неприятности, да еще Андже! ревнует. Бог ты мой, какой она становится злой, сварливой, бешеной, если ее вывести из себя!» Он никогда не предполагал этого в ней. Может ли он любить ее, если она так ведет себя? Может ли жалеть ее? Ему вспомнилось, с какой язвительной насмешкой она утверждала, что Кристина отвергла его. Он испытывал ужасную усталость, он был взбудоражен, ему хотелось отдохнуть и поспать, а от него требовались ласки. Постепенно ему удалось привести Андже! в более мирное расположение духа. Он продолжал ласкать Андже!, и постепенно ему удалось

вывести ее из состояния глубокой меланхолии. Но в душе она его не простила. Она только стала лучше понимать его. Не вернулось к ней и прежнее беззаботное счастье,— а только робкая надежда. И настороженность.

ГЛАВА XII

Весну, лето и осень Юджин и Анджела провели частью в Александрии, частью в Блэквуде. Болезнь и необходимость покинуть Нью-Йорк помешали Юджину пожать лучшие плоды своих успехов на поприще искусства: мосье Шарль и многие другие лица проявляли к нему большой интерес и охотно устраивали бы ему чествования и приемы. Он мог бы много бывать в обществе, но его нынешнее душевное состояние не располагало к этому. Он сделался чрезвычайно угрюм, часто заводил разговоры на самые грустные темы; жизнь представлялась ему в высшей степени печальной, а люди — все без исключения — дурными. Жадность, бесчестность, эгоизм, зависть, лицемерие, клевета, ненависть, воровство, прелюбодеяние, убийство, слабоумие, помешательство, душевная опустошенность — вот что занимало его мысли, да еще смерть и наступающее за нею тление. Ни в чем, казалось, не было просвета — повсюду он видел неистовство зла и смерти. Эти мысли, к которым присоединялись еще неприятности с Анджелой, сознание, что он не в силах работать и что его брак ошибка, страх перед смертью или сумасшествием привели к тому, что эта зима превратилась для него в сплошную пытку.

Анджела, когда первый порыв бури улегся в ее душе, снова стала относиться к нему внимательно, но в ее поведении все же сквозило какое-то недоверие. Правда, она ничего не говорила, она согласилась не поминать про старое, но Юджин чувствовал, что она ничего не забыла, что в душе она продолжает упрекать его, что она ждет новых проявлений его слабости и остается настороже, чтобы вовремя предупредить их.

Весна, которая началась вскоре по их приезде в Александрию, принесла Юджину некоторое облегчение. Он решил временно оставить всякие попытки вернуться к работе, отказаться от мысли ехать в Лондон или в Чикаго и только отдыхать. Может быть, он и в самом де-

ле просто устал? Правда, у него не было такого ощущения. Он не мог спать, не мог работать, но чувствовал себя достаточно бодрым, и только то, что к нему не возвращалась работоспособность, делало его несчастным. Все же он решил испробовать полный отдых. Может быть, это воскресит в нем его чудесный дар. А тем временем он не переставал думать о том, что дни уходят, — с какими бы он мог познакомиться интересными людьми, в скольких новых местах побывать! Ах, Лондон, Лондон! Как он мечтал его писать!

Старики Витла были бесконечно рады, что их сын снова с ними. Люди простые и немудрящие, они никак не могли понять, почему так внезапно пошатнулось его здоровье.

— Никогда в жизни Юджин не выглядел так скверно, — заметил жене Витла-отец в день приезда сына. — У него совсем ввалились глаза. Как ты думаешь, что бы это могло быть?

— Что я могу сказать? — ответила ему жена, страшно огорченная состоянием своего мальчика. — Просто он переутомился. Немного отдохнет и поправится. Только смотри не проговорись, что замечаешь в нем что-то неладное. Делай вид, будто он вполне здоров. А что ты скажешь о его жене?

— Она производит приятное впечатление, — ответил Витла. — И уж, конечно, любит его. Я, правду сказать, никогда не думал, что Юджин женится на женщине такого типа. Но ему, разумеется, виднее. В свое время, вероятно, никто не предполагал, что я женюсь на такой женщине, как ты, — шутя добавил он.

— Да, это была действительно ошибка с твоей стороны, — в том же тоне ответила миссис Витла. — Но, между прочим, ты приложил немало усилий, чтобы совершить ее.

— Я был молод! Молод! Не забывай этого. Я мало что понимал в то время.

— Я бы сказала, что ты не многим больше понимаешь и сейчас, а?

Он улыбнулся и ласково похлопал ее по плечу.

— Ну что ж, остается покориться судьбе. Дела не поправишь, поздно.

— Да, поздновато, — сказала жена.

Юджину с Анджелой отвели его прежнюю комнату на втором этаже, откуда открывался красивый вид на

двор и на тихую улицу, и они начали устраиваться, чтобы провести в этом доме, как надеялись старики Витла, немало мирных дней. Юджину было странно опять очутиться в Александрии, вновь увидеть этот мирный уголок, где он вырос, увидеть деревья, лужайку, гамак, уже несколько раз сменявшийся со времени его отъезда, но висевший все на том же месте. С удовольствием вспоминал он о маленьких озерах и речке, опоясывавшей город. Он мог удить рыбу, кататься на лодке, совершать приятные прогулки. Чтобы развлечься, он на первой же неделе отправился с удочкой к озеру, но было еще холодновато, и он решил пока что ограничиться прогулками.

Однообразное времяпрепровождение, как правило, скоро приедается. Для человека с таким складом ума, как у Юджина, в Александрии было мало интересного. После Лондона и Парижа, после Чикаго и Нью-Йорка тихие улицы родного города вызывали у него улыбку. Он отправился в редакцию «Морнинг Эппил», но и Джонас Лайл и Калеб Уильямс уехали — первый в Сент-Луис, а второй в Блумингтон. Старый Бенджамин Берджес, свекор его сестры, был все тот же, разве только постарел. Он сообщил Юджину, что собирается на ближайших выборах выставить свою кандидатуру в конгресс — республиканская партия достаточно ему обязана и поддержит его. Его сын Генри, муж Сильвии, занимал теперь в местном банке должность казначея, работал все так же терпеливо и усердно, по воскресеньям ходил в церковь, время от времени ездил по делам в Чикаго и давал советы по вопросам мелкого кредита фермерам и торговцам. Он внимательно прочитывал те несколько журналов, посвященных банковскому делу, которые издавались в Америке, и, по-видимому, материально преуспевал. От Сильвии нельзя было много узнать о его делах. Прожив с мужем одиннадцать лет, она заразилась его необщительностью; Юджин невольно улыбался, глядя на этого человека, который, несмотря на свою молодость, был так расчетлив и себе на уме. Он был очень тихий, очень ограниченный и очень ревностно добивался всяких мелочей, из которых составляется то, что принято называть успехом. Подобно искусному краснодеревщику, он хлопотал над отдельными мелкими деталями, из которых в конечном итоге должно получиться прекрасное целое.

Анджела с рвением взялась за хозяйство, хотя миссис Витла весьма неохотно согласилась уступить ей часть своих обязанностей. Анджела любила работать, и, пока миссис Витла мыла посуду после завтрака, она приводила в порядок дом. Она готовила для Юджина всевозможные печения и пирожки, если это удавалось сделать, не обижая миссис Витла, и вообще старалась снискать ее расположение. Хозяйство в доме велось скромное, примерно такое же, как у ее родителей в Блэквуде, кое в чем, пожалуй, даже скромнее. Но, так или иначе, это был родной дом Юджина, — с этим нельзя было не считаться. Надо заметить, однако, что между Анджелой и свекровью существовало некоторое расхождение во взглядах на жизнь и на то, как нужно жить. Миссис Витла смотрела на вещи проще и более терпимо. Все, что случалось в жизни, она принимала как должное, без излишних волнений, тогда как Анджела по натуре была склонна волноваться по всякому поводу. У обеих женщин был один общий, присущий многим людям недостаток: обе они не любили, чтобы им помогали в работе. Каждая предпочитала делать все самостоятельно и ни с кем не делить своих обязанностей; но так как обе всячески старались ужиться ради Юджина и ради сохранения мира в семье, то опасность разногласий была невелика, тем более что каждая не лишена была такта. Все же в воздухе носилось ощущение, что не все вполне благополучно. Миссис Витла находила Анджелу немного черствой и эгоистичной, а та, со своей стороны, считала, что миссис Витла немного скрытна, или, быть может, застенчива, или же просто избегает сближения. Но на поверхности царило безоблачное спокойствие, и обе женщины рассыпались друг перед другом в бесконечных «разрешите мне это сделать» и «пожалуйста, прошу вас». Миссис Витла, будучи много старше Анджелы, с большим тактом и достоинством продолжала занимать свое руководящее место в семейном кругу.

Для того чтобы целыми днями сидеть в кресле, валяться в гамаке, бродить по лесам и полям, предаваясь в одиночестве лени и созерцанию, и чувствовать себя при этом вполне счастливым, требуется известное предрасположение. Было время, когда Юджин воображал, что создан как раз для такого образа жизни, и того же мнения были его родители. Но теперь, услышав зов

славы, он уже не мог усидеть на месте. Именно сейчас ему нужны были не одиночество, не праздное созерцание, а разнообразие и смена впечатлений. Ему необходимо было иметь вокруг себя подходящее общество, людей жизнерадостных, восприимчивых и восторженных. Кое-что из этого было в Анджеке, когда ее не доносили никакие тревоги. Общество родителей, сестры и старых знакомых давало ему несколько больше, но они не могли проводить все свое время в беседах с ним и без конца уделять ему внимание. А кроме них, никого кругом не было. Александрия ничего не могла ему дать. Юджин бродил с Анджелой по длинным проселочным дорогам, катался на лодке, ловил рыбу, но все это не избавляло его от чувства одиночества. Он подолгу сидел на террасе или лежал в гамаке, перебирая в памяти все, что видел в Лондоне и в Париже, и мысленно представлял себя за работой. Собор св. Павла, окутанный туманной дымкой, набережная Темзы, Пиккадилли, Блэкфрайерский мост, трущобы Уайтчепела и Ист-Энда — как хотелось ему сейчас быть подальше от Александрии и рисовать все это! Только бы иметь возможность писать. Он приспособил под студию отцовский сеновал, источником света служила ему дверь, выходящая на север. Там он пытался кое-что писать по памяти, но у него получалось не то, что он хотел. В нем укрепилось убеждение, — вернее, это была навязчивая мысль, — что ни одна его работа ему не удастся. Сколько бы ни уверяли Анджела, мать, отец, мнения которых он порою спрашивал, что картина прекрасна, превосходна, — он не верил этому. Под влиянием все новых и новых мыслей он начинал переделывать, переделывать и снова переделывать, но в конце концов приходил в ярость от своего бессилия и предавался полному отчаянию, проникаясь жалостью к самому себе.

«Нет, — говорил он, бросая кисть, — придется просто сидеть и ждать, пока это пройдет. В таком состоянии я ничего не могу сделать».

И он уходил гулять, брался за книгу, катался по озеру, раскладывал пасьянс или слушал игру Анджелы на рояле, который отец его когда-то купил для Миртл. Но и тут он не переставал думать о своей болезни, о том, как много он теряет из-за нее, о том, что где-то в мире бьет ключом жизнь, а он — неизвестно когда поправится, да и поправится ли вообще. Он заводил разговор

о поездке в Чикаго, чтобы там испытать свои силы, но Анджела каждый раз уговаривала его еще немного отдохнуть. Она обещала увезти его на лето в Блэквуд с тем, чтобы осенью вернуться в Александрию, или же поехать в Нью-Йорк, или пожить в Чикаго, одним словом, как ему будет угодно. Но сейчас ему необходим отдых.

— К осени Юджин, наверно, поправится,— говорила Анджела его матери,— и тогда он решит, куда ехать — в Чикаго или в Лондон.

Она очень гордилась возможностью говорить о том, куда они поедут и что будут делать.

ГЛАВА XIII

Если бы у Юджина в глубине души не шевелилась смутная надежда на какой-нибудь новый интересный роман, он окончательно затосковал бы. Но эта мысль никогда не оставляла его, подобно тому, как страдающего запоем не покидает мысль о вине. Только она и влиwała в него бодрость и не давала впасть в полное отчаяние; только она и отвлекала его от горестного признания, что жизнь пошла прахом. Если бы ему встретилась девушка, красивая, веселая, пикантная, которая влюбилась бы в него,— вот было бы счастье! Но Анджела была вечно настороже, а кроме того, при его состоянии всякое новое увлечение грозило неприятными последствиями для его здоровья. И все же так сильна была эта иллюзия, этот животный магнетизм красоты, что стоило Юджину увидеть красивую девушку, родственную ему по темпераменту и наклонностям, как он терял над собою власть. Достаточно было призыва манящих глаз, достаточно взгляда на нежное, тонкое личико, говорившее о молодости и здоровье,— этом украшении всякой девушки,— и он был уже сам не свой. Словно очертания лица сами по себе, независимо от того, кому оно принадлежало, гипнотически действовали на него. Арабы приписывали магическую силу слову «абракадабра». Для Юджина таким могуществом обладали линии женского лица и тела.

Во время своего пребывания в Александрии, где они прожили с февраля по май, Юджин однажды познакомился у Сильвии с девушкой, которая произвела на не-

го чрезвычайно сильное впечатление своей красотой, — она принадлежала к тому типу женщин, которыми он всегда восхищался, а кроме того, представляла собою в высшей степени удобный объект для флирта. Она была дочерью коммивояжера по имени Джордж Рот, потерявшего жену и жившего с сестрою в старом доме, окруженном тенистыми деревьями, на самом берегу Зеленого озера, неподалеку от того места, где Юджин когда-то пытался поцеловать свою первую любовь — Стеллу Эптон. Ее звали Фридой. Она была необычайно хороша, не старше восемнадцати лет, с большими ясными голубыми глазами, густыми каштановыми волосами, с пышной, но очень изящной фигуркой. Она только что кончила школу в Александрии, но была уже совсем взрослой девушкой. Живая, цветущая, жизнерадостная, она обладала ясным природным умом, который не замедлил очаровать Юджина. Его и всегда тянуло к людям бодрым и веселым от природы, а тем более теперь, при его болезненном состоянии. И сама девушка и ее приемная мать много слышали про Юджина от его родителей и сестры, с которыми были хорошо знакомы и у которых часто бывали. Джордж Рот поселился в Александрии уже после того, как Юджин уехал в Чикаго; все свое время он проводил в разъездах, и Юджин никогда его не видел. Что касается Фриды, то в предыдущие его приезды в Александрию она была еще ребенком и не обращала внимания на мужчин, тогда как теперь, когда она стала почти взрослой, мысли ее были заняты только ими. Она не думала, что этот Витла может представлять для нее интерес, так как было известно, что он женат, но, поскольку он считался видным художником, ее любопытство было задето.

В Александрии все знали, кто такой Юджин. Местные газеты писали о его блестящих успехах и как-то даже поместили его портрет. Фрида предполагала, что это мужчина лет сорока, суровый и сдержанный. А вместо этого увидела приветливого молодого человека двадцати девяти лет, изможденного, с глубоко запавшими глазами, но тем не менее очень привлекательного. Юджин — с одобрения Анджелы — по-прежнему небрежно повязывал галстук-бант, носил мягкие отложные воротнички, мягкую шляпу и коричневый вельветовый костюм с поясом, придававшим пиджаку вид охотничьей куртки; на одном из его пальцев красовался перстень

из вороненой стали с каким-то затейливым рисунком. Руки у него были очень белые, с тонкими пальцами, лицо бледное. Фрида, румяная, беспечная, как бабочка, в прелестном платье из синего полотна, смеющаяся, несколько напуганная молвой о приезде художника, с первого взгляда остановила на себе его внимание. Она понравилась ему, как нравилась каждая молодая, здоровая, веселая девушка, которая попадалась ему на пути. Как ему хотелось снова быть свободным, чтобы без всяких опасений завести с нею оживленную, шутивную беседу. Она с первой же минуты, как показалось Юджину, проявила к нему расположение.

Однако Юджин должен был соблюдать осторожность и сдерживаться в присутствии Анджелы и приемной матери Фриды. Дамы беседовали об искусстве; Сильвия и мисс Рот внимательно слушали Анджелу, описывавшую эксцентричность Юджина, его привычки и всякие забавные случаи из его жизни, служившие ей неисчерпаемым источником увлекательных повествований для простых смертных. Юджин в таких случаях обыкновенно сидел тут же в удобном кресле, с усталым, благодушным или безразличным видом, в зависимости от того, в каком он находился настроении. В этот вечер он особенно томился и чувствовал себя не в своей тарелке. Никто из присутствующих не интересовал его, кроме девушки, красивое лицо которой давало пищу его мечтам. Как хорошо было бы всегда иметь подле себя такое юное существо! Отчего женщины не остаются вечно молодыми?

Пока дамы смеялись и разговаривали, Юджин взял лежавшую на столе книгу «Рыцари Круглого стола» Говарда Пайла с иллюстрациями, тепло и чуть грубовато изображавшими героев и героинь повествований о короле Артуре, и стал разглядывать величавые и вычурные фигуры этих персонажей.

Сильвия купила эту книгу для своего семилетнего сына Джека, спавшего сейчас в спальне наверху. Фрида читала ее в детстве. Она бродила по комнате, не находя себе места, чувствуя, что ее тянет к Юджину, и выжидая удобного повода для разговора. Улыбка, с которой он иногда на нее поглядывал, покоряла ее.

— Я когда-то читала это, — сказала она, увидев, что он рассматривает книгу. Каким-то образом она вдруг

очутилась возле окна, неподалеку от Юджина, позади его кресла. Сперва она делала вид, будто смотрит на улицу, а потом завела с ним разговор.— Я прямо без ума была от всяких рыцарей и дам — сэр Ланселот, сэр Галахад, Тристрам, Гавейн, королева Гвиневера.

— А вы знаете, кто такой сэр Бред? — спросил он лукаво.— И сэр Вред? Или сэр Взор?

Он смотрел на нее с веселой улыбкой.

— Таких не существует! — расхохоталась Фрида, которую и удивили и рассмешили эти имена.

— Не позволяйте ему дразнить вас, Фрида,— сказала Анджела; ей приятно было смотреть на жизнерадостную девушку, приятно, что ее веселость передалась и Юджину. Она не боялась простодушных девушек Запада, таких, как Фрида или ее собственная сестра Мариетта, считая, что они откровенней, простодушней, добрей тех женщин, которых она встречала в нью-йоркских студиях, и, уж конечно, не воображают себя лучше других. Здесь Анджела и сама была не прочь задать тон на правах столичной дамы.

— Разумеется, существуют,— с серьезным видом сказал Юджин, обращаясь к Фриде.— Это герои новой книги о рыцарях Круглого стола. Разве вы не слышали про нее?

— Нет, не слыхала,— весело отвечала Фрида,— такой книги и на свете нет. Вы смеетесь надо мной.

— Смеюсь? Что вы, я никогда бы себе этого не позволил. Книга существует. Она выпущена издательством «Харпер и братья» и называется «Новые рыцари Круглого стола». Просто она вам не попадалась, вот и все.

Фрида, сбита с толку, не знала, верить ему или нет. Она с детским любопытством смотрела на него, и этим еще больше нравилась Юджину. Как хотелось ему быть свободным, чтобы поцеловать эти прелестные румяные, наивно раскрытые губы! Анджела тоже не была уверена, правду он говорит или шутит.

— Сэр Бред — знаменитый рыцарь,— продолжал он.— И сэр Вред тоже. В этой книге они неразлучные друзья. Что касается сэра Взора и сэра Сора, а также леди Чушь...

— Ох, перестань, Юджин! — смеясь, воскликнула Анджела.— Вы только послушайте, мисс Рот, что он рассказывает Фриде. Но вы на него не обижайтесь, он

всегда кого-нибудь дразнит. Почему вы так плохо воспитали его, Сильвия? — обратилась она к сестре Юджина.

— Ах, и не спрашивайте! Мы никогда ничего не могли поделаться с Юджином. Но, между прочим, я и не подозревала, что он такой шутник.

— Они просто души,— продолжал Юджин рассказывать Фриде,— все такие напыщенные краснощекные леди и джентльмены.

Юджин совсем очаровал Фриду. Какой он милый, приветливый. По-видимому, он так же молод душою и так же полон жизни, как она сама. Она сидела напротив него и смотрела в его смеющиеся глаза, а он не переставал поддразнивать ее то тем, то другим. Кто, например, ее поклонники? Как она кокетничает с ними? Сколько молодых людей выстраивается по воскресеньям у церкви в ожидании ее выхода? Он уже все о ней знает!

— Держу пари, что они точь-в-точь солдаты на параде,— продолжал он.— Все в новеньких галстуках, с накрахмаленными платочками в кармашке, башмаки начищены до блеска...

— Ха-ха-ха! — звонко рассмеялась Фрида. Это описание чрезвычайно понравилось ей. Она еще долго смеялась и шутила с ним, и дружба их была окончательно закреплена. Она решила, что Юджин очень славный.

ГЛАВА XIV

Юджину не нужно было искать случая для дальнейших встреч с Фридой,— это выходило само собой. Сарайчик на берегу озера, где хранилась единственная лодка семьи Витла, стоял у самой воды, и туда как раз спускалась усадьба Ротов. От дома можно было выйти к озеру либо тихим переулком, куда редко кто заглядывал, либо — с заднего крыльца — дорожкой, окаймленной густыми зарослями дикого винограда, скрывавшими идущего от посторонних взоров, в конце которой стояла старая деревянная скамья у самой воды. Когда у Юджина являлось желание покататься или половить рыбу, он приходил сюда за лодкой. Анджела раза два-три увязывалась за ним, но она не была большой любитель-

ницей гребли и рыбной ловли и легко отпускала его одного.

К тому же мисс Рот, благоволившая к мистеру и миссис Витла, часто навещала их вместе с племянницей, и Фрида нет-нет, да и забегала в импровизированную студию Юджина посмотреть, как он работает. Обманутая ее молодостью и невинностью, Анджела не мешала этой дружбе, а Юджину только того и надо было. Он был очарован красотой девушки и мечтал полюбезничать с ней, не причиняя ей зла. Его забавляла мысль, что Фрида живет совсем близко от того места, где когда-то, зимним вечером, он объяснился в любви Стелле Эплтон. И чем-то она напоминала Стеллу, но только Фрида была мягче по натуре, она охотнее откликнулась на его прихоти и настроения.

Однажды, увидев, что Юджин пошел за лодкой, Фрида спустилась на берег и поздоровалась с ним.

— Сегодня, я вижу, мы сверкаем совсем как яркая бабочка,— сказал он с улыбкой, любясь ее свежим личиком и обращаясь к ней с той дружеской простотой, которая так пленяет молодежь.— Бабочки, надо полагать, не слишком утруждают себя, не правда ли?

— Вы так думаете? — возразила Фрида.— Много вы знаете!

— Разумеется, откуда мне знать, но, может быть, одна из этих бабочек расскажет мне — вы, например?

Фрида улыбнулась. Она не знала, как отнестись к его словам, но Юджин чрезвычайно ей нравился. Она и представления не имела о том, как глубока и сложна его натура и сколько в нем порывистой ласковости и непостоянства. Этот красивый, улыбающийся, далеко еще не старый человек, такой остроумный и добродушный, стоявший у светло-зеленого озера и спускавший на воду лодку, казался ей таким жизнерадостным, таким беззаботным. В ее представлении он сливался со свежестью земли и яркой зеленью молодой травы, с глубокой синевой неба, с щебетанием птиц и даже со сверкающей рябью воды.

— Одно я знаю — бабочки ничего не делают,— сказал он, показывая, что не хочет относиться к ней серьезно.— Они только пляшут на солнышке и веселятся. Вам никогда не приходилось говорить об этом с бабочками?

Фрида в ответ только улыбнулась.

Юджин столкнул лодку на воду, слегка придерживая ее за веревку, достал пару весел, кинул их в лодку и вскочил в нее сам. Потом он посмотрел на девушку и спросил:

— Давно вы живете в Александрии?

— Около восьми лет.

— Вам здесь нравится?

— Когда как. Далеко не всегда. Мне хотелось бы жить в Чикаго. О, какая прелесть! — воскликнула она, чуть задрав кверху свой очаровательный носик и пригнувшись к доносившемуся из сада аромату цветов.

— Да, чудесно. Герань, не правда ли? Она сейчас в полном цвету. Такие дни, как сегодня, сводят меня с ума.

Он сел и вложил весла в ключины.

— Ну, поеду попытаю счастья,— авось, кита поймаю. А вы не хотели бы поехать со мной ловить рыбу?

— Очень хотела бы,— ответила Фрида.— Только тетя, наверно, меня не пустит. Я бы с удовольствием поехала. Это так интересно, когда рыба ловится.

— Да, когда ловится! — рассмеялся Юджин.— Так и быть, я вам привезу небольшую симпатичную акулу, и непременно кусачую. Хотите? В Атлантическом океане водятся акулы, которые кусаются и твякают. По ночам они вылезают из воды и лают по-собачьи.

— Ха-ха-ха! — заливалась Фрида.— Вот забавно!

Юджин стал медленно грести, направляя лодку на середину озера, а она крикнула ему вслед:

— Смотрите же: не забудьте привезти мне рыбу!

— Смотрите, будьте здесь к моему возвращению, тогда и получите ее,— ответил он.

Он смотрел на ее фигурку, выделяющуюся на кружевном фоне весенней листвы, на старый дом, красиво расположенный на холме, на ласточек, круживших в утреннем небе.

«Какая прелестная девушка,— думал он.— Она хороша и свежа, как цветок. Девичья красота — вот единственная в мире стоящая вещь!»

Вскоре он вернулся, надеясь найти Фриду на берегу, но тетка уснула куда-то с поручением. И Юджин почувствовал острое разочарование.

После этого они встретились еще раз, когда Юджин вернулся с рыбной ловли, почти ничего не поймав, и Фрида подняла его на смех; в другой раз он издали

увидел ее, когда она, вымыв голову, сидела на заднем крыльце и сушила волосы. Спустившись к нему, она остановилась под деревьями — обворожительная, с мокрыми волосами, словно наяда. У него было сильное желание обнять ее, но он не знал, как она к этому отнесется, и воздержался.

Однажды она принесла ему в студию, по поручению миссис Витла, лепешку из остатков теста, поджаренную прямо на плите.

— Когда Юджин был мальчиком, он обожал такие лепешки, — сказала ей миссис Витла.

— Дайте я снесу ему! — весело воскликнула Фрида, обрадовавшись случаю, сулившему нечто интересное.

— Что ж, это идея, — сказала ничего не подозревавшая Анджела. — Подождите, я положу ее на блюдо.

Фрида схватила блюдо и побежала. Она застала Юджина у мольберта — он как-то странно уставился на свой холст, лицо его было мрачно. Но едва головка Фриды показалась в двери, это выражение исчезло, и на губах у него заиграла обычная ласковая улыбка.

— Угадайте, что я вам принесла? — сказала девушка, прикрывая блюдо белым фартучком.

— Земляники?

— О нет!

— Персиков со сливками?

— Откуда быть сейчас персикам?

— Из гастрономического магазина!

— Попробуйте в третий раз.

— Слоеные пирожки? — Он был большим любителем всякой сдобы, и Анджела иногда пекла для него.

— Опять не угадали. Ничего вы не получите!

Он протянул руку, но она отступила. Он шагнул за нею, и она расхохоталась.

— Нет, нет, теперь вы ничего не получите!

Он схватил девушку за полную мягкую руку и притянул к себе.

— Вы уверены?

Их лица почти соприкасались.

Она мгновение смотрела ему в глаза, затем опустила ресницы. У Юджина голова закружилась от ее красоты. Это было все то же старое волшебство. Он при-

жался губами к ее губам, и она с лихорадочной страстностью ответила на поцелуй.

— А теперь нате, ешьте ваше гадкое тесто! — сказала она, со сконфуженным видом протягивая ему блюдо, едва он отпустил ее. Она была так взволнована, что не могла даже шутить.

— Что сказала бы миссис Витла, если б увидела нас! — добавила она.

Юджин замер и прислушался. Он боялся Анджелы.

— Я с детства люблю эти лепешки, — сказал он не принужденным тоном.

— Ваша мама как раз говорила об этом, — сказала Фрида, приходя немного в себя. — Дайте хоть взглянуть, что вы рисуете. — Она подошла и стала рядом, а он взял ее за руку. — Теперь мне пора идти, — добавила она тоном благоразумия. — Меня ждут.

Юджин мысленно поразился рассудительности девушек, — по крайней мере тех, которые ему нравились. Оказывается, они умеют при известных обстоятельствах соблюдать осторожность. Он видел, что Фрида инстинктивно приготовилась защищать и его и себя. Казалось, ее не особенно ошеломило то, что с нею произошло. Пожалуй, она не прочь воспользоваться представившимся ей случаем.

Юджин снова обнял ее.

— Вы — и пирожок, и земляника, и персики со сливками! — сказал он.

— Не надо! — сказала она. — Не надо! Мне нужно идти. — Она быстро сбежала с лестницы, бросив ему на прощание улыбку.

Таким образом, в списке одержанных им побед прибавилось имя Фриды. Юджин серьезно задумался. Если бы Анджела увидела эту сцену, — какая разыгралась бы буря! Узнай она только, что тут происходит, как бы она стала беситься! Это было бы ужасно. Даже думать об этом не хотелось после недавней истории с письмами. Но, с другой стороны, блаженство, которое дают ласки юного существа, — разве не стоило заплатить за него любую ценой? Чувствовать, как обвиваются вокруг твоей шеи руки прелестной, жизнерадостной восемнадцатилетней девушки — чем не рискнешь ради этого! Закон общества гласил: одна жизнь — одна любовь. Может ли он согласиться с этим? Может ли одна женщина удовлетворить его? Могла ли бы навсегда

удовлетворить его, скажем, Фрида, если бы она принадлежала ему? Он не находил ответа. У него не было желания думать об этом. Но какое наслаждение ходить по благоухающему саду! Ощущать розу у своих губ!

Анджела долго не замечала этого увлечения. Бедняжка! Привыкнув целиком полагаться на условности, как она их понимала, она еще не догадывалась о том, что мир полон злых козней и интриг, ловушек, силков, волчьих ям. Жизненный путь добросовестной и преданной мужу жены должен быть прост и легок. Она не должна страдать из-за неуверенности в его любви, из-за его злосчастного характера, равнодушия или измены. Если она усердно работает,— Анджела же работала не щадя себя,— если она старается быть хорошей женою, экономной, услужливой, готовой в любую минуту жертвовать ради мужа своим спокойствием, своими прихотями, желаниями и вкусами, то как не рассчитывать на такое же отношение с его стороны? Анджела понятия не имела о двойной морали, и если бы ей стали об этом говорить, она не поверила бы. Родители внушили ей совершенно определенное представление о браке. Отец был верен ее матери. Отец Юджина был верен своей жене — это не подлежало сомнению. Ее зятя были верны ее сестрам, зятя Юджина были верны его сестрам. Как же может Юджин не быть верен ей?

До сих пор, правда, у нее не было явных улик против него. Вполне возможно, что он был и останется ей верен. Он так и сказал ей. Но как объяснить его похождения до брака? Ужасно, что он способен был обмануть ее. Она никогда не забудет этого. Он гений — это несомненно. Весь мир ждет его слова. Он великий человек, которому подобает лишь общество великих людей, но если это невозможно, у него вообще не должно быть желания с кем-либо общаться. Смешно подумать, что он может волочиться за какими-то гусынями! Размышляя, Анджела приходила к выводу, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы не допустить этого. Место Юджина, по ее мнению, было на престоле величия, а ее место — на ступеньках у его ног, в качестве преданного служки, размахивающего кадильницей славословий и восторгов.

Проходили дни, и Юджин еще много раз виделся с Фридой, иногда невзначай, иногда преднамеренно. Как-то раз днем он сидел у сестры, когда Фрида пришла ту-

да по поручению своей приемной матери за какой-то выкройкой. Она пробыла у них час с лишним, и Юджин раз десять улучил возможность поцеловать ее. И долго еще после ее ухода его преследовало воспоминание об ее прелестных глазах и улыбке. В другой раз, застав Фриду в сумерки близ лодочной пристани, он увлек ее в чашу дикого винограда и целовал там без помехи. Такие мимолетные тайные встречи происходили и в доме его родителей и в его студии на сеновале, куда девушка несколько раз поднималась, ссылаясь на его обещание нарисовать ее портрет. Анджеле это очень не нравилось, но она ничего не могла поделать. Фрида проявляла в любви то особенное терпение, которое свойственно в таких случаях женщинам и которого мужчина никогда не поймет. Она выжидала своего часа, пока Юджин придет и найдет ее, тогда как он, с присущей влюбленному мужчине ненасытностью, все время жаждал ее видеть. Он ревновал ее, когда она отправлялась на невинные прогулки со знакомыми молодыми людьми. То обстоятельство, что он не всегда мог ее видеть, было для него огромным лишением, а его брак с Анджелой казался ему катастрофой. Присутствие жены он теперь ощущал как помеху своей любви к Фриде и смотрел на Анджелу почти с ненавистью. Зачем он на ней женился? Если Фрида бывала поблизости, а он не имел возможности подойти к ней, он провожал каждое ее движение тоскующим, жадным взглядом. Ее чарующая красота причиняла ему страдание. А девушка и не догадывалась, какой всепожирающий огонь она зажгла в нем.

Ничего неестественного не было в том, что они несколько раз, совершенно случайно, вместе возвращались с почты. В порядке вещей было и то, что мисс Анна Рот приглашала к обеду мистера Витла с женою и Юджина с Анджелой. Однажды, когда Фрида была в гостях в доме Витла, Анджеле показалось, что при ее появлении в гостиной девушка с какой-то странной поспешностью отошла от Юджина. Однако уверенности у нее не было. Фрида и раньше в ее присутствии позволяла себе с самым невинным лицом вертеться около Юджина. «Уж не волочит ли за ней Юджин?» — подумала Анджела, но у нее не было никаких доказательств. Она пробовала выследить их, но Юджин был так ловок, а Фрида так осторожна, что ей это не удавалось.

Тем не менее перед отъездом из Александрии между супругами произошла сцена — со слезами, истерикой и бурными излияниями, во время которой Анджела обвиняла Юджина в ухаживании за Фридой, а он решительно отвергал ее обвинения

— Если бы не мое уважение к твоим родным, — заявила она, — я изобличила бы ее тут же, в твоем присутствии! И она не посмела бы отрицать!

— Да ты с ума сошла! — возражал Юджин. — Я в жизни не видел такой ревнивой женщины! Боже мой! Неужели мне больше на женщин смотреть нельзя? Эта девочка! Что же мне, уж и не говорить с ней?

— Говорить! Говорить! Знаю я, как ты с ней говоришь! Я это вижу! Я это чувствую! Боже, почему ты дал мне мужа, который обманывает меня!

— Ах, перестань, пожалуйста! — рассердился Юджин. — Вечно ты подглядываешь за мной! Я шагу не могу ступить без твоего надзора! Ты думаешь, я не вижу? Ну что ж, следи, если тебе нравится! Много пользы это тебе принесет! Только смотри, как бы я действительно не дал тебе повода для ревности в самом скором времени! Надоело мне это!

— Нет, вы только послушайте, как он со мной разговаривает! — простила Анджела — А мы всего год как женаты! Как ты только можешь, Юджин! Неужели у тебя нет ни жалости, ни стыда? Да еще здесь, в доме твоих родителей! О-о-о!

Эти истерики бесили Юджина. Он не понимал, как можно так вести себя. Да, он беззастенчиво лгал ей насчет Фриды, но ведь Анджела ничего не знает (он не сомневался в том, что она ничего не знает). Все эти придирки вызваны исключительно подозрениями. А если она способна так вести себя на основании одних только подозрений, то чего же следовало ожидать, случись ей узнать правду?

Однако Анджела все еще способна была слезами вызвать в нем жалость и раскаяние. При виде ее горя ему становилось стыдно за свое поведение — вернее, его огорчало, что он не может справиться с собой. Подозрения Анджелы положили конец его любовной идиллии. В глубине души он проклинал тот день, когда женился на ней, так как образ Фриды неотступно стоял перед ним и звал к любви, к страсти. В эти минуты жизнь казалась ему до ужаса печальной. Все прекрасное, что

человек ищет и находит в мире, волею враждебного рока осуждено на гибель. Пепел истлевших роз — вот все, что могла предложить ему жизнь. Плоды мертвого моря, рассыпающиеся в прах при первом прикосновении! Ах, Фрида, Фрида! Ах, юность, юность! Неужели перед его глазами вечно будет сиять, подобно Святому Граалю, недостижимый идеал красоты? О жизнь! О смерть! Что же в конце концов лучше — пробуждение или сон? Если бы он мог беспрепятственно любить Фриду, тогда стоило бы жить, а без нее...

ГЛАВА XV

Несомненной слабостью Юджина было то, что в каждом из своих новых увлечений он готов был видеть сущность и квинтэссенцию блаженства и, загораясь восторженным чувством, внушал себе, что именно здесь и нигде больше, именно в данном неповторимом образе заключен его идеал. Так он был влюблен в Стеллу, Маргарет, в Руби, Анджелу, Кристину, а теперь — в Фриду. И все же это ничему не научило его, разве только, что любовь — восхитительнейшее чувство. Порою он задумывался, пытаясь постичь, почему черты того или иного лица обладают таким волшебным очарованием. Поистине магнетическая сила таится иной раз в завитке волос, в белизне или покатости лба, в красивой форме носа или уха, в изгибе алых и свежих, как распустившаяся роза, губ. А щеки, подбородок, глаза, в сочетании со всем этим, — откуда в них такие колдовские чары? Отдаваясь во власть этих чар, он обрекал себя на трагедии, но он меньше всего думал об этом.

Весьма сомнительно, удавалось ли когда-нибудь человеческой воле самой побороть ту или иную слабость, — и способна ли она на это. Человеческие склонности — область чрезвычайно тонкая. Они заложены в самих клетках организма, в химических свойствах этих клеток. Тот, кто углубляется в тайны биологии, часто обнаруживает любопытные явления: некие формы микроскопической животной жизни существуют как бы для того, чтобы стать добычей других форм животной жизни, иными словами, в силу присущих им химических и физических свойств обречены на гибель. Так, у Калькинса читаем: «Некоторые простейшие, по-видимо-

му, строго ограничены в выборе пищи. Туфлевидная парамеция (*Paramecium*) и колоколообразная вортицелла (*Vorticella*) питаются определенными видами бактерий, да и многие другие микроорганизмы, питающиеся более мелкими простейшими, обнаруживают ярко выраженное расположение лишь к определенным видам пищи. Я наблюдал за одним из таких микроскопических созданий (*Actinobulos*), лежавшим совершенно неподвижно, хотя сотни бактерий и мельчайших видов простейших натывались на него. Но едва возле него оказывалась бактерия известного типа (*Halteria grandinella*), как оно выбрасывало вперед микроскопическую стрелу или «трохоцисту», прикрепленную к довольно длинному жгуту. Стрела неизменно попадала в цель, и после короткой борьбы жертва заглатывалась и пожиралась. Результаты многочисленных опытов показывают, что этот якобы свободный выбор пищи обусловлен неизбежным действием определенных законов химии и физики, которым не может не подчиниться организм того или иного индивидуума, как невозможно не подчиниться закону тяготения. Смертоносная стрела, о которой говорилось выше, реагирует только на один вид добычи, и притом с такою же непреодолимой силой, с какою железные опилки реагируют на притягательную силу магнита».

Юджин ничего не знал об этих любопытных биологических опытах, но он подозревал, что влечения такого рода сильнее человеческой воли. Порою он думал, что должен бороться со своими инстинктами, а в другие минуты спрашивал себя: зачем это нужно? Если в них заключалось для него высшее благо и он, борясь с ними, терял его,— то что у него оставалось? Сознание собственной безупречности? Но это ничего не говорило ни уму, ни сердцу. Уважение сограждан? Но в большинстве своих сограждан он видел лишь гробы повапленные, что пользы ему от их лицемерного уважения? Так что же оставалось — справедливость по отношению к другим? Но других не касается или не должно касаться естественное влечение, которое может возникнуть между мужчиной и женщиной. Это их личное дело. Да и вообще-то в мире очень мало справедливости. Что же до его жены — верно, он дал ей слово, но дал его не по доброй воле. Как может человек клясться в верности до гроба и сдержать слово, когда в самой природе торже-

ствуют эгоизм, вероломство, разрушительные силы и непостоянство? Подобно цинику Фальстафу, Юджин не раз задавался вопросом: «Может ли честь приставить новую ногу?» или, как лукавый Макиавелли, утверждал, что сила есть право. Он был убежден, что для успеха в этом мире нужна не добродетель, а расчет, а сам меньше кого-либо был способен на расчет. Конечно, в этих рассуждениях сказывалось анархическое проявление его эгоизма, но он приводил в свою защиту тот довод, что не он создал свой разум и свои чувства, как и все прочее. Однако хуже всего было то, что он хитрил, уверяя себя, будто ничего не берет силою, безоглядно. Он только принимает то, что дарит ему судьба-искусительница.

Гипнотические состояния такого рода, подобно различной болезни или лихорадке, имеют свое течение, свое начало, кризис и конец. Утверждают, будто любовь бессмертна, но это говорится не о плоти, не о лихорадке желания. Брачный союз двух душ, для которого, как писал Шекспир, нет никаких преград, это явление совсем другого порядка — здесь вопросы пола играют ничтожную роль. Дружба Дамона и Фития, о которых говорит древнегреческое предание, была союзом в лучшем смысле этого слова, хотя оба они были мужчины. Точно так же возможен и духовный союз между женщиной и женщиной. И такой союз бессмертен, но лишь потому, что он отражает духовные идеалы человечества. Все другое — мимолетная иллюзия, которая рассеивается, как дым.

Когда пришло время покинуть Александрию, к чему Юджин сам вначале стремился, у него не было ни малейшего желания уезжать, наоборот, предстоящая разлука причиняла ему страдания. Юджин видел, что любовь к нему Фриды превращается в неразрешимую проблему. Он все больше приходил к убеждению, что девушка не понимает и не может правильно разобраться ни в своих чувствах к нему, ни в его чувствах к ней. Их взаимное влечение лишено было той твердой опоры, которую дает сознание ответственности. Оно принадлежало к тому неосязаемому и невещественному миру, который соткан из солнечных лучей, сверкания воды, игры бликов в ярко освещенной комнате. Юджин был бы неспособен во имя одной лишь прихоти сознательно со- вратить девушку. Его чувства неизменно усложнились

более тонкими переживаниями: исканием духовного родства, поклонением красоте, а также предвидением всех мыслимых последствий, последствий не столько для себя, сколько для девушки, хотя себя он тоже не забывал. Если девушка была еще неопытна, а он не мог оказать ей покровительство, если он не мог жениться на ней или быть с ней неразлучно и поддерживать ее материально (тайно или открыто), если он не мог хранить их отношения в секрете от окружающего мира,— он склонен был колебаться. Он не решался на опрометчивые шаги как ради нее, так и ради самого себя. То обстоятельство, что он не мог жениться на Фриде, не мог бежать с нею, поскольку был болен и материально не обеспечен, что он жил в семейной обстановке, обязывавшей его вести себя осмотрительно, имело для него огромное значение. Все же и здесь могла произойти трагедия. Если бы Фрида по своей натуре была легкомысленна и своевольна; если бы Анджела не была так бдительна, так болезненно ревнива и не обезоруживала его своей беспомощностью; если бы мнение семьи и всего города не значило для него так много; если бы он был здоров и располагал большими средствами, он, вероятно, бросил бы Анджелу, увез бы Фриду куда-нибудь в Европу,— он мечтал очутиться с ней в Париже — и впоследствии ему пришлось бы иметь дело с разгневанным отцом, или же он постепенно пришел бы к заключению, что прелести Фриды вовсе не являются смыслом и целью его существования. А возможно, что случилось бы и то и другое. Джордж Рот, хоть и скромный коммивояжер, был человек решительный. Он вполне способен был убить соблазнителя дочери, нисколько не считаясь с его славой художника. Он обожал Фриду, в которой видел живой образ своей покойной жены, и безусловно был бы потрясен.

Однако ничего подобного случиться не могло, так как Юджин не был склонен к опрометчивым поступкам. Он слишком много рассуждал. При известных условиях он мог бы проявить безрассудную смелость, но только не в теперешнем своем состоянии. Жизнь его не настолько была тягостна, чтобы вынуждать его к действию. Так или иначе, он не видел выхода. А потому в июне он вместе с Анджелой уехал в Блэквуд, внешне сохраняя полное безразличие, но чувствуя себя так, словно вся жизнь его пошла прахом.

Естественно, что когда он очутился в Блэквуде, его охватило отвращение ко всему окружающему. Тут не было Фриды. Александрия, раньше казавшаяся скучнейшим в мире болотом, где люди не живут, а прозябают, вдруг стала рисоваться ему земным раем. Маленькие озера, тихие улицы, площадь со зданием суда, дом сестры, усадьба Фриды, родительский дом — все это он видел теперь в романтическом свете, в том ореоле, который создается чувством и который невозможен без иллюзий любви. Во всем и повсюду чудилось ему лицо Фриды, ее фигура, ее взгляд. Для него теперь ничего не существовало, кроме лучезарного образа девушки. Словно безотрадный, пустынный пейзаж вдруг озарился мягким светом полночной луны.

А между тем Блэквуд был не менее красив, чем раньше, но только Юджин не в состоянии был это видеть. Его отношение к Анджеле изменилось, а вместе с ним изменилось и восприятие окружающего ее мира. Он отнюдь не считал, что ненавидит Анджелу. Она была та же, что и прежде, в этом не могло быть сомнений. Перемена была в нем самом. Он не мог одновременно без памяти любить двух женщин. Правда, было время, когда он питал нежные чувства к Анджеле и к Руби, к Анджеле и Кристине, но тогда им не владела такая любовная лихорадка, какую он переживал сейчас. Он не мог изгнать из сердца образ этой девушки. Минутами он чувствовал жалость к Анджеле. А иногда ненавидел ее за то, что она навязывает ему свое общество, за то, что она, как он говорил себе, ходит за ним по пятам. Боже милосердный! Если бы можно было как-нибудь отделаться от нее, не причинив ей зла! Если бы можно было высвободиться из этих тисков! Подумать только, что сейчас он мог быть с Фридой, они вместе гуляли бы где-нибудь, катались бы на лодке, он сжимал бы ее в своих объятиях! Никогда не забыть ему то утро, когда она впервые пришла к нему в его студию на сеновале, а как обворожительна она была в тот вечер, когда он впервые увидел ее в доме сестры. Что за отвратительная, в общем, штука жизнь! И вот, сидел ли Юджин в гамаке на ферме Блю, или качался на качелях, которые старый Джотем в свое время устроил для кавалеров Мариетты, или с книгой в руках грезил в тени дома, повсюду он ощущал тоску и одиночество, и у него была одна мечта — Фрида.

Тем временем здоровье его, как и следовало ожидать, нисколько не улучшалось. Вместо того чтобы воздерживаться от плотских излишеств в своих отношениях с Анджелой, он по-прежнему предавался им. Казалось, любовь к Фриде должна была бы положить этому конец, но присутствие Анджелы, их до некоторой степени вынужденная близость, ее настойчивые притязания снова и снова разбивали тот защитный барьер, каким служила его неприязнь. Будь он один, он вел бы целомудренный образ жизни до той минуты, пока его не захватило бы какое-нибудь новое чувство. Но сейчас ему некуда было бежать — ни от Анджелы, ни от самого себя, и их отношения, порою вызывавшие в нем чуть ли не физическую тошноту, оставались прежними.

Все родные его жены — а их было немало как на ферме Блю, так и в округе — были в восторге от приезда Юджина. Блестящий успех его первой выставки, о которой писали газеты, и то, что его популярность нисколько не пошатнулась после второй, — мосье Шарль сообщал, что вскоре в Париже состоится выставка его картин, — все это еще больше укрепило престиж Юджина в глазах всей семьи.

Сама Анджела чувствовала себя в этой обстановке королевой; что же до Юджина, то ему предоставлялась привилегия всех гениев: он мог делать все, что ему заблагорассудится. Юджин был в центре внимания, впрочем, внешне это ни в чем не проявлялось, так как его четыре зятя — почтенные граждане Запада — ничем не обнаруживали, что считают его необыкновенным человеком. Он не принадлежал к знакомому им типу людей, — он не был ни банкиром, ни адвокатом, ни хлеботорговцем, ни агентом по продаже недвижимого имущества, но тем не менее они гордились им. Он был не такой, как все, но держал себя естественно, добродушно, скромно и склонен был выказывать гораздо больше интереса к их делам, чем испытывал в действительности. Часами он выслушивал подробнейшие отчеты об их деятельности, вникал в их политические, финансовые, хозяйственные и общественные интересы. Мир представлялся Юджину пестрой смесью характеров и нравов — его всегда интересовало, как живут другие люди. Он любил хороший анекдот и хотя сам редко рассказы-

вал — был прекрасным слушателем. Глаза его блестели, и все лицо светилось от удовольствия, которое доставлял ему забавный рассказ.

Несмотря на все это, на внимание, каким он был окружен, на сердечный прием, который ему оказывали родные Анджелы, и на то, что интерес к искусству в нем отнюдь не угас (в парижской выставке нашел свое завершение лишь первый, юношеский период его творчества), — Юджин остро ощущал, что катится под гору. С ним происходило что-то неладное, это было несомненно. Дела его шли все хуже и хуже. Правда, он мог еще надеяться на продажу нескольких картин (в Нью-Йорке не нашлось ни одного покупателя на его парижские этюды), но уверенности в этом не было никакой. Поездка на родину обошлась им в двести долларов из капитала в тысячу семьсот, и предстояли еще расходы осенью, если состоится его поездка в Чикаго. На полторы тысячи долларов он и года не проживет, этого едва ли хватит больше чем на шесть месяцев, а между тем ни писать при теперешнем своем состоянии, ни давать иллюстрации для журналов он был не в силах. Необходимо было возможно скорее продать несколько картин, — в противном случае он мог очутиться в очень тяжелом положении.

Между тем Анджела, исполненная самых радужных надежд, внушенных ей их пребыванием в Нью-Йорке и Париже, снова начала находить радость в жизни, так как, по ее мнению, она в конце концов научилась справляться с Юджином. Возможно, что у него и наклевывался легкий флирт с Фридой (ничего серьезного быть не могло, иначе это от нее бы не укрылось), но ей удалось пресечь его в самом начале. Правда, Юджин был раздражителен, однако причиной этому были скорее всего сцены, которые она ему устраивала. Этим бурным вспышкам чувств, далеко не всегда преднамеренным, она придавала большое значение. Надо же заставить Юджина понять, что он женатый человек, что он не может заглядываться на девушек и волочиться за ними, как раньше. Анджела прекрасно сознавала, что Юджин несравненно моложе ее по темпераменту, что в нем еще много мальчишеского и это может оказаться для нее источником великих неприятностей, где бы они ни жили. Но если она будет следить за ним, если будет настойчиво требовать от него внимания, тогда все обойдется са-

мо собой. К тому же она отдавала должное его прекрасным качествам — красивой внешности, приветливым манерам, славе, таланту. Разве не приятно, бывая в обществе, называть себя «миссис Юджин Витла» и видеть, как оглядываются те, кому имя Юджина знакомо? Его друзья — это не простые обыватели, им восхищались большие люди, известные художники, да и обыкновенные, заурядные люди, без всяких претензий, считали его милым, тактичным, способнейшим и достойнейшим человеком. В общем, он всюду пользовался симпатией. Чего же еще можно было желать?

Анджела и не догадывалась об истинных чувствах Юджина. Жалость, сознание, что он несправедлив к жене, крепко засевшее в голове болезненное представление, что в мире царит несправедливость, желание по возможности щадить Анджелу — в крайнем случае обманывать, но отнюдь не оскорблять — все это вынуждало Юджина постоянно притворяться, будто он любит ее, делать вид, что ему с ней очень хорошо, и приписывать все свои настроения только потере работоспособности. Анджела была плохая отгадчица мыслей, да и переживания Юджина были иногда слишком сложны, чтобы она могла их понять. Она жила в воображаемом раю и, в сущности, строила свой дом на дремлющем вулкане.

Юджин не поправлялся, и к осени в нем укрепилось убеждение, что самое лучшее для него — перебраться в Чикаго. Там, очевидно, вернется к нему утраченное здоровье. Блэквуд ему осточертел. Тенистая лужайка потеряла для него всякую прелесть. Маленькое озеро, речка, поля — все, что так восхищало его когда-то, теперь ему вконец прискучило. Правда, беседы со старым Джотемом, этим добрым и принципиальным, неизменно дружеским ко всем и всему человеком, по-прежнему доставляли ему удовольствие, а Мариетта развлекала его своим добродушным остроумием и неожиданной наблюдательностью. Но он не мог удовлетвориться разговорами с нормальными, трезвыми, уравновешенными людьми, пусть даже достойными и доброжелательными. Простая жизнь и будничные дела начинали вызывать в нем раздражение. Его тянуло в Лондон, в Париж, тянуло приняться за дела. Безделье становилось невыносимым. Не важно, что он не в состоянии работать. Он чувствовал, что должен попытаться. Эта оторванность от жизни действовала на него ужасающе.

Шесть месяцев прожил Юджин в Чикаго и за это время не написал ни одной картины, которая удовлетворила бы его, которую он не «замучил» бы бесконечными переделками. Затем последовали три месяца в горах штата Теннесси, куда они поехали, потому что кто-то рассказал ему про чудодейственный источник в живописной долине, где весна изумительно хороша, а жизнь необычайно дешева. Четыре летних месяца они провели в горах на юге Кентукки, где царил вечная прохлада, а после этого пять месяцев в Билокси, в штате Миссисипи, на берегу Мексиканского залива, так как кто-то посоветовал Анджеке поехать на этот зимний курорт. За это время деньги Юджина (полторы тысячи долларов, оставшиеся у него при отъезде из Блэкуда, плюс сумма, вырученная от продажи в течение осени и зимы трех картин с парижской выставки, — двести долларов за одну, сто пятьдесят за другую и двести пятьдесят за третью, да еще двести пятьдесят долларов за нью-йоркский вид, проданный мосье Шарлем несколькими месяцами позже) почти разошлись. У него оставалось пятьсот долларов, но так как старые картины больше не находили покупателей, а нового он ничего не написал, их материальное положение в смысле перспектив на будущее было очень тяжелым. Он мог бы, конечно, вернуться в Александрию и там прожить еще с полгода, почти ничего не тратя, но после истории с Фридой ни ему, ни Анджеке это не улыбалось. Анджека боялась Фриды и твердо решила не ехать в Александрию, пока там живет эта девушка. А Юджину было стыдно туда возвращаться, так как это открыло бы людям глаза на то, какой плачевный оборот приняли его дела. О Блэкуде не могло быть и речи. Они и без того достаточно долго жили на средства родителей Анджели. Если он не поправится, ему придется окончательно отказаться от всякой мысли об искусстве, так как одними попытками создать что-то не проживешь.

Юджину стало казаться, что он жертва какого-то дьявольского наваждения, ведь есть же люди, которых преследуют злобные силы, люди, родившиеся под несчастливой звездой, обреченные на горе и неудачи. Откуда мог знать нью-йоркский астролог, что ему предстоят четыре незадачливых года! Вот уже три года из этих четырех прошли. Почему чикагский хиромант, как и нью-йоркский астролог, предсказал, что ему предстоят два

тяжелых периода и что, по всей вероятности, к середине жизни у него произойдет решительный перелом? Неужели человеческая жизнь подчинена каким-то таинственным влияниям? И что знают об этом философы-естествоиспытатели, те натуралисты, произведения которых он читал? В их книгах так много говорится о неизменных законах, управляющих вселенной, о незыблемых законах химии и физики,— почему же с помощью физики и химии нельзя объяснить его странный недуг? Или же раскрыть истинный смысл предсказаний астролога, а также тех примет и знамений, которые, как он заметил, обычно предшествуют каждой его удаче и неудаче? В последнее время, например, он стал замечать, что если у него дергается левый глаз, значит, его ждет ссора с кем-нибудь — и уж обязательно с Анджелой. Если он находил цент или вообще какую-нибудь монету, то ему предстояло получить деньги; каждому извещению о продаже его картин предшествовала находка какой-нибудь монеты. Как-то в Чикаго в страшный дождь он нашел цент на Стэйт-стрит и сразу же получил от мосье Шарля письмо, что в Париже за двести долларов продана его картина. В другой раз на пыльной дороге в штате Теннесси он поднял трехцентовую монету старой чеканки, и мосье Шарль вскоре сообщил, что один из его нью-йоркских видов продан за полтораста долларов. Был еще случай, когда на песчаном пляже в Билокси ему попался цент — и снова он получил уведомление о продаже картины. Странно, но факт. Юджин заметил также, что если в доме начинает скрипеть дверь, кто-нибудь обязательно заболевает, а если под окном завоеет черная собака — кто-то умрет. Мать говорила ему об этой примете, и он сам проверил ее правильность на одном человеке в Билокси. Человек этот внезапно заболел, и вот откуда ни возьмись на улице появилась собака, черная собака, которая остановилась под его окном. И вскоре он умер. Юджин не поверил бы, если бы это не произошло у него на глазах — он сам видел и собаку, и объявление о смерти. Собака завывала в четыре часа пополудни, а к утру человека не стало. Юджин собственными глазами видел, как дверь обивали черным крепом. Анджела смеялась над его суеверием, но Юджин стоял на своем. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

ГЛАВА XVI

Близился момент, когда их средства должны были иссякнуть, и Юджину пришлось задуматься над тем, как жить дальше. От постоянной тревоги и чувства мрачной безнадежности он сильно исхудал, и взгляд у него стал бегающий, боязливый. Часами ходил он по комнате, размышляя о тайнах природы и ломая голову над тем, как выйти из положения; что станет с ним, скоро ли будет продана еще какая-нибудь картина, когда именно и будет ли вообще продана? Анджела, вначале полагавшая, что его болезнь — только временное недомогание, теперь стала понимать, что она принимает затяжной характер. Он не был болен физически — он ходил, ел и разговаривал совсем как нормальный человек, но он не мог работать и без конца изводил себя всякими тревогами.

Анджела, как и Юджин, прекрасно видела, что их денежные дела из рук вон плохи, хотя он никогда не говорил с ней об этом. Ему было совестно признаться — после такого блестящего начала в Нью-Йорке, — что он боится краха. Как это глупо — при его-то даровании! Конечно, эта полоса пройдет, и пройдет скоро!

Огромную услугу в этот период оказали Анджеле привитая ей в семье бережливость и врожденная расчетливость, — она делала покупки с величайшим разбором, выгадывая каждый цент. Она умела сама шить на себя, в чем Юджин убедился, когда впервые навестил ее в Блэквуде, и сама мастерила себе шляпки. В Нью-Йорке, когда Юджин стал хорошо зарабатывать, она мечтала о том, что будет заказывать наряды у лучших портних, но так и не собралась этим заняться. Как женщина благоразумная, она решила еще немного подождать, а когда здоровье Юджина пошатнулось, ей пришлось и вовсе распрощаться с этой мечтой. Опасаясь, что буря, разразившаяся над ними, может затянуться, она принялась чинить, чистить, утюжить и переделывать все что только возможно. Даже когда Юджин предлагал купить ей какую-нибудь обновку, она отказывалась. Ее удерживали опасения за будущее, страх перед трудностями, которые могли стать на его пути.

Юджин это видел, хотя и не говорил ничего. От него не укрылось, что она живет в вечном страхе, проявляет огромное терпение, приносит ему в жертву все свои

желания и прихоти, и он не мог не оценить этого. Слишком уж очевидно было, что она думает только о нем, только об его интересах. Она была его тенью, его alter ego¹, его служанкой, всем, чем бы он ни пожелал ее видеть. Он шутя называл ее «песик», потому что на Западе, в детстве, они называли так всякого, кто был на побегушках у других. Когда играли в мяч и кому-нибудь из играющих было лень бежать за мячом, говорили: «А ну, Вилли, сбегай за меня, песик». Анджела и была таким «песиком» для Юджина.

За эти два года их странствований по разным штатам Юджин не давал Анджеле никаких поводов к ревности, потому что она всегда находилась с ним, была почти единственной его собеседницей, а также и потому, что они не засиживались подолгу на одном месте и не жили достаточно широко, чтобы он мог завязать где-нибудь интимную дружбу, грозившую катастрофой. Ему встречались девушки, которые привлекали его внимание,— как всегда привлекало все незаурядное, все юное и физически совершенное,— но не было случая познакомиться с ними. Они не посещали дома, куда он был вхож раньше, не вращались в тех кругах, где им прежде случалось бывать. Юджин мог только издали смотреть на этих юных красавиц. Трудно было ему мириться с цепями, которые налагал на него брак, и делать вид, будто у него чисто бескорыстный интерес к красоте, но он именно так должен был вести себя в присутствии Анджелы (как, впрочем, и в присутствии всех подобных ей рабов ходячей морали), так как малейшее внимание к какой-нибудь женщине встречало с ее стороны решительный отпор. Он должен был высказывать свое мнение в безличной форме и сдержанных выражениях. Стоило ему проявить хотя бы тень личного интереса или восхищения, как Анджела принималась критиковать его вкус и доказывать, насколько необоснованны его восторги. Если же он проявлял к какой-нибудь женщине особый интерес, она всячески старалась разнести его очередной идеал в пух и прах. Тут она не знала пощады, и ему было ясно, на чем зиждется ее критика. Он улыбался про себя, но ничего не говорил. Его даже восхищали героические усилия, которые она

¹ Второе «я» (лат.).

прилагала, чтобы настоять на своем, хотя каждая ее призрачная победа укрепляла железную решетку его клетки.

Именно в этот период Юджин волей-неволей вынужден был оценить то терпение, ту беззаветную преданность, которую Анджела проявляла во всем, что касалось его материального благополучия. В ее глазах он, несомненно, был самым великим человеком на свете — несравненным художником, несравненным мыслителем, несравненным любовником, личностью, выдающейся во всех отношениях. То, что он ничего не зарабатывал, не играло для нее в то время большой роли. Будет же он опять зарабатывать! Ведь у нее оставался ореол его славы! Быть «миссис Юджин Витла» после всего, что их окружало в Нью-Йорке и в Париже, — могла ли она желать большего? Не важно, что теперь ей приходится беречь каждый цент и самой мастерить себе платья и шляпки, экономить, чинить, утюжить и переделывать! Через несколько лет, когда Юджин станет постарше, он излечится от своей нелепой влюбчивости, и тогда все пойдет хорошо. Да и сейчас он как будто любит ее, а это чего-нибудь да стоит. А Юджин, чувствуя себя одиноким, терзаясь страхами, не уверенный в себе, не уверенный в будущем, с благодарностью принимал ее нескончаемые заботы, чем и вводил ее в заблуждение. От кого еще мог он этого ожидать? — размышлял он. Кто был бы ему столь предан в такое время? Он готов был поверить, что способен снова полюбить Анджелу и не изменять ей, если б только удалось избежать интересных встреч. Если бы удалось подавить в себе это неукуротимое влечение к другим женщинам, восторг перед их красотой, желание слышать похвалу из их уст.

Эти мысли объяснялись прежде всего тем, что он был болен и одинок. Вернись к нему здоровье, улыбнись ему снова успех, о котором он так жадно мечтал, все пошло бы, как раньше. Он был капризен, как сама природа, изменчив, как хамелеон. Только две реальные ценности существовали для него, и им он оставался неизменно верен, как стрелка компаса, которая всегда показывает на север: красота окружающего мира, которой он восхищался и которую жаждал передать на полотне, и женская красота — вернее, красота девушки в восемнадцать лет. О, это пробуждение женского начала в восемнадцатилетней девушке! Ничто под солнцем, каза-

лось ему, не может сравниться с ним. Оно напоминает первые весенние почки, цветы, раскрывающие свои венчики навстречу новому дню, аромат роз и росы, игру солнца на поверхности вод или игру бриллиантов. Этому он не способен был изменить. От этого он не мог отказаться. Это преследовало его подобно чудесному видению. И то, что очарование Стеллы, Руби, Анджелы, Кристины и Фриды, в котором на какой-то миг, частично или полностью, проглядывала эта красота, что очарование это было мимолетнее тени, не играло для него большой роли. Красота оставалась его светлой властительницей. Презреть ее, забыть — он не мог. Она неотступно стояла перед ним каждый час, каждую минуту. И хотя он называл себя глупцом, хотя говорил себе, что красота, как блуждающий огонек, приведет его к гибели, что он останется ни с чем, как последний нищий,— все же он не мог с собой совладать. Красота юности, красота восемнадцати лет! Без этого жизнь казалась скверной шуткой, участью ломовой лошади, отвратительной свалкой, где все вертится только вокруг пошлых материальных интересов (мебель, дома, вагоны, лавки) и все вовлечено в борьбу — ради чего же? Ради удовлетворения нужд каких-то жалких людишек? Да нет же! Чтобы воздвигнуть храм красоте? Да, разумеется,— но какой красоте? Красоте старости? Как глупо! Красоте средних лет? Бессмыслица! Красоте зрелости? Нет! Красоте юности? Да! Красоте восемнадцати лет. Именно так. Это была для него неопровержимая истина, доказанная всей мировой историей. Что же, как не красота и ее манящая сила, как не возникавшие из-за нее войны и совершающиеся ради нее преступления, служило вечной темой для искусства, литературы, истории и поэзии? Он, Юджин, поклонялся красоте. Все прошлое мира подтверждало его правоту. Кто мог это отрицать?

ГЛАВА XVII

Из Билокси, где с наступлением лета жара сделалась невыносимой, Юджин решил ехать в Нью-Йорк. Деньги были на исходе, и необходимость толкала его на решительный шаг, хотя бы даже это привело к полной катастрофе. У Кельнера находился на хранении ряд кар-

тин еще от первой выставки и почти все холсты с выставки парижских работ (мосье Шарль любезно вызвался позаботиться о них). Парижские этюды расходились плохо. Идея Юджина заключалась в том, чтобы втихомолку от друзей и знакомых приехать в Нью-Йорк, снять комнату в каком-нибудь глухом переулке, либо в Джерси-Сити, либо в Бруклине, где он не рискует ни с кем встретиться, и забрать картины у мосье Шарля,— авось, ему удастся заинтересовать ими кого-нибудь из более мелких барышников и комиссионеров, про которых он не раз слышал, и те придут посмотреть его работы и уплатят ему за них наличными. А если из этого ничего не выйдет, можно попробовать снести их по одной в магазины и там продать. Он вспомнил, что в свое время Эбергарт Занг через Норму Уитмор приглашал его зайти. Юджин предполагал, что раз фирма «Кельнер и сын» проявила к нему такой интерес и газетные критики столь благосклонно отзывались о его работах, то мелкие торговцы рады будут иметь с ним дело. Разумеется, они купят у него все его работы. Как же иначе — ведь его картины превосходны, совершенно превосходны!

Юджин забыл, а может быть, ничего и не знал о метафизической стороне успеха и неудачи. Он не отдавал себе отчета в том, что «каким человек мыслит себя, таков он и есть», и таким мыслит его весь мир, ибо важно не то, каков он на самом деле, а каким он себе представляется. Почему это так, мы не знаем, но что это чувство передается другим — неоспоримый факт.

Душевное состояние Юджина, растерянного, беспомощного, запутавшегося во всяких сомнениях и страхах,— ладья, потерявшая руль и блуждающая во мраке,— словно по беспроволочному телеграфу передавалось всем, кто знал его или слышал о нем. Когда выяснилось, что Юджин заболел и перестал работать, мосье Шарль был сперва удивлен и расстроен, а затем его интерес к молодому художнику стал заметно падать. Подобно всем способным и преуспевающим дельцам, мосье Шарль любил иметь дело с людьми сильными, в расцвете славы, в зените успеха. Малейшее отклонение от этой нормы сейчас же отмечалось им. Когда человеку грозил крах,— когда он заболел и находился в состоянии апатии или же когда его воззрения подвергались ломке,— весьма прискорбно, конечно, но при таких об-

стоятельствах оставалось одно — уйти от него подальше. С людьми, потерпевшими крушение, опасно иметь дело. Это прежде всего бьет по карману. Темпл Бойл и Винсент Бирс, бывшие учителя Юджина, слышавшие у себя в Чикаго о его славе, Люк Севирас, Уильям Мак-Кеннел, Орен Бенедикт, Хадсон Дьюла и многие другие не могли понять, что случилось с ним. Почему он больше не работает? Его давно не видели ни в одном из уголков Нью-Йорка, где встречаются любители искусства. Во время выставки его парижских работ носились слухи, что Юджин собирается в Лондон, где будет работать над такой же серией картин, но выставка его лондонских этюдов так и не состоялась. Весной, уезжая из Нью-Йорка, он говорил Смайту и Мак-Хью, что теперь, вероятно, займется Чикаго, но из этого тоже ничего не вышло. Иначе кто-нибудь видел бы его новые работы. Слухи были разноречивые: говорили, что Юджин очень разбогател, что дарование окончательно ему изменило и даже что рассудок его угас, — а потому в той части художественного мира, где его знали и где им интересовались, вскоре перестали и вспоминать о нем. «Очень жаль, — размышляли его соперники по ремеслу, — но одним серьезным конкурентом стало меньше». Что же касается друзей Юджина, то они жалели его, но утешались тем, что такова жизнь. Возможно, он еще поправится. А если нет — что ж...

По мере того как проходило время — год, другой, третий, — память о его внезапном и блестящем успехе и последующем исчезновении превратилась в своего рода излюбленную легенду, поучительную притчу для молодых талантов. Как много обещал этот человек! Почему же дарование его иссякло? Иногда его имя упоминалось в разговоре или в печати, но сам он, можно сказать, умер для всех.

К тому времени, когда Юджин решил поехать в Нью-Йорк, все его состояние заключалось в трехстах долларах, и из этой суммы он сто двадцать пять дал Анджеле, чтобы она могла вернуться в Блэквуд и жить там, пока он не устроит свои дела. После долгих споров они порешили, что это будет наилучший выход из положения. Трудно было сказать, чем Юджин займется, так как ни к живописи, ни к иллюстрированию журналов он вернуться не мог. Было бы неблагоразумно ехать обоим в Нью-Йорк с такими деньгами. У нее есть родной

дом, где ее с радостью примут,— во всяком случае, на время. А он пока что один потягается с превратностями судьбы.

Юджин не был в Нью-Йорке два с лишним года, два с лишним года он провел в скитаниях, и вид города произвел на него огромное впечатление. После гор Кентукки и Теннесси, после пустынного побережья Билокси он радовался возвращению в Нью-Йорк, в этот муравейник, где кишат миллионы людей,— в город, где неудачи и успех одного человека растворяются в необозримой толще жизни. Здесь строилась подземная железная дорога. Автомобиль, который всего лишь несколько лет назад робко начинал свою карьеру, теперь получил большое распространение. Повсюду встречались лимузины новых конструкций. Еще стоя на пристани в Джерси-Сити, Юджин мог заметить значительные перемены в открывшейся перед ним перспективе города, и достаточно было ему один раз пройтись по Двадцать третьей улице и по Седьмой авеню, как он увидел мир, менявшийся буквально на глазах,— грандиозные отели, многоэтажные жилые дома, оглушительный шум кичливой жизни, лепившей город по своему вкусу. На Юджина это подействовало угнетающе,— ведь когда-то он надеялся и сам стать частицей этого великолепия и блеска, и вот это ему не удалось и вряд ли удастся в будущем.

Было сыро и холодно, весна еще только начиналась, и Юджин вынужден был купить себе легкое пальто. Своего единственного демисезонного он не захватил, а ничего другого у него не было. В конце концов этого требует приличие, рассуждал он. Из бережно хранимых ста семидесяти пяти долларов он истратил сорок на возвращение в Нью-Йорк, пятнадцать отдал за пальто, и теперь у него оставалось сто двадцать долларов, с которыми ему и предстояло сызнова начинать жизнь. Его сильно тревожила мысль о будущем, но какое-то подсознательное чувство говорило ему, что еще не все потеряно, что все еще образуется.

Он снял дешевую комнату в довольно неприглядном районе западной части города на Двадцать четвертой улице, близ Одиннадцатой авеню, с единственной целью — держаться подальше от тех мест, где особенно кипит интеллектуальная жизнь, и по возможности избегать знакомых, пока не удастся стать на ноги. Это

был старый, неприглядный кирпичный дом, стоявший среди таких же старых, неприглядных строений, вроде того, какой он изобразил однажды на картине. Впрочем, новое его жилище оказалось не таким уж плохим. Обитатели дома были люди бедные, но довольно интеллигентные. Юджин избрал именно это густозаселенное беднотой место, потому что здесь неподалеку протекала Норт-ривер, с ее оживленным пароходным движением, а так как перед его окном (единственным и выходящим на запад) тянулся ряд пустырей, служивших стоянкой для подвод, вся жизнь вокруг была перед ним как на ладони. За углом, на Двадцать третьей улице, в другом таком же ветхом доме, помещался сравнительно недорогой ресторан и пансион, где можно было поесть за двадцать пять центов. Жизнь окружающих людей совершенно не интересовала Юджина. Здесь все было жалко, убого и грязно, но он надеялся когда-нибудь выбраться отсюда. Никто из здешних жителей не знал его. А вместе с тем его новый адрес — «Западная сторона, Двадцать четвертая улица, дом 552» — звучал совсем не плохо. Это могло сойти за один из тех старых кварталов, которыми пестрит Нью-Йорк и в которых любят селиться художники.

Сняв комнату у хозяйки-ирландки, жены портового весовщика, Юджин решил повидаться с мосье Шарлем. Он знал, что, несмотря на бедность и упадок сил, вид у него еще вполне приличный. На нем был хороший костюм, новое пальто, держался он бодро и решительно. Но, думая так, Юджин и не подозревал, что лицо у него изможденное и больное, а лихорадочный блеск глаз говорит о гложущей его душевной тревоге. Не доходя полквартала до конторы «Кельнер и сын» на Пятой авеню, Юджин остановился и задумался — стоит ли заходить и что сказать? Время от времени он писал мосье Шарлю, что здоровье его в скверном состоянии и что он не может работать, но неизменно добавлял при этом, что надеется скоро поправиться. И каждый раз он тревожно ждал ответа, который сообщил бы ему о продаже еще одной из его картин. Прошел год, затем два, теперь шел уже третий, а Юджин все еще был болен. Мосье Шарль испытующе посмотрит на него. Надо будет мужественно выдержать этот взгляд. Трудное это дело при теперешнем состоянии его нервов, но даже и сейчас в душе Юджина не угас еще какой-то задор. Он не сло-

жил оружия и был уверен, что вернет себе милость судьбы.

Наконец он собрал все свое мужество и вошел. Мосье Шарль радушно приветствовал его.

— Как я рад! Я уже совсем потерял надежду увидеть вас в Нью-Йорке. Ну, как здоровье? Как поживает миссис Витла? Даже не верится, что прошло уже три года... Вы прекрасно выглядите. А ваша работа? Чувствуете себя в состоянии работать?

В первый момент Юджину показалось, что мосье Шарль в самом деле находит, что у него прекрасный вид, тогда как этот наблюдательный и неглупый человек спрашивал себя, что могло быть причиной такой невероятной перемены. Юджин, казалось, постарел лет на восемь. Между бровями у него пролегли резкие складки, и во всем облике чувствовались усталость и апатия. И мосье Шарль думал про себя: «Этот человек, пожалуй, окончательно погиб для искусства. Он что-то утратил — как раз то, что я заметил в нем при первой встрече, — огонь и восторженность, которые он излучал, как дуговая лампа свет. Теперь у него такой вид, точно он ищет опоры, чтобы хоть как-то удержаться и не пойти ко дну. Он без слов взывает о снисхождении. Какая жалость!»

Как это ни печально, но мосье Шарль считал, что в таких случаях ровно ничего нельзя сделать. Художнику, который сам себе не может помочь, помочь нельзя. Талант его угас. Самое разумное в таких случаях — прекратить всякие попытки, взяться за какой-нибудь другой труд и забыть об искусстве. Возможно, что он и поправится, но уверенности в этом нет никакой. Нервные расстройства принимают нередко хроническую форму.

Юджин подметил кое-что из этого в поведении мосье Шарля. Он не мог бы сказать, что именно, но мосье Шарль казался более озабоченным, более осторожным и более чужим, чем раньше. Он был не то чтобы холоден, но сдержан, словно боялся, что его попросят о чем-то таком, чего он, при всем желании, сделать не может.

— Насколько я вижу, парижские этюды не имели успеха ни здесь, ни там, — заметил Юджин небрежным тоном, словно речь шла о пустяках, но он так надеялся услышать в ответ что-нибудь утешительное. — Я думал,

они будут лучше приняты. Но нельзя, конечно, рассчитывать, что удастся все продать. Зато нью-йоркские виды очень неплохо разошлись.

— Да, очень неплохо, гораздо лучше, чем я ожидал. По правде сказать, я не надеялся, что нам удастся продать столько картин. В них было слишком много нового, и они выходили за рамки интересов широкой публики. Но вот парижские этюды оказались чужды американцам в совершенно другом смысле; я хочу сказать, что их нельзя причислить к тем произведениям жанровой живописи, которые приходят к нам из-за границы и все значение которых основано на мотивах общечеловеческого, а не местного характера,— я имею в виду их тематику, конечно. В глазах людей, способных разбираться в красках, композиции и замысле, ваши парижские этюды можно назвать шедеврами в истинном смысле этого слова, но рядовому любителю они, по-видимому, представлялись попросту сценками из парижской жизни. Вы понимаете, что я хочу сказать? Вот в этом-то смысле они и чужды американцам, тем более что Париж не новая тема для художников. Возможно, виды Лондона или Чикаго пришлись бы больше ко двору. Тем не менее вы можете с полным правом поздравить себя. Ваше творчество произвело впечатление и здесь и во Франции. Когда вы опять вернетесь к работе, вы убедитесь — я нисколько не сомневаюсь,— что длительный перерыв вам нисколько не повредил.

Он старался быть вежливым и внимательным, но был рад, когда Юджин ушел.

Юджин вышел на улицу в самом безотрадном настроении. Теперь ему было ясно, как обстоит дело. Сейчас он вычеркнут из жизни, и остается только ждать.

ГЛАВА XVIII

Юджин решил обратиться к владельцам художественных магазинов и попытаться продать им оставшиеся у него картины. А картин было довольно много. Если выручить за них приличную сумму, можно будет прожить на эти деньги изрядный срок — пока он снова не станет на ноги. Когда картины прибыли в его одинокую

комнату и он с какой-то нерешительностью и грустью стал распаковывать и расставлять их, они показались ему превосходными. Неужели они не найдут себе покупателей, после того как критики приняли их так восторженно да и мосье Шарль высказал о них такое высокое мнение? Разумеется, их купят, их с руками оторвут. Но когда он стал приглядываться к витринам художественных магазинов, его постигло разочарование: здесь вовсе не так уж гонялись за картинами. Пусть его полотна и хороши, нельзя, однако, забывать, что художников много, и притом превосходных художников. Ему неудобно было обращаться в крупные магазины, так как его имя было связано с фирмой «Кельнер и сын». В более мелких у него, пожалуй, и возьмут что-нибудь, но не все,— может быть, один, в лучшем случае два этюда, да и то за гроши. Как зло посмеялась над ним судьба! Он, Юджин Витла, уже три года назад видевший себя на пороге благополучия, сидит сейчас в своей комнате, в каком-то темном переулке, и ломает голову над тем, откуда взять денег, чтобы перебиться лето, как сбыть картины, которые всего два года назад казались ему основой будущего благосостояния! Он решил обратиться к какому-нибудь комиссионеру средней руки, предложить ему зайти посмотреть его произведения, а в случае крайней нужды продать мелким барышникам часть картин за наличные. Так или иначе, он должен поскорее раздобыть денег. Нельзя же до бесконечности оставлять Анджелу в Блэквуде.

Он зашел к Джейкобу Бергману, Анри Ларю и братьям Потль и спросил, не хотят ли они посмотреть его картины. Бергман, который сам управлял своим магазином, вспомнил Юджина — он был на обеих его выставках,— но не проявил особого энтузиазма; все же он любопытствовал, сколько холстов было продано и за какую цену, и Юджин ответил ему.

— Что ж, принесите две-три картины и оставьте на комиссию. Ведь вы знаете, как эти дела делаются,— может, кому-нибудь и понравится. Трудно сказать заранее.

Он добавил, что за комиссию берет двадцать пять процентов и в случае продажи даст Юджину знать. Прийти и посмотреть картины он отказался. Пусть Юджин выберет по своему вкусу. То же самое повторилось и у Анри Ларю и у братьев Потль, причем оказалось,

что последние даже не слышали про него. Они предложили ему показать что-нибудь из его работ. Юджин был не слишком оскорблен таким невежеством,— судя по тому, как шли дела, он понимал, что в дальнейшем можно еще и не того ожидать.

Другим художественным магазинам он не решился доверить продажу своих картин, а таскать их по редакциям журналов (где можно было в случае удачи рассчитывать на сто двадцать пять и даже сто пятьдесят долларов за каждую) считал неудобным. Ему не хотелось, чтобы в журнально-художественном мире стало известно, в каком он положении. Хадсон Дьюла был его лучшим другом, но кто знает, заведует ли он еще художественным отделом журнала «Труф». (Между прочим, Дьюла действительно там больше не работал.) Оставался Ян Янсен и еще кое-кто, но они, несомненно, продолжают считать его преуспевающим художником. Таким образом, гордость создавала для Юджина дополнительные затруднения. Как же он будет существовать, если обращаться в журналы не хочет, а что-нибудь новое создать не в состоянии? Юджин решил походить по небольшим магазинам с одной какой-нибудь картиной, предлагая ее за наличные. Там, вероятно, никто не знает его, а картина может понравиться. Это позволит ему без большого ущерба для своего самолюбия согласиться на любую цену, какую ему предложат, если только она не будет совсем уж мизерной.

В одно ясное майское утро он сделал такую попытку, и хотя она принесла известные результаты, прекрасный день был для Юджина совершенно испорчен. Захватив с собою один из нью-йоркских этюдов, он понес его в третьестепенный магазинчик, который как-то заметил на Шестой авеню. Не вдаваясь в объяснения, он спросил, не купят ли у него эту вещь. Владелец, маленький, смуглый человечек семитского происхождения, с любопытством посмотрел на художника, а затем на картину. Ему с первого же взгляда стало ясно, что человек этот в затруднительном положении и что ему до зарезу надо продать свой этюд. Он подумал, что может купить эту вещь за бесценок, но сомневался, стоит ли покупать. Сюжет картины был не слишком популярный — знаменитый ресторан на Шестой авеню, за аркой надземной железной дороги,— сквозь густую сетку дождя прорываются яркие полосы света. Много лет

спустя один коллекционер из Канзас-Сити откопал эту картину на аукционе старой мебели и поместил ее среди своих шедевров. В это утро, однако, ее достоинства были не так очевидны.

— У вас в окне, я вижу, иногда выставляются картины. Вы покупаете подлинники?

— Случается,— равнодушно отозвался владелец.— Только не часто. Что у вас там?

— У меня картина маслом, которую я не так давно написал. Я иногда занимаюсь этим. Может быть, посмотрите?

Владелец магазина стоял возле Юджина с безразличным видом, пока тот развязывал тесемку, распаковывал полотно и ставил его перед ним. Картина произвела на него впечатление, но он подумал, что она едва ли придется по вкусу среднему покупателю.

— Вряд ли я мог бы продать здесь это,— заметил он, пожимая плечами.— Вещь хорошая, но у нас очень небольшой спрос на картины. Будь это обыкновенный пейзаж, или марина, или женская головка... Вот женские головки лучше всего идут. А ваша — очень сомневаюсь, удастся ли мне сбыть ее. Оставьте на комиссию, если хотите. Может быть, кому-нибудь понравится. А покупать мне ее, пожалуй, не к чему.

— А мне не к чему оставлять ее на комиссию,— с раздражением ответил Юджин.

Оставить свою картину в какой-то лавочке, где-то в переулке, да еще на комиссию! Нет, на это он не согласен. Ему хотелось ответить резкостью, но он подавил в себе вспышку гнева и спросил:

— А сколько бы вы дали за нее, если бы она вам подошла?

— Гм,— владелец магазина задумчиво поджал губы,— долларов десять — не больше. Тут у нас нельзя запрашивать больших цен. Настоящий покупатель идет на Пятую авеню.

Юджина передернуло. Десять долларов. Боже, какая унижительная сумма! Стоило приходить сюда! Уж лучше иметь дело с журналами и с большими магазинами. Но где они? К кому вообще обратиться? Где они, эти магазины, которые были бы лучше вот этой лавочки, если не считать крупных фирм, куда он уже навещался? Так не разумнее ли придержать полотно, а пока что взяться за какую-нибудь работу? Ведь у него

всего тридцать пять холстов, и если отдавать их по такой цене, он за все выручит каких-нибудь триста пятьдесят долларов. Какой от них прок! Его настроение и эта последняя попытка говорили ему, что больше выручить не удастся. Ему будут предлагать долларов пятнадцать, а возможно, и того меньше, и в результате положение его нисколько не улучшится. И картины уйдут, и денег не будет. Надо найти работу и сохранить картины. Но чем заняться?

Человеку в положении Юджина (ему исполнился тридцать один год, и он не имел никакого образования, кроме того, что сумел получить в процессе развития своего вкуса и таланта) было очень трудно приискать себе какую-нибудь работу. Главным препятствием было, конечно, нервное расстройство, которое сказывалось и на его внешности. Он производил впечатление растерянного, удрученного человека и уже тем самым был мало приемлем для всякого, кто хотел бы видеть своим служащим здорового, энергичного мужчину. Вдобавок весь его вид и манеры безошибочно выдавали в нем художника — изысканного, замкнутого и чувствительного. Временами он держался с надменной холодностью, особенно когда находился среди людей, казавшихся ему вульгарными, или таких, которые старались показать свое превосходство над ним. А главное, он не мог придумать ничего такого, чем ему хотелось бы заняться. Мысль вернуться к искусству не давала Юджину покоя; только оно и могло выручить его в этот критический период его жизни. Ему не раз приходило в голову, что было бы недурно устроиться заведующим художественным отделом в каком-нибудь журнале, — из него, пожалуй, вышел бы дельный редактор. Было время, когда ему казалось, что он мог бы заняться литературой, но с этим давно покончено. После фельетонов Чикаго он ничего не писал, а в теперешнем состоянии ему нечего и думать об этом занятии — оно не для него. Какого труда стоило ему даже составить связное и разумное письмо Анджеке. Оглядываясь на свою жизнь в Чикаго, он вспомнил, что был когда-то инкассатором и возчиком в прачечной, и подумал, что мог бы, пожалуй, найти что-нибудь в этом роде. Почему не попытаться получить место вагоновожатого или конторщика в мануфактурном магазине? Регулярный рабочий день и постоянные

обязанности могут оказать на него самое благотворное действие. Но как найти такую работу?

Если бы Юджин не был в столь угнетенном состоянии, это было бы вовсе не трудно, так как физически он был достаточно крепок и мог справиться с любой несложной работой. Ему достаточно было просто и откровенно поговорить с мосье Шарлем или Айзеком Вертхеймом и, воспользовавшись их влиянием, приискать себе занятие, которое дало бы ему возможность перебиться. Но он был слишком щепетилен, а болезнь делала его к тому же застенчивым и робким. Мысль, что придется отказаться от искусства и работать в другой области, вызывала у него одно только желание — укрыться возможно дальше от людских глаз. Как может он со своей внешностью, со своей репутацией, со своими изысканными вкусами якшаться с вагоновожатыми, продавцами, железнодорожными рабочими и возчиками? Нет, это невозможно, это выше его сил. Да и работа такого рода для него — дело далекого прошлого, так по крайней мере ему казалось. Он покончил с нею раз навсегда еще в дни своей учебы в Институте искусств. Снова искать такую работу — да разве он способен на это? Целыми днями бродил он по улицам, а по возвращении домой бросался к мольберту, чтобы посмотреть, не вернулся ли к нему его дар, или писал длинные, бессвязные, взволнованные письма Анджеке. Это было поистине жалкое состояние. Иногда в припадке отчаяния Юджин хватал какую-нибудь картину и, исходив с ней немало миль, отдавал за десять—пятнадцать долларов. Единственное, что его спасало, — это ходьба, он чувствовал себя тогда лучше. Красота природы, кипучая человеческая деятельность занимали его и отвлекали от тяжких мыслей. Бывали вечера, когда он приходил домой с ощущением, что в нем произошла чудодейственная перемена, что дело идет на поправку; но это продолжалось недолго, а потом прежнее настроение овладевало им... Так провел он три месяца, беспомощно плывя по течению, пока не понял наконец, что время не ждет, осень и зима не за горами, а у него скоро не останется ни одного цента.

В полном отчаянии Юджин сперва пытался найти место художественного редактора, но, побывав в трех журналах, очень скоро убедился, что такого рода места не раздаются направо и налево, да еще неопытным людям. Для этого надо было иметь определенный стаж,

как и во всякой другой области, и предпочтение отдавалось тому, кто уже занимался такой работой где-нибудь в другом месте. Ни имя Юджина, ни его внешность, по-видимому, не производили никакого впечатления на джентльменов, к которым он обращался. Они слышали о нем как об иллюстраторе и художнике, но его вид говорил о том, что место нужно ему лишь как временное прибежище для поправления расстроенного здоровья, а не для энергичной вдохновенной работы, и потому они не желали иметь с ним дела. Он решил попытаться счастья в трех крупнейших книгоиздательствах, но там не оказалось вакансий. Надо сказать, что Юджин имел весьма слабое представление о сложности и ответственности редакторской работы, но сам он этого не понимал. Теперь оставались только мануфактурные магазины, городской трамвай и конторы по найму рабочих при крупных железных дорогах и фабриках. Он с сомнением смотрел на сахарные заводы, на табачные фабрики, на транспортные конторы, на товарные склады и гадал, удастся ли ему найти службу, хотя бы за десять долларов в неделю. В случае удачи (и если к тому же найдется покупатель на одну из его картин, выставленных у Джейкоба Бергмана, Анри Ларю и у братьев Потль) он как-нибудь обернется. Он может даже прожить на эти деньги вместе с Анджелой, если будет время от времени продавать этюд за десять — пятнадцать долларов. Сейчас комната и стол обходились ему в семь долларов в неделю, и ему стоило большого труда сохранить неприкосновенными те сто долларов, которые остались у него после первых затрат на обзаведение. Его пугала мысль, что, распродав все картины за бесценок, он впоследствии пожалеет об этом.

Найти работу нелегко даже при самых благоприятных условиях, когда человек здоров, молод и честолюбив, а о том, как трудно найти ее при условиях неблагоприятных, не приходится и говорить. Представьте себе — если вы обладаете воображением — толпы людей в сорок, пятьдесят, сто человек, дожидающиеся у каждого бюро по найму, у каждого трамвайного парка (в те особые дни, когда принимаются и рассматриваются заявления), у каждого крупного магазина, фабрики, мастерской или конторы, где, согласно объявлению в газете, требуется тот или иной работник или работница. Сплошь и рядом, когда Юджин пробовал обращаться

в такие места, оказывалось, что его уже опередила целая толпа людей, которые с любопытством разглядывали его и, очевидно, недоумевали, — неужели этот фронт пришел искать работы? Они казались ему совсем не такими, как он сам. Здесь были люди почти без образования, хорошо знакомые с тяготами жизни, которые очерствили их сердца; молодые люди, вялые, жалкие, рано изжившие себя; люди, подобные ему самому, один вид которых говорил о том, что они знавали лучшие дни, и люди, на чьих лицах было написано, что они уже побывали во всяких переделках. Но больше всего смущало Юджина то, что среди чаявших работы он неизменно встречал жизнерадостных, энергичных юношей, лет девятнадцати, двадцати, таких, каким был он сам, когда впервые приехал в Чикаго. Они были всюду, куда бы он ни направился. Их присутствие каждый раз мешало ему открыть цель своего прихода. Он не мог заставить себя это сделать. Последнее мужество покидало его. Он понимал, что у него неподходящий вид для человека, ищущего работы. Стыд и смущение овладевали им.

Он узнал, что эти люди встают в четыре часа утра, чтобы купить газету, и мчатся по адресу, указанному в объявлении, стремясь занять очередь поближе и обогнать других. Он узнал, например, что официанты, повара, служащие гостиниц часто дежурят всю ночь напролет и в два часа ночи, — будь то зимой или летом, в дождь или в снег, в зной или в стужу, — купив газету, спешат по адресам, указанным в объявлениях. Он узнал, что люди, ждущие в очереди, могут становиться насмешливыми, грубыми, воинственными, по мере того как прибытие все большего числа претендентов уменьшает их шансы на получение места. И такая погоня за работой идет непрерывно — и зимою, и летом, и в зной, и в стужу, и в дождь, и в снег. С видом безучастного зрителя Юджин, отойдя в сторонку, следил за толпой и слушал, как люди, измученные ожиданием или утратившие всякую надежду, отпускали непристойные шуточки, кляли свою жизнь и судьбу и на чем свет ругали каких-то влиятельных лиц — всех вместе и порознь. Для него в его теперешнем состоянии это было жуткое зрелище, напоминавшее работу двух жерновов: эти люди представлялись ему мякиной, и сам он был на положении такой вот мякины или ему грозило стать ею. Жизнь перестала с ним церемониться. Он будет падать

все ниже и ниже и, может быть, никогда уже не поднимется на поверхность.

Мало кто из нас толком разбирается в том процессе расслоения, который делит людей на категории и классы, препятствуя свободному переходу отдельных лиц из одного класса в другой. Мы принимаем как нечто должное материальную среду, которую жизнь навязывает нашему темпераменту, нашим запросам и способностям. Священники, врачи, адвокаты, торговцы будто так и рождаются с определенной склонностью к той или иной профессии, и то же самое можно сказать про конторского служащего, продавца, землекопа и дворника. У них свои житейские правила, свои объединения, свои классовые чувства. И хотя духовно люди разных профессий могут оказаться в близком родстве, физически они далеки друг от друга. После месяца, проведенного в поисках работы, Юджин узнал больше об этом расслоении общества на классы, чем когда-либо рассчитывал узнать. Он обнаружил, что многие профессии ему недоступны — одни в силу особенностей его темперамента, другие из-за недостатка физической сноровки, третьи вследствие неопытности, четвертые по возрасту и так далее. И те, кто отличался от него в том или другом отношении, а то и во всех, склонны были смотреть на него косо. Взгляд их, казалось, говорил: «Ты не такой, как мы. Зачем ты здесь?»

Однажды Юджин подошел к толпе, дожидавшейся у ворот трамвайного парка, и с присущим ему видом превосходства спросил у одного из стоявших поближе рабочих, где находится контора. Этот вопрос стоил ему немалых внутренних усилий.

— Уж не хочет ли и этот получить место кондуктора? Ты как думаешь? — услышал он чьи-то слова.

Почему-то это замечание сразу убило всю его решимость. Он поднялся по деревянной лестнице в маленькую контору, где выдавались бланки для заявлений, но даже не отважился попросить такой бланк. Он сделал вид, будто ищет кого-то, и тотчас же вышел. В другой раз, ожидая своей очереди у кабинета управляющего мануфактурным магазином, он услышал замечание какого-то юнца: «Гляди-ка, кто в продавцы лезет!», — и холод пробежал по его телу.

Трудно сказать, сколько еще продолжались бы эти бесцельные блуждания, если бы Юджин случайно не

вспомнил, что кто-то из художников рассказывал ему, как один писатель, заболев нервным расстройством, обратился к президенту какой-то железнодорожной компании, и тот из уважения к его профессии пристроил его к разведывательной партии. Его отправили на какой-то отдаленный участок, и он работал там, получая ставку чернорабочего, пока не выздоровел. Юджин подумал, что вот и выход. Удивительно, как это раньше не пришло ему в голову. Ведь он тоже может обратиться с подобной просьбой, объяснив, что он художник, и его внешность подтвердит это. А так как он с полным правом может говорить о себе, как о человеке, временно выбывшем из строя по нездоровью, то у него, несомненно, много шансов на успех.

Конечно, это не должность, которой он достоин, но все же работа; а поскольку она будет оплачиваться,— это лучше, чем копать грядки на ферме у отца Анджели.

ГЛАВА XIX

Осуществить эту мысль и обратиться к президенту одной из нью-йоркских железнодорожных компаний не представляло больших трудностей. На следующее утро Юджин тщательно оделся и отправился в железнодорожное управление на Сорок второй улице; там он просмотрел список должностных лиц, вывешенный в одном из коридоров, и, узнав, что кабинет президента находится на третьем этаже, поднялся туда. Огромным напряжением воли заставив себя открыть дверь, он обнаружил, что попал всего лишь в приемную, где находился целый штат лиц, обслуживающих президента, к нему же самому доступ был только по вызову.

— Поговорите с секретарем, если он не занят,— посоветовал Юджину клерк, повертев в руках его визитную карточку.

В первый момент Юджин не знал, на что решиться, но затем подумал, что и секретарь, вероятно, в состоянии помочь ему. Он попросил передать свою карточку и сказал, что объяснит цель своего прихода только секретарю лично. Через несколько минут кто-то вышел к нему; это был один из младших секретарей — молодой человек лет двадцати восьми, полный, невысокого роста, любезный и, по-видимому, добродушный.

— Чем могу быть полезным? — спросил он.

Юджин уже сформулировал в уме свою просьбу, — ему хотелось изложить ее просто и кратко.

— Я желал бы повидать мистера Уилсона, чтобы узнать, не возьмет ли он меня чернорабочим на какой-нибудь участок своей дороги. Я художник по профессии, но сейчас страдаю неврастенией. Все врачи, к которым я обращался, советуют мне на некоторое время заняться простой физической работой. Я знаю, что мистер Уилсон помог таким образом одному писателю, мистеру Сэйвину, быть может, он не откажет и мне.

Услышав имя Сэйвина, младший секретарь оживился. К счастью для Юджина, он читал одну из книг Сэйвина, к тому же подкупающая наружность просителя, его рассказ о больном писателе и несомненная искренность произвели на него впечатление.

— Конторской работы вам не смогут предложить, это я точно знаю, — ответил он. — Такие места предоставляются только за выслугу лет. Но вы можете получить работу на каком-нибудь строительном участке, под руководством мастера. Трудно сказать что-нибудь определенное. Однако это очень тяжелый труд. Мистер Уилсон, конечно, не оставит вашей просьбы без внимания. Но я сильно сомневаюсь, — добавил он с сочувственной улыбкой, — достаточно ли вы крепки для такой работы. Кирка и лопата требуют изрядных сил.

— Мне кажется, сейчас об этом не стоит беспокоиться, — сказал Юджин с усталой улыбкой. — Я попробую и посмотрю, может быть, она мне поможет. Боюсь, что в моем состоянии это единственное средство. — Он опасался, как бы младший секретарь не раздумал и не ответил категорическим отказом.

— Можете вы подождать немного? — спросил тот, внимательно глядя на странного просителя; он решил, что перед ним важная персона, так как Юджин вызвался представить рекомендации от влиятельных лиц.

— Разумеется, — сказал Юджин.

Секретарь ушел и через полчаса вернулся с письмом в конверте.

— По нашему мнению, — сказал он, не скрывая, что президент компании тут ни при чем и он говорит от себя и от имени старшего секретаря, согласившегося с ним, что Юджину надо помочь, — вам лучше всего обратиться в технический отдел. Мистер Хобсен, наш главный

инженер, устроит вас. С этим письмом вы, я полагаю, получите то, о чем просите.

Юджин воспрянул духом. Он посмотрел на конверт, увидел, что письмо адресовано мистеру Вудрафу Хобсе-ну, главному инженеру, и, не теряя времени на чтение, горячо поблагодарил младшего секретаря и вышел. В вестибюле, в достаточном отдалении от кабинета президента, он вскрыл конверт и обнаружил, что в записке весьма бесцеремонно говорится о нем, как о «м-ре Юджине Витла — художнике, временно потерявшем трудоспособность вследствие неврастения» и так далее, «желающем получить работу на каком-нибудь строительном участке. Секретариат президента ходатайствует об удовлетворении просьбы».

Прочитав письмо, Юджин понял, что место ему обещено. И это навело его на любопытные мысли по поводу расслоения общества. Как чернорабочий он ничто, но, будучи художником, он может получить место чернорабочего. Следовательно, его дарование художника все же чего-нибудь да стоит. Оно дало ему возможность найти себе какое-то прибежище. Юджин с радостью за нее ухватился и несколько минут спустя вручил конверт младшему секретарю главного инженера. Он не был принят никем из заправил, но получил взамен другое письмо, адресованное мистеру Уильяму Хейверфорду, начальнику службы пути, малокровному джентльмену лет сорока, под началом которого, как Юджин узнал не далее чем через полчаса, работало тринадцать тысяч человек. Мистер Хейверфорд внимательно пробежал глазами письмо из конторы главного инженера. Он был очень удивлен странной просьбой Юджина и его внешним видом. Художники — люди странные. Вот, например, этот. В наружности Юджина он заметил какое-то сходство с самим собой.

— Художник? — внимательно переспросил он. — И вы хотите поступить к нам чернорабочим?

Он вперил в Юджина взгляд зорких, черных, как уголь, глаз, оживлявших его длинное грушевидное лицо. Юджин обратил внимание на его тонкие, белые пальцы и на копну темных волос над высоким бледным лбом.

— Неврастения? Мне в последнее время часто приходится слышать о ней, но сам я никогда этой болезнью

не страдал. Я нахожу, что когда нервы начинают пошаливать, очень полезно прибегнуть к гантелям. Вы, вероятно, знаете эти штуки?

— Да, видел,— ответил Юджин.— Но моя болезнь, пожалуй, слишком серьезна, чтобы ее можно было вылечить такими средствами. Я много путешествовал, но и это не пошло мне на пользу. Мне, должно быть, полезно поработать физически, заняться делом, которое я обязан буду выполнять. Комнатная гимнастика тут не поможет. Вероятно, мне необходимо переменить обстановку. Буду чрезвычайно признателен, если вы возьмете меня на какую-нибудь должность.

— Что ж, может быть, вы и правы,— мягко сказал мистер Хейверфорд.— Но только работа поденщика, как вы убедитесь, дело нелегкое. По правде говоря, я не уверен, что вы долго выдержите.

Он подошел к карте под стеклом, на которой были изображены все участки железной дороги от Новой Англии до Чикаго и Сент-Луиса, и спокойно заметил:

— Я могу вас направить куда угодно— в Пенсильванию, в Нью-Йорк, Огайо, Мичиган, Канаду.— Его палец неторопливо двигался по карте.— В моем распоряжении тринадцать тысяч человек, и они разбросаны чуть не по всей стране.

Юджин с изумлением смотрел на него. Какой пост! Какая ответственность! Этот бледный, смуглый человек сидит, как механик у распределительного щита, и управляет такой гигантской машиной.

— У вас под началом целая армия,— просто сказал он, и мистер Хейверфорд улыбнулся в ответ своей бледной улыбкой.

— Советую вам послушаться меня и не бросаться сразу на работу на строительном участке. Вы вряд ли способны сейчас на тяжелый труд. У нас есть тут, под самым городом, в Спионке, небольшая столярная мастерская, которая, по-моему, как нельзя лучше отвечает вашей цели. Она расположена на излучине у впадения одной небольшой речушки в Гудзон. Сейчас лето, и поставить вас на работу под палящим солнцем с партией итальянцев было бы, пожалуй, жестоко. Мой совет: отправляйтесь в Спионку. Там тоже будет достаточно трудно. После того как вы слегка закалитесь, я с удовольствием переброшу вас на другую работу, если вы пожелаете. Денежный вопрос, возможно, не играет для

вас большой роли, но вы будете получать определенную плату — пятнадцать центов в час. Я дам вам письмо к мистеру Литлбрауну, инженеру участка, и он позаботится о том, чтобы вы получили соответствующее назначение.

Юджин поблагодарил Хейверфорда. Мысленно он улыбнулся замечанию этого человека, что денежный вопрос не играет для него большой роли. Пожалуй, это и в самом деле разумное предложение. Спionк — недалеко от города. Да и по описанию маленькая столярная мастерская, расположенная у речной излучины, понравилась ему. Это место, как он обнаружил, ознакомившись с картами участка, находилось почти в черте города. При желании он может жить в Нью-Йорке, в худшем случае — на окраине его.

Последовало новое письмо, на этот раз адресованное мистеру Генри С. Литлбрауну, высокому, хмурому человеку, которого Юджин разыскал два дня спустя в Ионкерсе, в конторе участка; тот, в свою очередь, написал распоряжение мистеру Джозефу Бруксу, начальнику строительства в Монт-Хейвене, а секретарь последнего снабдил Юджина письмом к мистеру Джеку Стиксу, старшему мастеру столярной мастерской в Спionке. В пятницу Юджин вручил его по назначению, и в ответ ему было сказано, что он должен явиться на работу в понедельник в семь утра. Итак, Юджин мог поздравить себя с должностью поденщика.

Небольшая мастерская, о которой шла речь, была расположена в чрезвычайно живописном месте. Будь она построена по специальному заказу Юджина, и тогда нельзя было бы придумать ничего лучше. На небольшом мысе между рекой с одной стороны и железнодорожным полотном и маленькой речушкой (которую железная дорога пересекала выше по течению) — с другой стояло длинное приземистое двухэтажное строение с зеленой крышей, с красными стенами и огромным количеством окон, из которых открывался прекрасный вид на проходившие мимо яхты, пароходы и катера, на лодки, стоявшие у причала в небольшой тихой заводи, образуемой речкой. В воздухе звучала настоящая песня труда, так как мастерская была сплошь уставлена строгальными и токарными станками и тисками всевозможных размеров; огромный штат столяров изготавливал здесь столы, стулья, письменные столы — словом, вся-

кую конторскую мебель, снабжая этими изделиями железнодорожные конторы и станции. На втором этаже перед каждым окном стояло по верстаку, а середину помещения занимало несколько машин — маленькая механическая ножовка, поперечная, ленточная и круглая пилы, строгальный станок и четыре или пять токарных. Внизу помещались машинное отделение, кузница, гигантский струг, большая ножовка и большая поперечная пила, склад и шкапы для инструментов. Во дворе высились штабеля лесоматериалов; здесь проходили рельсы, и дважды в день местный товарный поезд, так называемая «кукушка», останавливался, чтобы сгрузить лес или принять готовую мебель и прочее. Направляясь к мастерской, чтобы предьявить письмо, Юджин остановился у невысокой аккуратной ограды, прислушиваясь к мелодичному гудению пил и любуясь красивой заводью.

«Не может быть, чтобы работа здесь была так уж тяжела», — подумал он. Он видел столяров, выглядывавших из окон верхнего этажа, и двух рабочих в коричневых комбинезонах и свитерах, разгружавших платформу. Они несли на плечах огромные брусья, имевшие в поперечнике три дюйма на шесть. Неужели и ему предложат заняться этим? Едва ли. Мистер Хейверфорд совершенно определенно указывал в своем письме к мистеру Литлбрауну, что Юджина следует нагружать работой постепенно. Перетаскивание тяжелых брусьев представлялось ему не слишком подходящим началом, но письмо он все же передал. Предварительно он оглядел противоположный высокий берег с намерением присмотреть местечко, где он мог бы жить и питаться, но ничего подходящего не увидел. Живописные склоны берега были застроены особняками нью-йоркских богачей, предпочитавших жить за городом, и их не могло интересовать предложение новоиспеченного подсобного рабочего сдать ему на некоторое время комнату со столом. Юджину рисовался уже уютный домик и приятные люди, ибо, как это ни странно, удача с приисканием хотя бы и столь ничтожной работы внушила ему уверенность, что близится конец злополучной полосы в его жизни. Теперь он, очевидно, пойдет в гору. Вот только бы найти пристанище на лето в какой-нибудь тихой семье. Осенью, если его здоровье пойдет на поправку, — а он не сомневался, что так и будет, — он выпишет сюда

Анджелу. Возможно, что к этому времени какая-нибудь из комиссионных фирм — братья Потль, Джейкоб Бергман или Анри Ларю — продаст что-нибудь. Полторасти или двести долларов вместе с его заработком дадут им возможность прожить вполне сносно. При изобретательности и бережливости Анджелы, не говоря уже о его собственном вкусе, можно любому уголку придать красивый и благоустроенный вид.

Найти комнату было делом нелегким. Юджин по шпалам прошел до поселка, который виден был в отдалении из окон мастерской, и, не найдя ничего заманчивого в смысле месторасположения, вернулся в Спионк и прошел около полумили вверх по берегу речки. Эта разведка доставила ему огромное удовольствие: перед ним открылся полукруг хороших коттеджей, раскинувшихся по склону холма, у подножия которого протекал серебристый ручей. Вдоль излучины реки тянулась дорога, а повыше — вторая. Юджину с первого взгляда стало ясно, что здесь царство преуспевающих средних буржуа, о чем свидетельствовали аккуратно подстриженные лужайки, яркие маркизы над окнами, цветы в синих, желтых и зеленых горшках на террасах и у дверей. Автомобиль, стоявший перед одним из домов, указывал на то, что местное население старается не отставать в своих вкусах от богачей, а летний ресторан по дороге в Нью-Йорк, у маленького моста через речку, говорил о том, что живописное расположение этого поселка не является тайной для любителей загородных прогулок. Ресторан был защищен от солнца тентами, а один из его балконов, уставленный столиками, висел прямо над водой. Юджина охватило желание поселиться в этой местности. Он бродил по поселку в прохладной тени деревьев, заглядывая то в один, то в другой дворик и думая о том, как хорошо было бы с помощью рекомендательного письма получить доступ к кому-нибудь из здешних обитателей. Эти люди должны были бы только радоваться присутствию в своей среде одаренного художника и утонченного человека. То обстоятельство, что он ради восстановления здоровья работает поденщиком на мебельной фабрике или на железной дороге, должно придать ему лишь особый интерес в их глазах. Бродя по поселку, Юджин увидел методистскую церковь своеобразной архитектуры, сложенную из красного кирпича и отделанную серыми каменными плита-

ми. Пока он разглядывал цветную роспись высоких окон и четырехугольную, похожую на крепостную башенку, колокольню, у него мелькнула мысль — не обратиться ли к священнику? Он объяснит ему, чего хочет, покажет рекомендательные письма (Юджин захватил несколько старых писем от редакторов, издателей и художественных фирм) и подробно расскажет, зачем ему понадобилось сюда приехать. Его расстроенное здоровье и репутация художника должны расположить этого человека в его пользу, и тот, возможно, направит его к кому-нибудь, кто не прочь будет принять его к себе в дом. Было пять часов дня, когда он постучался в дверь пасторского домика; его проводили в кабинет пастора — большую комнату, тишину которой нарушало только жужжание мух на затененных шторами окнах. Через несколько минут вошел хозяин — высокий седой мужчина, одетый с суровой простотой и державшийся непринужденно, как человек, привыкший обращаться к большим собраниям. Он хотел уже спросить, чем может быть полезен Юджину, но тот предупредил его:

— Вы меня, конечно, не знаете. Я здесь совершенно чужой. По профессии я художник, но с понедельника буду работать в Спиритке в железнодорожной мастерской для восстановления своего здоровья. Я страдаю нервным расстройством и намерен временно заняться физическим трудом. Мне хотелось бы поселиться здесь в какой-нибудь приятной семье, и я подумал, что вы, вероятно, знаете кого-нибудь поблизости, кто согласился бы на время приютить меня. Я могу представить самые лучшие рекомендации. Поближе к мастерской ничего подходящего как будто нет.

— Она стоит совсем на отлете, — ответил старый священник, внимательно вглядываясь в Юджина. — Я часто думал, как это рабочие соглашаются ездить так далеко. Никто из них здесь не живет.

Он испытующе оглядел Юджина и, видимо, остался доволен полученным впечатлением. Судя по всему, это был скромный, серьезный, порядочный молодой человек; все выдавало в нем художника. Ему показалось весьма интересным, что тот избрал для излечения своих нервов такое радикальное средство, как труд поденщика.

— Дайте-ка мне подумать, — продолжал он и, опустившись на стул, поднес руку к глазам. — Сейчас труд-

но что-нибудь сказать. Тут есть много семейств, в чьем доме нашлось бы для вас место, но я очень сомневаюсь, пожелают ли они вас принять. По правде говоря, я даже уверен, что не пожелают. Дайте-ка я еще подумаю.

Юджин смотрел на его крупный орлиный нос, косматые седые брови и густые щетинистые седые волосы. Он мысленно уже зарисовывал и его самого, и письменный стол, и тонушие в полумраке стены, и всю уютную затененную комнату.

— Нет,— медленно произнес священник,— я ничего не могу придумать. Есть тут одна дама — миссис Хиббердел. Живет она — сейчас соображу,— раз, два, три — десятый дом отсюда, если идти вверх. Недавно к ней переехал ее племянник, молодой человек, приблизительно ваших лет. Больше мне никто не приходит на память. Я далеко не уверен, что она согласится принять вас к себе, но, с другой стороны, это вполне возможно. В доме у нее очень просторно. Одно время с ней жила дочь, но она, кажется, уехала. Как будто уехала.

Он говорил так, точно думал вслух.

При упоминании о дочери Юджин насторожился. После отъезда из Нью-Йорка он ни разу, если не считать Фриды, не имел случая хотя бы отвести душу в разговоре с какой-нибудь женщиной. С ним повсюду неизменно находилась Анджела. А со времени возвращения в Нью-Йорк он жил в таких отвратительных условиях, что ему было не до молодости, не до любви. В сущности, ему и сейчас не следовало бы помышлять об этом, но летний воздух, поселок, утопавший в тени деревьев, а главное — сознание, что у него есть работа,— пусть даже ничтожная, но все же работа, в которой он может быть уверен и которая, несомненно, облегчит его душевное состояние,— все это воскресило его интерес к жизни. Он не пропадет. Он еще поправится. Вот он уже нашел работу. Возможно, что, поселившись в этом доме, он встретит очаровательную девушку, которая его полюбит. Анджелы нет. Он один. Снова к нему вернулась свобода юных дней. Только бы выздороветь и начать работать!

Юджин учтиво поблагодарил старого пастора и пошел в указанном направлении. Он узнал дом по описанию: веранда с двумя выступами в виде балкончиков, несколько красных качалок, две желтые жардиньерки

у дверей, старый беленый забор и ворота. Он решительно подошел к двери и позвонил. Дверь открыла женщина лет пятидесяти пяти или шестидесяти, совершенно седая, с умным спокойным лицом и ясными голубыми глазами, в руке она держала книгу. Юджин изложил свою просьбу. Она выслушала его с большим интересом, внимательно его оглядывая. Это была интеллигентная женщина, много читавшая, и рассказ Юджина заинтересовал ее. Выслушав его, она сказала:

— По правде сказать, я не собиралась сдавать комнату. Но я живу одна с племянником, а в доме свободно можно разместить еще дюжину человек. Я не хочу ничего решать без племянника, но приходите завтра утром, и я дам вам ответ. Мне лично ваше присутствие не помешает. Не знаете ли вы случайно художника по фамилии Диза?

— Да, я хорошо его знаю,— ответил Юджин.— Это мой старый друг.

— Он, кажется, дружен с моей дочерью. Вы где-нибудь еще справлялись насчет комнаты?

— Нет,— ответил Юджин.

— Тем лучше,— сказала она.

Юджин принял намек к сведению.

Значит, дочки здесь нет. Ну что ж, какое это имеет значение? Вид отсюда замечательный. По вечерам можно сидеть в качалке и любоваться рекой. Вечернее солнце, клонившееся к западу, золотило ее воды. Очертания холмов на другом берегу были величаво-безмятежны. Он будет работать поденщиком, хорошо спать и не задумываться над жизнью. Ему представляется возможность поправиться,— теперь у него для этого все условия. Поденщик! Как это оригинально, как красиво, интересно! Он чувствовал себя странствующим рыцарем, попавшим в новую, диковинную страну.

ГЛАВА XX

Вопрос о комнате в доме миссис Хиббердел разрешился очень быстро. Племянник, молодой человек лет тридцати четырех, добродушный и неглупый, как позднее убедился Юджин, не возражал против того, чтобы пустить жильца. У Юджина создалось впечатление, что дом частично содержится на средства этого человека,

хотя миссис Хиббердел и сама была, очевидно, состоятельной женщиной. Юджину отвели во втором этаже уютно обставленную комнату с ванной (ванных комнат было несколько) и предложили пользоваться столовой и гостиной. В доме были книги, рояль (на котором некому было играть), гамак, горничная с неограниченным кругом обязанностей,— словом, во всем чувствовалась атмосфера довольства и покоя. Миссис Хиббердел, много лет назад овдовевшая, обладала большим житейским опытом и кругозором и умела внушать к себе уважение. Она не выказывала особого любопытства и, насколько Юджин мог судить, была тактична и сдержанна. Это не мешало ей понимать шутку и самой шутить — лукаво и умно. Юджин при первом же знакомстве откровенно рассказал ей, что у него есть жена; она живет на Западе и приедет к нему, как только его здоровье немного поправится. Миссис Хиббердел беседовала с ним об искусстве, литературе и о жизни. Музыка, по-видимому, не входила в круг ее интересов, она была к ней равнодушна. Племянник ее, Дэвис Симпсон, был чужд и литературы и искусства, а музыки совершенно не признавал. Он служил агентом по снабжению в одном универсальном магазине, был тщедушен, франтоват, чтобы не сказать фатоват, с худым лицом (но бодрым, а не изможденным), носил короткие черные усики и интересовался главным образом своим делом, бейсболом и всевозможными развлечениями. Юджину понравились его бесхитрость, прямота, доброта и учтивость. Он не отличался ни любопытством, ни навязчивостью, но любил затевать споры на общие темы и при этом довольно удачно острил. Его любимыми занятиями было разводить цветы и ловить рыбу. По утрам и вечерам он возился с цветочными грядками, составлявшими единственное украшение крошечного палисадника позади дома.

После той бури, которая бушевала над головой Юджина последние три года, а особенно последние три месяца, он испытывал огромное удовольствие, очутившись в этой атмосфере доброжелательства и покоя. За квартиру спросили всего лишь восемь долларов в неделю, но он прекрасно понимал, что такого домашнего уюта нельзя получить ни за какие деньги. Прислуга заботилась о том, чтобы у него на туалетном столике всегда были свежие цветы. К его услугам была отдельная ванная,

свежее постельное белье и полотенца, а по вечерам, сидя на балконе и любуясь рекой, он мог наслаждаться полным отдыхом, не опасаясь быть потревоженным, или же уходить в библиотеку и там читать. Завтрак и обед были для Юджина каждый раз источником подлинного наслаждения. Хотя он вставал без четверти шесть, чтобы успеть принять ванну, позавтракать и попасть к семи часам на работу, миссис Хиббердел к этому времени была уже на ногах. Она привыкла рано вставать. Юджину, при его постоянной усталости, трудно было понять это. Дэвис спускался к столу за несколько минут до ухода Юджина. У него всегда находилось несколько веселых слов, — хмуриться или сердиться было не в его характере. Дела его, каковы бы они ни были, по-видимому, нисколько его не отягощали. Миссис Хиббердел приветливо беседовала с Юджином о его работе, о всяких местных делах и обстоятельствах (поселок, в котором они жили, именовался Ривервуд), о новых событиях в политике, религии, науке и так далее. Иногда она упоминала о своей единственной дочери — она была замужем, жила в Нью-Йорке и время от времени навещала мать. Юджин был в восторге от того, что так удачно нашел себе жилище. Он надеялся понравиться этим людям, чтобы они не раскисались в своем гостеприимстве, и это ему вполне удавалось. Беседуя о новом жильце, миссис Хиббердел и Дэвис сходились в том, что это милейший человек и что очень приятно иметь его в доме.

В мастерской, где Юджин работал и где он попадал в совершенно другой мир, ему удалось создать для себя вполне сносную обстановку, хотя не все у него поначалу шло гладко. В первое утро, например, его поставили на работу с двумя рабочими, чрезвычайно недалекими, как ему показалось, людьми, которых на фабрике звали просто Джон и Билл. Юджину оба они представлялись машинами, — их движения скорее напоминали работу механизмов, чем проявление свободной человеческой воли. Оба были среднего роста (не более пяти футов девяти дюймов) и весили фунтов по ста восьмидесяти каждый. У того, что постарше, была круглая, невыразительная физиономия, весьма напоминавшая яйцо, и густые рыжеватые усы. Один глаз у него был стеклянный, на носу торчали очки, державшиеся на больших оттопыренных ушах с помощью неуклюжих стальных

дужек. На голове красовалась старая коричневая шляпа, давно уже превратившаяся в какой-то блин. Звали его Билл Джеффордс, но он откликнулся также на прозвище «Одноглазый».

Его товарищ, Джон — он же Джек — Данкен был одного роста с Биллом и такого же сложения, да и лицо у него было разве лишь чуть выразительнее и благообразнее. Юджину показалось, что он понятливее своего товарища и даже понимает шутку, но в этом он ошибался. Что же до Джеффордса, то в отношении его такой ошибки даже и возникнуть не могло. Джек Стикс, старший мастер, высокий, угловатый, с рыжей гривой и рыжими усами, с бегающим взглядом голубых глаз и большими руками и ногами, предложил Юджину поработать с этой парой. Он считал, что чужаку здесь не место, и надеялся сразу же отпугнуть его тяжелой работой.

Стикс поделился своими соображениями с другим мастером, под началом которого находилась партия чернорабочих-итальянцев, занятых в то утро на лесном складе.

— Говорит, приехал к нам для поправления здоровья, — сказал Стикс. — Откуда он, понятия не имею. Мистер Брукс прислал его и велел поставить на работу. Любопытно, как он будет вести себя, если заставить его попотеть как следует.

— Смотри только, чтобы он себе чего не повредил, — заметил другой. — На мой взгляд, силенок у него маловато.

— Хватит на то, чтобы перетащить несколько брусьев. Если Джимми может их носить, так и он справится. Конечно, долго я его там держать не стану.

Юджин ничего этого не знал, но, когда его окликнули: «Ну-ка, новичок, пойдем!» — и подвели к штабелям круглых неотесанных ясеневых колод, шести дюймов в диаметре и восьми футов длиной, мужество изменило ему. Эти колоды он должен был перетащить на второй этаж, а сколько штук, никто ему не говорил.

— Снесете к Томсону и сложите там в углу, — угрюмо сказал ему Джеффордс.

Юджин неумело взялся тонкими, белыми руками за одну из колод у самой середины. Он не знал, что обращаться с колодами надо так же умеючи, как и с ки-

стью. Он попытался поднять ее, но не мог и только жестоко разодрал себе пальцы о грубую кору.

— Раньше чем приниматься за такую работу, не мешает немного поучиться,— сказал Джек Данкен, стоявший рядом и пристально наблюдавший за ним.

Джеффордс куда-то отлучился.

— Да, я мало понимаю в этом деле,— сконфуженно признался Юджин, ожидая дальнейших наставлений.

— Давайте я вам покажу,— сказал его новый товарищ.— Ведь и в этих делах нужна сноровка. Возьмите вот так, за самый конец, и поднимайте, пока не поставите колоду стоймя. Теперь наклонитесь и подставьте плечо под самую середину. Рубаха на плечах у вас подбита ватой? Надо подбить. А теперь вытяните правую руку вперед и положите на колоду. Вот и готово.

Юджин выпрямился, увесистая колода легла ему на плечо, совершенно придавив его своей тяжестью. Кажется, она размозжит ему все мышцы; спина и ноги сразу заныли от боли. Он смело двинулся вперед, не подавая и виду, как ему больно, но не успел сделать и пятидесяти шагов, как боль превратилась в пытку. Тем не менее он прошел всю мастерскую, поднялся по лестнице и добрался до окна, где работал Томсон. На лбу у него выступил пот, в ушах стучало. Шатаясь, добрал он до машины и тяжело бросил свою ношу.

— Что это ты делаешь? — раздался голос позади него. Это и был Томсон, работавший на токарном станке.— Разве не можешь опустить полегоньку?

— Нет, не могу,— с раздражением ответил Юджин; лицо его от страшного напряжения покрылось горячим румянцем.

Юджин был удивлен и взбешен тем, что его поставили на такую работу, особенно после уверений мистера Хейверфорда, что его чрезмерно нагружать не будут. Он сразу заподозрил заговор с целью выжить его. Он хотел добавить: «Они слишком тяжелы для меня, черт побери!» — но сдержался и побрел вниз, думая о том, удастся ли ему перетаскать все колоды. Тут он стал возиться со второй, надеясь, что боль тем временем утихнет и он вновь соберется с силами. Наконец он поднял вторую колоду и, шатаясь, с трудом взобрался на второй этаж. Мастер поглядывал на него, но молчал. Его забавляли страдания Юджина. «Ничего ему от этого не станется,— размышлял он,— даже на пользу пойдет».

— Когда он перенесет четыре штуки, отпусти его,— сказал он, однако, Томсону, чувствуя, что перебарщивать, пожалуй, не стоит.

Томсон краешком глаза следил за Юджином, и от него не укрылись страдальческие гримасы на лице новичка, но он только ухмылялся. Когда на пол были сброшены четыре колоды, он сказал: «Пока хватит!» Юджин со вздохом облегчения сердито попледел вниз.

Как всегда нервный, мнительный и возбужденный, он уже вообразил, что станет здесь калекой. Не растянул ли он себе где-нибудь сухожилие, не лопнул ли у него какой-нибудь кровеносный сосуд?

«Боже мой, я этого не вынесу,— подумал он.— Если работа и дальше будет такая, придется бросить. Хотел бы я знать, почему они со мной так обращаются? Ведь меня не для этого направили сюда».

Ему уже рисовались дни и недели непосильного физического труда. Ничего хорошего из этого не выйдет. Он долго не выдержит. Но тут он представил себе, как опять ищет работу, и эта мысль вызвала страхи другого порядка.

«Не надо так легко сдаваться,— убеждал он себя наперекор отчаянию.— Во всяком случае, нужно продержаться еще немного».

В этот первый час испытаний Юджин, казалось, очутился между молотом и наковальней. Он медленно спустился во двор, чтобы разыскать Джеффордса и Данкена. Те были заняты погрузкой вагона — один, внутри, принимал материал, а другой снизу подавал.

— Слезай, Билл,— сказал Джон, стоявший внизу.— Залезай ты туда, новичок. Как тебя звать?

— Витла,— сказал Юджин.

— А меня Данкен. Мы будем подавать материал, а ты складывай его.

Юджин со страхом увидел, что ему опять предстоит ворочать тяжести — толстые брусья, предназначенные для какой-то стройки, — «четыре на четыре», как называли их рабочие. Но когда ему показали, как нужно действовать, он убедился, что это вовсе не так уж трудно. Существовали разные приемы, позволявшие двигать брусья и держать их в равновесии, не слишком напрягаясь при этом. К несчастью, Юджин не позаботился запастись рукавицами и исцарапал себе все руки. Когда он остановился, чтобы вытащить занозу из большого

пальца, Джеффордс, который опять поднялся наверх, спросил:

— У тебя, что ж, нет рукавиц?

— Я не подумал об этом,— ответил Юджин.

— Этак ты себе обдерешь руки. Может, Джозеф одолжит тебе свои на сегодня. Сходи попроси у него.

— А где этот Джозеф? — спросил Юджин.

— Там, в мастерской. Принимает на струге.

Юджин не совсем понял это выражение. Он знал, что такое струг, он все утро прислушивался к его мощному гудению и видел, как с досок летели стружки, но что значит «принимать на струге»?

— Где Джозеф? — спросил он строгальщика.

Тот кивнул головой в сторону высокого, сутулого рабочего лет двадцати двух. Это был крупный, простоватый парень. Лицо у него было длинное и узкое, широкий рот, водянисто-голубые глаза, взлохмаченные каштановые волосы были густо посыпаны опилками. Фартуком ему служил большой кусок дерюги, подвязанный пеньковой веревкой. На голове торчал старый выцветший шерстяной картуз, с длинным козырьком, защищавшим глаза от летевших ему в лицо стружек и опилок. Когда Юджин подошел к нему, он одной рукой прикрывал глаза.

— Мне сказали на дворе, что у вас, может быть, найдется пара рукавиц для меня на сегодня,— просительно обратился к нему Юджин.— Я грузу колоды и все руки себе ободрал. Понимаете — забыл купить рукавицы.

— Это можно,— благодушно ответил Джозеф, делая знак строгальщику, чтобы тот остановился.— Они у меня там в шкапчике. Знаю я эту работу. Мне тоже пришлось на ней помучиться. Когда я в первый раз сюда явился, они и с меня спустили стружку, как вот сейчас с вас. Но вы не обращайтесь внимания. Все образуется. Вы ведь здесь для поправки здоровья? Тут не всегда такая запарка,— бывает, что и совсем делать нечего. А потом опять, глядишь, работы подвалит. Что ж, это труд здоровый, должен вам сказать. Я почти никогда не болею. У нас тут воздух свежий и все такое.

Продолжая приговаривать, он рылся в карманах под фартуком в поисках ключа; потом открыл шкапчик и, достав пару огромных старых желтых рукавиц, приветливо протянул их Юджину. Тот поблагодарил.

Юджин с первого взгляда понравился ему, как и он Юджину.

«Славный малый,— подумал Юджин, направляясь обратно к своему вагону.— Подумать только, с какой охотой он дал мне рукавицы. Прямо удивительно! Будь все люди так добры и расположены друг к другу, как этот паренек, до чего легко жилось бы на свете!»

Юджин надел рукавицы и сразу убедился, что работать стало легче, так как теперь он мог крепко браться за брусья и доски, не испытывая ни малейшей боли. Он продолжал работу до полудня, когда раздался гудок, а затем, усевшись в стороне, приступил к своей одинокой трапезе. После часа его позвали носить стружки, корзину за корзиной, через кузнечный цех в машинное отделение, где стоял огромный ящик для стружек. К четырем часам дня Юджин успел уже разглядеть всех, с кем ему предстояло встречаться на работе. Кузнец Гарри Форнз — «деревенский кузнец»¹, как прозвал его позднее Юджин, Джимми Садз, его помощник («мальчик на побегушках», по определению Юджина), механик Джон Питерс, Малаки Демси, работавший на огромном строгальном станке, Джозеф Мьюз, целый штат плотников, слесарей, водопроводчиков, маляров, несколько краснодеревщиков, время от времени заходивших на нижний этаж, а также чернорабочие, то появлявшиеся, то снова исчезавшие,— все они с удивлением разглядывали Юджина.

Юджин и сам изучал их с большим любопытством. Он всегда интересовался людьми. Особенный интерес возбудили в нем Гарри Форнз и Джимми Садз. Первый — низкорослый американец ирландского происхождения, широкоплечий, с огромными, словно вздутыми бицепсами и квадратным лицом, уверенностью в себе и силой напоминал титана в миниатюре. Он трудился с необычайным усердием, и оглушительные удары его молота далеко разносились по холмам и лощинам. Джимми Садз, его помощник, был такой же низкорослый, как он, грязный, весь какой-то искривленный и узловатый, точно старое дерево; желтые зубы торчали у него изо рта наподобие гнилых пней, уши топорщились, словно маленькие веера, глаза косили, но в лице его бы-

¹ Герой одноименного стихотворения Лонгфелло.

ло столько благодушия, что безобразие его просто не замечалось. Его все любили, потому что это был честный, прямой человек, совершенно неспособный на лукавство. Пиджак у него был втрое шире его самого, брюки — вдвое, а башмаки он, по-видимому, приобрел у старьевщика. Зато Джимми обладал одним огромным достоинством — он был живописен. Юджин был очарован им, а тут он еще убедился, что Джимми Садз искренне верит, будто в окрестностях Буффало в штате Нью-Йорк можно охотиться на бизонов¹.

Кроме них, внимание Юджина привлек механик Джон Питерс. Он был неизмеримо толст и поэтому получил прозвище «Джон-Бочка». Это был не человек, а слон в образе человеческого. Ростом шесть футов, он весил свыше трехсот фунтов. Когда он стоял в летние дни в жарком машинном отделении, скинув верхнюю рубаху и спустив подтяжки, весь в огромных складках жира, выпиравших сквозь тонкую нижнюю фуфайку, можно было подумать, что он невыносимо страдает. В действительности же это было совсем не так. Джон ко всему относился философски. Обычно он часами простаивал в тени, в дверях машинного отделения, и глядел на сверкающие воды реки, нет-нет да и приговаривая, что хорошо было бы не работать, а целый день полеживать да спать.

— Эти молодчики, надо полагать, чувствуют себя недурно, вишь, сидят себе на палубе и раскуривают сигары, — сказал он однажды Юджину, когда мимо них проплыла нарядная яхта.

— Еще бы! — отозвался Юджин.

— Хо-хо-хо! Вот житье, так житье! Я бы тоже не прочь поплавать на такой яхте. Хо-хо-хо!

Юджин весело расхохотался.

— Да, это жизнь! — сказал он. — От этого никто бы не отказался.

Малаки Демси, работавший на огромном струге, был унылый, неразговорчивый малый, что объяснялось полным отсутствием у него всяких мыслей. К тому же такая необыкновенная молчаливость была для Демси вернейшим средством избежать земных напастей. Подобно устрице, он прятался от всяких зол, наглухо закрывая

¹ Буффало — по-английски — бизон.

створки своей раковины. Юджин очень скоро это понял и, случалось, подолгу смотрел на этого человека, думая о том, какое любопытное явление он собой представляет. Надо заметить, однако, что Юджин и сам представлял любопытное зрелище для окружающих — даже в большей мере, чем они для него. Он не был похож на простого рабочего, и никто никогда не смешал бы его с ними. Слишком высоко парили его мысли, слишком много пронизательности и огня было в его взгляде. Он смеялся над собой в душе, когда корзинами носил стружки из строгальной, где они сыпались дождем и откуда, за отсутствием отсасывающей трубы, приходилось перетаскивать их на плечах в жаркое машинное отделение — в царство Джона-Бочки. Последний проникся большой симпатией к Юджину, но это было расположение такого рода, какое пес чувствует к своему хозяину. Мысли этого человека вертелись в узком кругу — паровая машина, садик, жена, дети и трубка. Это, да еще сон, составляло единственную его радость, его отдых, весь его мир.

ГЛАВА XXI

Прошло много дней — в общей сложности три месяца, — и за это время Юджин получил совершенно новое представление о мире повседневного труда. Ему и раньше приходилось работать в подобных условиях, но его жизненный опыт в Чикаго был лишен того проникновения в глубь вещей, которое пришло к нему позднее. Раньше для него оставалась непонятной иерархия власти на земле да и во всей вселенной. Мир казался ему каким-то хаосом. Здесь же, встречая людей невежественных, стоящих на очень низком уровне развития, управляемых людьми более искушенными и подчас, как он подозревал, злонамеренными (впрочем, насчет этого у него не было полной уверенности), а главное, более сильными, подчинявшимися слабым своей воле, — Юджин пришел к выводу, что и при этой системе существует возможность, хотя бы в самых грубых чертах, организовать жизнь более или менее удовлетворительно. Правда, и здесь шла борьба за первенство. Как и везде, люди стремились добиться тех привилегий и почестей, кото-

рые связаны с руководством и властью — пусть даже в таких мелочах, как укладка лесных материалов, строгание досок, изготовление столов и стульев, и ревниво отстаивали свое превосходство, но только это была ревность того рода, которая не мешает, а способствует достижению разумной цели. Все стремились делать работу осмысленно, не тупо. И гордились, при всем своем невежестве, тем, что было в них лучшего, а не худшего. Они могли жаловаться на свою работу, огрызаться друг на друга, огрызаться на своих начальников, но все это в конце концов объяснялось тем, что они не в состоянии были — или им не давали — выполнять работу более высокого порядка или осуществлять распоряжения более высокого разума. Каждый из них стремился делать свое дело возможно лучше, возможно совершеннее и добиться тех почестей и наград, какие влечет за собой выполняемая в совершенстве работа. Если же они не получали вознаграждения в соответствии с тем, как сами оценивали свой труд, это вызывало у них гнев, протест, ропот и обиду, но каждый из них по-своему, пусть ощупью и догадкой, стремился к осмысленной, разумной деятельности.

Не так еще много времени прошло после того, как кончились его невзгоды, чтобы Юджин мог забыть о них; не было у него также уверенности в том, что дарование живописца вернется к нему. Все это нередко отражалось на его настроении, хотя он таил свои горести про себя. Только эта мысль, а с нею перспектива бедности и неизвестности страшила его: время шло, молодость уходила. Но когда Юджин не думал об этом, он производил впечатление довольного человека. Более того, он умел притворяться таким и тогда, когда на душе у него скребли кошки. Благодаря тому, что он не был постоянной частицей этого мира тяжелого труда, а также и потому, что ему нечего было бояться потерять место, предоставленное в виде особой любезности, он испытывал чувство превосходства над рабочими. Он старался не обнаруживать это чувство, а наоборот, всячески его скрывал, но ни сознание исключительности своего положения, ни безразличие ко всяким мелочам, волновавшим других, никогда не оставляли Юджина. Он бегал взад и вперед, таская корзины со стружками, шутил с «деревенским кузнецом», дружил с Джоном-Бочкой, с Малаки Демси, с коротышкой Джимми Садзом, одним

словом, со всеми, кто готов был принять его дружбу. Однажды во время полуденного перерыва он взялся за карандаш и нарисовал Гарри Форнза у наковальни с поднятым молотом, его помощника Джимми Садза на заднем плане и горн, в котором пылал огонь. Форнз глянул через его плечо и едва поверил своим глазам.

— Что это ты делаешь? — с удивлением спросил он.

Юджин рисовал за столом, у окна, в которое струилось яркое солнце, и поглядывал на блестящую вдали реку. Он уже поел — он успел обзавестись коробкой-бутербродницей и приносил с собой вкусные завтраки миссис Хиббердел — и, подкрепившись, сидел, лениво раздумывая о красоте пейзажа, о необычности своего положения, о любопытных вещах, которые наблюдал в мастерской, — обо всем, что приходило ему в голову.

— А вот увидишь, — благодушно ответил он, так как они с кузнецом были большие друзья.

Кузнец продолжал смотреть с интересом и, наконец, воскликнул:

— Ба, да ведь это я! Верно?

— У-гу! — отозвался Юджин.

— А куда ты эту штуку денешь, когда кончишь? — с жадным любопытством спросил кузнец.

— Отдам тебе, а то что ж еще!

— Да ну? Вот спасибо! — ответил восхищенный кузнец. — Жена-то как обрадуется! Ты ведь, говорят, художник? Я слышал от ребят. А мне, знаешь, никогда не случалось видеть настоящего художника. Вот здорово, прямо замечательно. Вылитый я, верно?

— Да, похож, — спокойно ответил Юджин, продолжая рисовать.

Подошел помощник кузнеца.

— Ты что делаешь? — спросил он.

— Картину рисует, простофиля ты этакий, не видишь, что ли? — авторитетным тоном сообщил ему кузнец. — Ну, куда лезешь? Не мешай.

— А кто ему мешает? — раздраженно отозвался помощник кузнеца.

Джимми сразу стало ясно, что начальство пытается в этот исторический момент отеснить его на задний план, но он твердо решил не поддаваться. Кузнец сердито глянул на него, но слишком уж интересно было сле-

доть за тем, как подвигается у Юджина работа, и он не стал настаивать, так что Джимми получил возможность подойти совсем близко и, в свою очередь, посмотреть.

— Хо-хо-хо! Да ведь это никак вы? — с горячим любопытством спросил он кузнеца, указывая большим грязным пальцем на рисунок.

— Не мешайся,— ответил тот высокомерно.— Конечно, я. Говорю, не налезай!

— А это я? Хо-хо-хо! Вот здорово! И каким я здесь молодцом. А что, нет? Хо-хо-хо!

Маленький помощник кузнеца радостно осклабился, рот его растянулся до ушей. Он не обращал ни малейшего внимания на окрики начальства.

— Если ты будешь хорошо вести себя, Джимми,— весело сказал Юджин, не отрываясь от работы,— я, пожалуй, и тебя как-нибудь нарисую, отдельно.

— Ну? Неужели нарисуешь? Брось шутить! Нет, ей-богу, вот это будет дело! Хо-хо-хо, что ты скажешь на это? Небось, там на родине меня и не узнают. А уж как мне хотелось бы иметь такую штуку.

Юджин улыбался. Кузнец был огорчен. Такое разделение почестей было ему не по душе. Но так или иначе, а его собственный портрет вышел прекрасно. И кузница тоже. Юджин продолжал работать, пока не раздался гудок. Когда захлопали передаточные ремни и загудели маховики, он встал.

— Ну, вот и готово, Форнз,— сказал он.— Нравится?

— Чего лучше, черт возьми! — ответил тот и понес набросок в свой шкафчик. Немного спустя он, однако, достал его оттуда и повесил на стене, против горна, чтобы все видели. Это было для него целое событие. Набросок Юджина тотчас же сделался темой самых оживленных обсуждений. Он, оказывается, художник, он умеет рисовать картины,— уже одно это было необычайной новостью. К тому же сходство разительное,— и Форнз, и Садз, и кузница вышли как живые. Всех разбирало любопытство и зависть. Все отказывались понимать, почему кузнецу такое предпочтение. Почему Юджин не нарисовал их сначала? И сейчас не предлагает нарисовать? Первым явился Джон-Бочка, которого

Джимми Садз успел уже обо всем оповестить и привести лично.

— Ну и ну! — воскликнул он, еще больше выкатив свои рачьи глаза.— Вот это класс, а? И как вы похожи, Форнз! Провалиться мне, если не похожи. А Садз-то! Убей меня бог, ежели это не Садз! Ведь это же ты, чучело! Как живой! Будь я проклят, коли вру! Вот здорово! Сберегите эту штуку, кузнец.

— Я и сберегу,— гордо ответил тот.

Джон-Бочка с сожалением вернулся к себе в машинное отделение. После него явился Джозеф Мьюз, сутулый и по-утиному качающий на ходу головой.

— Нет, что вы скажете! — воскликнул он.— Вот красота! Да он рисует несколько не хуже тех, которых во всяких там журналах печатают. Я иногда смотрю эти штуки. Прямо замечательно! Вы только поглядите на Садза, там, сзади. Ну, Садз, это тебе повезло, ей-ей! А теперь ему бы и нас нарисовать. Хуже мы, что ли? Чем вы можете перед нами похвастать, а?

— Как же, станет он возиться с вами, рисовать всякий сброд! — добродушно ответил кузнец.— Он только стоящих людей рисует. Не забывай этого, Мьюз. Ему нужны настоящие ребята, каких не жаль и нарисовать, а не такие, как вы, несчастные строгальщики и пильщики!

— Ну уж нет, не скажи,— презрительно отозвался Джозеф, в котором под действием этой перепалки заговорило чувство юмора.— Если он искал стоящих ребят, нечего было ходить сюда. Настоящие ребята там — снаружи. Не советую тебе забывать это, кузнец. И никогда я не видал, чтобы они водились в кузницах!

— Эй, вы, потише! — крикнул Садз, занявший наблюдательный пост в дверях.— Старшой идет!

Джозеф сделал вид, будто направляется в машинное отделение попить воды, а кузнец — будто ему необходимо раздуть пламя в горне. В мастерскую, не торопясь, вошел Джек Стикс.

— Это кто рисовал? — спросил он, окинув взглядом помещение и заметив набросок на стене.

— Мистер Витла, новичок,— почтительно ответил кузнец.

— Здорово сделано, а? — сказал мастер довольным тоном.— Картина хоть куда. Выходит, он художник?

— И мне думается, что так, — вкрадчиво сказал кузнец, всегда старавшийся ладить с начальством. Он подошел к мастеру и, став рядом, добавил: — Он эту штуку в перерыв за полчаса нарисовал.

— Вишь ты! А ведь славно! — И мастер в раздумье пошел своей дорогой.

Если Юджин умеет делать такие вещи, то зачем он здесь? Не иначе, как из-за расстроенного здоровья. И он, пожалуй, дружен с кем-нибудь из большого начальства. Надо быть с ним полюбезнее. До сих пор мастер относился к новичку с чувством опасливой подозрительности, этот человек был для него загадкой. Кто его знает, зачем он здесь — может, подослан за ним шпионить? Теперь же он подумал, что, вероятно, ошибался.

— Не давайте новичку слишком тяжелой работы, — сказал он Биллу и Джону. — Он еще недостаточно окреп. Ведь его прислали к нам для поправки здоровья.

Его распоряжение было выполнено, так как спорить с мастером не полагалось, но это откровенное заступничество было единственным, что могло повредить популярности Юджина. Рабочие не любили мастера. И Юджин пользовался бы большей симпатией, если бы мастер меньше благоволил к нему или был настроен определенно против него.

Последовавшие за этим дни хотя и были тяжелыми для Юджина, все же принесли ему душевный покой; вскоре он обнаружил, что постоянно кипевшая здесь работа, в которой он нес свою долю участия, отражалась на нем благотворно. Впервые за многие годы он стал хорошо спать. По утрам, незадолго до семичасового гудка, он надевал свой синий рабочий комбинезон и фуфайку и до полудня, а потом с часу до шести таскал стружки и щепки, складывал пиломатериалы, помогая рабочим на дворе, грузил и разгружал вагоны и вместе с Джоном-Бочкой поддерживал огонь в топках. На голове у него была старая шляпа — миссис Хиббердел нашла ее в чулане, — мягкое коричневое сомбреро, немало перевидавшее на своем веку. Он напяливал ее на голову, лихо надвигая на одно ухо. У него были большие желтые рукавицы, которые он не снимал весь день, сильно изношенные и измятые, но вполне еще пригодные для работы в мастерской и на дворе. Он научился совсем

неплохо справляться с пиломатериалами, искусно складывал бревна, «принимал со струга», за которым стоял Малаки Демси, работал на механической ножовке и выполнял всякие другие поручения. Его энергия была неистощима, потому что он устал от дум и надеялся физическим трудом заглушить и преодолеть в себе мысли об утрате своего таланта, надеялся забыть о том, что не сможет больше писать, что его карьера художника загублена. Юджина самого удивляли и радовали сделанные им наброски, так как еще недавно первой его мыслью было бы, что ничего у него не выйдет. Благодаря живому интересу рабочих и выпавшим на его долю похвалам он сделал эти рисунки шутя, и, как ни странно, сам находил их удачными.

Дома перед обедом он снимал рабочий комбинезон и, приняв холодный душ, надевал новый коричневый костюм, купленный в магазине готового платья; он решил истратить на него восемнадцать долларов, так как имел теперь верный заработок. Ему нелегко было отлучаться из мастерской за какой-нибудь покупкой, поскольку заработная плата (пятнадцать центов в час) полагалась только за фактически проработанное время. Свои картины он сдал на хранение в Нью-Йорке, но не мог съездить туда (или, вернее, не хотел терять время), чтобы заняться их продажей. Он узнал, что может отлучиться в любую минуту, не вызывая никаких распросов,— придется только пожертвовать заработком,— но если ему хотелось сохранить плату, то для отпуска требовалась серьезная причина. Внешний вид его — вечером, по возвращении с работы в шесть тридцать, и в воскресные дни — был весьма привлекателен. Он производил впечатление человека воспитанного, чрезвычайно выдержанного и даже изысканного, а в тех случаях, когда ни с кем не разговаривал,— немного печального. Его грызла тоска и тревога, он чувствовал себя выбитым из колеи. Дома ему было скучно. Как и в Александрии, до встречи с Фридой, он тосковал по обществу молодых девушек. Где-то сейчас Фрида, думал он, что она делает? Не вышла ли замуж? Как жаль, если вышла. О, если бы жизнь послала ему такую девушку, как Фрида,— такую юную, прекрасную! Когда спускалась ночь, Юджин подолгу сидел, глядя на озаренную луною реку,— созерцание природы было его единственным утешением,— и мечтал. Как красиво все вокруг! Как пре-

красна жизнь — и этот поселок, и деревья в летнем уборе, и мастерская, где он работает, и река, и Джозеф, и коротышка Джимми, и Джон-Бочка, и звезды. О, если бы снова начать писать, снова полюбить! Любить! Любить! Разве может что-нибудь сравниться с тем счастьем, какое приносит любовь!

Весенний вечер, воздух, напоенный благоуханием, — как вот сегодня, — темные деревья, склонившие верхушки; или призрачные сумерки, пронизанные серебряными, зеленоватыми и оранжевыми бликами, ласковый шепот ветерка, отдаленное кваканье лягушек — и девушка. Боже мой! Что может быть прекраснее этого? И какое значение имеет все остальное? Девушка — ее нежные юные руки обвиваются вокруг вашей шеи, ее губы прижались к вашим губам в упоении чистой любви, ее глаза поблескивают во мраке, как два светлых озера!

Так было еще совсем недавно с Фридой и когда-то с Анджелой. И как давно он пережил это со Стеллой! Милая, славная Стелла, как она была прелестна! А теперь он здесь, он болен и одинок, он ^{уже} женат на Анджеле, она скоро приедет, и... Он вставал, чтобы прогнать эти мысли, брался за книгу, расхаживал по террасе или шел спать. У него было тоскливо на душе, мучительно тоскливо. Где бы Юджин ни находился, для него существовала лишь одна радость — весенняя пора и любовь.

ГЛАВА XXII

В те дни, когда Юджин, живя словно в полусне, работал, мечтал, фантазировал, в Ривервуд приехала к матери Карлотта Уилсон — миссис Норман Уилсон, как ее называли в том мире, где она вращалась. Это была высокая брюнетка тридцати двух лет, красивая, изящная женщина английского типа, знавшая людей не только благодаря природному уму и ярко выраженному чувству юмора, но и на основании житейского опыта — иногда горького, показавшего ей и блеск жизни и ее изнанку. Начать хотя бы с того, что Карлотта была женою игрока, игрока-профессионала, одного из тех субъектов, которые, изображая джентльменов и действительно сходя за таковых, пользуются этим, чтобы беспощадно оби-

рать своих неосторожных партнеров. Карлотта Хиббердел познакомилась с ним на скачках в Спрингфилде, куда приехала с отцом и матерью. Уилсон случайно был в этом городе по какому-то делу. Отец Карлотты, агент по продаже недвижимого имущества, одно время довольно преуспевавший, интересовался скаковыми лошадьми, и за его конюшней числилось несколько рекордов, правда, не мировых. Норман Уилсон тоже выдавал себя за агента по продаже недвижимости и довольно удачно провел несколько весьма крупных сделок с земельными участками, но главным его искусством и основой его благосостояния была игра. Ему были известны все возможности, какие предлагает город для азартных игр, он имел обширный круг знакомых среди тех, кто увлекается игрой,— мужчин и женщин, как в Нью-Йорке, так и в других городах,— и его удача или искусство временами бывали поистине феноменальны. Но случалось, что его упорно преследовали неудачи. Были периоды, когда он мог позволить себе жить в самых роскошных квартирах, есть в лучших ресторанах, посещать самые дорогие загородные клубы и всячески развлекаться в обществе друзей. Но вдруг наступала полоса невезения, и Уилсон проигрывался в пух, но так как он упорно цеплялся за прежний образ жизни, то приходилось влезать в долги. Как и все игроки, он был до некоторой степени фаталистом и упрямо не сдавался, веря, что счастье вновь улыбнется ему. И так и случалось, потому что, когда положение становилось особенно затруднительным, его мозг начинал усиленно работать, и всегда находилась какой-нибудь способ вывернуться. Система его заключалась в том, что он, как паук, плел паутину и ждал, пока в его сети не залетит какая-нибудь неосторожная муха.

Когда Карлотта Хиббердел выходила за него замуж, она не знала за своим пылким возлюбленным ни этого редкого таланта, ни его тайной пагубной страсти. Как и все люди его типа, он был нежен, вкрадчив, настойчив и страстен. Было что-то кошачье в его манерах, и это, как магнит, влекло ее к нему. Она не могла понять его в то время — да в сущности не понимала и позднее. Распутные повадки, которые она стала замечать за ним — и не только по отношению к себе, но и по отношению к другим женщинам,— изумляли Карлотту и вызывали в ней чувство гадливости. Она убедилась, что он эгоист, са-

модур, что это черствый, скучный, ограниченный человек, недалекий во всем, что выходит за пределы его специфического мирка. Когда у него водились деньги, он не отказывал себе ни в чем, что в его глазах способствовало украшению жизни, но Карлотта обнаружила, к своему прискорбию, что у него на этот счет самые превратные понятия. В обращении с нею и с другими он был высокомерен и покровительственно-нисходителен. Его напыщенная речь временами приводила ее в бешенство, временами забавляла. И когда страсть прошла, Карлотта за всем его позерством разгадала низкие мотивы и поступки, и на смену влюбленности пришло равнодушие, а затем и отвращение. Она стояла достаточно высоко по своему умственному уровню, чтобы не вступать с ним в частые пререкания, и была настолько равнодушна к жизни в целом, что ничто не могло огорчить ее по настоящему. Единственной ее мечтой был идеальный возлюбленный, а так как она горько разочаровалась в муже, то и стала осматриваться в поисках такого идеального мужчины.

В доме у них бывали всякие люди — игроки, светские хлыщи, специалисты горного дела, биржевики. Иногда они приходили с женами, иногда без них. От этих людей, а также от мужа и благодаря собственным наблюдениям Карлотта узнала о всякого рода мошеннических проделках, неравных браках, любопытных случаях несходства характеров и половых извращений. Она была хороша, изящна, проста в обращении, а потому открытым предложениям и намекам — прямым и косвенным — не было конца. Она давно уже к этому привыкла. Поскольку муж изменял ей с другими женщинами и не стеснялся это афишировать, она не видела оснований избегать других мужчин. Любовников она выбирала осторожно, с большим вкусом, начав после долгих колебаний с человека, который ей очень нравился. Она искала в мужчине чуткости и утонченности чувств в сочетании с некоторой одаренностью, которая возвышала бы его над другими, а таких людей найти было нелегко. Подробный перечень ее связей был бы здесь неуместен, но надо сказать, что они наложили на нее известный отпечаток.

Внешне Карлотта почти ко всем и всему проявляла полное безразличие, хотя хороший анекдот или шутка всегда вызывали у нее искренний смех. Книжки ее не ин-

тересовали, за исключением немногих романов реалистической школы, произведений совершенно особого порядка, о которых она говорила, что их следует издавать только для ограниченного круга читателей. Искусство — настоящее, высокое искусство — обладало для нее необычайно притягательной силой. Она восхищалась картинами Рембрандта, Франса Гальса, Корреджио и Тициана и — с меньшим разбором, скорее с точки зрения чувственности — любовалась нагими женщинами Кабanelля, Бугро и Жерома. В произведениях этих художников она видела действительность, украшенную богатым воображением. Люди вообще интересовали ее: странности их ума, их извращенные наклонности, лживость, увертки, притворство и страхи. Карлотта знала, что она женщина опасная, и двигалась тихо, по-кошачьи, с полуулыбкой на лице, несколько напоминавшей улыбку Моны Лизы, но меньше всего думала о себе — в ней было слишком много смелости. Вместе с тем она была снисходительна к чужим слабостям, великодушна до крайности и очень щедра. Когда ей говорили, что она чересчур далеко заходит в своей неразборчивости, она отвечала:

— А почему бы и нет? Мне ли судить других?

Ее теперешний приезд домой объяснялся тем, что между нею и мужем произошел разрыв. Он по каким-то соображениям должен был уехать в Чикаго, — главным образом потому, как подозревала Карлотта, что дальнейшее пребывание в Нью-Йорке было для него небезопасно. Но так как Карлотта и слышать не желала об этом городе, да и общество мужа ей претило, она отказалась сопровождать его. Он приходил в ярость, подозревая ее в неверности, но ничего не мог сделать. Карлотте он был совершенно безразличен. К тому же она располагала другими источниками материальных благ помимо него или же могла в любое время ими обзавестись.

Уже несколько лет один богатый еврей не давал ей покоя, убеждая добиться развода и выйти за него замуж. Его автомобиль и состояние были к ее услугам. Но она удостаивала его лишь самых ничтожных милостей. Сплошь и рядом он вдруг звонил ей и спрашивал, нельзя ли приехать за ней на машине. У него их было три. Большинство его предложений она отклоняла с равнодушным видом. «К чему?» — был ее излюбленный

ответ. Случалось, что и у ее мужа бывал собственный автомобиль. Она имела возможность пользоваться машиной, когда ей было угодно, одеваться, как ей нравилось, ее приглашали на интересные загородные прогулки. Миссис Хиббердел были прекрасно известны и не совсем обычные взгляды Карлотты, и ее семейные неладья, и ссоры, и склонность к флирту. Она всеми силами старалась сдерживать дочь, заботясь о том, чтобы та сохранила за собой право добиться развода, а затем снова вышла замуж, на этот раз удачно. Норман Уилсон не хотел, однако, расстаться с ней по доброй воле, хотя было очевидно, что в их супружеском разладе он виноват больше, чем она. И если бы Карлотта скомпрометировала себя, пропала бы всякая надежда принудить его к разводу. Миссис Хиббердел подозревала, что дочь уже скомпрометировала себя, но трудно было сказать что-либо с уверенностью. Карлотта была слишком изворотлива. Во время семейных сцен муж не раз обвинял ее в измене, но эти обвинения объяснялись его ревнивым характером. На самом деле он ничего не знал.

Карлотта слыхала про Юджина. Как художник он был ей неизвестен, но сдержанные упоминания матери о его присутствии в доме, то, что он был художником, а теперь работал простым рабочим для восстановления здоровья,— все это пробудило в ней интерес. Она предполагала на время отсутствия мужа отправиться в Нарагансет с компанией знакомых, но решила заехать сперва на несколько дней домой, чтобы составить себе мнение о Юджине. Узнав об этом решении, миссис Хиббердел почувствовала, что любопытство дочери задето, и, надеясь расхолодить ее, заметила как бы вскользь, что ее жилец, вероятно, скоро уедет,— к нему возвращается жена. Карлотта расслышала в этих словах желание воспротивиться ее планам и помешать ее знакомству с интересным человеком. Тем более решила она настоять на своем и поехать к матери.

— У меня нет никакого желания ехать в Нарагансет,— заявила она.— Я устала. Норман меня совсем издергал. Я, пожалуй, приеду домой на недельку.

— Хорошо,— сказала миссис Хиббердел.— Только, пожалуйста, веди себя осторожно. Этот мистер Витла, по-видимому, очень порядочный человек, и он любит свою жену. Так что не вздумай с ним кокетничать, а то я немедленно предложу ему съехать.

— Ах, к чему эти разговоры! — раздраженно отозвалась Карлотта. — Будь хоть сколько-нибудь справедлива ко мне. Я вовсе не для того еду, чтобы знакомиться с ним. Я тебе говорю, я устала. Но если ты против, я не приеду.

— Дело не в этом. Я, разумеется, буду тебе рада. Но ты ведь немножко знаешь себя. Как можешь ты добиться свободы, если не будешь осмотрительна? Ведь ты...

— О боже мой, опять эти проповеди! — рассердилась Карлотта. — Что толку начинать все сначала? Мы уже тысячу раз обо всем переговорили, но что бы я ни сделала, куда бы ни поехала, ты непременно поднимаешь шум. Я тебе говорю, что еду домой только для того, чтобы отдохнуть и ничего больше. Почему ты всегда стараешься испортить мне настроение?

— Но послушай, Карлотта, ведь ты сама прекрасно знаешь...

— Ах, оставь, пожалуйста. Я не поеду! Ко всем чертям Ривервуд! Поеду в Нарагансет. Как мне надоели твои нравоучения!

Миссис Хиббердел посмотрела на свою высокую, изящную, красивую дочь и, вопреки владевшему ею раздражению, залюбовалась этой прелестной женщиной. Будь она благоразумна и осторожна, какую блестящую роль играла бы она в обществе! Цвет ее лица напоминал старую, чуть розоватую слоновую кость, губы — сочную малину, в больших голубовато-серых, широко расставленных глазах было столько ласки и доброты... Какая жалость, что она с самого начала не вышла замуж за какого-нибудь солидного, достойного человека. Но быть связанной с этим игроком, — хотя они и жили на довольно широкую ногу, в роскошной квартире в западной части Сентрал-парка, — какое несчастье! И все же это лучше, чем бедность или позор, а ведь можно ожидать и того и другого, если Карлотта не будет осторожна. Миссис Хиббердел хотела, чтобы дочь приехала в Ривервуд, так как ее общество было ей приятно, но она хотела также, чтобы Карлотта прилично вела себя. Оставалось надеяться на Юджина. Судя по его манерам и речам, он, несомненно, человек очень тактичный. Миссис Хиббердел уехала в Ривервуд, и Карлотта, едва сгладились впечатления от ссоры, последовала за матерью.

Когда она приехала, Юджин был на работе, и она не

видела, как он возвратился домой. На нем было его старое сомбреро, в одной руке он нес кожаную сумку для завтрака и весело размахивал ею. Он прошел прямо к себе, принял ванну, а затем, в ожидании обеда, вышел на террасу. Миссис Хиббердел находилась в своей комнате во втором этаже, а «кузен Дэйв», как Карлотта называла Симпсона, копался в саду. Сгущались сумерки. Юджин сидел, погруженный в размышления о красоте окружающего мира, о своем одиночестве, о товарищах по работе, об Анджеле и о многом другом, когда решетчатая дверь отворилась и вошла Карлотта. На ней было домашнее платье из синего шелка в крапинку, с короткими рукавами, отделанными, как и ворот, суровым кружевом. Платье мягко обтягивало ее красивую фигуру, которая поражала своей пропорциональностью. Волосы, заплетенные в толстые косы, лежали на затылке, подхваченные коричневой сеткой с блестками. Вид у нее был задумчивый, держала она себя просто и казалась ко всему безучастной.

Юджин встал.

— Я, наверное, мешаю вам? Садитесь, пожалуйста, сюда.

— Нет, благодарю вас. Я сяду здесь, в углу. Но разрешите мне сперва представиться, раз никого нет, кто бы это сделал за меня. Я — миссис Уилсон, дочь миссис Хиббердел. А вы — мистер Витла?

— Да, я мистер Витла,— с улыбкой ответил Юджин.

В первую минуту Карлотта не произвела на него особого впечатления. Она показалась ему очень милой и, по-видимому, неглупой, правда, немного старше того возраста, в каком женщины обычно интересовали его. Она села и стала глядеть на реку. Юджин снова молча опустился в качалку. У него не было желания разговаривать. Все же смотреть на эту женщину было приятно. Ее присутствие как бы осветило все вокруг.

— Я с большим удовольствием приезжаю сюда,— решила наконец Карлотта прервать молчание.— В городе невыносимо душно. Я думаю, немногие еще знают про это местечко. Оно как-то в стороне.

— Мне здесь очень нравится,— сказал Юджин.— Я так отдыхаю. Что бы я стал делать, если б ваша матушка не приютила меня? При моем теперешнем занятии нелегко найти квартиру.

— Я бы сказала, что вы избрали довольно утомительный способ для восстановления здоровья,— заметила она.— Черная работа — это, наверно, очень трудно. Вам она не в тягость?

— Нисколько. Я доволен. Работа занятная и не такая уж трудная. Все это ново для меня и потому кажется легким. Мне нравится, что я поденщик, что я среди рабочих. Одно меня беспокоит — здоровье, оно в таком скверном состоянии. Ужасно неприятно болеть.

— Еще бы! — ответила она.— Но, возможно, работа снова поставит вас на ноги. Все мы склонны преувеличивать наши невзгоды — со мной по крайней мере всегда так бывает.

— Спасибо за утешение,— сказал он.

Она не смотрела на него; он продолжал молча раскачиваться. Наконец гонг возвестил обед, миссис Хиббердел спустилась из своей комнаты, и все пошли в столовую.

За обедом разговор зашел о работе Юджина, и тот со всеми подробностями стал описывать Джозефа, и Билла, и Джона-Бочку, и маленького Садза, и кузнеца Гарри Форнза. Карлотта слушала с большим вниманием, стараясь, однако, не показывать этого. Все в Юджине ей нравилось и казалось каким-то особенным — его худощавая фигура и тонкие руки, его темные волосы, черные глаза. Ей нравилось, что он утром одевается в платье рабочего, целый день проводит в мастерской и, несмотря на это, появляется к обеду в таком безукоризненном виде. У него были непринужденные манеры, а в движениях, как будто бы сонных, чувствовалась какая-то стремительная сила. Его присутствие вносило в дом живую струю.

С первого же взгляда угадывалось, что он художник и, по всей вероятности, талантливый. Юджин ничего не говорил о своей профессии, он старательно избегал всяких разговоров на эту тему и только внимательно слушал. У Карлотты было ощущение, что он изучает ее и всех остальных, и от этого она становилась еще оживленнее. «Вот мужчина, с которым приятно было бы познакомиться поближе», — неоднократно мелькало у нее в голове.

Карлотта жила в доме матери десять дней; но, несмотря на то, что Юджин уже на третий день стал встречать ее не только за обедом (что было вполне есте-

ственно), но и за завтраком (что несколько его удивило), он не уделял ей большого внимания. Она была мила, бесспорно, но Юджин мечтал о женщине совсем иного типа. Он находил ее исключительно приятной и очень любезной собеседницей; его восхищали ее умение одеваться и ее красота, он присматривался к ней с большим интересом и думал о том, какой жизнью она живет. Из обрывков разговоров, которые ему приходилось слышать, он сделал вывод, что она довольно состоятельна. Были упоминания о квартире в западной части Централ-парка, где, по-видимому, велась крупная игра, об автомобильных прогулках, о ложах в театре и о людях, очевидно, близких знакомых,—зарабатывавших большие деньги. Он слышал, как Карлотта рассказывала о горном инженере докторе Рауленте; о преуспевающем биржевике, держателе угольных акций Джералде Вудсе; о некоей миссис Хэйл, вложившей большой капитал в медные рудники и, должно быть, очень богатой. «Как это обидно, что Норман не может заняться чем-нибудь в этом роде»,—расслышал он однажды слова Карлотты, обращенные к матери. Юджин понял, что Норманом зовут ее мужа и что он должен скоро вернуться. Поэтому он держался на расстоянии, испытывая к ней интерес, скорее похожий на любопытство, чем на что-либо другое.

Миссис Уилсон, однако, не принадлежала к числу людей, которых легко обескуражить. Однажды вечером, сейчас же после обеда, к дому подкатил огромный красный лимузин, и Карлотта сказала как бы невзначай:

— Мы собираемся на прогулку. Не хотите ли присоединиться к нам, мистер Витла?

Юджину до этого еще не случалось ездить в автомобиле.

— С большим удовольствием,—ответил он, так как при виде подъехавшей машины у него тотчас же мелькнула мысль о предстоящем ему тоскливом вечере в опустевшем доме.

За рулем сидел шофер — представительная личность в желтом соломенном картузе и коричневом пыльнике, но миссис Уилсон сумела выкроить место и для Юджина.

— Ты, дорогой, садись с шофером,—сказала она Симпсону и, последовав за матерью в машину, предложила Юджину сесть рядом.— В ящике, должно быть,

есть еще кепи и плащ,— заметила она, обращаясь к шоферу.— Передайте, пожалуйста, мистеру Витла.

Шофер достал тонкий полотняный плащ и соломенный картуз, и Юджин надел их.

— Прекрасная вещь — автомобильная езда, правда? — приветливо обратилась Карлотта к Юджину.— Она так освежает. Если существует на свете отдых от земных забот, так это быстрая езда.

— Мне еще не приходилось ездить на автомобиле,— просто сказал Юджин.

Тон, каким он произнес эти слова, тронул Карлотту. Ей стало жаль его,— таким он выглядел одиноким и грустным. Его равнодушие к ней дразнило ее любопытство и задевало гордость. Почему он так мало обращает на нее внимания? В то время как машина, то в гору, то под гору, мчалась по узким дорогам, обсаженным тенистыми деревьями, Карлотта при свете звезд разглядывала Юджина. Лицо его было бледно и выражало задумчивость и безразличие.

— Ох, уж эти серьезные мужчины! — пожурила она его.— Какой ужас быть философом!

Юджин только улыбнулся.

Вернувшись домой, все разошлись по своим комнатам, и Юджин решил спуститься в библиотеку за книгой. Проходя мимо спальни Карлотты, он увидел, что дверь раскрыта и Карлотта сидит, слегка откинувшись, в глубоком кресле, положив ноги на стул,— платье ее немного приподнялось, и красивая ножка видна была до щиколотки. Она не шевельнулась, а только с ласковой улыбкой подняла на него глаза.

— Разве вы еще не устали, что не ложитесь? — спросил он.

— Не совсем еще,— ответила она.

Он спустился вниз, зажег свет в библиотеке и стал просматривать корешки книг. Вдруг он услышал чьи-то шаги — Карлотта подошла к нему и тоже стала разглядывать книги.

— Не хотите ли пива? — предложила она.— В леднике должно быть несколько бутылок. Я и не подумала, что вам, возможно, хочется пить.

— Нет, мне не хочется,— сказал он.— Я вообще не пью.

— Ну, вы не очень-то компанейский человек,— рассмеялась она.

— В таком случае давайте пить пиво,— сказал он.

Она принесла в столовую бутылки, швейцарский сыр и бисквиты и томно опустилась в одно из массивных кресел.

— Если я не ошибаюсь, там в углу, на столике, должны быть папиросы.

Он дал ей огня, и она с удовольствием затянулась.

— Вам, наверно, скучно здесь, вдали от друзей и знакомых? — заговорила она первая.

— О, я так долго болел, что не уверен, есть ли у меня еще друзья.

Он рассказал ей кое-что о своей жизни, упомянул о своих воображаемых недугах — она внимательно слушала его. Когда в бутылке ничего не осталось, она спросила, не хочет ли он еще, но он отказался. Немного спустя он устало потянулся, и она вскочила.

— Ваша матушка подумает, что мы тут устроили нечто вроде ночного кабачка,— сказал он.

— Не беспокойтесь. Ее комната на третьем этаже, к тому же она вообще неважно слышит. А кузен Дэйв ничего не скажет. Он меня достаточно хорошо изучил и знает, что я привыкла поступать так, как мне нравится.

Она придвинулась ближе к Юджину, но он, казалось, не замечал этого. Когда он направился к выходу, она погасила свет и последовала за ним по лестнице.

«Либо он самый робкий человек на свете, либо самый холодный»,— подумала Карлотта, но вслух она тихо сказала:

— Спокойной ночи. Приятных сновидений,— и пошла к себе.

Юджин отнесся к ней, как к доброму товарищу: он подумал, что ее манеры немного чересчур свободны для замужней женщины, но она, вероятно, достаточно осторожна. С ним она, по-видимому, просто любезна. Все это объяснялось тем, что Карлотта не очень интересовала его.

Но на этом дело не кончилось. Однажды утром он проходил мимо ее двери,— миссис Хиббердел была уже внизу. Глазам Юджина неожиданно представилась нежная рука и обнаженное плечо — Карлотта лежала, откинувшись на подушку, по-видимому, и не подозревая, что дверь открыта. Красота этой идеальной по форме руки вызвала в Юджине чувственный трепет. В другой раз

он увидел ее перед обедом, в тот момент, когда она застегивала ботинки. Юбка ее была поднята до колен, а плечи и руки обнажены — на ней был лишь корсет и сорочка. Она, казалось, не знала, что он находится поблизости. Однажды вечером после обеда он стал насвистывать какую-то мелодию; Карлотта подошла к роялю и начала подбирать аккомпанемент. В другой раз, когда он сидел на веранде и тихонько что-то напевал, она стала ему подпевать. Однажды в библиотеке он придвинул кресло к окну, возле которого стояла кушетка (миссис Хиббердел уже отправилась на покой), и Карлотта подошла и прилегла на нее.

— Вы не возражаете, если я полежу здесь? — сказала она. — Я сегодня что-то устала.

— Нисколько. Я вам очень рад. Мне скучно.

Она смотрела на него с улыбкой. Он стал тихо напевать, она вторила ему.

— Покажите мне вашу руку, — сказала она вдруг. — Я хочу узнать кое-что.

Он протянул ей руку. Она стала перебирать его пальцы, явно искушая его. Но даже это его не пробудило.

Вскоре она уехала дней на пять по каким-то делам, а когда вернулась, он очень обрадовался ей. Ему было скучно, и он понял теперь, что с Карлоттой в доме как-то светлее и веселее. Он с необычной сердечностью приветствовал ее.

— Как я рад, что вы вернулись! — сказал он.

— Уж будто рады? — ответила она. — Я вам не верю.

— Почему?

— Мало ли почему? У меня есть кое-какие приметы. Вы, по-моему, не очень любите женщин.

— Я?!

— Да, я думаю, что не любите.

Она была очаровательна в зеленовато-сером шелковом платье. Юджин невольно залюбовался нежными очертаниями ее шеи и тем, как вьются ее волосы на затылке. Нос у нее был прямой, прекрасной формы, с тонкими чувственными ноздрями. Юджин последовал за нею в библиотеку, и они вместе вышли на террасу. Вскоре он вернулся в дом, — было уже десять часов, — и она вошла за ним. Дэйвис отправился к себе в комнату, миссис Хиббердел — к себе.

— Я, пожалуй, почитаю,— рассеянно сказал Юджин.

— Ну вот еще что вздумали,— шутливо отозвалась она.— Никогда не занимайтесь чтением, когда можно заняться чем-нибудь другим.

— Чем же, например?

— Мало ли чем! Играть в карты, предсказывать судьбу, гадать по руке, пить пиво...

Она капризно посмотрела на него. Он уселся в свое любимое кресло между кушеткой и окном. Карлотта подошла и бросилась на кушетку.

— Поухаживайте за мной, дайте мне подушку,— приказала она.

— С удовольствием,— ответил он.

Он принес одну из подушек и приподнял ее голову, так как она не шевелилась.

— Так хорошо? — спросил он.

— Еще одну, пожалуйста.

Он просунул руку ей под голову и приподнял ее. Она ухватила за его свободную руку и, не выпуская, рассмеялась странным, возбужденным смехом. И Юджину вдруг открылся смысл всего, что она делала. Он уронил подушку и пристально посмотрел на Карлотту. Она отпустила его руку и откинулась назад, томная и улыбающаяся. Тогда он взял ее левую руку, потом правую, сел рядом и вдруг, склонившись, прижался губами к ее губам. Она закинула руки ему за шею, прильнула к нему всем телом, потом, отстраняясь, заглянула ему в глаза и облегченно вздохнула.

— Вы любите меня? — пробормотал он.

— Наконец-то,— со вздохом сказала она и снова привлекла его к себе.

ГЛАВА XXIII

Карлотта Уилсон была прекрасна, обладала пылким темпераментом и тонкой изобретательностью, преодолевшей любые преграды. Она задалась целью покорить Юджина. Во-первых, он ей очень нравился, а во-вторых, своим равнодушием раззадорил ее тщеславие и задел самолюбие. Впрочем, она искренне полюбила его и восхищалась им, гордясь своей победой, как ребенок новой игрушкой. Едва он обнял ее, по всему ее телу про-

шел жгучий трепет, и когда она позднее пришла к нему, она вся горела жаждой его ласк. Она осыпала его поцелуями, шепча ему на ухо слова страсти и любви. И Юджину, под действием вспыхнувшей страсти, казалось, что он никогда не встречал более прекрасной женщины. Он забыл и Фриду, и Анджелу, и свое одиночество, и то, что он должен соблюдать благоразумие, и целиком отдался тем радостям, которые дарил ему благосклонный случай.

Карлотта была неумоима в своем внимании к нему. Едва она убедилась, что Юджин любит ее,— или воображает, что любит,— как вся ушла в свою страсть. Ее мысли были всецело заняты Юджином, и она не упускала ни малейшей возможности видеть его и быть с ним. Она неустанно сторожила его, помогая ему использовать для любви каждый удобный случай, проявляя необычайную находчивость. Она знала все привычки матери и кузена и могла с точностью до одной секунды определить, где они в данный момент находятся и через сколько времени дойдут до такой-то двери, до такого-то места. Она передвигалась бесшумно, каждый жест ее, каждый взгляд был многозначителен и красноречив. В течение месяца или около того она, буквально играя с огнем, ставила Юджина в самые рискованные положения, выпуская его из своих объятий лишь в самую последнюю минуту, целуя его беззвучно и быстро в самые неожиданные моменты и при самых неожиданных обстоятельствах. Исчезли ее усталая томность, ее кажущееся безразличие, она вся ожила,— но только, когда она была наедине с ним. В присутствии других она была, как всегда, холодна и равнодушна и даже старалась это подчеркнуть, решив держать свою мать и кузена в полном неведении, и артистически играла свою роль, делая вид, будто находит Юджина, правда, очень милым молодым человеком, но скучным и недостаточно светским.

— Он, возможно, хороший художник,— говорила она матери,— но уж совсем не кавалер. В нем нет ни капли галантности.

Миссис Хиббердел была очень рада. Прекрасно,— по крайней мере можно не опасаться никаких неприятностей. Она боялась Карлотты, боялась Юджина, но кажется, можно было не беспокоиться. В ее присутствии соблюдалась подчеркнутая вежливость, а временами ей

даже казалось, что ее дочь и Юджин сторонятся друг друга. Миссис Хиббердел было бы очень неприятно уговаривать дочь не приезжать в родной дом, пока здесь находится Юджин, или просить его уехать. Правда, Карлотта не скрывала, что Юджин ей нравится, но это ничего не значит. Любая замужняя женщина могла бы это сказать. А между тем почти на глазах у миссис Хиббердел разыгрывался роман, который кого угодно мог бы привести в смущение. Она была бы поражена, если бы знала, что происходит в комнатах Карлотты и Юджина и даже в ванной. Они пользовались каждой минутой, когда оказывались не под надзором.

Юджин охладел к своей работе. Было время, когда она нравилась ему. Он смотрел на нее как на полезную гимнастику, тем более что надеялся скоро избавиться от нее, если здоровье его быстро восстановится. Теперь же работа тяготила его, и ему жаль было отдавать ей столько времени. Карлотта имела в своем распоряжении чей-то автомобиль, а кроме того, могла позволить себе и нанять машину. Началось с того, что она назначать ему свидания вне дома, чтобы покататься вместе, и этим отрывала его от работы.

— Разве ты обязан ходить на работу каждый день? — спросила она его как-то к концу воскресного дня, когда они были одни. Симпсон и миссис Хиббердел отправились на прогулку, и Юджин сидел у Карлотты, на втором этаже. Комната матери была на третьем.

— Нет, не обязан, — ответил он, — но я не хочу терять свой заработок. Я получаю пятнадцать центов в час, и эти деньги мне нужны. Ты не должна забывать, что я сейчас работаю как простой рабочий.

— Ах, оставь, — сказала она. — Что такое пятнадцать центов в час? Я дам тебе в десять раз больше, только будь со мной.

— Ну нет, — сказал он. — Ничего ты мне не дашь. Так у нас ничего не выйдет.

— Юджин, не говори глупостей! У меня сейчас много денег — больше, чем у тебя, во всяком случае. И эти деньги так или иначе уйдут. Все равно от них проку не будет, я могу тратить их на что угодно. Так почему же тебе не воспользоваться хотя бы частью? Ты потом мне вернешь.

— Ну уж нет,— повторил Юджин.— Так у нас дело не пойдет. Я предпочитаю работать. А впрочем, дела мои совсем не так уж плохи. Возможно, мне удастся продать картину. В любой день может прийти сообщение о продаже. А что ты хотела предложить?

— Поедем завтра кататься. Мама уезжает в Бруклин к тете Элле. У тебя в мастерской есть телефон?

— Конечно, есть. Только я не советовал бы тебе звонить туда.

— От одного раза ничего не станется.

— Пожалуй, что и ничего. Но лучше нам этого не делать, во всяком случае, не вводить в правило. Там народ очень строгий. Им приходится быть строгими.

— Понимаю,— сказала Карлотта.— Ну ладно, не буду. Я просто думала, как бы это устроить. Но давай условимся. Ты знаешь верхнюю дорогу по ту сторону реки?

— Знаю.

— Так вот, иди завтра по этой дороге в час дня, а я догоню тебя на машине. Тебе можно будет на этот раз уйти?

— Конечно, можно,— сказал Юджин,— я ведь только шутил. Я и денег могу раздобыть.

Когда он устроился на работу, у него еще оставались от его сбережений сто долларов. До сих пор он отчаянно цеплялся за них, но теперь, когда положение его несколько прояснилось, он решил, что может, пожалуй, позволить себе потратить кое-что. По всем признакам он находился на пути к выздоровлению. Счастье снова возвращалось к нему.

— Хорошо, в таком случае я вызову автомобиль. Ты ведь не прочь покататься?

— Нет,— ответил он.— Я захвачу с собой новый костюм и переоденусь в мастерской.

Она весело рассмеялась: его шепетильность и просто-душие умиляли ее.

— Ты мой принц, мой прекрасный принц из детской книжки! — воскликнула она и бросилась ему на шею.— Ты ангел небесный, мое божество! Ты даже не догадываешься, как долго я тебя ждала! Мой волшебник, мой принц! Я люблю тебя, люблю! Лучше тебя нет на свете.

— А ты моя волшебница. Но оба мы с тобой нехо-

рошие, и ты и я. Ты отступница, отщепенка, а я — мне даже страшно подумать, что я такое.

— Это что еще за слово — отщепенка? — спросила Карлотта. — Я такого и не слыхала.

— Отщепенка — это женщина, отвергнутая обществом, отбившаяся от стаи голубка.

— Что ж, на меня похоже, — сказала Карлотта, вытягивая свои сильные, гладкие руки и заодно смеясь. — Не желаю я связываться ни с какой стаей! Ко всем чертям стаю. — Она заговорила нарочито вульгарным тоном. — Лучше мне улететь с моим волшебником. Он мне дороже всего на свете. Только я да ты, мой принц! Так, значит, я твоя любимая отщепенка? Ну, скажи, ты любишь голубок, отбившихся от стаи?

— Это немыслимо! Ужасно! Ты невозможная женщина! — пытался остановить ее Юджин.

Но она закрыла ему рот поцелуем.

— Любишь, да?

— Эту — люблю. Эту голубку — да, — отвечал он, нежно глядя ее лицо. — Как ты хороша, Карлотта, как ты прелестна! Какая ты изумительная женщина!

Она бросилась ему на шею.

— Кто бы я ни была, я твоя, мой волшебник. Можешь требовать от меня все, что угодно, делать со мною все, что захочешь. Ты сладкий дурман, Юджин, мой ненаглядный! Когда ты со мною, я не помню себя от счастья, я ничего не вижу и не слышу. Ты заставляешь меня забывать обо всем. С тобой я ни о чем не думаю! И мне дела нет ни до чего. О, почему ты не свободен? Почему и я не свободна? Уехали бы мы с тобой на необитаемый остров! О, черт возьми! Жизнь — это сплошное недоразумение, правда? Так давай же брать от нее все, что она может нам дать!

Карлотта достаточно знала к этому времени о жизни Юджина, чтобы понимать его положение. Она знала, что он болен, хотя и не видела, в чем состоит его болезнь, но полагала, что причина ее в переутомлении. Ей было известно, что он беден, что у него ничего нет, если не считать нескольких картин, сданных на комиссию, но она не сомневалась, что к нему снова вернется дарование и он займет свое место в жизни. Знала она кое-что о его жене и очень радовалась, что ее здесь нет, ей хотелось бы, чтобы та никогда не приезжала. Карлотта побывала в Нью-Йорке, где путем расспросов

в нескольких художественных магазинах узнала кое-что о карьере Юджина как художника, о том, какой это был многообещающий талант, и это еще больше подняло его в ее глазах. Она даже купила одну из его картин, выставленных у братьев Потль, предварительно расспросив Юджина, каким порядком картины сдаются на комиссию и как художник получает за них деньги за вычетом комиссионных. Она прямо заявила управляющему братьев Потль, что покупает картину для того, чтобы помочь художнику, и попросила поторопиться с отправкой чека. Будь Юджин один, этот чек в триста долларов послужил бы ему для того, чтобы выписать Анджелу. Теперь же он дал ему возможность весело проводить время в обществе Карлотты. Юджин не знал, что обязан ей этими деньгами, не знал и того, кому продана картина. Ему была сообщена вымышленная фамилия. Продажа картины до некоторой степени восстановила его веру в свою удачу. Если после столь долгого перерыва была продана картина — и за хорошую цену, — то будут проданы и другие.

Последовавшие за этим дни протекали в восхитительном разнообразии. Утром Юджин уходил в своем старом рабочем костюме, с сумкой, в которой лежал завтрак, а Карлотта, стоя у окна, махала ему на прощанье; если же в этот день у него было назначено где-нибудь свидание с нею, он надевал новый костюм, рассчитывая, что рабочий комбинезон и фуфайка защитят одежду от грязи и пыли. Он работал целый день с Джоном и Биллом, или с Малаки Демси и Джозефом (они теперь спорили между собой из-за него), либо, уйдя из мастерской пораньше, уезжал куда-нибудь с Карлоттой на автомобиле, а вечером возвращался домой, где она встречала его как ни в чем не бывало. Она терпеливо дожидалась его возвращения, как жена дожидается мужа, и, как жена, заботливо следила за тем, не нужно ли ему чего-нибудь. В мастерской Малаки и Джозеф или Джон и Билл, а порою и кое-кто из столбцов и плотников со второго этажа наперебой старались залучить к себе Юджина. Малаки и Джозеф жаловались, что им скоро нельзя будет работать, — вон какие горы навалило стружек, красивых стружек ясеня, желтой сосны и ореха, пахнущих смолою и ладаном и напоминающих девичьи кудри. А Джон с Биллом уверяли, что не справляются с работой и им нужна по-

мощь — грузить вагоны. Даже механик Джон-Бочка — и тот пытался представить дело так, будто ему нужен кочегар, но это ему не удавалось. Главный мастер прекрасно понимал, в чем дело, но молчал и посылал Юджина работать то с одними, то с другими, смотря по тому, где, по его мнению, он будет полезнее. Юджин относился ко всему этому добродушно. Ему было все равно, где работать, нравилось и грузить вагоны, и складывать материалы, и помогать в строгальном цехе. Нравилось также стоять, держа корзину под мышкой, и беседовать с Джоном-Бочкой или с Гарри Форнзом — «валять с ними дурака», по его выражению. Куда бы он ни шел, вслед ему неслись шутки и дружеские остроты, и он не чувствовал усталости.

По окончании работы он спешил домой по правому берегу реки, пока не доходил до тропинки, которая вела к улице, где стоял дом миссис Хиббердел. Часто он останавливался и подолгу глядел на тихую воду, по которой плыли соломинки и щепки, сравнивая ее как будто безмятежное течение со своей собственной тревожной жизнью. Изменчивость воды напоминала ему о коварстве природы. Как поразителен контраст между идиллическим спокойствием этого тихого берега и суматошной жизнью мастерской! Ну, а те, кто в ней работает?.. Что знает Малаки Демси о красоте природы? Джон Стикс смыслит в искусстве не больше, чем неотесанные колоды, которые он ворочает. А Джону-Бочке разве доступны те волнующие и сложные переживания, которые рождают в его, Юджина, душе любовь и красота! Все они живут словно на другой планете.

А ниже по реке его ждала Карлотта, изящная, уверенная в себе, на все готовая, эта равнодушная к требованиям морали сибаритка, в известной степени представлявшая собою мир, который живет эксплуатацией чужого труда, и несколько этим не смущенная. Когда он рассказывал ей про Джозефа Мьюза, который по вечерам относил сестре охапку щепок или досок, чтобы сэкономить на топливе, она только улыбалась. Если он говорил ей о нищете, в которой живут массы, она отвечала: «Расскажи что-нибудь повеселее, Юджин». Ей хотелось говорить и думать об искусстве, о роскоши, о любви, она упивалась красотой природы. В окрестностях Спионка были загородные рестораны, куда они отправлялись на машине, и, сидя там, потягивали крюшон

или вино, а Карлотта вслух мечтала о том, что бы они стали делать, если бы оба были свободны. Карлотте часто приходили в голову мысли об Анджеле, а Юджина они не покидали ни на минуту, так как он не мог не чувствовать своей вины перед нею.

Анджела была так терпелива и ласкова с ним все эти годы, она, как мать, ходила за ним, прислуживала ему, как раба. Совсем еще недавно он писал ей нежные письма, уверяя, что тоскует о ней. А теперь это снова умерло. Писать стало трудно. Что он ни скажет, все будет ложью, а лгать ему не хотелось. Ему ненавистна была мысль, что он лицемерит. Но если он перестанет писать, размышляя Юджин, Анджела будет ужасно мучиться и, того и гляди, придет разыскивать его. Только с помощью писем, любовных клятв и объяснений, почему ей пока не стоит приезжать, ему удавалось удерживать ее в Блэквуде. Тем более это было необходимо теперь, когда он был так влюблен в Карлотту. Он отнюдь не обманывал себя надеждой, что когда-нибудь они смогут пожениться. Он знал, что не получит развода, так как для этого не было законных оснований. Да и совесть его, твердившая, что он несправедлив, помешала бы этому. Будущее Карлотты было тоже в высшей степени туманно. Норман Уилсон хотя и пренебрегал ею, однако не хотел окончательно ее терять. Он писал ей и грозил, что придет в Нью-Йорк, если она не придет к нему, хотя его несколько успокаивало то, что она находится у матери, где он считал ее в безопасности. Анджела просила Юджина разрешить ей приехать. Они как-нибудь проживут. Сколько бы он ни зарабатывал, с ней ему будет лучше, чем одному. Она представляла себе, что он живет в каком-нибудь уютном пансионе, заброшенный и одинокий.

Приезд Анджелы вынудил бы Юджина покинуть дом миссис Хиббердел, так как последняя дала ему понять, что их соглашение остается в силе только до приезда его жены, и таким образом наступил бы конец его роману с Карлоттой. Конец поездкам в рестораны и восхитительным обедам вдвоем на укромных террасах. Конец прогулкам в ее машине, которой она так ловко правила, прекрасно обходясь без шофера. Конец свиданиям под деревьями и у живописных ручейков, где он целовал и ласкал ее и где она нежилась в его объятиях.

— Если бы мама нас видела! — шутила она.

Или:

— Как ты думаешь, узнали бы тебя Билл и Джон, если б увидели сейчас?

А однажды она заметила:

— Здесь лучше, чем в машинном отделении, не правда ли?

— Ты ужасно испорченная женщина, — говорил он; и тогда она улыбалась своей загадочной улыбкой Моны Лизы.

— Но ты ведь любишь испорченных женщин? Отбившиеся голубки — великолепная дичь.

Согласно своей философии, она брала от жизни все, что жизнь могла дать ей.

ГЛАВА XXIV

Такие отношения не могли длиться бесконечно. В самом зародыше их сидел червь. Юджин грустил. Иногда ему не удавалось скрыть свое уныние, и если Карлотта спрашивала, что с ним, он говорил:

— Долго это не может тянуться. Скоро наступит конец.

— Ты пессимист, Джини, — говорила она с укоризной, так как надеялась, что ей удастся оттянуть развязку на долгий срок. Юджин же был убежден, что никакое, даже самое тонкое притворство не обманет Анджелу. Очень уж хорошо она разгадывала его невысказанные чувства и настроения. Скоро она придет, хочет он того или нет, и тогда всему конец. Однако непредвиденное стечение обстоятельств приблизило развязку и разлучило любовников еще до приезда Анджелы.

Миссис Хиббердел все чаще и чаще стала задумываться над тем, почему Карлотта не только удовлетворена своим пребыванием у нее, но даже, кажется, хочет остаться и подольше. У нее была своя квартира в городе, по всей видимости, закрытая на лето, так как Карлотта собиралась на самые жаркие месяцы в Нарагансет. Но после знакомства с Юджином она решила время от времени пользоваться квартирой для свиданий с ним, хотя это было сопряжено с риском, поскольку

Норман Уилсон мог в любую минуту вернуться. Тем не менее они с Юджином несколько раз заезжали туда, чем достигалась двойная цель — побыть без помехи вдвоем и ввести в заблуждение ее мать. Карлотта доказывала Юджину, что ей полезно на какое-то время уезжать из Ривервуда, — тогда ее пребывание там становится менее подозрительным и меньшей опасности подвергается их счастье. Поэтому она и пользовалась иногда квартирой. Но в то же время она не могла совсем покинуть Ривервуд, так как Юджину необходимо было находиться там утром и вечером.

И все-таки в конце августа в душе миссис Хиббердел зародилось подозрение. Однажды Карлотта позволила ей из города, что у нее болит голова и она не придет. Миссис Хиббердел как раз собиралась в город за покупками и предупредила дочь, что вечером будет у нее. Подходя к Централ-парку, она заметила машину, где, как ей показалось, сидели Юджин и ее дочь. Правда, Юджин с утра ушел на работу, но уж очень похож был на него человек, которого она видела. Впрочем, утверждать, что это были именно они, она не могла бы. Когда она пришла к Карлотте, та оказалась дома, — она чувствовала себя лучше, но никуда не выходила. Миссис Хиббердел решила, что ошиблась.

В Ривервуде ее комната помещалась на третьем этаже, и несколько раз, когда ей случалось спускаться за чем-нибудь в кухню, столовую или библиотеку (уже после того, как все расходились по своим комнатам), ей как будто слышались легкие шаги. Но она каждый раз успокаивала себя тем, что это игра воображения, так как, достигнув второго этажа, неизменно убеждалась, что он погружен в безмолвие и мрак. Все же она нередко задавала себе вопрос, не встречаются ли Юджин и Карлотта втихомолку. Раза два ей почудилось, будто в промежутках между завтраком и уходом Юджина на работу она слышит на втором этаже чей-то тихий разговор. Однако доказательств у нее не было. Казалось странным, что Карлотта так охотно встает по утрам, чтобы в половине седьмого завтракать вместе с Юджином, не говоря уже о том, что она так легко променяла Нарагансет на Ривервуд. Словом, достаточно было случая, чтобы подозрения миссис Хиббердел превратились в уверенность и чтобы она уличила Карлотту в самом бессовестном обмане.

Этот случай не заставил себя долго ждать. Как-то в воскресенье утром Дэвис и миссис Хиббердел решили покататься на машине. Юджин тоже был приглашен, но отказался — Карлотта, услышав еще за несколько дней о приготовлениях к поездке, предупредила его и стала строить планы, как провести с ним весь день. Она посоветовала Юджину отговориться необходимостью поехать в город, чтобы кое-кого повидать, — сама же дала согласие, но в назначенный день притворилась, что плохо себя чувствует. Дэвис и миссис Хиббердел отправились на Лонг-Айленд. Прогулка была рассчитана на целый день. Но через час после отъезда что-то случилось с машиной, и, просидев два часа в ожидании починки, — достаточно долгий срок, чтобы расстроить всякие планы, — они на трамвае вернулись домой. Юджин, конечно, не ездил в город. Он был даже не одет, когда парадная дверь отворилась и миссис Хиббердел всшла в дом.

— Карлотта! — позвала она дочь, остановившись на лестнице и ожидая, что та выглянет из своей комнаты, из гостиной или гардеробной, расположенной в передней части второго этажа, но Карлотта сидела у Юджина, а его дверь была видна с того места, где находилась миссис Хиббердел. Карлотта не рискнула отозваться.

— Где ты? Карлотта! — снова позвала мать.

Миссис Хиббердел собиралась уже поискать ее в кухне, но передумала и стала подниматься по лестнице, направляясь в гардеробную. Карлотте показалось, что мать вошла туда, и, воспользовавшись этим, она прошмыгнула в ванную, рядом с комнатой Юджина, но, очевидно, действовала недостаточно быстро. Ее мать не вошла в гардеробную, а только приоткрыла дверь и заглянула туда. Она не видела, как Карлотта выскользнула из комнаты Юджина, но видела, как та вошла в ванную, и заметила, что туалет дочери в полном беспорядке. А выйти она могла только из комнаты Юджина, ибо ее собственная спальня, между комнатой Юджина и гардеробной, находилась шагах в десяти от ванной. Было мало вероятно, чтобы Карлотта вышла оттуда — она не успела бы дойти до ванной, а кроме того, почему она тогда не отозвалась?

Первой мыслью миссис Хиббердел было окликнуть дочь. Но потом она решила сделать вид, будто Кар-

лотте удалась ее хитрость. Она была убеждена, что Юджин находится у себя, и действительно, через несколько минут услышала, как он предостерегающе кашлянул.

— Карлотта, ты в ванной? — спокойно спросила она, заглянув сперва в комнату дочери.

— Да, — послышался голос, в котором не чувствовалось уже никакого волнения. — У вас что-нибудь случилось с машиной?

Они обменялись несколькими замечаниями через закрытую дверь, после чего миссис Хиббердел отправилась к себе. Она хотела обдумать положение, так как не на шутку разгневалась. Ведь речь шла не о проступке, совершенном добродетельной, достойной доверия дочерью. Никто не совращал Карлотту. Она была взрослая, замужняя и опытная женщина. Она знала жизнь так же хорошо, как и ее мать, а во многих отношениях и лучше. Разница между ними заключалась в том, что если мать руководилась соображениями морали и доводами, которые подсказывали ей здравый смысл и чувство приличия и самосохранения, то у дочери все это отсутствовало. А ведь Карлотте следовало быть осторожной: от этого зависело все ее будущее. Она должна была бы отнестись с уважением и к будущему Юджина, и к правам и интересам его жены, и к дому своей матери и ее принципам. Как это недостойно, что Карлотта все время лгала, притворяясь равнодушной, делая вид, будто уезжает куда-то, а сама, несомненно, давно уже находилась в связи с их жильцом. Миссис Хиббердел была возмущена не столько Юджином (правда, ее уважение к нему сильно поколебалось, хотя у художников ведь свои нравы!), сколько Карлоттой. Не может вести себя прилично! Как ей не стыдно, она должна была остерегаться такого человека, а не завлекать его. Вина целиком ложилась на Карлотту, и миссис Хиббердел твердо решила высказать ей все начистоту и немедленно положить конец этой злосчастной связи.

На другой день утром (миссис Хиббердел решила молчать, пока Юджин и Дэвис не уйдут из дому) разразилась бурная и ожесточенная ссора. Миссис Хиббердел хотела объясниться с дочерью наедине, и стычка произошла вскоре после завтрака, когда мужчины ушли. Карлотта успела предупредить Юджина, что предстоят

неприятности и что он ни в коем случае не должен ни в чем сознаваться, разве только она сама ему разрешит. Прислуга была на кухне и не могла ничего слышать, а миссис Хиббердел с дочерью находились в библиотеке, когда был дан первый выстрел. Карлотта была отчасти подготовлена к этому, предполагая, что мать замечала кое-что и раньше. Она встретила нападение с достоинством Цирцеи, так как подобные сцены не были для нее новостью. Ее собственный муж неоднократно изобличал ее в неверности и даже грозил ей физической расправой. Она была бледна, но спокойна.

— Послушай, Карлотта,— решительным тоном начала ее мать,— я видела, что происходило здесь вчера утром, когда мы вернулись домой. Ты была в комнате мистера Витла и притом раздетая. Я видела, как ты вышла оттуда. Не вздумай, пожалуйста, отпираться. Я это видела. Неужели тебе не стыдно? Как ты могла так поступить после всех обещаний, что в моем доме будешь вести себя как следует?

— Ты не видела, как я выходила из его комнаты, и меня в его комнате не было,— бесстыдно солгала Карлотта. Вся кровь отхлынула от ее лица, но она очень недурно разыгрывала благородное негодование.— Зачем же ты говоришь такие вещи?

— Как? Ты еще смеешь отрицать, Карлотта Хиббердел? Ты еще смеешь лгать! Ты вышла из его комнаты! Ты знаешь, что это так, что ты была там! Ты знаешь, что я тебя видела! Я думала, ты по крайней мере постыдишься,—ведь ты ведешь себя как уличная девка. Ты поступила позорно, нагло в доме, где живет твоя мать. Неужели тебе не стыдно? Неужели в тебе не осталось ни капли совести? О, Карлотта, я знаю, что ты скверная женщина, но зачем тебе понадобилось приезжать сюда и проделывать такие гадости здесь? Почему ты не могла оставить этого человека в покое? Он жил тут хорошо и тихо. Недостает еще, чтобы миссис Витла приехала и избивала тебя до полусмерти!

— Что за разговоры! — раздраженно воскликнула Карлотта.— Ты в конце концов действуешь мне на нервы. Это неправда, что ты видела. Вечно одна и та же история — какие-то подозрения! Всегда ты меня в чем-нибудь уличаешь. Ты меня не видела, и меня не было в его комнате. Напрасно ты поднимаешь такой шум!

— Напрасно поднимаю шум? И ты смеешь это говорить, мерзкая женщина! Напрасно поднимаю шум! Да как у тебя духу хватает говорить это? Прямо не верится, что ты можешь так бесстыдно лгать мне в глаза! Я тебя видела, а ты осмеливаешься отрицать это!

Миссис Хиббердел не видела, как ее дочь выходила из комнаты Юджина, но она была убеждена в своей правоте.

Карлотта не сдавалась.

— Ты меня не видела,— настаивала она.

Миссис Хиббердел даже растерялась от такой наглости. У нее перехватило дыхание.

— Карлотта! — воскликнула она.— Честное слово, я начинаю думать, что ты самая дурная женщина на свете! Мне трудно поверить, что ты моя дочь,— до того ты бесстыдна! И весь ужас в том, что ты действуешь с расчетом. Ты знаешь, что делаешь, ты все обдумала. Ты испорчена до мозга костей! Ты всегда добиваешься своего. Так и сейчас. Ты поставила себе целью завлечь этого человека и ни перед чем не останавливаешься. Ты понятия не имеешь ни о стыде, ни о гордости, ни о порядочности, ни о чести, ни об уважении ко мне или к кому-нибудь другому. Ты этого человека не любишь. Ты прекрасно знаешь, что не любишь. Если бы ты его любила, ты никогда не опозорила бы так ни его, ни меня, ни себя. Ты попросту вступила в новую постыдную связь, потому что тебе так захотелось. А теперь, когда тебя поймали чуть ли не на месте преступления, ты надеешься взять наглостью. Ты скверная женщина, Карлотта, ты самая низкая женщина на свете, хоть ты и моя дочь.

— Все это неправда,— ответила Карлотта.— Ты говоришь только для того, чтобы слушать себя.

— Нет, это правда,— накинулась на нее мать,— и ты знаешь, что это правда. Ты жалуешься на Нормана. А он в жизни не совершил бы такого низкого поступка. Пусть он игрок, пусть он безнравственный, эгоистичный человек, равнодушный к интересам других. Ну, а ты? Как можешь ты стоять тут и уверять меня, что ты лучше его? Ха! Если б у тебя была хоть капля стыда, все это было бы не так ужасно, но ты его совершенно лишена. Ты просто мерзкая, скверная женщина, больше ничего!

— Как ты можешь так говорить, мама? — спокойно

возразила Карлотта.— Ты поднимаешь шум, а ведь у тебя нет ничего, кроме подозрений. Ты не видела меня. Даже если я и была там, ты меня не видела, а на самом деле я там и не была. Ты подняла бурю просто потому, что тебе так захотелось. Мистер Витла мне нравится, я его нахожу очень милым, но он меня мало интересует, и я ровно ничего плохого ему не сделала. Можешь выгнать его из дома, если тебе угодно. Это совершенно меня не касается. Ты нападаешь на меня, по обыкновению, без всяких оснований.

Карлотта в упор смотрела на мать. Она не была особенно взволнована. История, несомненно, вышла скверная, но Карлотта думала не столько об этом, сколько о том, как глупо было так попасться. Мать знает теперь наверняка, хотя она, Карлотта, будет отрицаться. Конец всему их летнему роману! Таких удобств у них уже больше не будет. Юджину предстоит неприятности — придется переезжать в другое место. Мать может наговорить ему бог знает что. Карлотта считала себя гораздо лучше Нормана, потому что не водила компании с такими людьми, как он. И она не груба, не тупа, не жестока, она не употребляет грязных выражений, не проповедует грязных теорий, как Норман. Пусть она лжет, пусть хитрит, но ведь она никому не причиняет зла. Ею попросту руководит страсть, и она смело идет к любви, добиваясь счастья. «Неужели я дурная женщина?» — не раз спрашивала она себя. Так утверждала ее мать. Что ж, отчасти это, пожалуй, правда. Но мать просто вспылила, она не думает того, что говорит. Она опомнится. В то же время Карлотта не собиралась признавать справедливость обвинений, которые предъявила ей мать, и уступить без борьбы. Среди этих обвинений были совершенно нестерпимые, совершенно непростительные.

— Карлотта Хиббердел, ты самое бесстыдное создание, какое я когда-либо встречала в жизни! Ты возмутительная лгунья! Как ты смеешь смотреть мне в глаза и говорить бог весть что, когда ты знаешь, что я права? Зачем ты еще увеличиваешь свою вину ложью? О Карлотта, какой позор! Неужели ты совсем лишена чувства чести? Как ты можешь так лгать? Как ты можешь?

— Я не лгу,— заявила Карлотта,— и я бы очень хотела, чтобы ты прекратила этот шум. Ты меня не ви-

дела. Ты прекрасно знаешь, что не видела. Я вышла из своей комнаты, а ты была в гардеробной,— зачем же ты так говоришь? Ты меня не видела. Но допустим, что я лгунья. Я твоя дочь. Пусть я дурная женщина! Я не сама себя сделала такой! Ну, а уж в данном случае я несколько не дурная женщина. Но какова бы я ни была, я дошла до этого не по своей вине. Жизнь у меня была не очень-то сладкая!.. Зачем ты затеваешь этот глупый скандал? У тебя нет никаких оснований, кроме подозрений. Тебе непременно нужно устраивать сцены. Меня несколько не интересует твое мнение обо мне. Но в данном случае я ни в чем не виновата, ты можешь думать про меня, что угодно. А тебе должно быть стыдно обвинять меня в том, в чем ты сама не уверена.

Она подошла к окну и выглянула в сад. Миссис Хиббердел покачала головой. Подобная наглость была выше ее понимания. Но как это похоже на Карлотту! Она пошла и в мать и в отца. Оба они, если их раззадорить, становились своевольными и упрямыми. Но вместе с тем миссис Хиббердел жалела дочь, так как Карлотта была неглупая женщина. Очень уж ей не повезло в жизни!

— Я все-таки думаю, что тебе стыдно, Карлотта, независимо от того, сознаешься ты или нет,— продолжала она.— Правда остается правдой, и, наверно, тебе сейчас неприятно. Ты была в его комнате. Но не будем больше спорить. Ты сама затеяла это и добилась своего. А теперь послушай, что я тебе скажу. Ты сегодня же вернешься в город, а мистер Витла уедет отсюда, как только подыщет себе комнату. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы прекратить эту позорную связь. Если ничего не поможет, я напишу его жене, а заодно и Норману. Ты оставишь этого человека в покое. Ты не имеешь права становиться между ним и его женой. Это безнравственно, и только порочная, бессовестная женщина способна на такой поступок. Я ему ни слова не скажу, но он уедет отсюда, и ты тоже. Когда все это кончится, ты можешь вернуться, если захочешь. Мне стыдно за тебя! Мне стыдно за себя! Если бы я не щадила своих собственных чувств и чувств Дэвиса, я бы еще вчера выгнала вас обоих из этого дома И ты это знаешь. Только уважение к самой себе заставило меня действовать так мягко. А он — какая низость —

после всего внимания, которое я ему оказала! Но все-таки его я не столько виню, сколько тебя, он на тебя и смотреть не стал бы, если бы ты не заставила его. Моя родная дочь! В моем доме! И не стыдно тебе!

Разговор еще долго продолжался в том же духе — бесконечные перепевы все одних и тех же гневных обвинений. Юджин — дурной человек, Карлотта — низкая женщина. И миссис Хиббердел никогда бы этому не поверила, если бы не видела собственными глазами. Если Карлотта не исправится, она расскажет все Норману, — и так снова и снова, угроза за угрозой.

— А теперь, — заявила она, наконец, — ты уложишь вещи и сегодня же уедешь к себе домой. Я не хочу, чтобы ты оставалась здесь хотя бы один лишний день.

— Нет, я не уеду, — дерзко ответила Карлотта, перебирая в уме то, что было сказано. Все это очень мучительно, но сейчас она не уедет. — Я уеду завтра утром. Я не могу так быстро уложиться. Не говоря о том, что уже поздно. Я не позволю, чтобы меня выгоняли, как служанку!

Миссис Хиббердел застонала, но вынуждена была уступить. Карлотту не заставишь сделать что-нибудь против воли. Молодая женщина отправилась к себе, и вскоре до слуха матери донеслось ее пение. Миссис Хиббердел покачала головой. Какой человек! Мудрено ли, что Юджин поддался соблазну! Ни один мужчина не устоял бы.

ГЛАВА XXV

Последствия этой сцены не замедлили сказаться. За обедом миссис Хиббердел объявила в присутствии Карлотты и Дэвиса, что собирается закрыть дом, и даже в очень скором времени. Они с Карлоттой поедут в Нарагансет на весь сентябрь и часть октября. Юджин, которого Карлотта успела предупредить, принял это известие с вежливым изумлением. Он очень сожалеет. Он провел в этом доме столько хороших дней. Миссис Хиббердел не могла быть уверенной, сказала ли ему что-нибудь Карлотта, — у него было такое невинное выражение лица, — но она все же предполагала, что дочь говорила с ним и что он, как и Карлотта, притворяется. Племяннику она еще раньше сообщила

о своем отъезде, не вдаваясь в объяснения. Симпсон догадывался о мотивах: от него не укрылось, что между Юджином и Карлоттой что-то происходит. Он не видел в этом большой беды, так как Карлотта была женщина светская, независимая и к тому же «славный малый». Она всегда хорошо к нему относилась. У него не было ни малейшего желания ставить ей палки в колеса. И Юджин ему нравился. Однажды в разговоре с Карлоттой он шутя сказал:

— Ну что ж, руки у него почти такие же длинные, как у Нормана,— хотя, возможно, не совсем.

— Иди ты к черту! — последовал учтивый ответ.

Вечером разразилась гроза, прекрасная, ослепительная летняя гроза. Юджин вышел на террасу полюбоваться ею. Пришла и Карлотта.

— Итак, мой волшебник,— сказала она под раскаты грома,— здесь все кончено. Но ты не унывай. Я с тобой буду видеться, куда бы ты ни уехал. Но как здесь было хорошо! Какое счастье было жить с тобой рядом! Только не вешай голову. Мама говорит, что напишет твоей жене, но я не думаю, чтобы она решилась это сделать. Если она будет уверена, что я веду себя паинькой, она этого не сделает. Придется как-нибудь обмануть ее. Но все это очень обидно. Я люблю тебя безумно, Джини!

Теперь, когда им грозила опасность расстаться, Юджин особенно восторгался Карлоттой. Он узнал ее так близко, наблюдал при столь различных обстоятельствах, что был без ума не только от ее красоты, но и от ее душевных качеств. Одна из слабостей Юджина заключалась в том, что он склонен был видеть в людях, которые ему нравились, гораздо больше достоинств, чем у них было в действительности. Он облакал их всей романтикой своих грез, наделял своими собственными душевными качествами. Этим он, конечно, льстил их тщеславию, пробуждал их веру в себя,— под его влиянием им начинало казаться, что они обладают такими силами и дарованиями, какие им раньше и не снились. Так было с Маргарет и Руби, с Анджелой и Кристиной, так было и с Карлоттой. Благодаря Юджину они вырастали в собственных глазах. И сейчас, глядя на Карлотту, он испытывал жгучую боль — это была такая спокойная, милая, такая умная и уверенная в себе жен-

щина. В эти тяжелые дни она была для него огромным утешением.

— Цирцея! — воскликнул он. — Как обидно! Как жаль! Мне так больно терять тебя.

— Ты и не потеряешь меня, — ответила она. — Об этом не может быть и речи. Я тебя не отпущу. Я тебя нашла, и теперь ты мой. Все это пустяки! Мы придумаем, где встречаться. Постарайся, если можешь, снять комнату в доме, где есть телефон. Когда ты собираешься переехать?

— Сейчас же, — ответил Юджин. — Я завтра утром отпущусь с работы и буду искать комнату.

— Бедный Юджин, — сочувственно сказала она. — Как это грустно. Но не горюй. Все уладится.

Карлотта по-прежнему отказывалась принимать в расчет Анджелу. Она полагала, что, если даже та и придет, — а Юджин говорил, что ждет ее скоро, — можно будет как-нибудь устроиться. Юджин будет немного и с нею, Карлоттой. Она не променяет его ни на кого на свете.

Уже к полудню следующего дня Юджин нашел себе комнату. Прожив в этой местности много времени, он заранее составил план, куда обратиться. Здесь была еще одна церковь, а кроме того, библиотека и почта, и тут же жил кассир железнодорожной станции. Юджин прежде всего отправился к начальнику почты и узнал, что поблизости живут две семьи, одна из них — гражданского инженера, где его, наверно, примут. Место было не такое живописное, но все же очень приятное, и комната была хорошая, и кормили недурно. Он предупредил хозяев, что, вероятно, вселяется к ним ненадолго, так как скоро к нему придет жена. Письма Анджелы становились все более и более настойчивыми.

Собрав свои вещи, Юджин почтительно распрощался. После его ухода миссис Хиббердел, конечно, передумала закрывать дом, а Карлотта вернулась в свою квартиру в Нью-Йорке. Она не только связалась с Юджином по телефону, но прислала ему письмо с посыльным, и на другой же день после его переселения они встретились в загородной гостинице. Она уже собиралась снять отдельную квартиру для их встреч, когда Юджин сообщил ей, что Анджела выехала в Нью-Йорк и сейчас ничего нельзя предпринимать.

Семь месяцев, которые прошли с момента их расставания в Билокси, были тоскливым временем для Анджелы. Она вконец измучилась от постоянных тревог, так как воображала, что Юджин страдает от одиночества, и глубоко сожалела, что вообще рассталась с ним. Она могла бы с таким же успехом быть при нем. Уже после его отъезда она сообразила, что могла занять несколько сот долларов у кого-нибудь из братьев, чтобы вместе с Юджином вести борьбу за восстановление его здоровья. Едва он уехал, как она стала думать, что сделала большую ошибку, отпустив мужа одного: ведь при его впечатлительности он мог еще кем-нибудь увлечься. Впрочем, он находился в таком состоянии, что, по ее мнению, не способен был думать ни о чем, кроме своего здоровья. К тому же его отношение к ней в последнее время говорило о сильной привязанности и, до некоторой степени, о зависимости от нее. Все его письма после отъезда были исключительно нежны, он жаловался на их вынужденную разлуку и высказывал надежду, что скоро они снова будут вместе. Его жалобы на одиночество вынудили ее наконец принять решение, и она написала ему, что приедет, хочет он этого или нет.

Ее приезд, в сущности, не вносил больших изменений в жизнь Юджина, если не считать того, что он опять внутренне охладил к ней, что у него был новый идеал и только одно желание — быть с Карлоттой. Ее богатство, туалеты, ее привычки к комфорту и роскоши, о какой Юджин раньше и мечтать не смел, беспечность, с какою она тратила деньги (поездки на автомобиле, шампанское и самые дорогие блюда воспринимались ею как обыденные вещи), — все это слепило и чаровало его. «Странно, — думал он, — что такая необыкновенная женщина могла полюбить меня». А наряду с этим ее пренебрежение предрассудками, ее презрение к условностям, ее жизненный опыт, интерес к литературе и искусству делали Карлотту полной противоположностью Анджеле, и она казалась Юджину исключительно сильной и яркой натурой. Ему хотелось быть свободным, чтобы полностью насладиться ее любовью.

Таково было положение, когда ясным сентябрьским субботним днем в Спирок приехала Анджела. Она очень стосковалась по Юджину. Измученная тревогой, она примчалась к нему, чтобы делить с ним его невзгоды, каковы бы они ни были. Она думала только о том,

что он болен, угнетен и одинок. Все его письма выражали печаль и безнадежность, так как он не осмеливался, конечно, писать о том, какое наслаждение давало ему общество Карлотты. Чтобы удержать жену в Блэквуде, он вынужден был притворяться, будто главным препятствием к ее приезду служит отсутствие денег. Мысль о том, что он тратит (а к моменту приезда Анджелы почти истратил) те триста долларов, которые принесла ему продажа картины, очень угнетала его. Его мучила совесть, и сильно мучила, но это забывалось при свидании с Карлоттой или при чтении писем от Анджелы.

«Я, право, не знаю, что со мной творится,— говорил он себе.— Наверно, я дурной человек. Хорошо еще, что никто не догадывается, какой я на самом деле».

Одна из особенностей Юджина, на которую следует тут же указать и которая поможет нам пролить свет на мотивы его поведения, заключалась в том, что в душе его шла непрестанная борьба, вызываемая особой способностью к анализу, вернее к самоанализу,— когда он словно сам себя выворачивал наизнанку, чтобы заглянуть в свою душу и разобраться в себе. Если ничто другое его не отвлекало, он то и дело приподымал завесу со своих тайных чувств и помышлений, как приподнимают крышку колодца, чтобы заглянуть в глубину. И то, что он видел там, было не особенно привлекательно и приводило его в немалое смущение: это был не тот безупречный, точный, как часы, механизм, на который можно было бы положиться во всех случаях жизни. Те нравственные качества, которые Юджин открывал в себе, ни в коей мере не соответствовали общепринятому идеалу мужчины. Наблюдения над людьми привели его к выводу, что нормальный человек честен, и если один отличается высокой нравственностью по самой своей натуре, то другим руководит чувство долга. А бывает, что эти добродетели, не говоря уже о многих других, сочетаются в одном. Таким, например, был отец Анджелы. Таким был, по-видимому, мосье Шарль. Близко зная Джерри Мэтьюза, Филиппа Шотмейера, Питера Мак-Хью и Джозефа Смайта, Юджин полагал, что все они люди очень порядочные и принципиальные в вопросах морали. И у них, конечно, бывают минуты искушения, но они, очевидно, умеют ему противостоять. Уильям Хейверфорд, начальник службы пути,

и Генри Литлбраун, начальник одного из участков этой гигантской железной дороги, производили на него впечатление людей, которые всегда верны долгу и законам общежития и которые непрерывно и тяжело трудятся,— иначе они не достигли бы своего теперешнего положения. Да и вся эта железнодорожная система, работу которой он имел возможность видеть со своего скромного наблюдательного поста, представлялась ему ярким примером того, насколько необходимы для человека чувство долга и твердость характера. Служащие железнодорожной компании не имели права болеть, они должны были являться на свои места точно, секунда в секунду, и честно исполнять свои обязанности, так как малейшее нарушение порядка грозило бедствием. Большинство этих людей — кондукторы, машинисты, кочегары, начальники участков — добились своих более чем скромных должностей в результате тяжелого многолетнего труда. Другие, более одаренные или более удачливые, становились начальниками дорог, главными инспекторами, директорами и их помощниками. И все они неуклонно карабкались вверх, последовательные в своем чувстве долга, неутомимые в своем усердии, точные, рассудительные. А он?

Юджин заглядывал в колодезь своей души и не видел ничего, кроме неверных, изменчивых течений. Там царил густой мрак. Ему, например, незнакомо чувство чести, говорил он себе, разве лишь в денежных вопросах,— почему он честен в денежных вопросах, он и сам не знал. Он не правдив. Он аморален. Любовь к красоте, которая ни на мгновение не покидала его, казалась ему важнее всего на свете, но выходило, что в погоне за нею он действовал наперекор веками установленному порядку. Он убедился, что люди, как правило, держатся невысокого мнения о человеке, который только и думает, что о женщинах. Над отдельной провинностью могут посмеяться, могут отнестись к ней с сочувственным снисхождением, даже найти ей оправдание, но с человеком, подпавшим полностью под власть этого порока, обычно просто не желают иметь дела. Один такой эпизод, привлекший к себе внимание Юджина, разыгрался совсем недавно в железнодорожном депо в Спионке. Работавший там механик бросил жену и ушел к какой-то красотке из Уайт-Плейнс, за что был немедленно уволен. Оказалось, между прочим, что это с ним не впер-

вые и что каждый раз его увольняли, но затем прощали. И эта единственная слабость создала ему дурную славу среди товарищей-железнодорожников — такую же, в сущности, какую мог заслужить, скажем, отпетый пьяница. Однажды в разговоре с Юджином Джон-Бочка дал довольно меткое определение этому человеку. «Эд Бауэрс,— сказал он,— готов отдать душу дьяволу за любую шкуру»,— последнее слово употреблялось в этих местах по отношению к дурным женщинам. Все, казалось, презирали Бауэрса, и сам он как будто презирал себя. Когда его восстановили на работе, у него был вид побитой собаки, а между тем если бы не эта слабость, он был бы на хорошем счету в депо. Теперь же все считали, что он человек пропащий.

На основании этого Юджин доказывал себе, что и он человек пропащий, что и ему несдобровать, если так будет продолжаться дальше. Этот порок был равносильным воровству и пьянству, против него восставал весь мир. Юджину даже казалось, что он часто идет рука об руку с воровством и пьянством и что все такие люди — «одного поля ягода». Вот и он предан этому пороку, и он не больше, чем Эд Бауэрс, способен побороть его в себе. Неважно, что женщины, которых он выбирал, исключительно красивые и обаятельны. Все равно он не должен их желать! У него жена. Он дал торжественный обет любить и лелеять ее, во всяком случае он прошел через этот обряд,— и вот извольте, волочитесь теперь за Карлоттой, как раньше волочился за Кристиной и Руби! И разве он не ищет постоянно именно таких женщин? Разумеется, ищет. Разве не лучше было бы, если б он добивался богатства, почета и честного имени, добродетели, стремился к нравственной непогрешимости? Конечно, лучше. Именно на этом пути ждут его, при его таланте, почет и успех, а он то и дело сворачивает в сторону. Единственным препятствием для него служит совесть, совесть, не подчиняющаяся велениям холодного себялюбия. «Позор!» — стыдил себя Юджин и упрекал в малодушии, в неспособности бороться с соблазном красоты. Вот какие мысли приходили ему в голову в минуты трезвого самоанализа.

Но двойственность природы Юджина заключалась в том, что он умел направлять прожектор своего ума и в другую сторону, словно гигантским белым лучом

прорезая и небеса и бездны. Тогда ему открывалось неисповедимое коварство и очевидная несправедливость природы. Он не мог не видеть, что большие рыбы пожирают маленьких, что сильные угнетают слабых, что вора́м, взяточникам и убийцам во многих случаях разрешается беспрепятственно паразитировать на теле общества. Далеко не всегда добродетель вознаграждается — обычно ей приходится очень туго. А порок, как мы видим, часто процветает, и еще вопрос, будет ли он когда-нибудь наказан. Карлотта, например, в это не верила. Она не считала свои отношения с Юджином греховными. Это еще вилами по воде писано, говорила она, кто прав, а кто виноват, и уверяла, что у него гипертрофия совести. «Я не считаю, что это дурно, — сказала она ему однажды, — многое, вероятно, зависит от того, какое человек получил воспитание». В обществе, очевидно, существует какая-то система, но, очевидно опять-таки, эта система себя не оправдывает. Только для глупцов сдерживающим началом служит религия, — ведь в ней все построено на плутовстве, вымогательстве и лжи. Честность — похвальное качество, но с ней в жизни далеко не уйдешь. Все кричат о нравственности, но большинство либо забывает о ней, либо просто ее игнорирует. Зачем же мучиться? Думай лучше о своем здоровье! Не поддавайся укорам совести! Так советовала Карлотта, и Юджин соглашался с нею. Других устраивает принцип выживания наиболее приспособленных — чего же ему изводить себя? Ведь он — талант!

Так Юджина бросало из стороны в сторону, и в таком-то настроении — погруженным в печальные мысли — нашла его Анджела, когда приехала в Ривервуд. Временами он забывался и делался очень весел, но он страшно исхудал, глаза у него ввалились, и Анджела вообразила, что до такого состояния его довели переутомление и душевная тревога. Зачем она оставила его одного? Бедный Юджин! Она отчаянно держалась за те деньги, которые он дал ей, и большую часть их привезла с собой, чтобы сейчас же истратить на него. Ее очень беспокоило его здоровье и душевное состояние, она сама готова была взяться за любую работу, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить его жизнь. Ей казалось, что судьба ужасно несправедлива к Юджину, и, когда в первую ночь он уснул рядом с нею, она долго лежала

без сна и плакала. Бедный Юджин! Подумать только, какие испытания посылает ему судьба. Но, как бы там ни было, где может, она избавит его от страданий. Она постарается создать ему уют и сделать его настолько счастливым, насколько это в ее силах. И Андже́ла тут же принялась подыскивать хорошую квартирку или две-три комнаты, где им было бы спокойно и где она могла бы сама для него готовить. Вероятно, без нее он плохо питался. Надо создать ему возможно лучшие условия, надо, чтобы он всегда видел ее сильной и бодрой, быть может, ему передастся частица ее мужества, и он начнет поправляться. И она энергично взялась за дело, не переставая в то же время любовно ухаживать за Юджином, так как была убеждена, что в этом он особенно нуждается. Андже́ла и не представляла себе, каким фарсом все это ему казалось. Каким негодяем он представлялся себе! А между тем ему вовсе не хотелось быть негодяем — разбить все ее иллюзии и бросить ее на произвол судьбы. Эта двойная жизнь была так мучительна! Он не мог не признавать, что Андже́ла во многих отношениях лучше Карлотты. Однако Карлотта обладала более широким кругозором, в ней было больше утонченности. Это была светская львица, королева — лукавая, убийственно расчетливая, но все же королева. А вот Андже́ла больше подходила под общепринятое определение «хорошей женщины» — честная, энергичная, предприимчивая, готовая во всем подчиниться традициям и условностям своего времени. Юджин знал, что общественное мнение было бы всецело на ее стороне, а Карлотту оно осудило бы, но все же его больше влекло к Карлотте. Ах, если б можно было сохранить и ту и другую! Вот было бы прекрасно! — думал Юджин.

ГЛАВА XXVI

Однако в действительности все обстояло далеко не так просто и мило, как хотелось бы Юджину. Андже́ла была бдительна до крайности, она по-прежнему стояла на страже долга и добропорядочности и как зеницу ока оберегала те привилегии и почести, которые по праву принадлежали ей как жене одаренного художника, правда временно потерявшего трудоспособность, но

все же человека с большим будущим. Она обманывала себя надеждой, что невзгоды, свалившиеся на голову Юджина, закалили его и развили его практические способности, научили заботиться о себе, возбудили в нем инстинкт самозащиты и бережливость. Хорошо, что он сумел прожить на такой небольшой заработок, думала она. Но она добьется большего, они будут делать сбережения. Она откажется от своей мечты о роскошной студии и приемах и, каков бы ни был их доход, немедленно начнет откладывать деньги, хотя бы немного, — пусть даже только десять центов в неделю. Если Юджин, трудясь каждый день, в состоянии заработать лишь девять долларов в неделю, — они будут жить на эти деньги. Юджин сказал ей, что у него осталось еще девяносто семь долларов из тех ста, которые он привез с собой, и их она решила немедленно положить в банк. Но он ни словом не обмолвился ни о проданной картине, ни о том, что промотал вырученные за нее деньги. Они будут класть в банк все, что принесет им продажа его картин в будущем, пока он опять не станет на ноги. В самое ближайшее время — как только у них заведутся деньги — они купят домик, чтобы не платить за квартиру. Часть их сбережений (очень незначительную) можно лишь в крайнем случае расходовать на одежду, но, вообще говоря, они к этим деньгам не будут прикасаться. Анджела и сейчас нуждалась кое в чем из платья, но решила, что с этим можно подождать. К девяноста семи долларам Юджина она прибавила те двести двадцать восемь, которые привезла с собой, и эта сумма в триста двадцать пять долларов была немедленно положена в Ривервудский банк.

Пустив в ход всю свою энергию и красноречие, Анджела нашла четыре комнатки в доме одного мебельного фабриканта. Тут раньше жила его дочь, вышедшая замуж, и владельцы готовы были сдать квартиру художнику с женой почти даром — в сравнении с ее действительной стоимостью, так как это был красивый особняк, стоявший на живописной лужайке. Хозяева спросили с них двенадцать долларов в месяц. Миссис Дизнес, жена фабриканта, была так очарована Анджелой, что распорядилась специально для нее переделать небольшую спальню во втором этаже с прилегавшей к ней ванной под кухню и поставить там газовую плиту. Анджела немедленно начала хозяйничать, приме-

няясь к своему скудному бюджету. Пришлось купить кое-что из мебели, так как квартира не была полностью обставлена, но Анджела порыскала по лавкам старьевщиков в Нью-Йорке, обошла все универсальные магазины, побывала на аукционах, и ей удалось дешево купить несколько вещей, подходящих к предоставленной им мебели — кровати, туалету и столам в гостиной и столовой. Занавески для окон в ванной и в кухне она сама накроила, вышила и повесила. Отправившись на склад, где хранились непроданные картины Юджина, которые он не сдал на комиссию, она привезла оттуда семь полотен и развесила их в гостиной и в столовой. Затем она занялась гардеробом Юджина, особенно его бельем и носками, и скоро привела в порядок весь его скудный запас платья и белья. Она покупала на местном рынке хорошие овощи и немного мяса и готовила превосходные жаркие, рагу и вкусные омлеты с мясным соусом, на французский лад. Все ее искусство хозяйки было пушено в ход, чтобы квартира имела красивый и опрятный вид, чтобы стол (при очень небольших расходах) был обилен и разнообразен, чтобы не только можно было жить на девять долларов в неделю, но еще откладывать доллар на текущий счет в банке. У нее была маленькая коричневая копилка в форме кувшинчика, рассчитанная на пятнадцать долларов мелочью и отсчитывавшаяся лишь тогда, когда кувшинчик наполнялся до краев, и Анджела добросовестно старалась опустить туда возможно больше монет. Она задалась целью восстановить положение мужа в обществе, — на этот раз прочно, — и твердо решила, что добьется своего.

С другой стороны, хорошенько поразмыслив, а также посоветовавшись кое с кем, Анджела пришла к заключению, что как для нее самой, так и для Юджина вредны половые излишества. Какая-то женщина — еще в Блэквуде — указала ей на случай прогрессивного паралича, явившийся результатом неводержанности; Анджела узнала также, что это влечет за собой и другие нервные заболевания. Возможно, что такая же история произошла и с Юджином. Она твердо решила спасти его от него самого. За себя она не беспокоилась, но у Юджина такая хрупкая и чувствительная натура.

Между тем Юджин горевал о потерянной свободе и болезненно переживал эту столь резкую перемену в своем образе жизни. Он видел, что Анджела всем

довольна — главным образом потому, что, как ей казалось, он проводит все дни благоправно, в тяжелом труде. Она и не подозревала о существовании Карлотты. В ее представлении они начинали новую трудовую жизнь, простую и идиллическую, стремясь к одной цели — к его, а следовательно, и ее, успеху.

Юджин был преисполнен всяческого уважения к такой программе, но лишь в теории, применительно к другим. Сам же он — художник, а жизнь художника не укладывается в обычные рамки человеческого поведения: он должен пользоваться интеллектуальной свободой, правом бывать где угодно и общаться с кем угодно. Для Юджина брачный договор был ненавистным ярмом, исключавшим всякую возможность наслаждаться жизнью, и вот теперь, после короткой передышки, когда он пользовался свободой, это ярмо снова тяжело ложится ему на шею. Растаяли, как дым, прекрасные мечты о счастье, недавно еще такие реальные, — надежда жить с Карлоттой, легко и свободно встречаться с нею в том мире, где она вращалась. Неколебимое убеждение Анджелы, что он будет работать каждый день и еженедельно приносить домой девять долларов (вернее, месячное жалованье из этого расчета), заставило его припрятать небольшую сумму, оставшуюся от трехсот долларов, с тем чтобы пополнять дефицит в зарплатке, который могли вызвать его отлучки из мастерской. У него уже не было возможности видаться с Карлоттой по вечерам, и для встреч с нею приходилось по нескольку раз в неделю отлучаться днем или утром. Он уходил из дому по обыкновению без четверти семь утра, в своем обычном городском костюме (во избежание расспросов он сказал Анджеле, что надевает рабочий костюм в мастерской), и потом либо шел, либо не шел в мастерскую. Неподалеку от нее он садился на трамвай, быстро доставлявший его в город, и там катался или гулял с Карлоттой. Оба они не переставали думать о том, что это сопряжено с риском, но тем не менее продолжали встречаться. Как назло — а может быть, и к счастью — Норман Уилсон вернулся из Чикаго, и Карлотта должна была рассчитывать каждый свой шаг. Но ее это мало беспокоило. Больше всего она доверяла автомобиле — она всегда могла нанять где-нибудь машину, которая увозила их из тех мест, где их могли увидеть.

Это была сложная жизнь, напряженная и опасная. В ней не было покоя, ибо нет покоя и счастья в обмане. Жгучая радость неизменно сменялась мучительным раскаянием. Все было против них — мать Карлотты, Норман Уилсон и Анджела, не говоря уже о собственной совести.

Известно, однако, что такое положение не может длиться долго. Оно порочно в самом своем существовании. Нам кажется, что если мы скрываем свои поступки, то они скрыты и от людских глаз и тем самым как бы не существуют, — но это неверно. Они неотъемлемая часть нас самих и, вопреки всем нашим уловкам, рано или поздно выступают наружу. Как тут не согласиться с учением браминов о психическом теле, которое все видит и само видимо даже тогда, когда, как нам кажется, все окутано густым мраком. Нет никакой другой гипотезы, которой можно было бы объяснить явление интуиции. А между тем интуиция свойственна очень многим людям, и они часто ссылаются на свою уверенность в чем-либо, хотя сами не могут сказать, откуда она у них.

Анджела обладала такой интуицией во всем, что касалось Юджина. Под влиянием своей любви к нему она терзалась смутными страхами задолго до того, как что-нибудь случалось. Все время разлуки с ним ее неотступно преследовала мысль, что ей надо было бы находиться подле него. А теперь, когда они были вместе, когда прошло первое возбуждение, вызванное встречей и устройством новой жизни, она почуяла что-то недоброе. Юджина как будто подменили. Он был совсем не тот, каким она помнила его последнее время перед разлукой. Все его отношение к ней, несмотря на внешние проявления любви, говорило об отчужденности и озабоченности. Юджин ничего не умел скрывать. Временами, особенно когда они оставались вдвоем, он погружался в свои мысли. Ему было скучно, его томила любовная тоска, ибо Карлотта, занятая теперь семейными делами, уже не могла так часто видаться с ним. К тому же с приближением осени ему все больше и больше надоедала мастерская. Из-за сырой погоды и легких заморозков приходилось закрывать все окна, и это существенно меняло картину: пропадала та атмосфера романтичности, которая так очаровала Юджина, когда он впервые пришел сюда. Он не мог уже отправляться по вечерам

на прогулку вдоль берега ручья, чтобы очутиться в объятиях Карлотты. Утратило для него всю прелесть новизны и общение с Джоном-Бочкой, Джозефом Мьюзом, Малаки Демси и коротышкой Садзом. Юджин начинал понимать, что эти люди — в сущности самые обыкновенные рабочие, которых возмущает, что им платят не более пятнадцати или семнадцати с половиной центов в час, которые завидуют друг другу и тем, кто занимает более высокое положение, — короче говоря, что они наделены всеми присущими человеку слабостями.

Появление Юджина в мастерской вначале послужило для них некоторым развлечением, но теперь в его странностях не было уже ничего нового. Они тоже начинали видеть в нем самого обыкновенного человека. Правда, он был художник, но его поступки и стремления не так уж отличались от поступков и стремлений простых смертных.

Работа в такой мастерской, как и во всяком другом предприятии, где люди в силу обстоятельств вынуждены трудиться бок о бок и в хорошую и в плохую погоду, когда им весело и когда грустно, легко может стать — и действительно часто становится — сущим адом. Человеческая натура — это тонкий механизм, реагирующий на малейшее раздражение и редко действующий согласно разумом. Она не столько подчинена правилам этики и законам логики, сколько настроениям и темпераменту. Юджину, с его наблюдательностью, нетрудно было заметить, что рабочие приходили в мастерскую, волоча за собой груз домашних неприятностей, скрытых неспособностей и всяческих невзгод, но они считали, что причиной всех их горестей является не их собственное состояние, а то, что творится вокруг. Сердитый взгляд вызывал сердитый взгляд, на грубый вопрос следовал грубый ответ. Иногда между отдельными рабочими устанавливались неприязненные отношения только из-за того, что кто-то давным-давно сделал какое-то резкое замечание. Юджину казалось, что, создавая атмосферу веселости и неизменного — хотя бы и притворного — благодушия, он как бы способствовал смягчению и умиротворению их нравов. Но это было лишь относительно верно. Его веселость порой так же раздражала тех, кто не был весело настроен, как его выводила из себя их грубость. Поэтому у него возникло

сильное желание скорее поправиться и уйти из мастерской или по крайней мере переменить работу, так как здесь он уже не ожидал для себя ничего хорошего. Его присутствие всем приелось. Его способность развлекать людей, его обаяние точно исчезли.

Все это делало положение Юджина, не говоря уже о неусыпном надзоре Анджелы, достаточно неприятным. Но судьбе было угодно, чтобы оно стало еще хуже. Наблюдая за Юджином и стараясь разгадать его настроение, Анджела стала что-то подозревать, что именно, она сама не знала. Он уже не любил ее, как раньше. В его ласках ощущался какой-то холодок, которого не было, когда он расставался с нею. Что случилось? — спрашивала она себя. Объясняется ли это разлукой или, может быть, чем-то другим? Однажды, когда он вернулся, проведя день в обществе Карлотты, и, здороваясь с Анджелой, обнял ее, она серьезно спросила:

— Ты действительно любишь меня, котик?

— Ты ведь знаешь, что люблю,— сказал он, но это прозвучало неубедительно, так как он не испытывал к ней никакого чувства. От прежнего пыла и следа не осталось; было лишь сочувствие к Анджеле, жалость и какая-то обида за нее,— вот что она получает за все свои жертвы!

— Нет, не любишь,— ответила она, уловив в его тоне неискренность. Голос ее прозвучал печально, а в глазах выразилось безысходное отчаяние, в которое она так легко впадала.

— Да ты что, Ангелочек, конечно, люблю! — настаивал он.— Почему ты вдруг спрашиваешь? Что случилось?

Он испугался: уж не прослышала ли она о чем-нибудь, не видела ли чего, не это ли скрывается за ее вопросом?

— Ничего не случилось,— ответила она.— Только ты меня не любишь. Я не знаю, в чем дело. Я ничего не могу объяснить. Но я это чувствую — вот здесь,— добавила она, приложив руку к сердцу.

Жест был искренний, естественный, какой-то совсем детский. Юджину стало больно.

— Полно, полно! Не говори так,— взмолился он.— Ты знаешь, что я тебя люблю. Зачем эти мрачные мы-

сли! Я тебя люблю,— разве ты не чувствуешь? — И он поцеловал ее.

— Нет, нет,— твердила Анджела.— Ты меня не любишь. О боже мой! Если б ты только знал, до чего мне больно!

Юджин опасался, как бы за этим не последовала обычная истерика, но этого не случилось. Анджела поборола себя, так как у нее не было серьезных оснований подозревать его, и принялась хлопотать об обеде. Настроение ее, однако, продолжало оставаться угнетенным, и Юджин тревожился. Что, если она когда-нибудь узнает?

Проходили дни. Карлотта изредка звонила Юджину в мастерскую, так как там, где он жил, не было телефона, а если бы даже и был, она не рискнула бы звонить домой. Она посылала ему заказные письма «до востребования» на имя Генри Кингсленда в Спionке. Никто не знал там Юджина, и он без труда получал эти послания, обычно составленные в очень осторожных выражениях и говорившие о ближайшем свидании. В них давались самые туманные и таинственные указания места встречи, понятные только ему. Так, например, Карлотта писала: «Если я не приеду в четверг в два часа, тогда в пятницу в то же время, а если не в пятницу, то в субботу. В случае невозможности выехать дам знать срочным заказным письмом». Так оно и шло.

Однажды около полудня Юджин пошел в Спionк на почту узнать, нет ли ему письма, так как накануне Карлотта не могла с ним встретиться и передала по телефону, что напишет. Он получил письмо и, пробежав глазами заключавшиеся в нем несколько слов, хотел было по обыкновению разорвать его и выбросить. Однако обращение: «О Джини!» и подпись «Испепеленная роза» так живо напомнили ему его любовницу, что ему жалко было расстаться с письмом. Он решил оставить его у себя еще на некоторое время — хотя бы на несколько часов. Ведь даже попадись оно кому-нибудь на глаза, все равно никто ничего не поймет. «Мост. В среду. Два». Речь шла о мосте через реку Гарлем близ Морис-Хайтс. Юджин пришел на свидание, как было указано, но по роковой случайности забыл о письме и вспомнил только, когда уже входил к себе в дом. Вынув письмо из кармана, он быстро разорвал его на

несколько частей и, сунув обрывки в жилетный карман, пошел наверх, намереваясь выбросить их при первой возможности.

Между тем Андже́ла, впервые за все время их пребывания в Ривервуде, решила часов около шести пойти по направлению к мастерской, чтобы встретить Юджина, когда он будет возвращаться. Она столько раз слышала от него о том, как красива река и какое наслаждение утром и вечером идти по берегу. Ему так нравилось любоваться зеркальной гладью воды и нависшими над ней деревьями. Андже́ла уже несколько раз гуляла с ним там по воскресеньям. В этот вечер она думала о том, каким это будет для него приятным сюрпризом; прежде чем выйти из дому, она все приготовила, и Юджину не придется долго дожидаться ужина. Непода́леку от мастерской она услышала гудок и, притаившись за кустами, окаймлявшими дорогу со стороны реки, стала ждать, с намерением выскочить и испугать Юджина, как только он покажется. Но Юджин не шел.

Человек сорок или пятьдесят рабочих прошли мимо нее, подобные цепочке черных муравьев, и так как Юджин все не показывался, Андже́ла направилась к воротам, которые Джозеф Мьюз, исполнявший после гудка обязанности привратника, уже собирался запереть.

— Скажите, мистер Витла здесь? — спросила Андже́ла, глядя на него через решетку. Юджин так точно описал ей Джозефа, что она сразу узнала его.

— Нет, мэ́м, — отвечал Джозеф, пораженный этим видением, так как красивые женщины не часто появлялись у ворот мастерской. — Он ушел уже часа четыре или пять тому назад. Если я не ошибаюсь, еще в час дня. Сегодня он не работал с нами. Он был занят на дворе.

— А вы не знаете, куда он пошел? — спросила Андже́ла, изумленная этой новостью. Юджин не говорил ей, что собирается куда-то. Где же он мог быть?

— Нет, мэ́м, не знаю, — с готовностью ответил Джозеф. — Он нередко так уходит, — довольно часто, мэ́м. Жена звонит ему по телефону... э-э... не вы ли будете его жена?

— Да, я, — сказала Андже́ла, уже не думая о том, что говорит. Юджин часто уходит? Она первый раз об этом слышит! Жена звонит ему по телефону! Неужели опять какая-то женщина! В этот миг в Андже́ле пробу-

дились все ее былые подозрения, ревность, страхи, и она стала спрашивать себя, как она раньше не догадывалась. Ну, конечно, этим и объясняется равнодушие Юджина! Этим и объясняется его рассеянный вид. Он думал не о ней, негодяй! Он думал о ком-то другом! Все же нельзя знать,— ведь у нее нет никаких доказательств. С помощью двух-трех дипломатично заданных вопросов она выяснила, что никто в мастерской не видел его жены. Просто он куда-то уходил. И какая-то женщина звонила ему по телефону...

Анджела направилась домой, теряясь в догадках. Юджина еще не было,— он часто запаздывал, объясняя это тем, что задержался по дороге, чтобы полюбоваться рекой. Это было вполне естественно для художника. Анджела поднялась наверх, сняла соломенную шляпу с большими полями и повесила ее в шкаф, а затем направилась в кухню дожидаться возвращения мужа. Опыт совместной жизни с ним и знание своего собственного характера привели ее к решению на этот раз схитрить. Она подождет, пока он сам не заговорит, она сделает вид, будто не выходила из дому. Она спросит его, много ли он работал в этот день, чтобы убедиться, скажет ли он ей о своей отлучке с фабрики. Тогда ей станет ясно, как он проводит время, обманывает ее или нет.

Юджин поднялся по лестнице в отличном расположении духа, но озабоченный мыслью о том, что нужно выбросить обрывки письма. Однако случая для этого ему не представилось, так как Анджела встретила его при входе.

— У тебя был сегодня тяжелый день? — спросила она, мысленно отметив, что сам он ничего не говорит о своей отлучке с работы.

— Нет, не особенно. А разве у меня усталый вид?

— Нет,— ответила она с затаенной горечью. Ей хотелось убедиться, насколько изощренно и обдуманно он будет лгать.

— Я просто боялась, что ты много работал. Ты сегодня тоже останавливался по дороге полюбоваться рекой?

— Да,— без запинки отвечал Юджин.— Там очень хорошо. Никогда не надоедает смотреть. Особенно теперь, когда лучи солнца падают на желтеющие листья. Это напоминает витражи в окнах храма.

Услышав это, Анджела чуть не закричала: «Зачем ты лжешь, Юджин?» — так как характер у нее был вспыльчивый и временами она совершенно теряла самообладание. Но она сдержалась. Ей хотелось выведать побольше. Как это сделать, она еще не знала, но время поможет — надо только выждать. Юджин направился в ванную, поздравляя себя с тем, что так легко отделался и избежал долгих расспросов. Но мысль о клочках письма, все еще лежавших в жилетном кармане, вытеснила из его памяти это минутное чувство успокоения, — впрочем, не надолго. Он повесил пиджак и жилет на крючок и направился в спальню за чистым воротничком и галстуком. Пока он находился там, Анджела проскользнула в ванную. Она всегда уделяла много внимания платью Юджина, чистила, гладила, чинила, но сегодня ею руководили другие мотивы. Она быстро обшарила все его карманы и обнаружила обрывки письма: тогда она сняла пиджак и жилет с вешалки, будто бы для того, чтобы вычистить на них какие-то пятна. В этот момент Юджин спохватился. Он поспешно вышел из спальни, но письмо было уже в руках у Анджелы, и она с любопытством рассматривала его.

— Что это такое? — спросила Анджела, вся насто-рожившись; она учуяла в этих клочках новое доказа-тельство измены мужа. Зачем было Юджину хранить в кармане разорванное письмо? В последнее время ее не покидало предчувствие беды. Все в муже казалось ей подозрительным. И вот теперь правда выплывала на-ружу.

— Ничего, — сказал он, слегка нервничая. — Какая-то записка. Брось ее в корзину.

От Анджелы не укрылось что-то странное в его го-лосе и поведении. Ее поразил его виноватый взгляд. Что-то тут неладно! Его беспокоят эти бумажки. Мо-жет быть, в них ответ на мучившую ее загадку? Воз-можно, в них имя той женщины? У нее мелькнула мысль сложить эти клочки, но она тут же решила, что надо проявить полное спокойствие. Так будет лучше. Нужно потерпеть сейчас, чтобы больше разузнать по-том. Она кинула бумажки в корзину, решив позднее, на досуге, сложить их. Юджин заметил, что она колеблет-ся и словно что-то заподозрила. Он испугался, — ведь она может что-то предпринять? — но что?.. Когда об-рывки бумаги полетели в корзину, он вздохнул с облег-

чением, но не успокоился. Если бы можно было сжечь их! Он считал мало вероятным, что Анджела вздумает их складывать, но ему было страшно. Он все что угодно отдал бы сейчас, лишь бы этого не случилось, и ругал себя за глупейшую сентиментальность, которая завела его в такую ловушку.

ГЛАВА XXVII

Анджела не стала терять ни минуты. Едва Юджин прошел в ванную, она быстро схватила обрывки, кинула на их место другие, похожие, и начала собирать письмо, разложив его на гладильной доске. Это не представляло большой трудности, так как клочки были крупные. На одном, треугольном, обрывке она прочла: «О Джини!», на другом «мост», а на третьем — «роза». Достаточно было взгляда, чтобы убедиться, что это любовная записка, и все ее нервы напряглись от сознания важности сделанного ею открытия. Значит, у Юджина кто-то есть? Не этим ли объясняется его холодность, его притворная ласковость? Не потому ли он не хотел, чтобы она приезжала? Боже мой, неужели конца не будет ее пыткам? С белым, как мел, лицом, судорожно сжимая в руках предательские клочки бумаги, она быстро прошла в гостиную и снова занялась письмом, решив довести дело до конца. На это не потребовалось много времени. В минуту письмо было сложено, и тогда Анджела прочла все. Любовное послание! От какой-то развратной твари! Ну, конечно. За всем этим крылась какая-то таинственная женщина. «Испепеленная роза»! Будь она проклята, эта искусительница, эта воровка чужой любви, эта сирена, притягивающая, завлекающая мужчин взглядом своих змеиных глаз. А Юджин! Пес! Негодяй! Подлый трус! Изменник! Неужели же он вовсе лишен всякой порядочности, душевной доброты и чувства благодарности? Так поступить с ней в награду за все ее долготерпение, за все страдания и жертвы. Писать, что он болен и одинок, что он не может предложить ей приехать, и в то же время волочиться за другой! «Испепеленная роза»! Будь она трижды проклята! Пусть господь поразит ее смертью за то, что она так бесстыдно, так бессовестно похитила священную собственность другой женщины!

Анджела в отчаянии ломала руки. Она была вне себя. В ее красивой головке теснились ярость, ненависть, зависть, горе, обида и звериная жажда мести. О, если бы она могла добраться до нее! Если бы она могла бросить Юджину в лицо все, что она о нем думает! Если бы она могла застать их вместе и убить обоих! С каким наслаждением она закатила бы пощечину этой шлюхе! Она вырвала бы ей все волосы, она выцарапала бы ей глаза! Что-то в Анджеле напоминало дикую кошку, когда при мысли о той в глазах ее вспыхивало неукротимое бешенство. Очутись она лицом к лицу с Карлоттой, она способна была бы попытать ее каленым железом, вырвать у нее язык, исхлестать ее так, чтобы на ней живого места не осталось. Она превратилась в тигрицу, глаза ее горели, алые губы были влажны. Она убьет ее! Убьет! Видит бог, она убила бы ее, если бы могла найти, а заодно и Юджина и себя! Да, да, убила бы! Лучше смерть, чем такая мука! В тысячу раз лучше умереть, лежать мертвой рядом с трупами этой подлой женщины и обманщика-мужа, чем так страдать! Она не заслужила этого. За что бог посылает ей такие испытания? Почему она должна ежечасно исходить кровью из-за своей жертвенной любви? Разве не была она преданной женой? Разве не принесла она на алтарь любви нежность, долготерпение, забвение себя, самопожертвование и добродетель? Чего еще может бог требовать от нее? Чего еще может желать мужчина? Разве не заботилась она о Юджине, и о здоровом и о больном? Она отказывала себе в платьях, она лишила себя общества, она целых семь месяцев проторчала в Блэквуде, пока он здесь растрачивал свое здоровье и время на любовь и разврат. Так-то она вознаграждена! И в Чикаго, и в Теннесси, и в Миссисипи — разве не ухаживала она за ним, разве не просиживала с ним ночи, не ходила с ним по комнате, когда он нервничал, не утешала его, когда им овладевал страх перед нищетой и крушением его карьеры? И вот после бесконечных месяцев терпеливого ожидания она снова страдает, снова покинута. О непостижимая жестокость мужского сердца! Подумать только, что человек может быть таким подлым, таким неблагодарным! Подумать только, что черноглазый Юджин с его мягкими волосами и обаятельной улыбкой оказался изменником, хитрецом, негодяем! Неужели он действительно такой, как это видно по

письму? Возможно ли, что он так жесток, так эгоистичен? Не сон ли это? Ах, боже мой, нет, это не сон! Это мучительная, горькая действительность... И виновник всех ее страданий сидит в ванной и спокойно бреется!

На мгновение у нее мелькнула мысль пойти к Юджину и дать ему пощечину. Ей казалось, что она могла бы вырвать его сердце, зарезать его живьем. Но едва она представила себе Юджина, залитого кровью, мертвого, как ужаснулась своим мыслям. Нет, нет! Этого она не сделает! О нет! Только не его.. Но все же... все же..

«Господи, добраться бы мне до этой женщины! — думала она.— Я убью ее! Убью!»

Буря бешенства и возмущения еще клокотала в ее груди, когда в ванной щелкнула ручка двери и Юджин вышел оттуда в брюках, ботинках и в нижней сорочке, чтобы взять чистую рубашку. Он все еще сильно нервничал из-за письма, обрывки которого были брошены в корзину, но, заглянув в кухню и убедившись, что они лежат на месте, немного успокоился. Анджелы в кухне не было. Как только он узнает, где она, он вернется и заберет эти обрывки. Он направился в спальню, но по пути заглянул в гостиную. Анджела стояла у окна и, по-видимому, дожидалась его. Возможно, в конце концов, что она вовсе не так подозрительна. Всему виною его воображение. Он слишком нервничает, слишком сильно реагирует на всякие пустяки. Ну вот, если удастся, он сейчас соберет обрывки и выбросит их. Лучше, чтоб они не попадались Анджеле на глаза. Он проскользнул на кухню, быстро схватил горстку бумажек, швырнул за окно, и они разлетелись в воздухе. У него сразу отлегло от сердца. Теперь уж он никогда не принесет домой ни одного письма, можете быть уверены! Очень уж ему не везет.

Когда в ванной щелкнула дверная ручка, это сразу отрезвило Анджелу. Злоба душила ее, сердце учащенно билось, все ее существо было потрясено до основания, и, однако, она понимала, что ей нужно время. Прежде всего она должна разузнать, кто эта женщина. Нужно найти ее. Юджин ничего не должен подозревать. Где она сейчас? Что это за мост? Где они встречаются? Где она живет? Почему, спрашивала себя Анджела, не может она постичь этого усилием ума? Почему ее не оза-

рит догадка, не посетит чудесное откровение? Если б только знать!

Через несколько минут Юджин вошел в столовую, чисто выбритый, с улыбкой на лице. Его душевное и умственное равновесие было почти восстановлено. Письма нет. Анджеला никогда не узнает о нем. Она могла что-то подозревать, но грозившая ему вспышка ревности пресечена в корне. Он подошел к ней, чтобы обнять ее, но она быстро увернулась под предлогом, что ей нужно пойти за сахаром. Он не настаивал на своей попытке быть ласковым — вольному воля! — и, усевшись за маленький столик, накрытый белоснежной скатертью и уставленный аппетитными блюдами, стал дожидаться Анджели. День выдался очень хорошии — было начало октября, — Юджин любовался игрою лучей заходящего солнца на желтых и красных листьях. Дворик был очарователен. Маленькая квартирка, несмотря на бедность ее обитателей, выглядела так уютно! На Анджеле было изящное домашнее платье — коричневое с зеленым. Его прикрывал темно-синий передничек. Она была очень бледна и как-то рассеянна, но Юджин сначала даже не заметил этого, такое он чувствовал облегчение.

— Ты очень устала, Анджеला? — участливо спросил он наконец.

— Да, — ответила она. — Я что-то нездорова сегодня.

— Что ты делала? Гладила?

— Да. Гладила и убирала. Сегодня занялась буфетом.

— Тебе не следовало бы так много делать сразу, — продолжал он. — Ты недостаточно крепка. Работаешь, как ломовая лошадь, а сил у тебя не больше, чем у жеребенка. Зачем ты так утомляешь себя?

— Да я и не буду, когда все приведу в порядок, — ответила она.

Она отчаянно боролась с собой, чтобы скрыть свои настоящие чувства. Никогда еще не терпела она такой нравственной пытки. Когда-то в нью-йоркской студии, обнаружив те письма, она думала, что сильно страдает, но разве могло это сравниться с тем, что она переживала сейчас? Что значила по сравнению с этим ее ревность к Фриде? Что значили ее одиночество и тоска в Блэквуде, горе и тревоги, вызванные его болезнью? Ничего, ровно ничего. Вот это действительно измена.

Теперь у нее в руках все улики. Эта особа где-то здесь, совсем близко. Он обманывал ее, Анджелу, после стольких лет супружеской жизни, когда они делили вместе и горе и радость. Возможно, что он встречался с этой женщиной даже сегодня, вчера, позавчера. На письме не было числа. Неужели это родственница миссис Хиббердел? Юджин как-то упоминал, что у нее есть замужняя дочь, но никогда не говорил, что она живет в Ривервуде. Но если бы она жила у миссис Хиббердел, зачем бы он стал переезжать? Нет, тогда он не переехал бы. Может быть, это его последняя квартирная хозяйка? Нет, та чересчур проста. Анджела видела ее. Юджин не мог бы увлечься ею. Только бы узнать кто! «Испепеленная роза»! Красные круги поплыли у нее перед глазами. Но не имело смысла поднимать сейчас бурю. Лучше сохранить спокойствие. Если бы она могла хоть поделиться с кем-нибудь, поговорить со священником или с близкой подругой! Можно обратиться в сыскное агентство. Там помогут. Сыщик легко выследит эту парочку. Сделать так? Но это стоит денег, а они сейчас очень бедны. Ха! С какой стати будет она тревожиться из-за того, что они бедны, чинить и перешивать платья, отказывать себе в шляпке, в приличной обуви — чтобы он растрачивал себя и свое время на какую-то бесстыжую девку? Будь у него деньги, он тратил бы их на нее. Хотя, правда, он отдал ей, Анджеле, почти все, что привез с собой в Нью-Йорк. Чем это объяснить?

Пока Анджела предавалась этим размышлениям, Юджин сидел против нее и ел с большим аппетитом. Если бы история с письмом не разрешилась так благополучно, ему было бы не до еды. Но сейчас у него было легко на душе. Анджела сказала, что не голодна и есть не будет. Она пододвигала ему хлеб, масло, картофельную запеканку и чай, и он с удовольствием пил и закусывал.

— Я все думаю о том, как бы развязаться с этой мастерской, — дружелюбно сказал он, прерывая тягостное молчание.

— Почему? — машинально спросила Анджела.

— Наскучило мне там. Товарищи по работе меня больше не интересуют. Надоели они мне. Я думаю, что мистер Хейверфорд переведет меня, если я ему напишу. Он обещал. Я предпочел бы работать с какой-нибудь

артелью на открытом воздухе. Когда фабрику законопатят на зиму, там будет страшно тоскливо.

— Что ж, пожалуй, это лучше, если тебе там надоело. Я знаю, у тебя уж такой характер, тебе нужна перемена обстановки. Почему же ты не напишешь мистеру Хейверфорду?

— Я напишу, — ответил он.

Однако он не стал этим заниматься. Он прошел в гостиную и зажег газовый рожок, почитал газету, потом книгу, потом его сморила усталость, и он начал зевать. Немного спустя вошла Анджела, бледная и измученная. Она принесла рабочую корзинку с носками, нуждавшимися в штопке, и приступила к работе, но мысль, что она делает это для Юджина, была ей нестерпима. Она отложила носки в сторону и принялась за юбку, которую шила для себя. Юджин некоторое время следил за нею сонным взглядом, изучая и соразмеряя глазом художника линии ее лица. «У нее очень правильные черты», — решил он. А затем обратил внимание на игру света в ее волосах — это придавало им своеобразный отлив — и подумал, удалось ли бы ему передать это масляными красками. Писать при искусственном освещении труднее, чем при дневном. Тени — чрезвычайно коварная штука. Наконец он встал.

— Ну, пора на боковую, — сказал он. — Устал что-то. А завтра вставать в шесть. Эта поденная работа мне осточертела. Хоть бы она уж кончилась!

Анджела не решалась заговорить, она еще недостаточно владела собой. У нее так наболело в душе, что казалось, она закричит, если только откроет рот. Юджин направился к двери, бросив на ходу: «Ты скоро?» Она молча кивнула. Когда он вышел, словно плотину прорвало, — слезы хлынули жгучим потоком. Она плакала не столько от горя, сколько от ярости и сознания своего бессилия. Она убежала на балкончик и там рыдала в одиночестве, а вокруг нее задумчиво мерцали ночные огни. После первой вспышки горя сердце ее окаменело и слезы иссякли, так как не в ее характере было зря проливать слезы, когда ею владело бешенство. Она вытерла глаза, и на ее мертвенно-бледном лице снова застыло отчаяние.

«Пес, негодяй, злодей, зверь!» — пронеслось у нее в голове. Как могла она полюбить его? Как может она любить его сейчас? О, сколько в жизни ужаса, неспра-

ведливости, жестокости, позора! Подумать только, что ей суждено быть втопанной в грязь вместе с таким человеком! Какая обида! Какой срам! Если это и есть так называемое искусство, то пропади оно пропадом! Но как бы она ни ненавидела Юджина, как бы ни ненавидела эту распутницу, эту «испепеленную розу», она все же любила его. Тут она была беспомощна. Это было сильнее ее. О, какая мука сгорать одновременно на двух кострах! Почему бог не пошлет ей смерти? Как хорошо было бы умереть!

ГЛАВА XXVIII

Муки, причиняемые любовью, по праву могут называться муками ада. После описанного случая Анджела непрестанно следила за Юджином, потихоньку кралась за ним по берегу реки и даже не стеснялась бежать следом, как только он удалялся шагов на восемьдесят от дома. Она сторожила у Ривервудского моста и в час дня и в шесть часов вечера, ожидая, что, быть может, когда-нибудь Юджин и его любовница встретятся там. Но, по счастью, Карлотте понадобилось дней на десять уехать с мужем из Нью-Йорка, и Юджину не грозила никакая опасность. Раза два, стосковавшись по прежней жизни, он съездил в Нью-Йорк — побродить по наиболее оживленным улицам, где Анджела, которая отправлялась за ним, немедленно теряла его след. Он, однако, ничего предосудительного не делал, а только ходил по улицам, раздумывая о том, где-то сейчас Мириэм Финч, Кристина Чэннинг и Норма Уитмор, помнят ли они его и чем объясняют его исчезновение. Из всех своих старых знакомых он лишь однажды видел Норму Уитмор, вскоре после возвращения в Нью-Йорк. Он напел ей что-то весьма невразумительное о своей болезни, сказал, что намерен приступить к работе, и выразил желание навестить ее. Но в общем Юджин старался избегать таких встреч, боясь, что ему придется объяснять, почему он не может работать. Мириэм Финч даже слегка злорадовствовалась по поводу крушения его карьеры; она не могла простить ему небрежного, как ей казалось, отношения к ней. Кристина Чэннинг, как узнал Юджин, пела в оперном театре,— он как-то прочел в газете объявление, где ее имя было напечатано крупным шриф-

том. В ноябре она должна была выступать в «Богеме» и в «Риголетто». Кристина стала настоящей оперной дивой, которая заботилась только о своих сценических успехах.

В одном Юджину посчастливилось — ему удалось переменить работу. Как-то, придя в мастерскую, он увидел там новое лицо. Это был десятник Тимоти Диган, ирландец; под его началом находилось человек двадцать поденщиков-итальянцев, которых он называл не иначе, как «морские свинки». Юджину он сразу понравился. Диган был среднего роста, коренастый, с толстой шеей и веселым румяным лицом; у него были пронизательные, хитрые серые глазки, жесткие, коротко остриженные седые волосы и щетинистые усы. Его прислали в Спионк поставить в машинном отделении фундамент под динамо-машину, которая должна была питать фабрику энергией на случай ночных работ. Следом за ним прибыл вагон с инструментом, досками, тачками, лотками для известкового раствора, кирками и лопатами. Юджина рассмешил и поразил повелительный и грубый тон его приказаний.

— Ну-ка, живее, Мэтт! Пошевеливайся, Джимми! Тащи лопаты! Тащи кирки! — доносились его окрики. — Песку давайте сюда! Щебню! А где же цемент? Где цемент, я вас спрашиваю? Мне нужен цемент, черт возьми! Чем вы все заняты, хотел бы я знать? А ну-ка, поживее! Давайте его сюда!

— Вот кто умеет командовать, — заметил Юджин стоявшему рядом Джону-Бочке.

— Еще бы, — ответил тот.

Едва начались окрики, Юджин мысленно обозвал ирландца «хамом». Немного спустя, однако, он заметил в глазах Дигана лукавый огонек; тот стоял на пороге и с вызывающим видом поглядывал по сторонам. Во взгляде его не было и намек на злобу; начальственный пыл вызывался лишь срочностью работы — этим объяснялась его видимая самоуверенность и напористость.

— Ну и фрукт же вы! — сказал ему немного погодя Юджин и расхохотался.

— Ха! Ха! Ха! — передразнил его Диган. — Поработайте, как работают мои люди, а тогда и смейтесь.

— Я не над ними смеюсь, а над вами, — ответил Юджин.

— Ну и смейтесь! — сказал Диган. — А мне, думаете, не смешно на вас смотреть?

Юджин снова расхохотался. Ирландец решил, что это и в самом деле смешно, и тоже расхохотался. Юджин похлопал его по могучей спине, и они сразу стали друзьями. Дигану потребовалось не много времени, чтобы выведать у Джона-Бочки, как Юджин попал сюда и что делает.

— Художник? — воскликнул он. — Тогда ему полезнее быть на свежем воздухе, чем сидеть тут взаперти. И хватает же нахальства у парня — еще смеется надо мной.

— По-моему, он и сам предпочел бы свежий воздух.

— Пусть тогда идет ко мне. Он славно поработал бы с моими морскими свинками. Покряхтел бы так несколько месяцев, небось, сразу стал бы человеком, — и он указал рукой на Анджело Эспозито, месившего лопатой глину.

Джон-Бочка счел своим долгом передать эти слова Юджину. Он не думал, чтобы Юджину улыбалось работать с «морскими свинками», но с Диганом они, пожалуй, споятся. Юджин увидел в этом счастливый случай. Диган ему нравился.

— Не согласитесь ли вы принять к себе на работу художника, который нуждается в поправлении здоровья? — шутливым тоном спросил Юджин. Вероятнее всего, Диган откажет ему, но это не имело значения. Почему не попытаться!

— Отчего же!

— И мне придется работать вместе с итальянцами?

— Найдется для вас достаточно работы и без кирки и лопаты — разве что сами захотите. Ясно, что это не работа для белого человека.

— А они кто, по-вашему, Диган? Разве не белые?

— Ну, ясно, нет.

— А кто же они в таком случае? Ведь и не черные?

— Да уж известно, черномазые.

— Так это же не негры.

— Ну и не белые, черт возьми! Стоит только посмотреть на них, каждый скажет.

Юджин улыбнулся. Он сразу оценил, какой чисто ирландской невозмутимостью должен обладать этот человек, чтобы искренне прийти к такому заключению. И порождено оно вовсе не злобой. Диган и не думает

презирать этих итальянцев. Он любит своих рабочих,— но все же они для него не белые. Он не знает в точности, кто они, но только не белые. Несколько секунд спустя он уже снова командовал: «Подымай выше! Подымай выше! Опускай! Опускай!» — и, казалось, горел одним желанием — выжать последние силы из этих горемык, тогда как на самом деле работа была вовсе не такая уж тяжелая. Выкрикивая свои приказания, он даже не смотрел на рабочих, да и они мало обращали на него внимания. Время от времени среди его окриков слышалось: «А ну-ка, Мэтт», сказанное таким мягким тоном, какого нельзя было и ожидать от него. Юджину все стало ясно. Он «раскусил» Дигана.

— Если вы не против, я попрошу, пожалуй, мистера Хейверфорда перевести меня к вам,— сказал он к концу дня, когда Диган стал стягивать с себя рабочий комбинезон, а итальянцы принялись укладывать инструменты и материал.

— Ясно,— сказал Диган, на которого имя всемогущего Хейверфорда произвело должное впечатление. Если Юджин надеется добиться перевода через посредство такого замечательного и недостижимого лица, то он, должно быть, и сам необыкновенный человек.— Валите ко мне. Я с удовольствием приму вас. Достаточно, если вы будете заполнять мои требования и накладные, присматривать за рабочими в мое отсутствие и... э-э... одним словом, работы хватит.

Юджин улыбнулся. Перспектива была заманчивая. Джон-Бочка еще утром рассказал ему, что Диган разъезжает взад и вперед по всему пути между Пикскиллом (на главной линии), Чэтемом, Маунт-Киско (на боковой ветке) и Нью-Йорком. Он прокладывал дренажные трубы, возводил кирпичные фундаменты, строил колодцы, угольные ямы и даже небольшие здания,— все, что угодно, все, что только можно было требовать от способного каменщика-десятника,— и был вполне доволен и счастлив своей работой. Юджин имел возможность лично убедиться в этом. Дигана окружала здоровая атмосфера. Он действовал как укрепляющее лекарство, и его живительная сила передавалась больному, измученному интеллигенту.

В этот вечер, возвращаясь домой к Анджеле, Юджин думал о том, как забавна и романтична будет его новая работа. Эта перемена была ему по душе. Ему хо-

телось рассказать Анджеле про Дигана — посмешить ее. Увы! Его ждал совершенно не располагающий к этому прием.

Дело в том, что Анджела, все еще находясь под впечатлением своего недавнего открытия, не в состоянии была больше владеть собой. Если до сих пор она покорно выслушивала измышления Юджина, зная, что все это ложь, то, наконец, терпение ее иссякло. Слежка ни к чему не привела, а перемена места работы должна была только затруднить ее наблюдения. Кто теперь уследит за Юджином, когда он и сам не будет знать, куда и когда его пошлют? Он будет работать то здесь, то там, — где придется. Соображения собственной безопасности вместе с чувством вины заставили Юджина быть особенно внимательным к Анджеле во всем, что не требовало от него больших усилий. Когда он давал себе труд подумать, он испытывал стыд, жгучий стыд. Подобно пьянице, он находился всецело во власти своей слабости — так, пожалуй, можно было бы наилучшим образом охарактеризовать его поведение. Он ласково обнимал Анджелу, так как при виде ее осунувшегося лица боялся, что она вот-вот заболит. Ему представлялось, что она страдает от тревоги за него, от переутомления или от какого-то надвигающегося недуга.

Несмотря на то, что Юджин изменял Анджеле, он чувствовал к ней глубокое сострадание. Он по достоинству ценил ее превосходные качества — честность, бережливость, преданную и самоотверженную любовь. Ему жаль было ее мечты о простом, бесхитростном счастье с ним, так мало совместимом с его стремлением к свободе. Он знал, что о той любви, которой она от него требовала, не могло быть и речи — и все же временами сожалел об этом, очень сожалел. Иногда он незаметно наблюдал за Анджелой, восхищаясь ее красивой фигуркой, удивляясь ее трудолюбию, терпению, той бодрости, с какой она переносила лишения и невзгоды, и искренне огорчался, что судьба не отнеслась к ней милостивее и не послала ей другого мужа.

Все это привело к тому, что Юджину невыносимо было видеть страдания Анджелы. Когда она казалась ему больной, его неудержимо тянуло к ней. Ему хотелось спросить, как она себя чувствует, ободрить ее теплым словом и лаской, которые — он знал это — так много значили для нее. В этот вечер он обратил внима-

ние на ее застывшее, измученное лицо и не удержался от настойчивых расспросов.

— Что с тобой творится в последнее время? У тебя такой утомленный вид. Ты нездорова? У тебя что-нибудь болит?

— Да нет, ничего,— устало ответила она.

— Но ведь я вижу, что это не так,— настаивал он.— Не может быть, чтобы ты себя хорошо чувствовала. Что у тебя болит? Ты на себя не похожа. Почему ты не хочешь мне сказать, дорогая? Что с тобой?

Именно потому, что Анджела упорно молчала, он решил, что все дело в физическом недомогании. Душевные страдания она не умела долго скрывать.

— Разве тебя это интересует? — осторожно спросила Анджела, нарушая добровольно взятый на себя обет молчания. Она думала о том, что Юджин и эта женщина (кто бы она ни была) в заговоре против нее, что они решили известить ее, и им это удастся. В ее голосе, который за минуту до того выражал усталую покорность судьбе, зазвучала плохо скрытая жалоба и обида, и Юджин заметил это. Еще раньше, чем она успела что-нибудь добавить, он спросил:

— А почему бы мне не интересоваться и почему ты так говоришь? Что еще стряслось?

Анджела, в сущности, не собиралась продолжать. Ответ вырвался у нее неволью — очень уж сочувственный был у него тон. Да, жалость к ней у него осталась. И это только усиливало ее душевную боль и гнев. Но больше всего расстроили ее эти, последние, расспросы.

— Что тебе за дело до меня? — со слезами спросила она.— Ведь я тебе не нужна. Ты меня не любишь. Ты только делаешь вид, что жалеешь меня, когда я чуть хуже выгляжу,— вот и все. А любить ты меня не любишь. Если бы можно было, ты бы с удовольствием от меня избавился. Это так ясно.

— Что с тобой! Что ты говоришь? — воскликнул он, пораженный.

Неужели она что-нибудь узнала? Так ли уж бесследно прошел инцидент с разорванным письмом? Может быть, ей кто-нибудь рассказал про Карлотту? Он сразу растерялся, но все же решил играть свою роль до конца.

— Ты знаешь, что я тебя люблю,— сказал он.— Как ты можешь так говорить?

— Нет, не любишь. И знаешь, что не любишь! — вспыхнула она. — Зачем эта ложь? Ты меня не любишь! Не тронь меня! Не подходи ко мне близко! Как мне опротивело твое лицемерие! О!

Она выпрямилась и сжала руки так, что ногти вонзились в ладони. При первых ее словах Юджин успокаивающим жестом положил ей руку на плечо, и Анджеला невольно от него отшатнулась. Он отступил, удивленный, встревоженный, чуть обиженный. С ее яростью было легче справиться, чем с ее горем, хотя, по правде говоря, его тяготило и то и другое.

— Да что с тобой? — спросил он с невинным видом. — Что я еще такое сделал?

— Ты лучше спросил бы, чего ты не сделал! Ты — пест! Ты — трус! — разразилась Анджеला. — Заставить меня сидеть в Блэквуде, пока ты здесь волоочился за какой-то бесстыжей женщиной! Не отрицай! Не смей отрицать! — это было сказано в ответ на протестующее движение Юджина. — Я все знаю! Я знаю больше, чем хотела бы знать! Я знаю, как ты себя вел, знаю все твои проделки. Ты тут путался с какой-то низкой, подлой, мерзкой тварью, а я сидела в Блэквуде и изнывала от тоски — вот что ты делал! «Дорогая Анджеला», «Дорогой Ангелочек», «Моя мадонна»! Ха-ха! А как ты ее называл, интересно знать? Лживый, лицемерный трус! Какие прозвища у тебя для нее, лицемер, животное, лжец? Я знаю твои дела! О, я хорошо их знаю! Зачем только я родилась на свет? Зачем? Зачем?

Голос ее сорвался. Юджин стоял как громом пораженный, он потерял всякую способность соображать. Он не знал, что сказать, что делать. Он совершенно не представлял себе, на чем она строит свои обвинения. Очевидно, ей известно гораздо больше, чем содержалось в той записке, которую он разорвал. Записки она не видела, в этом он был уверен, а впрочем, может быть, и видела? Уж не вынула ли она из корзинки обрывки письма, пока он был в ванной, а потом снова бросила их туда? Вполне возможно. В тот вечер она очень скверно выглядела. Что она знает? От кого она получила эти сведения? От миссис Хиббердел? От Карлотты? Быть не может! Уж не виделась ли она с ней? Но где? Когда?

— Ты сама не знаешь, что говоришь, — вяло протянул он, главным образом чтобы выиграть время. — Ты

совсем с ума сошла! Что тебе взбрело на ум, хотел бы я знать! Ничего подобного не было!

— Да неужели? — накинулась на него Андже́ла.— Ты, значит, не встречался с нею у мостов, в загородных гостиницах, в трамвае? Лжец! Ты не называл ее «испепеленной розой», «речной нимфой», «божеством»? — Андже́ла сама придумывала эпитеты и места их свиданий.— Ты, должно быть, давал ей те же ласковые прозвища, что и Кристине Чэннинг? Ей это, наверное, нравилось, этой подлой потаскухе! А ты, ты все время меня обманывал, притворялся, будто жалеешь меня, будто ты одинок, огорчен, что я не могу приехать! Очень тебе нужно было знать, как я жила, о чем думала, как страдала! О, до чего же я ненавижу тебя, подлый трус! Ненавижу ее! Как я была бы рада, если б с вами случилось что-нибудь ужасное! Только бы мне добраться до нее, я убила бы ее, убила бы вас обоих, а потом себя! Убила бы! О, если бы мне умереть! Если б я только могла умереть!

По мере того как Андже́ла говорила, Юджину открывалась вся глубина его падения. Он видел, как жестоко оскорбил ее, какой подлостью представлялись ей его измены. Да, скверная это штука — бегать за другими женщинами. Это всегда кончается вот такой бурей, и приходится выслушивать самые ужасные оскорбления, даже не имея права возражать. Он слышал, что подобные истории случались с другими, но никогда не думал, что это может случиться с ним. А хуже всего было то, что он действительно виноват и заслужил ее упреки,— это унижало его в собственных глазах, унижало и его и ее, поскольку ей приходилось вести с ним такую борьбу. Зачем он это делал? Зачем ставил ее в такое положение? Это убивало его гордость, то чувство, без которого человек не решается смотреть в лицо окружающим. Зачем он позволяет себе впутываться в такие истории? Разве он действительно любит Карлотту? Так ли сильна в нем жажда наслаждений, чтобы из-за нее переносить подобные оскорбления? Какая гадкая сцена! И чем она кончится? Все его нервы были напряжены, голову словно тисками сдавило. Если бы он мог побороть в себе тяготение к другим женщинам и оставаться верным Андже́ле,— но какой ужасной казалась ему эта мысль! Ограничить свои желания одной Андже́лой? Нет, это невозможно! Все это проносилось у него в голове, пока

он стоял и ждал, чтобы буря немного утихла. Страшная пытка, но даже она не могла привести его к полному раскаянию.

— Что пользы устраивать такие сцены, Анджела? — мрачно произнес он, выслушав ее до конца. — Во все это не так ужасно, как тебе кажется. И я не лжец и не пес. Ты, по-видимому, прочла письмо, которое я кинул в корзину. Когда же это ты успела?

Его мучил вопрос, что она знает. Что она намерена предпринять по отношению к нему и к Карлотте? К чему она, собственно, ведет?

— Когда я успела? Какое это имеет значение? Какое право ты имеешь меня спрашивать? Где эта женщина, вот что я хочу знать. Я хочу найти ее! Хочу посмотреть ей в глаза! Хочу сказать ей в лицо, что она гнусная тварь! Я ей покажу, как красть чужих мужей! Я ее убью! Убью! И тебя убью! Слышишь? Убью тебя!

Она двинулась на него с вызовом в пылающих глазах. Юджин был поражен. Он еще никогда не видел женщины в таком бешенстве. В этом было что-то ошеломляющее, что-то прекрасное, что-то напоминающее сильную грозу и сверкание молний. Анджела, оказывается, способна метать громы. Он этого не знал. Это поднимало ее в его глазах, придавало ей новое очарование, так как сила всегда прекрасна, в чем бы она ни выражалась. Анджела была такая маленькая, но такая суровая, решительная. Он увидел ее с совершенно новой стороны и невольно залюбовался ею, хотя и был уязвлен ее оскорблениями.

— Нет, нет, Анджела, — сказал он мягко, движимый искренним желанием облегчить ее горе. — Ты на это не способна. Ты не могла бы.

— Нет, могла бы! Могла бы! — воскликнула она. — Я убью и ее и тебя!

Но тут гнев ее достиг своей высшей точки и наступил перелом. Теплота и сочувствие в обращении Юджина переполнили чашу. Терпеливое молчание, с которым он выслушивал ее упреки, искреннее сожаление, что он не может или не хочет ничего с этим поделать (она читала это на его лице), та непосредственность, с какой он, вопреки всему, продолжал верить, что она любит его, — все это было выше ее сил. Она с таким же успехом могла бы пробить лбом каменную стену. Она может

убить его и эту женщину, кто бы она ни была, но этим не изменит его отношения к ней. А между тем ей только это и нужно. Душераздирающие рыдания вырвались у нее из груди, сотрясая все ее тело, как тростинку. Она уронила руки на кухонный стол, припала к ним головой и, упав на колени, рыдала, рыдала без конца. Юджин растерянно стоял над ней и думал о том, что это он разрушил ее мечту. Как это ужасно! Она права, он — лжец, он — пес, он — негодяй. Бедная маленькая Андже́ла! Но все равно, сделанного не воротишь. Чем он может помочь ей? Можно ли вообще чем-нибудь помочь в таких случаях? Нет, конечно. Она сражена горем, сердце ее разбито. На земле нет исцеления от этого. Священники отпускают грехи тем, кто преступил закон, но кто исцелит раны сердца?

— Андже́ла,— ласково окликнул он ее.— Андже́ла! Прости. Не плачь, Андже́ла, не надо плакать.

Но она не слышала его. Она ничего не слышала. В безысходном отчаянии она продолжала судорожно рыдать, и ее изящная, хрупкая фигурка, казалось, вот-вот сломится под тяжестью горя.

ГЛАВА XXIX

Но на этот раз Юджин не дал чувству жалости увлечь себя. При подобных обстоятельствах у мужчины всегда есть возможность заключить в объятия жертву своей жестокости, нашептывая ей участливые или покаянные слова. Другое дело — истинная доброта и раскаяние, которые влекут за собою исправление. Но для этого требуется полное бескорыстие и умение закрыть глаза на зло, причиняемое тебе. Юджин не принадлежал к числу тех, кого может исправить зрелище чьих-то страданий. Он глубоко сочувствовал Андже́ле. Он остро переживал вместе с ней ее горе, но не настолько, чтобы отрешиться от своего, как ему казалось, законного права наслаждаться всем прекрасным. Что плохого, спрашивал он себя, в том, что он тайно обменивался ласковыми взглядами и нежными излияниями с Карлоттой или с какой-нибудь другой женщиной, которая нравилась ему и которой нравился он? Неужели такая близость — в самом деле зло? Он не тратил на Карлотту

денег, принадлежащих по праву Анджеле, — разве что какие-то гроши. Он не помышлял о женитьбе на ней, и она не рассчитывала выйти за него замуж — да это и невозможно было бы. Он только хотел наслаждаться ее обществом. Какое же зло причинял он этим Анджеле? Ровно никакого — если бы она ничего не узнала. Другое дело, когда она знает, — это, конечно, очень печально и для нее и для него. Но если бы роли переменялись и Анджела вела себя так, как он по отношению к ней, это его несколько не огорчало бы. Рассуждая таким образом, Юджин одно упускал из виду: что он не любил Анджелу, а она любила его. Такие доводы напоминают кружение белки в колесе. Да это собственно и не доводы. Это анархия чувств и ощущений. Здесь не видно желания найти какой-то выход.

Сцены повторялись, за первым припадком бешенства и горя последовали другие, но уже менее сильные. Проявление всякого чувства только однажды достигает своей высшей точки. Далее это уже лишь отголоски затихающего грома, сверканье зарниц. Анджела обличала Юджина во всех его недостатках и дурных наклонностях, а он только смотрел на нее своим мрачным взглядом и время от времени вставлял: «Да ничего подобного! Ты знаешь, что я вовсе не такой уж дурной человек». Или: «Зачем ты меня оскорбляешь? Ведь это все неправда». Или: «Зачем ты так говоришь?»

— А затем, что это так, и ты знаешь, что это так! — отвечала Анджела.

— Послушай, Анджела, — сказал ей как-то Юджин, стараясь воздействовать на нее логикой, — какой тебе смысл так меня унижать? Ну что толку, что ты бранишь меня всякими словами? Ты хочешь, чтобы я тебя любил, да? Ведь все дело в этом? Ничего другого тебе не нужно? Но разве ты заставишь любить себя тем, что будешь оскорблять меня? Если я не могу любить — значит, не могу. Зачем же эти ссоры?

Анджела слушала его с поникшей головой; она понимала, что ее ярость бесполезна или почти бесполезна. Он в выгодном положении. Она любит его. В этом все несчастье. И подумать только, что никакие слезы, никакие мольбы, никакой гнев не помогут ей! Его может вернуть к ней только чувство, в котором он не волен. В этом крылась горькая правда, которую Анджела, хоть и смутно, начинала сознавать.

Сидя с опущенными на колени руками, бледная, осунувшаяся, она сказала ему однажды, глядя в пол:

— Не знаю, что и делать! Может быть, мне лучше уйти от тебя. Если б только не мои родные! Для них брак — святыня. Они по натуре своей постоянные и порядочные люди. Вероятно, человек должен родиться на свет с такими качествами — приобрести их нельзя. Для этого его нужно совершенно переделать.

Юджин прекрасно знал, что она не уйдет от него. Прозвучавшая в ее последних словах высокомерная нотка, — правда, невольная, — вызвала у него улыбку. Подумать только — ему предлагают взять за образец родных Анджелы!

— Но только куда девать себя, не знаю, — продолжала она. — К своим в Блэквуд я не могу вернуться. Я не хочу там жить. Делать я ничего не умею, разве что детей обучать, но об этом мне и думать не хочется. Если б я могла научиться хотя бы стенографии или счетоводству.

Она говорила так, раздумывая вслух, обращаясь больше к себе, чем к нему. Она действительно не знала, как быть.

Юджин слушал, опустив голову; ему тяжело было думать, что Анджела окажется выброшенной из своего дома, что ей придется работать где-нибудь конторщицей или секретаршей. Он вовсе не хотел обрекать ее на такую жизнь. Он предпочел бы, чтоб она осталась с ним, конечно, на приемлемых для него условиях, — ведь водится же так у мормонов¹. Какое одиночество ждет Анджелу, если она уйдет от него! Нет, это не для нее. Не для нее, домовитой и заботливой жены, черствый мир дельцов и торгашей. Ему хотелось бы уверить ее, что в дальнейшем у нее не будет поводов для таких огорчений, уверить искренне, — но с таким же успехом больной мог бы взяться за труд, доступный только человеку здоровому и сильному. У Юджина путались мысли, и только одно он знал ясно — если он попытается поступить как должно, ему это, возможно, и удастся, но сам он будет несчастлив. И он предпочитал не принимать никаких решений, полагаясь во всем на волю судьбы.

Как Юджин задумал, так и получилось. Он действительно перешел под начало Дигана и, работая с ним,

¹ Секта, проповедующая многоженство.

пережил много любопытного. Когда Диган заявил ему в свое время, что готов взять его к себе, Юджин написал Хейверфорду почтительное письмо, в котором просил перевести его на другую работу, и немедленно получил ответ, что его желание удовлетворено. Хейверфорд сохранил о Юджине самое лучшее воспоминание. Осведомляясь о здоровье мистера Витла, он выражал надежду, что тот находится на пути к выздоровлению. Начальник строительного отдела как раз запрашивал о дельном помощнике для Дигана, у которого были вечные недоразумения из-за отчетности, и Хейверфорд считал молодого художника вполне подходящим кандидатом для этой должности. В результате Диган получил приказ принять к себе на работу Юджина, а Юджину, согласно другому распоряжению за подписью начальника строительного отдела, было предложено явиться к Дигану. Юджин застал его за постройкой угольной ямы под зданием железнодорожного депо в Фордс-Сентре. Диган, по обыкновению, метал громы и молнии, но Юджина он встретил широкой, довольной улыбкой.

— А! Вот и вы! Ну что ж, как раз вовремя. Я сейчас же направляю вас в контору.

Юджин рассмеялся.

— Ясно,— сказал он.

Диган стоял в только что вырытом котловане; от его одежды пахло свежей землей. В руках у него были отвес и ватерпас. Отложив их в сторону, он прошел с Юджином к станционному перекрытию, вытащил из кармана старого серого пиджака грязное, измятое письмо, осторожно развернул его толстыми, заскорузлыми пальцами и с возмущенным видом поднял в вытянутой руке.

— Поезжайте в Вудлон,— приказал он,— разыщите для меня болты, их там должен быть целый бочонок. Распишитесь в получении и вышлите мне их сюда. Потом отправляйтесь в контору и отвезите им эту накладную.— Он снова стал шарить в карманах и достал еще одну измятую бумажку.— Вот еще канитель! — воскликнул он, глядя на нее с возмущением.— С ума они там все посходили, что ли! Вечно пристают ко мне с этими накладными. Можно, черт возьми, подумать, что я их украсть собираюсь! Что, я их слопаю? Накладные, накладные! С утра до вечера накладные! Кому это нужно? Этакая ерунда!

Лицо его еще больше побагровело и выражало возмущение. Юджину стало ясно, что Диган чем-то нарушил железнодорожные правила и получил за это взбучку, или же, как говорят дорожники, ему «хвост накрутили». Он был крайне возмущен и бушевал во весь размах своего ирландского темперамента.

— Ладно,— сказал Юджин.— Все будет в порядке. Предоставьте это мне.

Диган начал понемногу успокаиваться. Наконец-то у него толковый помощник. Расставаясь с Юджином, он не преминул, однако, метнуть в свое начальство последнюю молнию.

— Вы им там скажите, что я распишусь за болты только тогда, когда получу их, и ни в коем случае не раньше! — прогудел он.

Юджин рассмеялся. Он заранее знал, что не станет передавать слов Дигана, но рад был дать ему возможность отвести душу. С большим рвением приступил он к новой работе, довольный возможностью быть на воздухе, наслаждаться сиянием солнца и совершать короткие поездки взад и вперед по всей дороге. Это было восхитительно. Теперь дело пойдет на поправку, он был уверен в этом.

Юджин поехал в Вудлон и расписался в получении болтов. Затем он зашел в контору и познакомился с управляющим, которому лично передал накладную, и тот объяснил ему, в чем главное затруднение Дигана. Оказалось, что нужно ежемесячно заполнять до двадцати пяти отчетных бланков, не говоря уже о бесконечных накладных, на которых надо расписываться при получении материалов. Будь то целая секция мостовой фермы, или один болт, или фунт замазки,— все равно нужно было расписываться в получении. Достаточно было уметь настрочить отчет о своей работе, чтобы снискать расположение управляющего конторой. (Что работа производилась надлежащим образом, это разумелось само собой.) И вот эти-то отчеты никак не давались Дигану, несмотря на то, что в составлении их ему порою помогали и жена и все трое детей — мальчик и две девочки. Он постоянно попадал в беду.

— Боже ты мой! — воскликнул управляющий конторой, когда Юджин сказал ему, что, по мнению Дигана, болты могли преспокойно лежать на станции, пока они ему не понадобятся, а тогда он и расписался бы в их

получении.— Вот так так! — он даже за голову схватился от огорчения.— Пусть они лежат там, пока ему не понадобятся — слышали? Ну, а как мне быть с моей отчетностью? Я-то должен иметь эти накладные! Вы скажите Дигану, что он обязан это понимать, он не первый день работает на железной дороге. Передайте ему от моего имени категорическое требование расписываться на соответствующем бланке за все, что ему выдано, как только его уведомят, что материал для него выписан. Я настаиваю на этом без всяких оговорок. Чтобы немедленно являлся за материалом. Обладеть можно! И пусть берется за ум, пока не поздно, не то ему несдобровать! Я больше не стану этого терпеть. Уж вы помогите ему. Ведь с меня-то требуют отчет.

Юджин сказал, что поможет Дигану. Это была работа как раз по нему. Он чувствовал, что будет ему полезен. Он снимет с него часть забот.

Время шло. Стало холоднее, и хотя сначала новые обязанности казались Юджину интересными, постепенно, как это всегда бывает, они начали ему надоедать. Приятно было, конечно, в хорошую погоду стоять под деревьями у источника или ручейка, где прокладывался мостик или строился колодезь, питавший соседнюю водокачку, и любоваться окружающим пейзажем. Но когда похолодало, все это потеряло свою прелесть. Диган по-прежнему оставался интересным объектом для изучения. Этот человек не переставал со всеми препираться. Вся его неутомимая, хотя и ограниченная узкими рамками деятельность проходила среди досок, тачек, щебня, цемента и состояла лишь в стройке — без той радости, которую дает пользование плодами своих усилий. Едва успев достроить и отделать что-нибудь, Диган со своими рабочими переключивался в другое место, где им снова предстояло рыть и копать. Глядя на развороченную землю, на кучи желтоватой глины, на чумазых итальянцев (достаточно чистых душою, но выпачканных в земле и скрюченных от работы), Юджин размышлял о том, долго ли еще он сможет это выдержать. Подумать только, что он, именно он, должен работать здесь с Диганом и с его «морскими свинками»! Временами он чувствовал себя всеми покинутым, до ужаса одиноким и несчастным. Он тосковал по Карлотте, тосковал по студии художника, по благоустроенной, культурной жизни. Судьба обошлась с ним несправедливо,

но он бессилен; он не обладает способностью «делать деньги».

Приблизительно в это время Дигану была поручена постройка довольно большого четырехэтажного здания для мастерской, в двести футов по фасаду и столько же в глубину. Диган получил эту работу главным образом потому, что благодаря Юджину все узнали, какой он работник. Юджин быстро и точно составлял все его отчеты и докладные записки, и начальство строительного участка, наконец, оценило своего десятника по заслугам. Диган был в восторге от этого нового ответственного поручения, предвкушая возможность отличиться.

— Как только мы начнем строить этот домик, Юджин, мой мальчик, для нас наступят славные деньки! — восклицал он. — Это вам не дренажная труба и не угольная яма! Вот подождите, пусть явятся каменщики, тогда вы кое-что увидите.

Юджин был очень доволен, что их работа заслужила такое признание, но для него в ней, конечно, не было никакого будущего. Он чувствовал себя одиноким и грустил.

Кроме того, Анджеला не переставала жаловаться, — и совершенно справедливо, — что слишком уж тяжела их жизнь. Для чего все это, что это ей даст? Сам он, вероятно, поправит свое здоровье и к нему вернется дарование, — пережитая встряска и перемена образа жизни, по-видимому, действительно вели к тому, — а что будет с нею? Юджин ее не любит. Если он снова станет на ноги, то, очевидно, лишь для того, чтобы бросить ее. В лучшем случае он даст ей средства и положение в обществе, — но разве это ее утешит? Ей нужна любовь, его любовь. А этого не было, или, вернее, была лишь тень любви. После недавней памятной сцены Юджин решил не выказывать Анджеле чувств, которых он к ней не питал, и это еще ухудшило их отношения. Анджеला верила, что он по-своему привязан к ней, но эта привязанность шла от рассудка, а не от сердца. Ему было жаль ее. Жаль! Как ненавистна была ей мысль о жалости! Если он ничего больше не способен ей дать, то что же, кроме горя, принесет ей будущее?

Как ни странно, подозрительность Анджелы в этот период до такой степени обострила все ее чувства и восприятия, что она почти безошибочно могла сказать, — не имея на то никаких данных, — что вот сейчас

Юджин у Карлотты или возвращается от нее. Когда он вечерами приходил домой, что-то в его поведении (не говоря уж об излучаемых мозгом волнах, которые передавались от него Анджеле, когда он бывал у Карлотты) мгновенно подсказывало ей, где он был и что делал. Она иногда спрашивала его об этом, и он небрежно отвечал: «Да так, ездил в Уайт-Плейнс». Или «Был в Скарборо». Но почти каждый раз, когда он на самом деле был с Карлоттой, она вся вспыхивала и кричала:

— Ну конечно! Знаю я, где ты был! Ты опять виделся с этой подлой тварью! О, господь еще покарает ее! И тебе тоже не миновать наказания! погоди, увидишь!

При этом слезы ручьем лились у нее из глаз, и она жестоко кляла его.

Юджин испытывал чуть ли не священный ужас перед этими необъяснимыми доказательствами ее всеведения. Он не понимал, как могла Анджела знать или хотя бы с такой уверенностью подозревать что-то. Он до известной степени увлекался спиритуалистическими теориями и учениями о подсознательном мышлении. Он верил в существование у человека некоего подсознательного «я», которое обладает способностью воспринимать окружающее и передавать свои впечатления дальше, и предполагал, что сознанию Анджелы сигналы эти передаются в виде смутных страхов и подозрений. Но если все непостижимые силы природы ополчились на него, то как может он продолжать подобный образ жизни, да еще и наслаждаться им? Очевидно, так нельзя. Он будет когда-нибудь жестоко наказан за это. Его страшила мысль, что существует какой-то закон возмездия, воздающий злом за зло. Правда, немало преступлений и пороков остается ненаказанными, но многое, надо полагать, сурово карается, доказательством чего могут служить такие явления, как самоубийство, преждевременная смерть и потеря рассудка. Так ли это? Неужели избежать расплаты за грехи можно, только воздерживаясь от них? Юджин много размышлял над этим.

Что касается возврата к материальной обеспеченности, то дело это было отнюдь не легкое. За несколько лет Юджин так отошел от искусства, от журналов, редакций, выставок, художественных магазинов и галерей, что ему представлялось почти невозможным снова вер-

нуться туда. Вдобавок, он сомневался в своих силах. У него накопилось много набросков — типы рабочих и улицы в Спионке, Диган с его артелью, Карлотта, Анджела, но он знал, что все это вещи невысокого качества, что в них недостает той мощи, той выразительности, какими когда-то отличались его работы. Придется, думал он, сначала испробовать силы на журнальном поприще, если только удастся завязать отношения в этом мире, — поработать в каком-нибудь захудалом журнальчике, пока не почувствуешь себя способным на что-то большее. Но у него не было уверенности, что для него найдется даже такая работа. Серьезный душевный надлом вселил в Юджина страх перед жизнью, внушил ему потребность в моральной поддержке такой женщины, как Карлотта, или даже в еще более надежной и крепкой опоре, и предстоящие поиски работы пугали его. Обязанности, которые он выполнял сейчас, не оставляли ему ни одной свободной минуты. Но он понимал, что с этой жизнью надо покончить. Он устало думал обо всем этом, поглощенный желанием добиться чего-то лучшего, и в конце концов все-таки набрался смелости и распростился с железной дорогой, обеспечив себе сначала другую работу.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНИЙ. *Перевод М. Волосова*

Книга первая	5
Книга вторая	218

Теодор ДРАЙЗЕР

Собрание сочинений
в двенадцати томах

Том VI

Редактор тома
Н. Г. Цветкова

Оформление художника
Ю. А. Боярского

Технический редактор
В. Н. Веселовская

ИБ 1217

Сдано в набор 09.10.85. Подписано к печати 17.01.86.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 23,94. Уч.-изд. л. 25,22. Усл. кр.-отт. 26,46.
Тираж 750 000 экз. Изд. № 11. Заказ № 1654.
Цена 2 р. 50 к.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 70685